

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина**

**БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛОГ – 2011.
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**Сборник избранных научных трудов
международной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов**

г. Белгород, 15-16 апреля 2011 г.

Белгород 2011

Сборник избранных научных трудов студентов, магистрантов и аспирантов, составленный по итогам работы III международной научной конференции «Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории», прошедшей 15-16 апреля 2011 г. на историческом факультете Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Оргкомитет конференции:

проректор по методической работе и качеству образования НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, профессор *Шатохин Иван Тихонович*;
декан исторического факультета НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент *Папков Андрей Игоревич*;
декан исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина,
доктор исторических наук, профессор *Посохов Сергей Иванович*;
заместитель декана по научной работе
исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина,
кандидат исторических наук, доцент *Иващенко Виктория Юрьевна*;
заместитель декана по учебной работе
исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина,
кандидат исторических наук, доцент *Куликов Владимир Александрович*;
заведующий кафедрой российской и всеобщей истории НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор *Болгов Николай Николаевич*

Рецензенты:

профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета
доктор исторических наук В.В. Пенской
доцент кафедры социологии Белгородского
государственного технологического университета им. В.Г. Шухова,
кандидат исторических наук О.А. Смоленская

Редакционная коллегия:

С.Н. Прокопенко (ответственный редактор),
Н.Н. Болгов, В.В. Василенко, Е.В. Литовченко, А.А. Дворецкая, А.И. Дудка, К.В. Козлов,
В.В. Малай, Е.Н. Меньшикова, Е.Ю. Прокофьева, Г.И. Старченко, В.А. Сарапулкин

Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории: Сборник избр. науч. тр. Междунар. науч. конф. студ., маг. и аспирантов. / Отв. ред. С.Н. Прокопенко (г. Белгород 15-16 апреля 2011 г.). – Белгород, 2011 – 200 с.

Сборник избранных научных трудов «Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории» включает в себя работы студентов, магистрантов и аспирантов России и Украины, рассматривающих широкий спектр проблем отечественной и всемирной истории. В основе сборника – материалы конференции, подготовленной историческими факультетами БелГУ и ХНУ им. В.Н. Каразина.

ISBN 978-5-902583-56-1

© Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог расширяется	7
Божко А.А. Раннесредневековой археологической экспедиции НИУ «БелГУ» - 10 лет	8
I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	13
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	13
Семенов А.А. Ригведийская религия – политеизм или монотеизм?	13
Сапогов А.С. Персы и их обычаи в восприятии Ксенофонта (на материале «Анабасиса»)	15
Баранов Д.А. Анализ семантики и этимологии царей Ликий VI-IV вв. до н.э. в зарубежной историографии	19
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА	25
Дюкарев В.А. Ценностный статус труда воинов в Афинах в IV в. до н.э.	25
Зибаев А.В. Отношение Константина Великого к гарусициям	27
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	32
Лужкова М.С. О морской виноторговле Боспора со средиземноморскими центрами в VI-IV вв. до н.э.	32
Венцова М.И. О некоторых категориях погребального инвентаря некрополя Нимфея ...	36
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ	40
Богданов Д.Е. Политика Стилихона и отношения с двором Гонория в изображении позднеантичных авторов	40
Ляховская О.В. Мятеж Гайны 399-400 гг. и роль Иоанна Златоуста в его подавлении	44
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	48
Сучалкин Е.А. Некоторые аспекты эволюции представлений русских о сербах в ходе добровольческого движения в Сербию в 1876 г.	48
Тавшунский О.М. Определение вектора колониальной политики Бельгии (1839-1876 гг.)	53
МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	58
Крупская С.Ю. Австрийский вопрос в информационной политике нацистской Германии (1934-1938)	58
Фомичев Н.Н. Образ врага в республиканском пропагандистском плакате периода Гражданской войны в Испании в 1936-1939 гг.....	63
Пчелинов-Образумов А.А. "Сталинская интервенция в Испании" (Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. в оценках советского разведчика В.Г. Кривицкого)	67
Слущкая Ю.К. Функционирование военной лексики в языке Третьего рейха	72
Mohamed Basra. Is the feminist critique of liberalism successful?	74
Linstead Jade. Insurgent Political Violence: Aum Shinrikyo	77
II. ИСТОРИЯ РОССИИ	81
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XVIII В.	81
Колотушкин А.А. Летописные братья князя Рюрика – реальные исторические личности или вымышленные персонажи?	81
Роменский А.А. «Крести же ся в Корсуни...» летописная топография и археологические данные о месте крещения князя Владимира).	86
Кириллов С.С. Характер эволюции школьных учебников по отечественной истории на примере анализа содержащейся в них информации об Иване IV Грозном	91
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	96
Михайлов Д.С. Чиновничий аппарат Российской империи в отечественной историографии: к проблеме изучения внутренней организации губернского правления Оренбургского края в первой половине XIX века	96
Ганжов Е.А. Негосударственные финансовые учреждения в пореформенный период в Центральном Черноземье, их капитал и основные функции (на примере отдельных кредитно-финансовых учреждений)	101

Шаповалова И.В. Мелкопоместные хозяйства Центрального Черноземья в контексте реализации реформы отмены крепостного права	105
Гамов А.А. К вопросу о достоверности истории знакомства и венчания родителей Потемкина в изложении П.Ф. Карабанова	111
Самойлова Е.Н. Конские выставки в конце XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии)	114
Мещеряков А.В. Реконструкция карьеры Оренбургского казачьего чиновника конца XIX века (на примере служащего войскового хозяйственного правления А.П. Попова)	118
Эльмуратов Р.К. Научные зарубежные командировки преподавателей и стипендиатов Киевской духовной академии (1869-1917 гг.)	122
Дегтярев Д.С. Экологические проблемы регионального торгово-промышленного центра начала XX века и пути их решения (на примере города Барнаула Томской губернии) ..	127
Бирюков М.Ю. Коммерческое образование в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. как фактор формирования профессионального сословия приказчиков.	136
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	141
Дубинский В.И. Московская оборонительная операция	141
Бодня А.А. Підпільний рух у Донбасі (на прикладі м. Горлівки)	146
Титаренко Е.Ю. Образ Германии в сознании населения Донбасса в годы Великой Отечественной войны	150
III. ИСТОРИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»	156
Кушнарев С.С. История Валуйской крепости в конце XVI – первой четверти XVII столетия	156
Петров С.Д. Территориальное деление и численность населения Слободско-Украинской губернии по переписи 1773 г.	162
Рубаненко А.В., Субботин П.Ю. Белгородское Викариатство Курской епархии (1905-1943 гг.): аспекты учреждения и функционирования	168
Скубій І.В. Державна роздрібна торгівля в Харкові в роки непу.....	173
Кучеренко М.И. К вопросу о социально-экономическом развитии приграничных с Украиной территорий в 1928-1934 гг. (по материалам Белгородского, Острогожского и Россошанского округов Центрально-Черноземной области)	177
Рачков Е.С. Миграционные процессы на Харьковщине в первое десятилетие независимой Украины (1989-2001 гг.)	182
IV. АРХИВОВЕДЕНИЕ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО	190
Кисиленко А.П. Анализ действующей инструкции по делопроизводству как основа разработки новых нормативных документов	190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	197
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	198

CONTENTS

The Dialogue expands	7
Bozhko A.A. Early-medieval archaeological expedition of BSU - 10 years	8
I. WORLD HISTORY	13
HISTORY OF CIVILIZATIONS OF THE ANCIENT ORIENT	13
Semenenko A.A. Rigvedic religion – polytheism or monotheism?	13
Sapogov A.S. Xenophon’s perception of the Persians and their habits according to “Anabasis”	15
Baranov D.A. Analysis of semantics and etymology of the Lycian royal titles of vi–iv centuries B.C. in foreign historiography	19
HISTORY OF ANCIENT GREECE AND ROME	25
Dyukarev V.A. The valuable status of military work in Athenes in IV century B.C.	25
Zibaev A.V. Constantine the Great`s attitude to the haruspicies.....	27
HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF NORTHERN BLACK SEA AREA	32
Luzhkova M.S. On the Bosphorus sea wine trade with the Mediterranean centers in VI – IV cent. B.C.	32
Ventsova M.I. About some categories of grave goods in necropolis Nymphaion	36
HISTORY AND CULTURE OF BYZANTIUM	40
Bogdanov D.E. Stilicho`s policy and his relations with the Honorius court of by later antiquity’s authors	40
Lyakhovskaya O.V. Gainas`s revolt in 399-400 A.D. and St. John Chrysostom`s role in its failure.....	44
HISTORY OF EUROPE AND AMERICA IN MODERN TIMES	48
Suchalkin E.A. On some aspects Russians notions evolution about Serbians during the volunteers` motion to Serbia, 1876	48
Tavshunskyy O.M. Vector definition of Belgian colonial policy, 1839-1876.....	53
WORLD AND INTERNATIONAL RELATIONS IN CONTEMPORARY PERIOD	58
Krupskaya S.Y. The Austrian question in the information policy of Nazi Germany (1934-1938)	58
Fomichev N.N. «An enemy concept» in Republican propaganda poster context during the Spanish Civil war, 1936-1939	63
Pchelinov-Obrazumov A.A. The «Stalin's intervention in Spain» (Civil war in Spain of 1936-1939 in estimations of the Soviet scout V. G. Krivitsky)	67
Sluckaya U.K. Military lexis in the language of the Third Reich	72
Mohamed Basra. Is the feminist critique of liberalism successful?	74
Linstead Jade. Insurgent Political Violence: Aum Shinrikyo	77
II. HISTORY OF RUSSIA	81
HISTORY OF RUSSIA FROM ANCIENT TIMES TO EARLY XVIII C.	81
Kolotushkin A.A. Are the chronicle brothers of prince rurik real historical figures or fictional characters?	81
Romensky A.A. «Baptised in Korsun’...» (the cronicle’s topography and archaeological data about the place of prince Vladimir’s baptism)	86
Kirillov S.S. The character of evolution of school text books on national history on the example of information about Ivan the Terrible	91
RUSSIAN EMPIRE IN A HISTORICAL PERSPECTIVE	96
Mikhailov D.S. Bureaucracy of the Russian Empire in the national historiography: to the problem of study of internal organization of the province governing of the Orenburg territory in the first half of the XIX century	96
Ganjov E.A. Non-state financial institutions in Post-reform period in Central Black-soil area, their capital and core functions (on the example of some credit-financial institutions)	101
Shapovalova I.V. Small estates of the Central Blask-soil region in the context of realization of the reform of serfdom of abolition	105

Gamov A.A. To the question on reliability of history of acquaintance and wedding of parents of potyomkin in the version P.F. Karabanova	111
Samoylova E.N. Horse exhibition in late XIX - early XX centuries (on the example of Kursk province)	114
Mesheryakov A.V. Reconstruction of carer of the Orenburg cossack bureaucrat in late XIX century (on the example of military maintenance board clerk A.P. Popov)	118
Elmuratov R.K. Scientific visits abroad of teachers and scholars of the Kiev ecclesiastical academy (1869–1917)	122
Degtyarev D.S. Ecological problems of a local trade and industrial center in early XX century and ways of coping with them (on the example of Barnaul city of Tomsk province)	127
Birykov M. Commercial education in the Russian Empire at the turn of XIX to XX centuries as a factor of formation of professional estate of salesmen	136
HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	141
Dubinskiy V.I. Moscow defensive operation	141
Bodnya A.A. Underground movement in Donbass(on the example of Gorlovka town)	146
Tytarenko E.J. Image of Germany in the consciousness of population of Donbass during the Great Patriotic War	150
III. HISTORY OF TERRITORY OF EUROREGION «SLOBOZHANSCHINA»	156
Kushnarev S.S. History of Valuyki fortress in the end of the XVI – the first quarter of the XVII century	156
Petrov S.D. Territorial device and population of Slobidsko-Ukrainian province by the census 1773	162
Subbotin P.Y., Rubanenko A.V. Belgorod bishop district kursk diocese (1905-1943): aspects of the establishment and operation	168
Skubij I.V. The state retail trade in Kharkiv in the first years of new economic policy	173
Kucherenko M.I. On the socio-economic development of the areas on the boader with Ukraine in 1928-1934 (based on materials of Belgorod, Ostrogozhsk and Rossoshanskij district of Central Black-soil region)	177
Rachkov E.S. Migration processes in Kharkov region in the first decade of independence of Ukraine (1989–2001)	182
IV. ARCHIVAL STUDIES, RECORD MANAGEMENT, DOCUMENTATION	190
Kisilenko A.P. Analysis of acting instruction records management as the basis of new regulations development	190
ABBREVIATIONS	197
INFORMATION ABOUT AUTHORS	198

ДИАЛОГ РАСШИРЯЕТСЯ

В настоящий сборник вошли избранные труды III Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории», прошедшей в Белгородском государственном национальном исследовательском университете 15-16 апреля 2011 года. В очередной раз организаторами конференции выступили исторические факультеты Белгородского государственного национального исследовательского университета и Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

В 2011 г. оргкомитетом конференции проведена большая подготовительная работа: информация о конференции была размещена на большом количестве ресурсов сети интернет, впервые апробирована система электронной регистрации участников конференции на сайте исторического факультета НИУ «БелГУ», организована работа по экспертному оцениванию присланных научных статей с целью отбора лучших в представляемый сборник, апробирована система постерных докладов. Основным результатом этих мероприятий стало расширение географии конференции и, надеемся, качество публикуемых статей. Белгород гостеприимно принял молодых исследователей из России (Москвы, Курска, Воронежа, Тулы, Оренбурга, Саратова, Барнаула), Украины (Харькова, Мелитополя, Донецка), США (Теннесси).

Школьники, студенты, магистранты, аспиранты, молодые ученые без ученой степени России, Украины, США обсудили огромное количество проблем российской и всеобщей истории. В программе конференции особое место заняли доклады, посвященные истории Русской Православной Церкви на российско-украинском порубежье XVII-XXI вв., которые были обсуждены в рамках работы одноименного Круглого стола, посвященному знаменательной дате - 100-летию обретения мощей Святого Белогорья, епископа Белгородского, Чудотворца, небесного покровителя Святого Белогорья. Впервые в рамках конференции прошли заседания в рамках таких секций, как: «История древневосточных цивилизаций», «История Великой Отечественной войны», «История Советского Союза», «История территорий еврорегиона «Слобожанщина» и др.

Уже неоспорим тот факт, что «Белгородский диалог» - это крупная площадка для решения серьезных научных проблем. С каждым годом, усилиями и стараниями организаторов конференции значимость данного мероприятия будет только расти.

До новой встречи в Белгороде!

С.Н. Прокопенко

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ БЕЛГУ - 10 ЛЕТ

А.А. Божко

**Институт археологии Российской академии наук, Москва;
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается история возникновения и развития Раннесредневековой археологической экспедиции БелГУ. Выделяются основные направления научных исследований экспедиции, дается краткая характеристика памятников, исследованных в первое десятилетие XXI века.

Ключевые слова: Раннесредневековая археологическая экспедиция БелГУ; салтово-маяцкая культура, поселение, могильник.

EARLY MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF BSU - 10 YEARS

A.A. Bozhko

**Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Belgorod National Research University**

The origin and development history of the BelSU's Early Middle Ages archaeological expedition is considered in paper. The basic directions of expedition scientific researches are distinguished, the short characteristic is given to the monuments which were studied during the XXI century first decade.

Key words: Early Middle Ages, archaeological expedition, Saltov-majatsk culture, settlement, a burial ground.

Археологический сезон 2010 года – юбилейный для Раннесредневековой археологической экспедиции БелГУ. На протяжении всех десяти лет ее бессменным руководителем является Владимир Александрович Сарапулкин.

Все началось в 2001 году, когда аспирант Липецкого госпедуниверситета В.А. Сарапулкин с отрядом студентов нашего университета провел изыскания на могильнике салтово-маяцкой культуры у с. Мандрово Валуйского района.

Еще через два года, защитив кандидатскую диссертацию, он переезжает в Белгород, где сначала ассистентом, старшим преподавателем, а затем доцентом работает на кафедре российской (с 2009 года – российской и всеобщей) истории БелГУ.

Основной целью экспедиции является изучение истории заселения нашего края в последнюю четверть I тысячелетия н.э., когда на обширной территории Восточной Европы сложилось государство Хазарский каганат, археологически сопоставляемый исследователями с салтово-маяцкой культурой.

За так называемые «нулевые» годы усилиями экспедиции были исследованы укрепленные поселения у сс. Дмитриевка (Шебекинский район) и Колтуновка (Алексеевский район); неукрепленные поселения у сс. Архангельское и Дмитриевка (Шебекинский район), Маяцкое селище (Лискинский район Воронежской области), поселение у х. Шпенгарёв (Вейделевский район); могильники у сс. Мандрово, Терехово, Утинное, Рождествено (Валуйский район), Ржевка, Дмитриевка (Шебекинский район), Подгоровский могильник (Вейделевский район).

Первым памятником, исследованным Раннесредневековой экспедицией, является могильник у с. Мандрово Валуйского района. Здесь было изучено около 1200 кв. м, выявлено 49 погребений, 3 погребения коней и 5 тризн. Инвентарь погребений представлен глиняной посудой (горшки, кувшины, кубышки, пифос), предметами быта (ножи, ботала), элементами конской упряжи (удила, стремяна и подпругные пряжки), украшениями (серьги, перстень, бляшки, бусы), предметами туалета (копоушки), элементами одежды (пуговица), поясной гарнитурой. Материалы могильника полностью опубликованы¹.

На протяжении 2004-2007 гг. экспедиция изучает 85 захоронений на могильнике у с. Ржевка Шебекинского района². Кроме материала, который характерен и для Мандровского могильника, в погребениях Ржевки встречены два арабских дирхема,

керамический импорт (две амфоры, две баклаги, ойнахойя). Характерной чертой могильника является наличие подбоя с черепом и конечностями лошади и КРС.

В 2004 году охранным раскопкам подвергся Дмитриевский катакомбный могильник³. Экспедицией было исследовано 14 катакомбных захоронений в дополнение к 173 погребальным комплексам, изученным С.А. Плетневой в 50-70-х гг. XX века. В погребениях найден разнообразный инвентарь: глиняные сосуды, перстани бусы, бубенчики, зеркала, топоры, мотыжки.

В 2005 году совместной экспедицией группы по охране и использованию памятников истории и культуры Управления культуры Белгородской области и Белгородского государственного университета было изучено 2 погребения на могильнике у с. Терехово Валуйского района. Инвентарь погребений представлен гончарными сосудами, копоушкой, пряслицем.

В 2002 и 2006 году было исследовано четыре погребения на могильнике у с. Утиное Валуйского района. Инвентарь захоронений представлен сосудами и бытовыми предметами.

В 2007 году экспедиция исследует городище Колтуновка в Алексеевском районе⁴. Раскопкам подвергнуто меловое пятно в юго-восточной части крепости. В результате работ было установлено, что оно образовано распахивающимися фрагментами меловых блоков – остатков строительной площадки крепости. Культурный слой слабо насыщен материалом, выше каменной наброски, и в ней обнаружены кости человека, явно непогребенного.

Осенью 2007 года проводились работы на селище-1 у с. Архангельское Шебекинского района⁵. На площади раскопа в 92 кв. м было исследовано две постройки, слегка углубленных в материк.

В 2008 году раскопкам подверглась южная часть Маяцкого селища – памятника, давшего часть названия салтово-маяцкой культуре. В раскопе 20 было исследовано 2 постройки и 6 погребений⁶. Погребения совершены в ямах прямоугольной либо трапециевидной формы. В части захоронений прослежены остатки гробов. Погребенные лежали вытянуто на спине, либо скорчено на боку, головой в северо-западный сектор. Инвентарь погребений составляли глиняные сосуды, оружие (наконечники стрел, костяные накладки на лук), поясные наборы (пряжки, бляшки), украшения (серьги, перстни, подвески, бусы), предметы быта (ножи). Таким образом, Маяцкий археологический комплекс, включающий в себя городище, селище, поселок гончаров и катакомбный могильник, пополнился еще одним типом памятников – грунтовым могильником.

В августе 2008 года отрядом экспедиции совместно с учащимися Двухлученской СОШ Валуйского района проведены работы на могильнике у с. Рождествено Валуйского района⁷. Было исследовано 7 погребений. Инвентарь захоронений представлен гончарными сосудами и ножами.

В 2009-2010 годах экспедиция исследует комплекс, состоящий из поселения у х. Шпенгарёв и Подгоровского могильника в Вейделевском районе⁸. На могильнике еще в 1926 году сотрудником воронежского музея С.Н. Замятниным было исследовано 7 катакомбных захоронений. На протяжении двух лет Раннесредневековой экспедицией было изучено 230 кв. м, исследовано 6 катакомб, 3 погребения в прямоугольных ямах, 2 подбойных погребения, 5 погребений животных и человека в круглых ямах. Инвентарь погребений представлен глиняными сосудами, поясными наборами (пряжки, бляшки), украшениями (серьги, перстни, подвески, бусы), предметами быта (ножи).

Другим направлением работы Раннесредневековой экспедиции является систематическое обследование территории нашей области на предмет выявления курганных древностей в рамках выполнения постановления губернатора Белгородской области Е.С. Савченко №194 «Об охране курганных памятников Белгородской области» от 13 декабря 2005 года. Выявленные курганы выводятся из состава пахотных земель, насыпи подвергаются консервации. С 2006 года и по настоящее время исследовано 10 из 21 районов области, где выявлено 476 курганных памятника. Полностью обследованы территории Грайворонского, Краснояружского, Борисовского, Ракитянского, Белгородского, Яковлевского, Шебекинского, Корочанского, Вейделевского и Ровеньского районов Белгородской области⁹.

Третьим направлением работы Раннесредневековой археологической экспедиции БелГУ является проведение спасательных археологических работ на разрушаемых памятниках археологии.

Можно выделить два поднаправления.

Во-первых, это исследование культурных напластований на территории областного центра.

В 2007 году были проведены работы на Гражданском проспекте, д. 23, изучено 88 кв. м культурного слоя.

В 2008 году изучено 100 кв. м на левом берегу р. Северский Донец, исследовано подвальное помещение позднеерусского времени, изучены культурные напластования эпохи бронзы (катакомбная и срубная культуры) и позднеерусского времени (XVII - XVIII вв.)¹⁰.

В 2009 году экспедицией были проведены работы по обнаружению усыпальницы Святителя Иоасафа Белгородского. В преддверии 100-летия со дня канонизации святого администрацией города было принято решение о возведении в данном месте часовни. Нами было обнаружено место первоначального упокоения мощей Святителя Иоасафа, которое представляло собой подвальное помещение в форме неправильного пятиугольника размерами примерно 6,6 X 5,95 м. Помещение было снабжено двумя оконными проёмами, покрытыми белой глазурированной плиткой. Сводчатый потолок пещерки не сохранился. В заполнении сооружения обнаружены битый кирпич, железные конструкции, монеты XIX – начала XX вв. Рядом с пещеркой найдено захоронение ребенка с нателным крестиком¹¹.

В 2010 году исследовался культурный слой на территории Третьей Белгородской крепости. Тремя раскопами было вскрыто 1450 кв. м. Находки представлены керамикой (черкасской, московской, поливной), костями и вещами. Найдены изделия из железа: ядро и бомба, подковы и др.; стекла: сосуды, градусник; керамики: лепнина с изображением двуглавого орла, курительные трубки, также найдены монеты XVIII – начала XX вв.

Во-вторых, это работы на территории Белгородской области.

В 2005 году исследованию подверглось городище у с. Ильинка Алексеевского района. На памятнике была заложена траншея длиной 32 и шириной 1 м и исследовано ритуальное сооружение округлой формы диаметром около 60 м. Сооружение предварительно датировано первой половиной I тысячелетия н.э.¹²

В 2008 году проведены спасательные археологические работы на селище салтово-маяцкой культуры у с. Дмитриевка Шебекинского района¹³. Раскопкам подвергся участок, разрушаемый глиняным карьером, в процессе работ было изучено полуземляночное жилище.

В 2008 году проведена разведка на землях, подлежащих отводу под строительства карьера и сопутствующих ему объектов Приоскольского ГОКа в пределах Старооскольского, Чернянского и Губкинского районов¹⁴. В результате выявлено 57 объектов культурного наследия.

В 2009 году изучено селище с отложениями эпохи бронзы и раннеримского времени (позднезарубинецкая культура) у с. Шмарное Старооскольского района. Белгородскими и воронежскими студентами было вскрыто около 900 кв. м, исследовано более 20-ти хозяйственных ям.

В 2010 году изучалось поселение Хвостохранилище-1 в Старооскольском районе. На памятнике вскрыто около 1000 кв. м, исследован культурный слой позднееримского времени (киевская культура). Находки представлены фрагментами гончарной и лепной керамики, фрагментами глиняной обмазки и костей.

Экспедиция – это, прежде всего, люди, которые год из года работают на благо истории, постепенно заполняя лакуны нашего знания о прошлом человечества. Вот только некоторые фамилии: это представители первой половины 2000-х: В. Каменев, Е. Черных, В. Белогурова, Ю. Толмачева; поколение середины 2000-х: А. Божко, И. Шляхтин, О. Тяпкина, О. Турчак, М. Приданцева, К. Лошаков, А. Зуев, Л. Кузнецова; сегодняшние активные деятели археологического движения: А. Костылева, Я. Москвитин, В. Савина, А. Кононенко, Я. Святой и многие другие.

В 2007 году свои первые Открытые листы получают воспитанники экспедиции – студенты И. Шляхтин и А. Божко. Отрядом экспедиции обследуются долины рек Хо-

лок (правый приток Оскола) и Гостенка с Везелкой с (правый приток Северского Донца)¹⁵. В последующие годы А. Божко была проведена разведка по р. Корча и исследовано поселение эпохи бронзы у с. Дмитриевка Шебекинского района¹⁶.

В 2009 году свой первый Открытый лист получает выпускник факультета – К.А. Лошаков, работающий в настоящее время в органе охраны культурного наследия (Управление культуры) Белгородской области.

Наша экспедиция является базой для проведения полевой археологической практики студентами первого курса. Наряду со студентами ежегодно в работах Ранне-средневековой археологической экспедиции принимают участие и школьники.

Учащиеся школы-гимназии №6 г. Губкина во главе с директором этой школы, выпускником нашего факультета С.П. Вольваковым вносят свой посильный вклад в изучение истории нашего края.

Каждый год, в июне месяце полевой археологический лагерь разбивается под стенами Дмитриевской ООШ Шебекинского района. В работе лагеря принимают участие школьники Дмитриевской ООШ, школ г. Шебекино, средних общеобразовательных учреждений Валуйского района (школ сс. Принцевка и Двухлучное). На протяжении многих лет его организатором был директор Дмитриевской ООШ В.М. Савельев, к сожалению, безвременно ушедший в 2009 году.

Раннесредневековая археологическая экспедиция имеет тесные контакты с археологическими экспедициями университетов гг. Липецк, Воронеж, Харьков. Уже который год отряды и отдельные участники из университетов этих городов принимают участие в работах нашей экспедиции.

Сотрудники экспедиции постоянно участвуют в конференциях в гг. Харьков, Белгород, Липецк, Киев, Чернигов, Москва.

Раннесредневековая экспедиция имеет контакты с Венгерской АН. В 2009 году для ознакомления с результатами работ нашей экспедиции в Белгород приезжал научный сотрудник Аттила Тюрк.

10 лет – это еще молодость, экспедиция полна сил и желания новых открытий.

Примечания:

1. Винников А.З., Сарапулкин В.А. *Болгары в Поосколье (Мандровский могильник)*. Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.

2. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2005 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2006 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2007 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

3. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

4. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках городища Колтуновка в Алексеевском районе Белгородской области в 2007 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

5. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках селища-1 у с. Архангельское Шебекинского района Белгородской области в 2007 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

6. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках Маяцкого селища в 2008 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

7. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках грунтового могильника-1 у с. Рождествено Валуйского района Белгородской области в 2008 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

8. Сарапулкин В.А. *Отчет о раскопках селища-1 у х. Шпенгарев в 2009 году* // Архив кабинета археологии БелГУ.

9. Сарапулкин В.А. *Отчет о разведочных работах на территории Ракитянского района Белгородской области в 2006 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о разведочных работах на территории Борисовского района Белгородской области в 2006 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о разведочных работах на территории Белгородского и Яковлевского районов Белгородской области в 2007 году* // Архив кабинета археологии БелГУ; Он же. *Отчет о разведочных работах в Белгородском, Корочанском, Ивнянском, Губкинском, Старооскольском, Чернянском, Шебекинском, Яковлевском районах Белгородской области в 2008 году (тома 2, 3)* // Архив кабинета

археологии БелГУ; Он же. Отчет о разведочных работах на территории Вейделевского района Белгородской области в 2009 году // Архив кабинета археологии БелГУ.

10. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках селища-1 по ул. Корочанская в г. Белгород // Архив кабинета археологии БелГУ.

11. Сарапулкин В.А. Отчет об археологических работах на территории довтопримечательных мест «Местонахождение Белгородской крепости на берегу реки Везелицы», «Местонахождение Свято-Троицкого мужского монастыря» для изучения культурного слоя позднесредневекового Белгорода и по обнаружению фундаментов Свято-Троицкого собора для выявления усыпальницы Святителя Иоасафа Белгородского // Архив кабинета археологии БелГУ.

12. Сарапулкина Т.В. Отчет о проведении охранных раскопочных работ на городище-1 у с. Ильинка в Алексеевском районе Белгородской области в 2005 году // Архив кабинета археологии БелГУ

13. Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках селища-1 у с. Дмитриевка в Шебекинском районе Белгородской области в 2008 году // Архив кабинета археологии БелГУ.

14. Сарапулкин В.А. Отчет о разведочных работах в Белгородском, Корочанском, Ивнянском, Губкинском, Старооскольском, Чернянском, Шебекинском, Яковлевском районах Белгородской области в 2008 году (том 1) // Архив кабинета археологии БелГУ.

15. Шляхтин И.В. Отчет о разведочных работах на территории Новооскольского района Белгородской области в 2007 году // Архив кабинета археологии БелГУ; Божко А.А. Отчет о разведочных работах в долинах рек Гостенка и Везелка в пределах Белгородского района Белгородской области в 2007 году // Архив кабинета археологии БелГУ.

16. Божко А.А. Отчет о разведочных работах в долине реки Короча в пределах Шебекинского района Белгородской области в 2008 году // Архив кабинета археологии БелГУ; Божко А.А. Отчет об археологических работах на селище-7 у с. Дмитриевка в Шебекинском районе Белгородской области в 2009 году // Архив кабинета археологии БелГУ.

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

РИГВЕДИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ — ПОЛИТЕИЗМ ИЛИ МОНОТЕИЗМ?

А.А. Семенов

Воронежский государственный университет

В статье рассматривается вопрос о том, является ли ригведийская религия политеизмом или монотеизмом. Анализ данных Ригведы показывает, что текст памятника построен таким образом, что на внешнем (профанном) уровне прочтения он описывает политеизм и реальные ритуалы, а на внутреннем (мистическом) — монотеистическое учение о многообразных проявлениях Единого и символическое жертвоприношение.

Ключевые слова: Ригведа, политеизм, монотеизм, жертвоприношение.

RIGVEDIC RELIGION — POLYTHEISM OR MONOTHEISM?

A.A. Semenko

Voronezh State University

The paper considers the problem of polytheistic or monotheistic character of the Rigvedic religion. Study of the Rigveda shows, that its text has two levels of understanding — for the profane it describes polytheism and real rituals, for the mystic — monotheistic view of many forms of the Divine and symbolic (inner) sacrifice.

Key words: Rigveda, polytheism, monotheism, sacrifice, profane, mystic.

Ригведа — древнейший памятник индоарийской литературы — представляет собой собрание гимнов к Силам Света или Светоносным Существам (Девам)¹. Поскольку в Ригведе упоминается много Девов, принято считать, что ригведийская религия характеризуется политеизмом. Однако в источнике есть два блока свидетельств, не позволяющих однозначно согласиться с этой интерпретацией. Первый — сообщения о том, что все Силы Света (Девы) являются формами и/или именами Единого Божественного Сущего (I.164.46; VIII.58.2; X.81.1-6; X.82; X.90.2 и 13-14; X.121; X.125; X.129.2-4). Эти данные содержатся в тех частях памятника, которые были составлены к моменту его кодификации как единого целого (I, VIII и X мандалы). Второй — систематическое отождествление объектов поклонения друг с другом как в древнейших частях памятника (фамильных мандалах II—VII и мандале IX: II.1.3—7 и 10—11; III.5.3—4, 6 и 9; III.29.11; III.36.5; III.55.19; III.61.1; IV.1.20; IV.3.1; IV.13.1—2; IV.14.2; IV.26.1 и 7; IV.27.2—3; IV.31.14—15; IV.40.5; IV.42.3; V.3.1—3; V.81.3—5; V.82.1 и 3; VI.3.1; VI.6.3; VI.13.2; VI.15.2; VI.28.5; VI.47.28; VII.9.3; VII.12.3; VII.37.4; VII.63.1—4; VII.79.3; VII.88.2; IX.5.9; IX.41.5; IX.63.9; IX.66.20; IX.67.22—26; IX.77.1 и др.), так и в добавленных позднее (I.94.14—15; VIII.20.2; VIII.41.6 и 10; VIII.72.3; VIII.93.4; VIII.96.9; VIII.98.2; VIII.102.7-8; X.7.3; X.8.5; X.83.2; X.98.1 и др.). В результате практически все («мужские» и «женские») ригведийские Светоносные (Девы) оказываются обликами Агни, в свою очередь объявляемого формой Единого Божественного Сущего или Единой Силы Света. Причём авторы гимнов указывают на то, что имена Девов являются «тайными именами» Агни. Ригведа является скрытым сакральным (мистическим) текстом, составленным поэтами—риши для посвящённых в особое мифосимволическое учение или «тайные речи»².

Это приводит к выводу о том, что Ригведа содержит два смысловых уровня и излагает два учения (политеизм и монотеизм/монизм) одновременно. На профанном (псевдосакральном) уровне религия Ригведы характеризуется политеизмом, на скрытом сакральном (мистическом) уровне — чрезвычайно развитым монотеистическим/монистическим поклонением Единому в многообразии Его Форм. Та же самая ситуация наблюдается и в текстах постригведийского периода — Атхарваведе, Упанишадах, Махабхарате. Специфический характер монотеизма/монизма Ригведы подчёркивается многими отечественными и зарубежными индологами, а также средневековыми и современными индийскими комментаторами³.

Двойственность прослеживается и при изучении ригведийского культа. На профаническом уровне смысла авторы памятника описывают реальные жертвоприношения — выжимание священного напитка, возлияния в огонь различных жидкостей, по особым случаям ритуальное убийство домашних животных (коня и козла). На мистическом уровне понимания все эти жертвы оказываются символическими (I.1.1; I.143.2; I.164.25; II.8.5; II.27.1; III.1.5; III.2.1 и 3; III.5.2; III.11.3; III.13.5; III.26.8; III.27.9; III.31.16; IV.58.6; VII.12.3; VIII.6.7—8; VIII.39.3; VIII.102.22; IX.3.2; IX.15.1; IX.16.4; IX.17.7; IX.20.3; IX.25.6; IX.26.1 и 6; IX.61.14; IX.63.20; IX.65.16; IX.67.13, 22—27 и 31—32; IX.68.7; IX.71.6; IX.72.4; IX.73.7; IX.86.13; IX.96.15; IX.108.8; IX.113.2; X.7.2; X.85.3; X.88.16 и др.)⁴ и обозначают самоотдачу аспектов человеческого существа Единому Божественному Существу через избранную Силу Его Света (Ишта Девата).

Всё вышеизложенное не позволяет говорить о том, что древний политеизм и буквальный ритуализм с настоящими жертвоприношениями сменился монотеизмом с символическими жертвоприношениями ко времени кодификации текста Ригведы: её составители, будучи сами монотеистами/монистами и практикуя внутреннее жертвоприношение, отбирали из древних фамильных собраний (до)ведийских поэтов именно гимны с отождествлениями Сил Света (Девов) друг с другом и с указаниями на символический характер жертвы⁵. Т.е. обе традиции (скрытый монотеизм/монизм и символизация ритуала) прослеживаются до самого начала составления гимнов Ригведы. Конечно, за пределами ригведийской общины посвящённых и политеизм, и реальные ритуалы у индоариев существовали.

Примечания:

1. Ригведа. Мандалы I-IV. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 767 с.; Ригведа. Мандалы V-VIII. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 744 с.; Ригведа. Мандалы IX-X. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 560 с.

2. Edgerton F. *The religion of the Veda // Religions of past and present. A series of lectures delivered by members of the Faculty of the University of Pennsylvania edited by J.A. Montgomery. Philadelphia and L.: J.B. Lippincott Company, 1918. P. 121-122*; Елизаренкова Т.Я. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа. Избранные гимны. М.: Наука, 1972. С. 66-67; Она же. Примечания // Ригведа. Мандалы I-IV. С. 544; Она же. "Ригведа" - великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. С. 482; Sri Aurobindo. *The Secret of the Veda. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1993. 583 p.*; Гринцер П.А. Тайный язык "Ригведы" / Российский государственный гуманитарный университет. Чтения по истории и теории культуры. Вып.22. М.: РГГУ, 1998. 70 с.

3. Colebrooke H.T. *On the Vedas, or sacred writings of the Hindus // Asiatic researches; or, Transactions of the society instituted in Bengal, for inquiring into the history and antiquities, the arts, sciences, and literature of Asia. Vol. VIII. Printed verbatim from the Calcutta edition. L., 1808. P. 397*; Wilson H.H. *Two lectures on the religious practices and opinions of the Hindus, delivered before the University of Oxford on the 27th and 28th of February, 1840. Oxford: Printed by T. Combe, printer to the University, MDCCCXL. P. 11*; [Коссович К.А.] Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1861. С. XXX-XXXI; Cox G.W. *The mythology of the Aryan nations. In two volumes. Vol. II. L.: Longmans, Green, and Co., 1870. P. 102*; Peterson P. *Handbook to the study of the Rigveda. Part I. Introductory // Bombay Sanskrit Series. No XLI. Bombay: Government Central Book Depot., 1890. P. 128*; Gurudutta Vidyarthi. *Om. Wisdom of the Rishis. Delhi: Sarvadeshik Pustakalaya, 1895. Third edition. P. 74-90, 404 and 410-411*; Barth A. *The religions of India / Authorized translation by J. Wood. L.: Truebner & Co., 1899. Second edition. P. 26-27*; Griswold H.D. *Brahman: a study in the history of Indian philosophy. New York: The Macmillan Company, 1900. P. 23*; Macdonell A.A. *A history of Sanskrit literature. New York: D. Appleton and Company, 1900. P. 70*; Raja Rammohun Roy. *The English works. Vol.I. Calcutta: Published by Srikanta Roy, 1901. P. 49*; Рагозина З.А. История Индии времён Риг-Веды // Рагозина З.А. Древнейшая история Востока. T.IV. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1905. С. 469-480; Lajpat Rai. *The Arya Samaj. An account of its origin, doctrines, and activities, with a biographical sketch of the founder. L.: Longmans, Green and Co., 1915. P. 117-121*; Choudhuri Usha. *Monotheistic view of God in Vedic literature // Sri Venkateswara University Oriental Journal. Tirupati: Oriental Research Institute, Sri Venkateswara University. Vol. XXXV. Parts I & II. January-December 1992. P. 95-101*; Sri Aurobindo. *The Secret of the Veda. P. 53*; Глушкова И.П. Введение // Древо индуизма. М.: Восточная литература, 1999. С.19; Дубянский А.М. Классическая триада: Брахма, Вишну, Шива // Древо индуизма. С. 131; Pandurangi K.T. *RigbhASyabhUmikA // SRTivaijayanti. Centenary celebrations of Sri Venkateswara Vedagama Pathasala. Tirupati: Tirumala Tirupati Devasthanams Press,*

1999. P. 94; Гринцер Н.П., Гринцер П.А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М.: ПИУ, 2000. С. 155-156; George V.A. *Paths to the Divine: ancient and Indian. Indian philosophical studies, XII // Cultural heritage and contemporary change series III B, Asia, volume 12.* Washington D.C.: The council for research in values and philosophy, 2008. P. 141-143.

4. Bergaigne A. *La religion Vedique d'après les hymnes du Rig-Veda. Tome premier.* P.: F.Vieweg, Libraire-Éditeur, 1878. P. 283; GhAte VinAyaka SakhArAma. *Lectures on Rigveda, delivered at the University of Bombay in 1914.* Poona: V.S. Ghate, 1915. P. 32; Bergaigne A. *Some observations on the figures of speech in the Rigveda / Transl. into English by A.Venkatasubbiah // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. Vol.XVII. PartI. October 1935.* Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1935. P. 68-70; Sri Aurobindo. *The Secret of the Veda.*

5. О намеренности создания текста Ригведы в результате отбора гимнов различных авторов в единое целое см.: Colebrooke H.T. *On the Vedas.* P. 389; Mueller M.F. *A history of ancient Sanskrit literature so far as it illustrates the primitive religion of the brahmans.* L.: Williams and Norgate, 1859. P. 461-465; Pincott F. *On the arrangement of the hymns of the Rig-veda // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series. Vol.XVI. MDCCCLXXXIV.* P. 381-399; Idem. *The first Mandala of the Rig-Veda // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series. Vol.XIX. MDCCCLXXXVII.* P. 598-624; Введенский А.И. *Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. Т.I. Основные вопросы философской истории естественных религий. Религии Индии.* М.: Университетская типография, 1902. С. 728-733, Прим. 12; GhAte VinAyaka SakhArAma. *Lectures on Rigveda.* P. 68-69; Esteller A. *More on "word-mobility" in the Rigveda-saMhitA // Sri Venkateswara University Oriental Journal. Tirupati: Oriental Research Institute, Sri Venkateswara University. Vol.IX. Parts I & II. January-December 1966.* P. 7-19; Sri Aurobindo. *The Secret of the Veda.* P. 54-56.

ПЕРСЫ И ИХ ОБЫЧАИ В ВОСПРИЯТИИ КСЕНОФОНТА (НА МАТЕРИАЛЕ «АНАБАСИСА»)

А.С. Сапогов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В статье рассматриваются различные аспекты восприятия персов Ксенофонтом Афинским в его сочинении «Анабасис», где описываются события, участником которых являлся сам автор. Можно выделить восприятие личности царя, восприятие царского богатства и могущества, а также восприятие морально-этических качеств персов и возможности сотрудничества с ними эллинов. Также даются вероятные интерпретации некоторых персидских реалий, переданных в «Анабасисе» с точки зрения греческого восприятия.

Ключевые слова: Ксенофонт Афинский, «Анабасис», греко-персидские контакты, Кир Младший, Артаксеркс II.

XENOPHON'S PERCEPTION OF THE PERSIANS AND THEIR HABITS ACCORDING TO "ANABASIS"

A.S. Sapogov

Saratov State University named after N.G. Tchernyshevsky

The paper considers the Persians perception aspects by Xenophon of Athens in his work "Anabasis". Xenophon described events he had taken part. There are some aspects of perception, namely one of king's person, wealth, power and Persians morality as well as the Greek's possibilities to co-operate with the Persians. The article also provides some Persian historical realities probable interpretations which were transferred in "Anabasis" from the Greek point of view.

Key words: Xenophon of Athens, "Anabasis", Greco-Persian contacts, Cyrus the Younger, Artaxerxes the Second.

В «Анабасисе» Ксенофонта Афинского повествуется о событиях 401–399 гг. до н.э., в которых автор участвовал: о походе персидского царевича Кира Младшего против своего брата Артаксеркса II, а затем об отступлении «десяти тысяч» греков из Вавилонии к Черному морю. Это единственное сочинение автора, в котором он настолько подробно говорит о своем отношении к персам и варварам вообще. Здесь Ксенофонт более конкретно, чем в других своих сочинениях, выражает, в частности, свое отношение к царской власти в Персидской державе.

Что касается восприятия личности царя, то она рисуется автором негативно, причем Артаксерксу II противопоставляется Кир Младший. Согласно «Анабасису», Кир, когда был еще ребенком и воспитывался вместе с братом и другими мальчиками, во всем превосходил их (An. I.9.2). В «надгробной» речи, после гибели Кира в битве с царем близ Вавилона (An., I.9), Ксенофонт также положительно характеризует его, говоря, что Кир (Младший) «среди персов, рожденных после Кира древнего, самый царственный и достойный властвовать» (An., I.9.1). Также Ксенофонт указывает на то, что большинство воинов приплыло к Киру из-за моря, чтобы стать наемниками не из-за нужды, а потому, что слышали о благородстве (*aretē*) Кира (An., VI.4.8). В монографии «Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса» Л.П. Маринович указывает, что М.И. Максимова неточно перевела в этом месте *aretē* как «щедрость». По мнению Л.П. Маринович, точнее было бы перевести это слово как «превосходные качества, доблести», при этом она ссылается как на западноевропейские, так и на русские переводы Г. Янчевецкого и Э.Д. Фролова. Исследовательница отмечает, что этот нюанс в лексике Ксенофонта весьма любопытен, так как, не меняя существа дела (поскольку для грека-наемника добродетель Кира заключается прежде всего в щедрости), он, говоря об *aretē*, переносит акцент на моральный аспект¹.

В «Анабасисе» говорится, что фессалиец Аристипп (как и беотиец Проксен), был связан с Киrom Младшим узами гостеприимства (т.е. ксений, тот, кто был связан ксеническими связями, назывался *xenos*). Даже после гибели Кира в переговорах с Тиссаферном Клеарх предлагал наняться на службу для помощи, например, против Египта или писидийцев (An., II.5.13). То есть уже во время Ксенофонта греки не считали необычным или постыдным наниматься на военную службу к персам (правда, не для войны с другими эллинами) и в данном случае после гибели одного нанимателя они готовы перейти на службу к другому, несмотря на то, что только что сражались на другой стороне². Следует отметить, что после возвращения в Грецию Ксенофонт был заочно изгнан из Афин вовсе не за службу в войске Кира Младшего, а за то, что сражался в битве при Коронее (394 г. до н.э.) на стороне спартанцев против объединенного войска Афин, Аргоса, Беотии, Коринфа, Эвбеи, Локриды и Эниании.

Хотя первоначально говорится о доверии (*pistis*), каким царь пользуется у греков и варваров, но после того, когда греческие военачальники, приглашенные для переговоров, были схвачены и казнены, Клеанор из Орхомена говорит о «клятвопреступничестве и безбожии» (*epiorkian kai asebeian*) царя (An., III.2.4). Однако Ш. Бэссет в статье «Невинные жертвы или клятвопреступные изменники? Захват греческих командиров в "Анабасисе" Ксенофонта», используя в качестве источников сочинения Дидора Сицилийского и Ктесия («История Персии»), приходит к выводу, что Тиссаферн добился того, чтобы греки оказались в таком положении, в котором у них не оставалось выбора, и они принесли бы клятвы, которые не могли выполнить³, поскольку денег на покупку продовольствия у греков не было, приходилось грабить местности, через которые они проходили, а персы не выдавали им денег.

Ксенофонт отмечает могущество и богатство державы царя. Например, он говорил лохагам Проксена, что пока союз [с царем] был в силе, он не переставал жалеть греков и завидовать царю и его приближенным, видя, какой богатой и обширной страной они владеют, сколь неисчерпаемо здесь продовольствие, какое множество тут слуг, стад, золота и одежд (An., III.1.19). Ксенофонт говорил своим воинам, что правильно и честно было бы попытаться добраться в Элладу к своим родным и объяснить эллинам, что у них есть возможность отправить сюда людей, живущих там (в Элладе) в скудости и увидеть их богачами (An., III.2.26). Эти идеи отражают имевшиеся ко времени Ксенофонта представления греков о возможности завоевания Востока и его богатств⁴.

Что касается восприятия персов, то поскольку, как справедливо отмечает Т. Миллер, моральное достоинство человека, по мнению Ксенофонта, определяется тем, насколько он верен своим друзьям, правдив и честен с ними⁵, то следует отметить, что персы делятся на тех, кто верен и предан (примером преданности могут быть некоторые приближенные Кира, в битве с царем показавшие свою верность (An., I.8.27-29), и тех, кто вероломен (например, Оронт, один из знатных персов, который хотел перейти от Кира на сторону царя). Ксенофонт (возможно, неверно)⁶ отмечает, что от Кира к царю никто не перешел, тогда как от царя к Киру перешли многие, так как полагали, «что, став приближенными Кира, они будут в большем почете, чем оставаясь у царя»

(An., I.9.29). Этот момент был для Ксенофонта особенно важен, поскольку тема власти⁷, в том числе подчинения власти, была одной из любимых тем Ксенофонта⁸. Следует также отметить момент, когда Кир, рассерженный на то, что, как ему показалось, его приказ вытащить повозки из топи исполняется нерадиво, повелел самым знатным из стоявших вокруг него персов скорее сдвинуть их с места. Историк замечает: «Тут-то и можно было увидеть пример отличного послушания (в переводе М.И. Максимовой «дисциплины»)! (*eytaxia*) ... они, сбросив с себя пурпурные кафтаны, прямо там, где стояли, кинулись, словно бегуны за наградой, в драгоценных хитонах и пестрых шароварах, некоторые даже с ожерельями вокруг шеи и с запястьями на руках, и во всем этом убранстве попрыгали в топь... и вынесли [повозки] быстрее, чем можно было подумать» (An., I.5.8). В этом эпизоде Ксенофонт, с одной стороны, отмечает свойственное варварам раболепие, подчинение господину, чуждое греческому духу, с другой стороны, можно предположить, что Ксенофонт восхищен послушанием персов, поскольку в своих сочинениях не раз подчеркивал, что подчинение власти и дисциплина являются основами нормального существования общества. В частности, в другом своем сочинении «Домострой», он говорит, что «на свете нет ничего столь полезного, столь прекрасного, как порядок» (Оес., 8.3). Порядок Ксенофонт усматривает главным образом в человеческой жизни, в жизненных вещах, социально⁹.

Интересными представляются слова Тиссаферна на переговорах с греческим военачальником Клеархом о том, что «огонь все же сильнее посевов» (An., II.5.19), и поэтому, даже если греки в военном отношении окажутся сильнее персов, те смогут выжигать землю на пути греческого отряда и поставить греков один на один с голодом. Возможно, огонь (*pur*) символизирует иранскую цивилизацию, поскольку он является священной стихией зороастризма, а посевы или плоды (*toy karpou*) символизируют греческую земледельческую цивилизацию, где большое значение имели культы Деметры и Диониса. Как отмечает П. Картледж, тот факт, что Ксенофонт называет племя моссинеков, обитавших на южном побережье Черного моря, «наиболее варварским» из всех племен, с которыми отряду «десяти тысяч» приходилось встречаться, поскольку те ели хлеб не так, как греки (см. An., V.4), может быть объяснен той значимостью, которую для греков играл культ Деметры, особенно в Элевсине, где посвящение в мистерии носило панэллинский характер, так как оно было возможно для всех, кто говорил на греческом языке, независимо от национальной принадлежности или социального статуса¹⁰.

Здесь также стоит вспомнить и о *фарне*, который выступает в «Авесте» как божественная сущность, приносящая богатство, могущество, власть, являющаяся спутником победы. Тот, у кого есть *фарн*, обладает «благой судьбой». *Фарн*, реализуемый как доля, судьба, счастье, свойственен, видимо, всем ариям (Яшт, X.105). В «Авесте» *фарн* может являться в виде огня (Яшт, X.127). Поэтому в этом отрывке, возможно, нашло отражение представление персов о том, что они превосходят греков, которые не обладают *фарном*.

Примером отрицательного отзыва о персах служит случай, когда Кир перед битвой с царем, собрав греческих начальников, ободряет их словами о том, будто взял греков как союзников потому, что считает их «и сильнее, и храбрее самых многочисленных варваров», а также призывает их быть достойными той свободы, которой они добились, в которой он видит их счастье и которую сам рад был бы купить ценой всего, что имеет и еще многого в придачу (An., I.7.3). Д. Диллери справедливо отмечает, что поскольку Ксенофонт вложил эту оценку в уста варвара, восточного человека (*easterner*), это придает ей более высокую степень достоверности, чем если бы это было высказывание грека¹¹. Эпизод, когда варваров принуждали к бою бичами, по видимому, также является показателем военного превосходства греков в «Анабасисе». Однако здесь, вероятно, имеет место неправильная трактовка Ксенофонтом персидского ритуала. В своей «Истории» Геродот также повествует о том, что воины армии Ксеркса принуждались к бою, к походу и к труду ударами бичей (Hdt., VII.223; VII.22; VII.56). Можно предположить, что это был некий ритуал, уходивший корнями в глубокую древность и связанный с хлыстом как атрибутом царской власти иранцев, который неправильно воспринимался греками как принуждение к действию. Геродот упоминает о том, что во время похода на Элладу, когда буря разметала мост через Геллеспонт, Ксеркс в гневе повелел наказать Геллеспонт тремястами ударами бича, а затем бросить

в пролив оковы и заклеить клеймом (Hdt., VII.35). Повествуя о бое в Фермопилах, Геродот отмечает, что во время последней схватки персы шли в бой, подгоняемые с помощью бичей своими начальниками отрядов (Hdt., VII.223). Что касается бичевания Геллеспонта, то, вероятно, мы не можем рассматривать этот эпизод как наказание, поскольку вода – священная стихия зороастризма. Для иллюстрации отношения к воде у зороастрийцев С. Рейнак привел пример из «Естественной истории» Плиния Старшего (XXX. 6), когда маг отказывался путешествовать по воде, из-за боязни осквернить море своими извержениями¹². Он же высказал предположение, что бросание оков в Геллеспонт символизировало венчание царя с морем.

После 1969 г. в кургане Иссык (50 км к востоку от Алма-Аты) были найдены золотая стрела и плеть с золотой рукоятью. Эти находки Е.Е. Кузьмина сопоставила с авестийским рассказом о том, как верховный бог Ахура Мазда вручил золотую стрелу и хлыст первому царю иранцев Йиме – сыну солнца, чтобы тот расширил землю, ставшую тесной для скота и людей. С тех пор золотая стрела и хлыст стали эмблемами владык ираноязычных племен¹³. Поскольку курган Иссык не относится к элитарным, но имеет богатый сопровождающий инвентарь, погребенного в нем следует считать не вождем племени, а военным предводителем или военным вождем¹⁴. Ксеркс же, возглавлявший поход на Элладу, был верховным полководцем.

Кроме того Геродот отмечает, что в утро перед переправой Ксеркс, после молитвы солнцу (т.е. Митре), бросил в Геллеспонт золотую чашу, из которой делал возлияние Митре, золотой кубок и акинак. Войска переправлялись по мосту через Геллеспонт под ударами бичей (Hdt., VII.56). Таким образом, бичевание воинов, о котором сообщают Геродот и Ксенофонт, можно рассматривать не как принуждение к бою или походу, а как ритуал, связанный с одним из иранских атрибутов царской власти.

Во время похода через Вавилонию греки из отряда «десяти тысяч», возможно, неправильно восприняли и тот факт, что каналы, находившиеся в местности, где они шли, были полны водой, как они считали, для того, чтобы создать им препятствие, поскольку в это время года в каналы не пускали столько воды. Однако греческое войско находилось в зоне интенсивного земледелия¹⁵, вследствие чего вода в каналах была здесь и в это время года.

Таким образом, в «Анабасисе» Ксенофонт показал превосходство греков над персами как в военном отношении, так и в отношении моральном, поскольку персы, в том числе и царь, проявляли вероломство, нарушая данные клятвы. Однако следует отметить, что греки и сами не придерживались должным образом данных клятв, давая тем самым персам предлог для того, чтобы попытаться уничтожить войско греков. Очевидно, что не все персидские реалии правильно воспринимались эллинами, поскольку у них не было ясных представлений о религии персов, и поэтому те или иные персидские ритуалы и воззрения получали совершенно иное освещение в греческих источниках. Вместе с тем, Ксенофонт отмечает могущество державы царя и ее богатство, а также говорит о перспективах завоевания этой державы, поскольку военная мощь персов не являлась к этому значительным препятствием.

Примечания:

1. Маринович Л.П. *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 127-128.*

2. *О греческих наемниках см. также: Trundle M. Greek Mercenaries: from the Late Archaic Period to Alexander. Abingdon; Oxon; New York, 2004 (с библиографией).*

3. Bassett S.R. *Innocent Victims or Perjurers Betrayed? The Arrest of the Generals in Xenophon's «Anabasis» // Classical Quarterly. New Series. Vol. 52. No 2. P. 461.*

4. Максимова М.И. *Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. М.; Л., 1951. С. 230-232.*

5. Миллер Т. *Историческая проза Древней Греции // Историки Греции: Геродот. Фукидид. Ксенофонт. М., 1976. С. 22.*

6. Бриан П. *Дарий в тени Александра. М., 2007. С. 132.*

7. Фролов Э.Д. *Ксенофонт и поздняя тирания // ВДИ. 1969. №1. С. 108-124.*

8. Борухович В.Г., Фролов Э.Д. *Примечания // Ксенофонт. Киропедия. М., 1976. С. 313, прим. 2.*

9. Тахо-Годи А.А. Классическое и эллинистическое представление о красоте в действительности и искусстве // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах, терминах. СПб., 1999. С. 495.
10. Cartledge P. *The Greeks. A Portrait of Self and Others*. Oxford, 2002. P. 59-60.
11. Dillery J. *Xenophon and the History of His Times*. London, 1995. P. 61.
12. Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. Париж, 1910. С. 80.
13. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 91.
14. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ. 2001. <http://iratta.com/gutnov/11550-formirovanie-druzliny.html>
15. Bassett S.R. *Op. cit.* P. 449.

АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ И ЭТИМОЛОГИИ ТИТУЛОВ ЦАРЕЙ ЛИКИИ VI–IV ВВ. ДО Н.Э. В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.А. Баранов

Воронежский государственный университет

В статье анализируются различные подходы к интерпретации, так называемой формулы «квази-датирования», которая считается основным маркером, указывавшим носителей высшей власти в Ликии VI–IV в. до н.э. Автор пытается обобщить все существующие в настоящее время толкования значения этой лексической конструкции и представить некоторые свои соображения на этот счёт.

Ключевые слова: Ликия, ликийские цари, династы, формула «квази-датирования», царская титулатура, историография.

ANALYSIS OF SEMANTICS AND ETYMOLOGY OF THE LYCIAN ROYAL TITLES VI–IV CENTURIES B.C. IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

D.A. Baranov

Voronezh State University

The paper considers different interpretation approaches of so-called «quasi-dating formula». This formula is considered to be a major marker to indicate the highest authority bearers in Lycia VI - IV centuries BC. The author tries to summarize all currently existing interpretations of this lexical structure significance and to present some of his own views on this subject.

Key words: Lycia, Lycian kings, dynasts, «quasi-dating formula», royal titles, historiography.

Цари и династы Ликии (юго-западная часть Малой Азии), правившие страной с момента её завоевания персидским царём Киром II, пользовались не только всеобъемлющей властью и свободой политической воли в рамках вверенного им субъекта империи, но и активно внедряли местную разновидность «династической пропаганды»¹. Это отражает чрезвычайно разнородная по своему происхождению и структуре местная титулатура ликийских царей и истребления. Помимо вполне традиционного функционального инструментария, отражённого в титулах полководца (ТАМ I 44. а. 46: *tarbide*) или судьи (ТАМ I 44. с. 4: *maraza*), локальные монархи Ликии использовали в оставленных ими эпиграфических документах так называемую «властную формулу». Она звучит как *εΠνεΠ...χῆτawata*. Именно эта конструкция нуждается, пожалуй, в особо тщательном анализе, которому мы и сочли необходимым посвятить данный весьма незначительный сюжет.

Географические рамки степени распространённости «властной формулы» весьма обширны. Перечисленные ниже надписи дают пространственный диапазон от Ксанфа до Лимиры², что естественно не может не показывать особую значимость оборота, как политического маркера, указывавшего на весьма существенную роль её носителя³.

Имена ликийских «вождей» в абсолютном большинстве случаев подставлялись в формулу в генитиве с окончанием *-he*⁴. Данную лексическую конструкцию содержит большинство надписей погребального характера (ТАМ I 11. 2–3; 43. 2; 61. 2; 64. 2; 67. 2; 77. 2b; 83. 5–6; 103. 3; 131. 1–2; N 310. 4; N 314. 7–8; N 315. 2; N 320. 7–8; N 320. 28), а также её можно встретить в ряде строк династических хроник «Ксанфийского Обелиска» (ТАМ I 44. а. 51; b. 37, 58, 62–64, с. 8–9, 10–11), и с незначительными лексическими

отличиями в милийской (архаический вариант ликийского) части этого текста как $\chi\eta\tau\text{-awaza}^5$ (ТАМ I 44 с. 41, 43, 54; d. 6, 67, 71). Следует заметить, что формула встречается в качестве обозначения полномочий абсолютного большинства сколь либо значимых политических персон ликийской истории⁶. Однако она не всегда употреблялась с именами династов, известных в качестве правителей, занимавшихся денежной эмиссией⁷ (ТАМ I 43. 2; 77. 2b; N 310.4; N 320 b. 7⁸), что сразу же наводит на мысли об её особом практическом статусе, как термина, обозначавшего не столько властные регалии применительно к отдельной территории/городу, но как выражение некоего статуса человека, наделённого рядом прав и обязанностей, выходящих за рамки лишь только эмиссионных и наместнических функций. Среди носителей оборота можно назвать как собственно представителей дома Гарпагидов второй половины V – первой четверти IV вв. (Керига: ТАМ I 43. 2), так и царей Артаксеркса II и Дария II (ТАМ I 44. b. 58-60), чью власть признавали и локальные ликийские правители, находясь в числе подданных империи. Некоторая часть надписей упоминает с применением рассматриваемого оборота лидийского сатрапа Афтофрадата (надпись Байиндир Лиман близ Феллоса ТАМ I 61. 2; и надпись из Тлоса ТАМ I 40. d. 1)⁹, а также зависимых от него персидских «субсатрапов» или чиновников Артумпару (ТАМ I 11. 2-3) и Митрапату (ТАМ I 64. 2)¹⁰, которые играли весьма значимую роль в Ликии, вероятнее всего, выступая ставленниками или в качестве царских военных губернаторов в период восстания сатрапов. Формулой активно пользовался их современник и антагонист Перикл Лимирский (ТАМ I 67. 2; 83. 5-6; 103. 3; 132. 1-2; N 314. 7-8), считающийся последним общеликийским монархом, а одновременно с этим вождём ликийцев в войне Ариобарзана и Датама против Артаксеркса II¹¹. Весьма вероятно также и то, что титул был представлен на ряде монет в виде аббревиатуры $-kh^{12}$ ($\mathcal{M}$), обозначая тем самым правителя-эмиссионера (M 222)¹³. Формула повсеместно встречается в совокупности с именами Александра Македонского в Тлосе (ТАМ I 49. 9)¹⁴, а также одного из представителей династии Птолемеев (*pttule*) в Кадиянде (ТАМ I 35. 1)¹⁵. Хотя скептики полагают, что последняя надпись на самом деле ранняя и апеллирует к правителю Патары, учитывая сходную форму начертания сокращённого имени города (*-ptt*), встречающейся на монетах (M 212)¹⁶.

Относительно вариантов семантико-этимологического анализа формулы в научной литературе изначально не было единства, что не могло не породить довольно продолжительную дискуссию на этот счёт¹⁷. Однако, начиная с Э. Калинки¹⁸ и О. Тройбера¹⁹, который одним из первых вслед за М. Шмидтом²⁰ предложил однозначный перевод $\chi\eta\tau\text{awata}$, как «князь» (*Der Fürst*), стало ясно, что речь идёт о некоем политическом титуле, носящем, вероятнее всего, исключительно индивидуальную принадлежность²¹, наиболее близким переводом которого в конечном итоге признали форму имени существительного $\chi\eta\tau\text{awat}$ (i) - «династ, король» или $\chi\eta\tau\text{awata}$ - «господство, королевская власть» («Anführer / Herrschaft»)²² на базе датирования, предложенного К. Шульцем²³, с дальнейшим уточнением для погребальных памятников (с частицей $-e\text{Π}ne\text{Π}$)²⁴ «быть/находиться под властью/командованием» («unter der Herrschaft von»²⁵ и «unter der Regentschaft / Herrschaft von»)²⁶, что стало своего рода общепризнанным когерентным решением²⁷. И если современные исследователи проблемы сходятся на общем значении термина как эпитета, принадлежавшего властной персоне, то относительно ситуативности его употребления в конкретной политической плоскости, а также в отношении определения рамок его функционального насыщения, единства по-прежнему не наблюдается.

Так, Тревор Брайс, опираясь на некоторые, зачастую противоречивые, замечания Эммануэля Лароша²⁸, обратил внимание на то, что рассматриваемая нами лексическая структура более всего замечена в качестве добавления к надписи-эпитафии усопшего представителя ликийской знати, который, возможно, тем самым маркировал себя в качестве умершего в период правления того или иного династа, обозначенного этой «quasi-dating formula»²⁹ (по Т. Брайсу). В связи с этим Я. Заль, следуя своей концепции «super-ruler», замечает, что куда вероятнее « $e\text{Π}ne\text{Π}... \chi\eta\tau\text{awata}$ » представляла собой не столько способ квази-датирования, сколько отражала «вассальный» характер взаимоотношений погребённого и династа именем и годами правления которого датировалось погребение, представляя собой своего рода «die-link»³⁰. На это указывал и Юрген Борхардт, который признал в формуле одновременно и политическую (отражение состояния вассалитета) и вспомогательную (способ датирования) составляющие,

хотя был склонен ограничивать применение оборота узким контекстом власти царей, в числе которых признавал лишь позднейшего династа Перикла из Лимиры (ТАМ I 103)³¹, и представителей династии Гарпагидов (Гергис и его сын Эрббина), с которых и начинается процесс широкого распространения, как самого оборота, так и связанного с ним движения в сторону унификации политической фразеологии³².

Последний вывод оказался неточным, как с точки зрения этимологии, так и с точки зрения хронологии появления формулы, которая используется уже формальным основоположником «второй династии» Арпшаку/Гарпагом³³ и, тем самым, должна была быть введена в оборот несколько ранее. С этим впоследствии был вынужден согласиться и австрийский исследователь (Ю. Борхардт), усматривая в носителе анализируемого нами титула признаки «ликиарха»³⁴, допуская вероятность того, что последний мог выступать в качестве династа, обладающего особым статусом общепризнанного политического главы «династического койне» региона. Однако, несмотря на это, Вольфганг Джениджес и Пьер Свиггерс настаивают на локальном применении титула, утверждая, что формула использовалась лишь в отношении местных династов разных уровней, которые наделялись правами наместников «Великого Царя» и обладали разными степенями политического контроля над ликийскими или анатолийскими городами вообще³⁵. Это, на наш взгляд, указывает на весьма поверхностную оценку исследователями характерных и репрезентативных особенностей лексического конструкта рассматриваемого оборота. Даже невооружённым взглядом можно легко заметить, что он разбивается на ряд чётких лексем, сравнительно легко поддающихся этимологическому разбору. Так основа *knta/xnta*³⁶ – «вести/направлять» («*der erste / der vornehmste*»)³⁷ должна была бы быть возведена к лувийскому ларингальному *hanza* – «начальный» (лув. *kñta-waz|ta* (лув. *handa-wata-*), что буквально значит «предводитель»³⁸. Благодаря этому, Р. Бикс сближает его с хеттским *ha-an-te-iz-zi-iš* (хетт. *hassu-«царь»*)³⁹ и, что более интересно, в конечном итоге приходит к выводу о наиболее вероятном с его точки зрения переводе фразы, как «командующий армией»⁴⁰. Такой вариант трактовки весьма близок с предложением С. Хорнблауэр, который, на основании интерпретации надписи одного из вассалов Перикла Лимирского, предложил прочтение термина как «гиппарх»⁴¹. Это весьма любопытное предположение было решительно отвергнуто оппонентами, однако заслуживает внимания, поскольку известно, что некоторые династы соседних регионов назывались так в нарративах и рассматривались в качестве представителей власти «Великих царей» в регионе.

Наконец, нельзя обойти вниманием любопытное допущение возможности сближения ликийского *xñtawata* с греческим *κανδαύλης*, что является традиционным вариантом имени последнего лидийского царя из династии Гераклидов. Гипотетическую близость двух конструкций выводят из отсутствия корреляций с фрако-фригийскими и иллирийскими именами, что указывает на единственное объяснение этимологии возможным лидо-ликийским (западно-анатолийским) родством обеих лексем⁴². Это тем более интересно в свете современных представлений о генезисе системы титулов из имён полулегендарных персонажей. Ярким примером тому может явиться имя киликийского правителя Сиеннесия, в котором многие исследователи усматривают титул всех (или большинства) царей Киликии архаического и классического времени.

Интересно, что рассматриваемым нами термином наряду с владыками Ксанфа довольно активно пользовались и локальные династы Ликии, правители небольших поселений и отдельных провинциальных городов. Среди последних случаев наиболее интересен монарх города Тлос Израза, считающийся автором погребального монумента (о чём свидетельствует отрывок ТАМ I 26. 1: *erubliya me ñt[e tuwete ne Izraza]* датированного последней четвертью V в. до н.э., на котором была зафиксирована надпись религиозно-культового содержания (на что указывает, в частности, эпитет ТАМ I 26. 2-3: *Trqqq: [теоним]: Êni mahanañi :] se qlabi*)⁴³. Здесь автор именуется себя, ни много ни мало как «правитель ликийцев», упоминая в титуле не конкретный город, а характерный обобщающий этноним (ТАМ I 26. 2: *Trmmisñ : xñtawat[a/i]*).

В связи с этим, оригинальный вариант трактовки термина предложил в одной из своих последних работ Дитер Шюрр, который на основании переосмысления терминологического ряда династической хроники «Ксанфийскогоobeliska», а также анализа эпиграфического материала местных династических родов (в частности, фор-

ма *x̄tewete* в ТАМ I. 11: надпись на гробнице в Пинаре и *x̄tawat[ ]* ТАМ I 26. 2; надписи на гробнице Изразы в Тлосе), высказал мнение о возможном обозначении через формулу отношений собственности и власти, а также локальных династов и «принцев», и дал наиболее вероятный с его точки зрения перевод, как «владелец/управленец» (применяя этот вариант трактовки к формам фразы *x̄tewete*, *x̄tawat[ ]*, «*beherrschte*»)⁴⁴. По его мнению, региональные династы могли использовать термин в тех случаях, когда хотели указать на себя как на правителей группы территорий⁴⁵. Классическим примером может быть тот же Израза, который совершенно однозначно перечисляет группу городов, в числе которых упоминается Тельмес и Пинара (ТАМ I 26. 20-21: *Izraza : tibera [Arīna] Pinale : Telebehi : Xadawāti*), а не только управляемый им Тлос.

Своё логическое завершение предположения Д. Шюрра нашли в рассуждениях Эрика Раймона, который дал убедительное доказательство необходимости лексического, а вслед за ним и логического разведения трёх форм термина, тем самым синтезировав предшествовавшие варианты значения оборота. Так обычная форма «квасидатирования», употребляемая в надписях-эпитафиях ликийской военной аристократии и звучащая как «находиться под властью/контролем» *εΠνεΠ...x̄tawata* («*domination/royauté*»), определяла отношение вассалитета представителя аристократии (аристократического клана) той или иной части страны к династу-правителю, тогда как форма третьего лица *x̄tawat[e]* предполагала функции административного и военного характера «*commander, régner*», и содержится в основном на династических стелах совместно с этно-топонимикой. Третий вариант употребления термина выступал в качестве субстантива *x̄tawat(i)*, который Э. Раймон уверенно переводит как «*dynaste, roi*»⁴⁶. Эту же особенность ликийской лексемы заметил и Д. Гигакс, который обращает особое внимание на текст из Летоона, где разновидность властной формулы *x̄tawati* имеет прямое соответствие в греческой части надписи, в лице явно синонимичного ему βασιλεύς⁴⁷, что следует и из греческой надписи правителя Лимиры. И далее здесь же представлено в арамейской части текста в виде *KNDWS*, что вновь заставляет нас вернуться к вышеупомянутой параллели с греческим *κωνδαύλης* и возможным варианте общеанатолийского генезиса термина, который мог присутствовать в различных вариациях и иметь весьма оригинальные параллели за пределами Ликии (в том числе в арамейском)⁴⁸.

Учитывая всё это, пожалуй, мы не можем не согласиться с метким наблюдением Давида Ашери, который одним из первых напрямую связал ликийское *εΠνεΠ...x̄tawati* с греческим *δυνάστης*, вполне оправданно указывая на тот факт, что начальное значение этой конструкции являлось обозначением человека, облечённого властью в качестве субсатрапа, или, возможно, «помощника» сатрапа в Сардах, который формально осуществлял главенствующую роль («*sotto-satrap*»)⁴⁹. Обладая набором определённых политических инструментов, ликийский *x̄tawata* долгое время воспринимался как лидер всей военно-политической верхушки региона в лице местных аристократов - глав общин и крупных городских центров, будучи одновременно с этим лицом, подотчётным сатрапу или царю. И уже с течением времени этот статус в глазах эллинов трансформируется в обычного наследственного династа («*dinasta ereditario*»)⁵⁰, правителя, обладавшего властью, схожей по своему характеру и облику с властью греческого тирана. На наш взгляд, указанный Д. Ашери принцип наследственности сыграл одну из ключевых ролей в политической трансформации титула из его первоначального значения как местного чиновника, аналога сатрапа, в термин, которым обозначался собственно наследственный царь или территориальный монарх. Постепенно обретая самостоятельность от центральной имперской администрации, накапливая военные и экономические силы, ликийские династы всё более активно наступают на права сатрапа в Сардах, освобождаясь от его власти. Так Гергис/Керига наряду с ликийской властной формулой активно внедряет концепт греческой царской власти, делая особый упор на семейные узы, тогда как его сын, воинственный Эрбина, будучи филэллином, обозначает характер своего господства как «*ετυράννει*» (SEG IX. 1414. 7), а некоторое время спустя окончательно порвавший с персами Перикл Лимирский, называя себя «царём ликийцев», завершает превращение ликийской властной формулы в эпитет личной царской власти⁵¹. Последний на какое-то время, освободившись из под персидского административного контроля, будучи участником «Великого восста-

ния сатрапий», по всей видимости, и дал повод современнику Исократу к его фразе о том, что Ликия не склонилась перед властью персов (Isocr. Paneg. 161)⁵².

Таким образом, «властная формула» ликийских правителей, на современном этапе понимания лексико-этимологических обстоятельств её употребления, может выступать в качестве прямой параллели греческому термину «династ», именно в том качестве, в котором он понимался концепцией форм власти Д. Мусти⁵³, который индивидуализировал династический тип господства, как обязательный атрибут сложно устроенного государственного образования та κράυματα, включающий в себя, во-первых, идеологию военной монархии с опорой на δυναμεις, а во-вторых, концепт управляемой таким образом территориально-этнической общности, где наряду с вполне понятными эллинам εθνη и πολεεις, присутствует и δυνασται⁵⁴.

Примечания:

1. Rutherford I. *Interference or Translationese? : Some Patterns in Lycian-Greek Bilingualism // Bilingualism in ancient society: language contact and the written word / Ed. by J. N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002. P. 197-201.*

2. Behrwald R. *Der Lykische Bund. Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung, Bonn, 2000. S. 22; Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide, Bologna, 1983. P. 60.*

3. Keen A.G. *Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545–362 BC. Leiden, 1998. P. 46.*

4. Hajnal I. *Der lykische Vokalismus: Methode und Erkenntnisse der vergleichenden anatolischen Sprachwissenschaft auf das Vokalsystem einer Kleincorpusprache. Graz, 1995. S. 196.*

5. Милыйское окончание –waza всегда использовалось в терминах обозначавших должностных лиц: Benda-Weber I. *Lykier und Karer. Zwei autochthone Ethnien Kleinasiens zwischen Orient und Okzident. Bonn, 2005. S. 48.*

6. Schweyer A-V. *Les Lyciens et la mort: une étude d'histoire sociale. Paris, 2002. P. 136-137.*

7. Gygaх M.D. *Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit. Bonn, 2001. S. 76.*

8. В Летоонской трилинзге используется в совокупности с теонимом. см.: Bryce. *The Other Pericles // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1980. Vol. 29. № 3. P. 379. n. 16.*

9. Borchhardt J. *Kulturgeschichtliche Betrachtungen // Götter, Heroen, Herrscher in Lykien / Hrsg. von J. Borchhardt, R. Jacobek, A. Dinstl. Wien, 1990. S. 29.*

10. Foss C. *Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Aldershot, 1996. P. 10.*

11. Bosworth A.B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1: Commentary on Books I-III. Oxford, 1980. P. 156, 158.*

12. Возможно также начальная часть имени одного из Гарпагидов см.: Tietz. *Der Golf von Fethiye: Politische, ethnische und kulturelle Strukturen einer Grenzregion vom Beginn der nachweisbaren Besiedlung bis in die römische Kaiserzeit. Habelt, 2003. S. 69; Gygaх. Op. cit. S. 71.*

13. Tietz W. *Op. cit. S. 93. Anm. 409.*

14. Надпись на монументе Икуве в Глосе (вероятный ставленник Александра) см.: Cau N. *L'uso delle formule di datazione nelle iscrizioni licie // Egitto e Vicino Oriente. Vol. XXII–XXIII. 1999–2000. P. 181.*

15. Об утверждении династии Птолмеев (около 309 г. до н.э.) в Ликии см.: Kolb F. *Kurke B. Lykien. Mainz, 1992. S. 21-22; О трактовке надписи см.: Frei P. Geschichte Lykiens im Altertum // Götter, Heroen, Herrscher in Lykien / Hrsg. von J. Borchhardt R. Jacobek, A. Dinstl. Wien, 1990. S. 12.*

16. Mørholm O. Neumann G. *Die lykischen Münzlegenden // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Klasse. 1978. № 1. S. 23.*

17. Heubeck A. *Lykisch xntawata // Studia Mediterranea P. Meriggi dicata I / Ed. O. Carruba. Pavia, 1979. S. 247-260.*

18. Childs W.A. P. *Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-Examined // Anatolian Studies. 1981. Vol. 31. P. 69. n. 78.*

19. Treuber O. *Geschichte der Lykier. Stuttgart. 1887. S. 104.*

20. Schmidt M., Kunhn A. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1879. S. 443.*

21. Houwink ten Cate Ph. H.J. *The Luwian population Groups of Lycia and Cilicia Aspera During the Hellenistic Period. Leiden, 1961. P. 9, 92.*

22. Neumann G. *Lykisch // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 2. Abschn. 1/2. Lieferung 2. Beitrag 4. Leiden, 1969. S. 383.*

23. Schulz K.I. *Zur Bauaufnahme und Rekonstruktion // Revue Archéologique. 1976. P. 87-92.*

24. Daues A. *Form und Funktion – die Wortstellung in den lykischen Grabinschriften // Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 24. bis 26. September 2007 in Marburg / Hrsg. von Rieken E., Widmer P. Wiesbaden, 2009. S. 61. Abb. 18.*
25. Strathmann C. *Grabkultur Im Antiken Lykien Des 6. Bis 4. Jahrhundert V. Chr: Grabanlagen in Ihrem Baulichen Und Gesellschaftlichen Kontext. Lang, 2002. S. 169.*
26. Zimmermann C. *Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens. Bonn, 1992. S. 28.*
27. Gusmani R. *Kleinasiatische Miscellen // Indogermanische Forschungen. 68. 1963. S. 284–289.*
28. Laroche E. *L'inscription lycienne // Fouilles de Xanthos VI. La stèle trilingue du Létôon / Ed. H. Metzger. Paris, 1979. S. 56, 104–105.*
29. Savalli I. *L'idéologie dynastique des poèmes grecs de Xanthos // L'Antiquité Classique. 1988. Vol. 57. P 119.*
30. Zahl J. *Arkæologiske studiere i lykiske klippegrave. Copenhagen, 1983. S. 30.*
31. Lebrun R. *Studia Lyciaca // Hethitica XIV 25e Anniversaire de La Collection (1972–1999). Louvain-la-Neuve, 1999. P. 44; Borchhardt J. Ein Totengericht in Lykien. Zum Grabmal des χῆtabura in Limyra // Istanbul Mitteilungen. Bd. 19–20. 1969–1970. S. 220.*
32. Borchhardt J. *Zur Deutung lykischer Audienzszenen // Actes du Colloque sur la Lycie Antique. Paris, 1980. S. 8.*
33. Schmitt R. *Iranische Wörter und Namen im Lykischen / Hrsg. von Neumann G., Tischler J. // Serta Indogermanica. Innsbruck, 1982. S. 378.*
34. Borchhardt J. *Dynasten und Beamte in Lykien whrend der persischen und attischen Herrschaft // Variatio Delectat: Iran und der Westen / Hrsg. von P. Calmeyer, R. Dittmann. 2000. S. 105.*
35. Jenniges W., Swiggers P. *The Lycian Shift ā > u and its Implications for the Study of the Epigraphic Materials // The Asia Minor Connexion Studies on the Pre-Greek Languages in Memory of Charles Carter / Ed. by Y. Arbeitman. Leuven, 2000. P. 114.*
36. Shevoroshkin V. *Notes on Lycian and Milyan // The Asia Minor Connexion. Studies on the Pre-Greek Languages in Memory of Charles Carter / Ed. by Y. L. Arbeitman. Leuven, 2000. P. 207.*
37. Neumann G. *Glossar des Lykischen. Überarbeitet und zum Druck gebracht von Johann Tischler. Wiesbaden, 2007. S. 128.*
38. Шеворошкин В.В. *К проблеме лийкийского языка // Вопросы Языкознания. 1968. № 6. С. 73.*
39. Puhvel J. *Hittite Etymological Dictionary Volume 6: Words beginning with M. Berlin - New York, 2004. P. 199.*
40. Beaks R.S.P. *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. Mouton, 1969. P. 127.*
41. Hornblower S. *Mausolus. Oxford, 1982. S. 181.*
42. Lipiński E. *Gygès et Lygdamis d'après les sources hébraïques et néo-assyriennes // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1994. Vol. 24. P. 65.*
43. Raimond E. *Etude philologique des inscriptions lyciennes : 1 – Tlós // Colloquium Anatolicum. IV. 2005. P. 156.*
44. Schürr D. *Lykisch qurtta und *señaha // Indogermanische Forschungen. 2008. Vol. 113. S. 179.*
45. *Аналогичную точку зрения P. Бехрвальда со ссылкой на У. Чайлдса см.: Behrwald. Op. cit. S. 27. Anm. 72.*
46. Raimond E. *Op. cit. P. 159; Трактовка χῆtabwat(i) = «könig» см.: Hajnal I. Der adjektivische Genitivausdruck der luwischen Sprachen (im Lichte neuerer Erkenntnis) // 125 Jahre Indogermanistik in Graz: Festband anlässlich des 125 jährigen Bestehens der Forschungsrichtung "Indogermanistik" an der Karl-Franzens-Universität Graz / Hrsg. von M. Ofitsch, Ch. Zinko. Graz, 2000. S. 170.*
47. Gygax M.D. *Op. cit. S. 74. Anm. 34.*
48. Adiego I.J. *Contribuciones al desciframiento del cario // Kadmos. 1995. Vol. 34. P. 18.*
49. Asheri D. *Op. cit. P. 60.*
50. *Ibid.*
51. Gygax M.D. *Op. cit. S. 74.*
52. Marek C. *Frei P. Geschichte Kleinasiens in der Antike. Munich, 2010. S. 208.*
53. Bearzot C. *Il concetto di 'dynasteia' e lo stato ellenistico // Gli stati territoriali nel mondo antico / Ed. C. Bearzot, F. Landucci, G. Zecchini. Milano, 2003. P. 21.*
54. Billows R.A. *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, 1995. P. 82–83.*

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА

ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС ТРУДА ВОИНОВ В АФИНАХ В IV В. ДО Н.Э.

В.А. Дюкарев

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

В данной статье исследуется отношение древних греков к труду воинов, не получившее достаточного освещения в трудах антиковедов. Источниковую базу работы составляют комедии Менандра и иные литературные памятники IV в. до н.э. В ходе их анализа прослежена эволюция в представлениях древних греков о труде воинов, изучены причины произошедших изменений.

Ключевые слова: аксиология, ценности, труд, Древняя Греция, Менандр.

THE VALUABLE STATUS OF MILITARY WORK IN ATHENES IN IV CENTURY B.C.

V.A. Dyukarev

Belgorod National Research University

In given article the relation of ancient Greeks to work of the soldiers, not received sufficient illumination in works of historians is investigated. The source's base of work is made by comedies of Menander and other literary monuments of IV century BC. During their analysis evolution in representations of ancient Greeks about work of soldiers is tracked, the reasons of the occurred changes are studied.

Key words: axiology, values, labor, Ancient Greece, Menander.

На сегодняшний день одним из наиболее динамичных направлений развития истории как науки является исследование этнопсихологии и менталитета древних обществ, позволяющее современному учёному приблизиться к осознанию основных императивов поведения человека изучаемой эпохи, определить причинно-следственные связи тех или иных действий и событий путём проникновения в сферу нематериальную. Одним из важнейших этапов в достижении этого является исследование системы ценностей изучаемого общества.

Концепция труда и собственности рассматривается как конститутивный элемент модели мира в любом обществе. Труд – социально-экономическая категория, представляет собой, в то же время, категорию нравственную и мировоззренческую: труд может получать высокую или низкую оценку, его роль в человеческой жизни может пониматься по-разному.

В данном случае, предметом исследования выступает отношение древних греков к труду воинов, не получившее достаточного освещения в трудах антиковедов. Большинство учёных, так или иначе затрагивающих данный аспект в своих исследованиях, однозначно ставят труд воинов на вершину иерархии труда в Древней Греции. И, следует отметить, делают это не обоснованно: чего стоит только замечание Аристофана в «Лягушках» (1030 слл.):

*Вот о чём мы, поэты, и мыслить должны, и заботиться с первой же песни,
Чтоб полезными быть, чтобы мудрость и честь среди граждан послушли-
вых сеять.*

<...> Гомер богоравный

*Потому и стяжал восхваленье и честь, что прославил в стихах величавых
Битвы, воинский подвиг, оружье мужей.*

Несмотря на своё крайне негативное отношение к войне (по крайней мере, к войне Пелопоннесской), Аристофан в данном случае признаёт, что именно труд воинов является наиболее важным и чтимым в Древней Греции.

И это не единственная цитата, которую можно привлечь для доказательства заявленного тезиса. Однако, необходимо отметить, что даже такая почётная деятельность как война считается иногда унижительной. Ведь не случайно при определении

своего статуса сводный брат Аякса – Тевкр – в трагедии младшего современника Аристофана Софокла говорит: «Я – лучник вольный, - не тружусь за мзду (βάναυστον)» (Soph. Aj. 1150). Из данного фрагмента можно сделать предварительный вывод о том, что труд воинов является презренным при выполнении его за вознаграждение, о чём свидетельствует использованный трагиком термин. Наибольшее распространение он получает в трудах Аристотеля, Платона и, отчасти, Ксенофонта. Г. Лидделл и Р. Скотт переводят данный термин как «ремесло», «ремесленник» - однако, термин носит уничижительный характер (со ссылкой на Аристотеля, добавляют авторы)¹ по сравнению с более популярным для исследуемых источников нейтральным «ergon» - труд, дело, действие, занятие и т.д. Βάναυστος – термин, обозначающий труд по найму, за плату, не на себя. Такой труд отражал зависимое положение ремесленника или поденщика: продавая свои изделия или рабочую силу, афинянин как будто продавал самого себя².

Для уточнения полученного вывода мы обратились к малоизученному на сегодняшний день источнику – комедиям Менандра. Между тем на протяжении почти целого тысячелетия его комедии пользовались широчайшей известностью, их цитировали образованнейшие люди своего времени, а их автора нередко ставили на второе место после Гомера³. Таким образом, данный источник, на наш взгляд, будет вполне объективно отражать представления древних греков о труде воина середины IV в. до н.э.

Для начала необходимо отметить, что и во времена Менандра труд воина считался почётным и приличествующим свободному гражданину греческого полиса:

*Прими в расчет, отец, что, может, маленький
Знатнее нас. . . Средь подневольных выросши,
И на дела дерзнет, природе следуя,
Что господам к лицу: на львов охотиться,
Копье и щит носить, на состязаниях
Быть бегуном. . .*

(Третьейский суд, 320 слл. Пер. В.Н. Ярхо).

Однако, во времена автора с середины IV в. всё большую роль начинают играть наёмные армии. Главный герой комедии Менандра «Остриженная» прямо подтверждает это: "Наемники", <...> / Хотя горемык немало в наше времечко, - / Ведь почему-то нынче урожай большой / На них пошел по всей Элладе!». Значение ополчения снижается и война перестаёт быть священной обязанностью каждого гражданина, на которой можно обрести почётнейшую смерть (Herod. II, 73), она становится лишь средством обогащения:

*В грядущем - воины, оставив ратный стан,
Поля топтали и деревни грабили,
Добычей торговали - при больших деньгах
Назад стекались*

(Щит 30 слл. Пер. А. Парина).

Труд воина не рассматривается более как почётная деятельность, он воспринимается как профессия человека, как его ремесло. И судя по некоторым высказываниям героев Менандра ремеслом далеко не украшающим свободного афинянина:

*Сосия
Вот эти, со щитом, скорей, чем плюнешь ты,
Все разнесут, хотя четырехгрошными
Ты их зовешь.*

*Дав
Неверно: вы - совсем навоз.*

(Остриженная, 285 слл. Пер. Г. Церетели).

Именуя наёмников «четырёхгрошными», герой комедии Менандра указывает на то, что их дневной заработок равнялся четырём оболу. Следует отметить, что такой заработок характерен для неквалифицированных рабочих, занятых, например, в обще-

ственном строительстве,⁴ и других наемных рабочих (батраков в сельском хозяйстве, рабочих в ремесленных мастерских). То есть некогда почётнейший в Элладе труд воина приравнивается к труду в ремесленных мастерских и на общественном строительстве.

На наш взгляд, это было связано не только с трансформацией структуры «греческой армии» (увеличением в ней числа наемников) и изменениями в представлениях афинян о войне, но и с эволюцией всей ценностной системы греков. Если ранее, во времена Геродота и Эсхила, труд воина был ценен сам по себе и освящен великими победами против персов, то к периоду творчества Менандра определяющей характеристикой труда для древнего грека является не условия его выполнения (как свидетельствует Аристотель) и даже не общественная значимость его результатов, а положение субъекта той или иной деятельности. Считался унижительным и презирался не физический труд в целом или его отдельные виды, а, прежде всего, труд по найму, связанный с зависимым положением человека. Одной из причин таких изменений, очевидно, является дальнейшее развитие рабства в классический период истории древней Греции⁵.

Примечания:

1. Liddell H.G., Scott R.A. *Greek-English Lexicon*. – [Электронный ресурс] – <http://www.perseus.tufts.edu/> - Oxford: Clarendon Press, 1940.
2. Маринович Л.П. Презирали ли древние греки труд? // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андreeва*. СПб.: «Алетейя», 2000. С. 111-117.
3. Ярхо В.Н. Менандр - поэт, рожденный заново // *Менандр. Комедии. Фрагменты*. - [Электронный ресурс] – <http://www.lib.rus.ec/> М.: Наука, 1982.
4. Кузнецов В.Д. Ремесленники Элевсина // *ВДИ. № 3. 1989. С. 127-148*.
5. Сергеев В.С. *История Древней Греции*. М.: Полигон, 2002. С. 349.

ОТНОШЕНИЕ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО К ГАРУСПИЦИЯМ

А.В. Зибаяев

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В статье рассматривается двойственное отношение Константина Великого к гаданиям гаруспиков. С одной стороны, показаны причины негативного восприятия императором домашних гаруспий. С другой стороны, рассмотрен текст противоречивого эдикта (конституции) Константина от 321 г. н.э. из «Кодекса Феодосия» (CTh. 16.10.1) и доказана несостоятельность версии некоторых исследователей о его в целом отрицательном отношении к гаруспикам. Очевидно, что издание этого эдикта определялось не только политическими, но и личными мотивами Константина.

Ключевые слова: Кодекс Феодосия, Константин Великий, гаруспики, Зосим, мистицизм.

CONSTANTINE'S THE GREAT ATTITUDE TO THE HARUSPICIES

A.V. Zibaev

Saratov State University named after N.G. Tchernyshevsky

The paper considers the ambivalent attitude of Constantine the Great to the divinations of haruspices. On the one hand, it is showed the causes of emperor's negative perception of domestic haruspices. On the other hand, it is considered the text of the contradictory edict (*constitutio*) from the *Codex Theodosianus* which was issued by Constantine in AD 321 (CTh. 16.10.1). It is proved that the version by some modern researchers about Constantine's negative attitude to the haruspices in general is unreasonable. The publication of the edict obviously was determined not only by the political causes, but also by the personal Constantin's motives.

Key words: *Codex Theodosianus*, Constantine the Great, haruspices, Zosimus, mysticism.

Отношение Константина к культам античной цивилизации остаётся одной из самых важных и обсуждаемых проблем поздней античной истории. Вопрос о преследованиях императором языческих культов – ключевой в продолжающемся более ста лет споре противников и сторонников достоверности церковного предания. Последние имеют своими источниками Евсевия Кесарийского, Созомена и Сократа Схоластика. Особое место в этой многоаспектной проблеме занимает отношение Константина Великого к гаданиям, среди которых особо следует выделить гаруспииции.

Важнейший источник по этой проблеме – «Кодекс Феодосия» (*Codex Theodosianus*), который является сборником императорских постановлений (*constitutiones principes*) от Константина Великого до 438 г., составленных при императоре Феодосии II в 429–438 гг. Свод содержит около 2500 императорских указов (из них около 300 законов Константина), начиная с 312 г.² Религиозные вопросы освещаются лишь в незначительной части кодекса. Кодекс Феодосия почти полностью сохранился до нашего времени, хотя и с последующими вставками и дополнениями. Еще при составлении Кодекса Феодосий разрешил составителям заменять и сокращать тексты отдельных конституций, а также решать вопрос о действительности того или иного закона. В Кодекс не вошло законодательство по религиозным вопросам арианских императоров, некоторые указы, которые противоречили практике, сложившейся на востоке, а также те постановления, которые утратили значение к началу V в. Законодательство Константина против гаруспиций представлено в книгах IX и XVI.

Труд комита и адвоката фиска Зосима «Новая история»³, написанный приблизительно между 498 и 518 гг., является ещё одним важным источником. Его произведение состоит из шести книг и содержит обзор римской истории от Августа до 410 г., причем до 270 г. изложение носит суммарный и компилятивный характер, а интересующий нас период освещается довольно основательно и подробно. Основной идеей этого исторического произведения, замыкающего эпоху античной историографии, является мысль о том, что Рим был обязан своим величием покровительству древних богов, а его упадок связан с распространением христианства. Соответственно и события римской истории получают у Зосима тенденциозное освещение, так же, как и у Евнапия, которому он следовал и которого использовал как источник наряду с другими, тоже не дошедшими до нашего времени⁴. Труд Зосима – уникальный источник для IV в. и содержит множество сведений, недоступных исследователям из других текстов. Кроме того, вслед за Евнапием, Зосим – едва ли не единственный автор конца античности, излагающий неофициальную точку зрения на римскую историю. Он решил написать свой труд как продолжение «Всеобщей истории» Полибия. Император Константин упоминается во II-й книге, автор дает ему самые отрицательные характеристики и негативно оценивает его религиозную политику. Как и Полибий, Зосим считал, что судьба (*tychē*) играет в жизни людей и государства очень большую роль. По мнению А.Д. Рудокваса, с конца IV в., в связи с началом политического кризиса и полномасштабных варварских вторжений, идеологи языческой аристократии в качестве виновника всех бед стали видеть христианство. Это можно объяснить попыткой устранения противоречий между новыми общественными реалиями и традиционным миропониманием римских патриотов – язычников. Зосим явился основателем «идеологического мифа» о начале крушения империи именно со времени Константина⁵. Отвернувшись от «отеческих верований» (*tois patriois hierois*), Константин навлек гнев богов.

Сторонники церковного предания⁶ склонны доверять Евсевию Кесарийскому (Euseb. Vita Const. I.27) и другим церковным историкам (Socr. Schol. Hist. ecc. I.2) об изменении отношения императора Константина к гаданиям во время военной кампании против Максенция в 312 г. Согласно их взглядам, император, направляясь к Риму, находился в очень тяжелом положении ввиду малочисленности своей армии и тревожным слухам о попытках Максенция жертвоприношениями привлечь на свою сторону богов. Он не пренебрегал никакими средствами, обращаясь как к гадалкам, так и к Сивиллиным книгам. Подобного рода слухи не могли не напугать Константина, который посчитал, что Максенцию удалось получить покровительство римских богов. Поэтому император решил, что и ему необходимо обзавестись божественным покровительством, но в лице христианского Бога. Г. Буасье полагал, что пойти на этот шаг императора заставили неблагоприятные ауспиции и гаруспиции, проведенные незадолго до начала похода. В панегирике есть следующие слова, обращенные к Константину: «И какой бог, какая столь благосклонная сила повелели, чтобы ты сам (хотя все твои военачальники и приближенные не только молчаливо колебались, но и явно боялись), сам, вопреки советам людей и предсказаниям гаруспиков понял, что именно тогда ты должен приступить к освобождению города?» (Paneger., IX.2)⁷.

Доказательством враждебного отношения к гаданиям исследователи – многочисленные сторонники церковного предания считают законодательство 319–320 гг., где прямо под угрозой тяжелого наказания запрещались домашние гадания.

При этом многие историки обходили стороной закон 321 г., вызывающий серьёзные споры. Согласно ему в случае удара молнии по дворцу или прочим общественным местам необходимо обращаться за консультациями к гаруспикам.

Каждый из этих законов является эдиктом. Если исходить из первоначальной древнейшей формы императорских эдиктов, с формулой «*dicit*» или «*dicunt*», в виде обращения императора ко всему народу или части его, то законы Константина, на первый взгляд, не должны называться эдиктами: это письма к магистратам, которые в дальнейшем должны были объявляться народу⁸. Но, как отметил А.И. Бриллиантов, подобные «письма» не только имеют равную законодательную силу, они также вытесняют древнюю форму эдиктов⁹. К последующему времени относятся примеры существования «писем», в самом тексте которых содержатся названия *edictales leges*¹⁰. Рассмотрим кратко каждый из этих законов в отдельности.

Еще в 318 г. (CTh. 9.16.3) император издал закон на имя префекта города Рима Септимия Басса, в котором были осуждены отрицательные проявления «магии» (*magia*), а именно нанесение вреда человеческой жизни и чести. Вместе с тем применение её было разрешено в благих целях, а именно для лечения других людей и защиты урожая. По мнению Д. Каррана, Константин закрепил разделение магии на «черную» и «белую», которое было установлено еще в законах XII таблиц¹¹. К. Фарр¹², к примеру, отмечал, что в VIII-й таблице было проведено разграничение видов заклинаний, которые могли навредить: нанесение ущерба гражданину в виде клеветы и попытка «переманить на свой участок чужой урожай».

В 319 г. (CTh.9.16.2) Константин издал обращенный к римскому народу закон, который касался *гаруспиков* (*haruspices*) и *священнослужителей* (*sacerdotes*) о запрещении гаданий на дому. Отныне, осуществляющим обряды был запрещён вход в частные дома, даже под предлогом старой дружбы (*vetus amicitia*). Зато была разрешена их деятельность *на алтарях и общественных святынях* (*apud publicas adque delubra*). Внимание исследователей привлекло выражение: *Qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas adque delubra et consuetudinis vestrae celebrate sollemnia: nec enim prohibemus praeteritae usurpationis officia libera luce tractari*. «*Praeteritae usurpationis*», по мнению Д. Каррена, следует переводить как «ушедшее применение». Исходя из контекста, А.П. Лебедев предложил более радикальный перевод выражения как «устаревшее злоупотребление». Он дал следующий вариант перевода этого отрывка: «Желающие прислуживать своему суеверию могут отправлять свои обряды, можете идти к вашим общественным жертвоприношениям, ибо мы не запрещаем совершать дела устаревшего злоупотребления»¹³.

Наиболее радикальным являлся эдикт от 320 г. (CTh. 9.16.1). По мнению Д. Каррана, этот закон следует датировать именно 320 г., а не 1 февраля 319 г., как считал Т. Моммзен. Гаруспики не могли войти в дом другого лица по любой причине, даже если между ними существовала многолетняя дружба. Наказания за нарушения были очень жестокими: гаруспика следовало сжечь (*concremando illo haruspice*) заживо, а вызвавшего его следовало лишить имущества и сослать на острова. Д. Карран полагает, что слово *superstitio* (суеверие) можно в данном контексте трактовать как выражение отвращения к работе гаруспиков и выражает серьёзные намерения императора¹⁴. На деле подобное отношение к магии не является новым по своей сути, так как прорицатели всегда находились под подозрением римских властей. Примеры негативного отношения императоров к предсказаниям можно обнаружить ещё в правление Августа и Тиберия. Так, Август велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские. Тиберий приказал изгнать из Рима всех прорицателей (Suet. Aug. 31; Tib. 36; Tac. Ann. II.32). Это определялось различными причинами, главной из которых была оппозиционность прорицателей государственной религии, исключение составляли гаруспики и прочие гадания, связанные с государственными культами. Хотя различные формы официального культа могли воплощать различные виды магии, как «полезные», так и «вредные», она должна была находиться под общественным контролем¹⁵. Маг обычно не работал публично на общее благо, делая это тайно в интересах отдельных лиц, часто во вред остальным. Это было одной из причин запрета «частных» гаданий и разрешения только общественных жертвоприношений. Ещё во I в. н.э. император Тиберий запретил тайные обращения к гаруспикам, что, по мнению М.Л. Гаспарова, могло выражать подозрение о возможности узнать сроки смерти им-

ператора (см.: Suet. Tib. 63; а также комментарии М.Л. Гаспарова к этому отрывку). Подобное может быть применено и ко времени Константина. Другая причина запрета, по мнению К. Фарра, могла проистекать из боязни императора пророчеств, особенно тех, которые касались его правления и жизни, а также обстоятельств смерти. Если исходить из точки зрения, согласно которой после событий III в. резко возрос мистицизм среди жителей империи, то версия К. Фарра кажется более чем оправданной. Подтверждением этому может служить жестокость наказаний за участие в домашних гаданиях как гаруспиков, так и вызвавших их частных лиц. Таким образом, может показаться, что император Константин действительно был крайне враждебно настроен к гаруспикам.

Особо следует выделить закон от 321 г. (CTh.16.10.1), появившийся в необычной ситуации, когда после удара по дворцу молнии Константин, пытаясь разобраться в происшествии, обратился за консультациями к гаруспикам. Текст закона гласит: *Imp. Constantinus a. ad Maximum. Si quid de palatio nostro aut ceteris operibus publicis degustatum fulgore esse constiterit, retento more veteris observantiae quid portendat, ab haruspibus requiratur et diligentissime scriptura collecta ad nostram scientiam referatur, ceteris etiam usurpandae huius consuetudinis licentia tribuenda, dummodo sacrificiis domesticis abstineant, quae specialiter prohibita sunt.*

«Император Константин Август к Максиму. Если же дворец наш и прочие общественные здания будут поражены молнией, то я постановил в соответствии с обычаем древнего наблюдения, которое предсказывается и исследуется гаруспиками и повторяется самым тщательным образом в священных текстах, донести до нашего понимания, прочим даже нужно жаловать позволение использования этого обычая, пока они воздерживаются от домашних жертвоприношений, которые в особенности запрещены».

В дальнейшем Константином было издано постановление об общественной необходимости этого шага. Можно согласиться с версией К. Фарра и Д. Каррана, согласно которой императоры, пытающиеся запретить нелегальные гадания, сами всегда были готовы проконсультироваться с ними о судьбе империи и их собственной судьбе. Предшественники Константина сами часто присутствовали во время проведения гаданий. Поэтому возникает вопрос о контроле императора за деятельностью гаруспиций. Из постановлений также становится понятно, что практика может существовать, если проводится открыто. Однако разрешение проводить гадания открыто не может быть расценено только как политический акт.

Несмотря на заявления императора о гаруспициях, как об «ушедшем применении» (Д. Каррен считает, что подобные выражения использовали для обозначения тех, кто преследовал свою религию с наибольшим усердием) в тексте законов, он все-таки обращался к ним по важным вопросам. Зосим сообщает: «После того как, вся империя попала под власть Константина, он уже не скрывал более злонравия, всеянного в его природу, но, отдавшись своим страстям, начал действовать насильем; *отеческим богослужением он доньше еще пользовался, но не столько ради уважения к нему, сколько по необходимости; поэтому и прорицателям верил, узнав, что истину предсказывали они относительно всего, содеянного им*» (Zosimus. Hist. nov. II.29)¹⁶.

Этот отрывок, возможно, является попыткой объяснения эдикта от 321 г. Выделенные курсивом слова позволяют подтвердить версию об осторожном отношении к гаруспикам и обращении к ним императора. Вместе с тем кажется неуместной версия об «отвращении», которое Константина будто бы испытывал к гаданиям.

Ценными являются сведения сообщаемые далее: «Скоро поддавшись этим убеждениям и отвергнув отеческие обряды, Константин присоединился к наставлениям, какие преподал ему египтянин (по мнению ряда исследователей, под «египтянином» подразумевается Осия Кордубский)¹⁷, и своё нечестие обнаружил тем, что *усомнился в предсказаниях, а так как посредством их были предвещены ему многие благоприятные события, осуществившиеся на самом деле, то опасаясь, чтобы кто-нибудь из врагов из врагов его не воспользовался ими против него, он решил уничтожить их*» (Zosimus. Hist. nov. II.29.3).

Несмотря на явно тенденциозный характер труда Зосима, сообщаемая им информация представляет интерес, так как, испытывая негативное отношение к Константину, историк мог сообщить сведения, которые были обойдены другими авторами поздней античности. Слова «...опасаясь, чтобы кто-нибудь из врагов из врагов его не

воспользовался ими против него, он решил уничтожить их» являются ссылкой на указанные законы «Кодекса Феодосия» (особенно СTh. 9.16.1).

Можно отметить неуклонный рост мистицизма в III в. н.э., что, разумеется, повлияло на поведенческую мотивацию людей того времени. Их поведение было рациональным в том смысле, что они стремились к достижению целей, которые им представлялись благом, и старались избегать того, что казалось вредоносным или опасным. Но «картина мира», существовавшая в мировоззрении человека того времени, была уже принципиально иной по сравнению с людьми предшествующих столетий, и, руководствуясь ею, он мог совершать действия, которые показались бы нелепыми его предку эпохи классической древности¹⁸. Если человек в основном сознательно использовал обвинения в святотатстве и недозволенной магии в качестве инструмента политической расправы или для других подобных целей, то его потомок всерьёз боялся этих явлений и искренне с ними боролся.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Запрет тайных гаданий га-русписков можно объяснить, с одной стороны, их опасностью в государственном отношении, с другой – Константин боялся использования гаданий против него. Эдикт 321 г. можно объяснить попыткой императора установить контроль за деятельностью га-русписков, также его можно оценивать как доказательство серьёзности отношения к ним.

Примечания:

1. Подробнее см.: *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis* / ed. Krueger P., Mommsen Th. Berolini, 1905; Elliott T.G. *The Christianity of Constantine the Great*. Scranton, 1996. P. 97–114.

2. Demandt A. *Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* München, 1989. S. 12.

3. Подробнее см.: Розенталь Н.Н. *Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир: сб. статей в честь академика В.В. Струве*. М., 1962; Kaegi W.E. *Byzantium and the Decline of Rome*. Princeton, 1968.

4. Казаков М.М. *Христианизация Римской империи в IV веке // сайт Bible Studies – Русские страницы* (<http://www.biblicalstudies.ru>).

5. Рудоквас А.Д. *Христианский император и языческая оппозиция: (Идеологический аспект культурного переворота IV в. н.э.) // Античное общество: проблемы истории и культуры*. СПб., 1995 (www.centant.pu.ru).

6. Буасье Г. *Падение язычества: Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке / Пер. с фр. М.С. Корелина*. М., 1892. С. 17–18.

7. Панегерик Августу Константину / Пер. и комм. И.Ю. Шабага // ВДИ. 1997. № 2.

8. Бриллиантов А.И. *Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника*. СПб., 2006. С. 150.

9. А.И. Бриллиантов ссылается на П. Батиффолья: *Batiffol P. Les etapes de la conversion de Constantin. II: L'edit de Milan // Bulletin d'ancienne litterature et d'archeologie chretiennes*. 1913. No 4. P. 244.

10. См. комментарии Т. Моммзена: *Mommsen T. Observationes epigraphicae. XLII: Constitutiones duae Cretenses // Ephemeris epigraphica*. 1890. Vol. VII. P. 421

11. См.: Curran J. *Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence // Greece & Rome*. 1996. Vol. 43. No 1 (Apr.). P. 70.

12. Pharr C. *The Interdiction of Magic in Roman Law // Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1932. Vol. 63. P. 277.

13. Лебедев А.П. *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. М., 1994.

14. Curran J. указ. соч. P. 71.

15. Pharr C. Указ. соч. P. 278.

16. Здесь и далее пер. А.А. Спасского. См.: Спасский А.А. *Обращение императора Константина Великого в христианство*. СПб, 2007. С. 24–25.

17. Буркхард Я. *Век Константина Великого / Пер. с англ. Л.А. Игоревского*. М., 2003.

18. Рудоквас А.Д. *Мотивация политических действий в поздней античности // Античное общество-2*. СПб., 1996 (www.centant.pu.ru).

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

О МОРСКОЙ ВИНоторГОВЛЕ БОСПОРА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМИ ЦЕНТРАМИ В VI–IV ВВ ДО Н.Э.

М.С. Лужкова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет"

С самого начала своего существования греческие центры Причерноморья осуществляли устойчивые экономические связи со Средиземноморьем, получая в обмен на сырьевые ресурсы качественную ремесленную продукцию, а также отсутствующие в колониях продукты питания и прежде всего столь необходимые и привычные грекам вино и оливковое масло.

Объем этого импорта трудно оценить даже приблизительно, но в самом общем виде ясно, что он был уже в VI–V вв. до н.э. весьма солидным даже в сравнении с позднеклассическим временем. По крайней мере, удельный вес амфорной керамики примерно одинаков в общей выборке находок на греческих поселениях VI, V и IV вв. до н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, Хиос, Фасос, экономика, импорт, вино, амфорная тара.

ON THE BOSPORUS SEA WINE TRADE WITH THE MEDITERRANEAN CENTERS IN VI–IV CENT. B.C.

M.S. Luzhkova

Belgorod National Research University

The paper considers the problems of Greek centers of the Black Sea steady economic relations with the Mediterranean. The exchange for raw materials on quality handicrafts took place. Trade also included food absent in the colonies, all much needed and usual Greek wine and olive oil first of all.

This import volume is difficult to estimate even approximately. On the whole, it is clear that it was very considerable in the VI - V centuries BC even when it is compared with Late Classic time. At least share amphora's ceramics was approximately the same in the total sample to which were found in the Greek settlements of VI, V and IV centuries BC.

Key words: Northern Black Sea, Bosphorus, Chios, Fasos, economy, imports, wine, amphor packaging.

Виноторговля являлась во все исторические периоды развития человечества одним из самых доходных видов предпринимательской деятельности в Средиземноморско-Причерноморском бассейне. Огромную роль в расширении ее ареала играли морские и сухопутные коммуникации, являвшиеся важнейшим фактором развития экономики и культуры государств греко-римского мира¹.

Торговля вином здесь была очень активной с глубокой древности. Аристотель, указывая на древность торговли в Греции, привел интересный пассаж из Гомера, в котором содержится замечательное описание торговли вином путем обмена его на ряд других товаров:

*«Тою порою пристало к ним много судов из Лемноса,
Черным вином нагруженных:*

Эней Язонид снарядил их,

Тот, кто рожден Гипсипилой

От пастыря войска Язона.

Детям Атрея, царям Агамемнону и Менелаю,

Чистого тысячу мер подарил он вина дорогого

А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев

Все покупали, платя кто железом кто яркою медью,

Кто же бычачьими шкурами, а кто и самими быками

Или рабами – людьми» (II, VII, 467–475).

В VI–IV вв. до н.э. виноторговля приобрела особенный размах. Ярким свидетельством ее интенсивности являются остатки амфорной тары. К примеру, граффито

на сосуде начала VI в. до н.э. из Немировского городища свидетельствует о путешествии купца вверх по р. Буг на 300 км².

Непосредственные участники морской торговли состояли из двух основных групп: тех, кто финансирует торговые предприятия, и тех, кто непосредственно осуществляет сами операции³.

Необходимость сбора информации на местах сбыта товаров о торговой конъюнктуре обусловила раннее появление не только кооперации эмпоров и системы торговых агентур, но и кредитно-банковского дела⁴.

Маркетинговым анализом рынка в районах сбыта и покупки продукции занимались представители «торговых компаний», которые могли жить долгое время в портовых городах. Им пересылались письма с деловой информацией о сумме залога, товаре, контроле над торговцем во время разгрузки и пребывания в порту⁵.

Оживленная морская торговля обуславливала развитие сложной портовой инфраструктуры основных приморских центров Ольвии, Херсонеса и Боспора. Страбон указывал, что в Феодосии имелась гавань на сто кораблей, прекрасной гаванью обладал Нимфей, в Пантикапее также была гавань и верфи на тридцать кораблей (Strabo, VII. 4,4-6).

Оптовая торговля осуществлялась под постоянным и строгим контролем властей различных государств. Существовали разрешения на вывоз того или иного товара, некоторые товары по особым распоряжениям центральных властей можно было вывозить беспошлинно, что существенно удешевляло доставку товара. Например, пошлина на ввозимые товары, например, хлеб, могла составлять 1/30-1/90 его стоимости⁶, а на вино - от двух, пяти до десяти и более процентов его стоимости⁷. Правда, исключительность этой льготы вызывала необходимость оговаривать ее в почетных декретах⁸.

Существенной частью государственных доходов являлись таможенные, портовые и торговые пошлины и сборы. Главным налогом являлась таможенная пошлина с экспорта и импорта товаров или на проезд с торговыми целями. Все торговцы, вывозившие и ввозившие товар, должны были регистрировать свой груз у сборщиков пошлин и у агораномов⁹. Размеры пошлин устанавливались государственной властью и обнародовались через декреты. Известны декреты V в. до н.э. о торговле различными товарами и недвижимостью, а также вином на рынках Аттики и Фасоса, в которых оговаривались размеры пошлины с единицы объема (амфорея-метрета = 39,39 л) в зависимости от сорта вина и качества вина, но невзирая на количество проданного¹⁰.

Торговля вином, как и другими товарами повышенного спроса: хлебом и растительным маслом, составляла во многих античных государствах предмет государственной монополии¹¹. По мнению Л.А. Ельницкого, вино, где бы оно в Греции ни производилось, становилось предметом обложения как товар, пользующийся весьма широким спросом. В тех регионах, где вино изготавливалось в больших количествах и составляло значительную экспортную статью, прослеживается стремление государства к монополизации виноторговли¹². Существование подобной государственной монополии зафиксировано, по косвенным данным, и на Боспоре¹³.

Государственная монополия предполагала определенные меры воздействия на производителя и продавца товара со стороны государственных структур и чиновничьего аппарата для извлечения дополнительных доходов в казну¹⁴ и поддержания доходов собственного населения¹⁵.

Так, по фасосским декретам V-IV вв. до н.э., регламентирующим виноторговлю, законной является продажа вина только в сосудах, снабженных печатями. Запрещался ввоз иноземного вина на территорию между Афоном и Пахеей, куда был ориентирован рынок фасосского вина, а также ограничивалась продажа вина определенным временем года, и категорически запрещалась продажа урожая винограда на корню¹⁶.

Сравнительная отдаленность Боспора от признанных центров античного виноделия, по-видимому, позволяла администрации Боспорского государства не прибегать к жестким законодательным или таможенным мерам по организации ввоза импортного вина.

На Боспор для внутреннего потребления и посреднической торговли доставлялось вино различных центров производства, в том числе и дорогое – прославленных районов греческого виноделия – Хиоса, Фасоса и др¹⁷. Из речи Демосфена против Лакрита известно, что на Боспор в IV в. до н.э. ввозилось вино из Пепарета, Коса, Фасоса,

Менды (Demosth., Contra Lacr., 35), причем оптовая экспортная торговля Менды в значительной мере была в руках афинских купцов. Такое же положение характерно и для фасосской торговли¹⁸. Большое количество вина привозилось из Южного Понта, в том числе – Синопы и Гераклеи. Интересно, что доставлялось также малокачественное вино, например, косское (Demosth., Contra Lacr., 35).

Керамические комплексы первой половины V в. до н.э. достаточно полно представляют все разнообразие средиземноморского импорта, который поступал в этот регион на протяжении первой половины столетия.

Примерно в 80-е годы в массовом фрагментированном материале совершенно исчезает керамическая тара Милета и Клазомен¹⁹. Скорее всего, это связано с событиями начала V в. до н.э., когда после разгрома ионийского восстания в 494 г. до н.э. была подорвана экономика этих крупнейших ионийских центров Малой Азии, а Милет был вообще разрушен²⁰.

Сказанное дает основание утверждать, что в 80-е – 70-е гг. V в. до н.э. произошло несомненное снижение объемов поставок товаров в амфорах из крупнейших центров малоазийской Греции, за исключением, быть может, только Хиоса²¹. Их место на причерноморском рынке занимают другие поставщики, и, прежде всего, полисы северной Греции и Фракии.

Примечателен тот факт, что в V в. до н.э. не фиксируются перерывы в импорте, хотя хиосцы участвовали в ионийском восстании до самого конца и были наказаны персами. Не исключено, что какой-то перерыв в амфорном производстве и винном экспорте Хиоса все же существовал, но был не очень большим, и в нашем материале просто не нашел отражения. Известно, что после битвы при Микале в 479 г. до н.э. Хиос освободился от власти персов, и длительное время был одним из самых мощных членов Афинского морского союза.

Во второй половине V в. до н.э. произошли определенные изменения в направлениях и динамике торговых связей Причерноморья с греческими центрами Средиземноморья. После середины столетия пропадают амфоры т.н. «протофасосской» серии²², часть из которых могла принадлежать Милету.

В период Пелопонесской войны, в последней трети V в. до н.э., афинский импорт в города Северного Причерноморья заметно увеличивается и достигает небывалых размеров. Но археологические данные свидетельствуют и о том, что афинское владычество на Черноморских проливах не привело к полному прекращению импорта в Северное Причерноморье из двух средиземноморских центров.

Так, с полной очевидностью можно утверждать, что в значительном объеме продолжался импорт из Хиоса, одного из привилегированных афинских союзников. Об этом говорят прежде всего многочисленные находки хиосских амфор. В равной мере в это время поступал и фасосский импорт, о котором свидетельствуют, правда, не очень многочисленные тогда, ранние амфорные клейма Фасоса, относящиеся к последней четверти V в. до н.э. В Северное Причерноморье поступали товары и из некоторых других союзных Афинам городов, например, из Менды²³.

Виноделие на Фасосе было одной из основных отраслей хозяйства, и его важное значение в экономике государства подтверждено находками надписей V в. до н.э., содержащих тексты декретов о регулировании и охране местной торговли вином.

Наиболее ранняя из надписей относится к 448–447 гг. до н.э., но стандартная керамическая тара Фасоса, которая также свидетельствует о мерах регулирования экспорта, изготавливалась там с начала V в. до н.э. Одна из них, относящаяся к началу V в. до н.э. обнаружена при раскопках фанагорийского склада в 1948–1949 гг.²⁴ На основании общего типологического сходства с ранними клейменными образцами и по характеру глины мы относим ее к группе фасосских амфор.

Эти источники вполне определенно свидетельствуют о широкой известности фасосских вин по всему Средиземноморью с рубежа VI-V вв., что заставляет предполагать наличие масштабной торговли этим товаром уже с этого времени. Относительно недавно были локализованы и некоторые серии фасосской керамической тары V в., в частности, «николери», «джонсон», «ворота Силена» и др.²⁵

После сицилийской катастрофы 415 г. до н.э. быстро начинают развиваться центробежные устремления афинских союзников. В 412 г. до н.э. противники Афин принимают стратегический план: через Хиос и Лесбос двинуться к Геллеспонту и таким

образом лишить Афины связи с Черным морем (Thuc., VIII, 8). Хиос и Афины отложились от Афин, затем восстали Клазомены (Thuc., VIII, 14, 2-3).

В первые два десятилетия IV в. до н.э. в понтийской торговле произошли определенные изменения. Однако, даже не имея возможности оценить удельный вес импорта каждого из названных центров в Северном Причерноморье, можно утверждать, что гораздо более важным и значимым для региона был выход на понтийский рынок южнопонтийских центров – Гераклеи и Синопы²⁶.

Комплексы 70-х гг. IV в. до н.э. показывают одну интересную особенность, которая по более раннему блоку материалов не фиксировалась. Она состоит в том, что довольно большое число комплексов включает клейменую гераклейскую керамическую тару явно разновременных выпусков²⁷.

С середины IV в. до н.э. по каким-то причинам стало меньше отлагаться керамических комплексов. Конечно, на этом основании нельзя говорить о каком-либо снижении поставок вина в Причерноморье, но наличие определенной тенденции можно констатировать.

Несравненно чаще мы сталкиваемся с разнообразными амфорами неустановленных средиземноморских центров производства, для которых в общем балансе торговли конца IV – первой трети III века, как представляется, была выше, чем в предшествующее время. О происхождении большинства из них трудно судить даже приблизительно. Исключение составляют редкие находки амфор Колофона и Пароса, а также каких-то греко-италийских центров Сицилии и Великой Греции.

Значительная доля товаров поставлялась на Боспор морским транспортом, находившемся в ведении боспорских царей, которые являлись основными судовладельцами в государстве и осуществляли контроль за морскими грузоперевозками. Одновременно с существованием государственного сектора в системе судовладения часть морских судов и грузоперевозок находилась в личном пользовании богатых представителей купечества. Боспорские судовладельцы играли заметную роль на Боспоре и за его пределами администрации²⁸.

Боспорские судовладельцы образовывали особые профессиональные объединения – фиасы навклеров, которые пользовались покровительством царской администрации²⁹. Боспорские цари за заслуги перед государством разрешали фиасам навклеров беспошлинно ввозить и вывозить определенные объемы товаров³⁰.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что в IV в. до н.э. на всей территории Северного Причерноморья, и, в частности, на Боспоре, наступает период стабилизации. Государство Спартокидов становится одним из крупнейших потребителей греческих товаров, в том числе вина. Это привело к бурному росту политического и экономического могущества не только Боспора, но и остальных греческих городов и государств этого обширного региона.

Примечания:

1. Петерс Б.Г. *Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М., 1982. 209 с.
2. Блаватский В.Д. *Античный город*. М., 1963. С.11.
3. Маринович Л.П. *Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // ПИФК. Вып. VI. М.-Магнитогорск, 1999. С. 6.*
4. Бётгер Б., Шелов Д.Б. *Дипинти на амфорах из Танауса*. М., 1998. С. 130.
5. Маринович Л.П. *Указ. соч.* С.13.
6. Анохин В.А. *Монетное дело Боспора*. М., 1986. С.488.
7. Яйленко В.П. *Греческая колонизация VII-II вв. до н.э.* М., 1982. С.234.
8. Крапивина В.В. *Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы межд. науч. конф. СПб., 1999. С. 257.*
9. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса)*. Харьков, 1989. С.94.
10. Яйленко В.П. *Указ. соч.* С.234.
11. Rostovzeff M. *Economic and Social History of Hellenistic World. I. Oxf. 1941 P. 355.*
12. Ельницкий А.Л. *Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства // ВДИ. №3. М., 1969. С.92.*
13. Ельницкий А.Л. *Указ. соч.* С.88.
14. Riezler K. *Über die Finanzen und Monopolie im alten Griechenland. Berlin, 1907. S.13.*

15. Hasebroek J. *Stadt und Händelt im alten Griechenland*. Tübingen, 1928. S.158.
16. Ельницкий А.Л. Указ. соч. С.92-93.
17. Яйленко В.П. *Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 308.
18. Брашинский И.Б. *Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира*. Л., 1976. С. 72.
19. Монахов С.Ю. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары*. Саратов, 2003. С.114.
20. Брашинский И.Б. *Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э.* М., 1963. С. 42.
21. Монахов С.Ю. Указ. соч. С.115.
22. Зеест И.Б. *Керамическая тара Боспора*. М., 1961. С. 74.
23. Брашинский И.Б. *Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V-IV в. до н.э.* // НЭ. III. 1962. С. 52.
24. Кобылина М.М. *Раскопки Фанагории в IV в. н. э.* // СА. №3. 1966. С. 234.
25. Монахов С.Ю. *О фасосском импорте первой половины V века в Северное Причерноморье // Древнее Причерноморье*. Одесса, 1996. С. 13.
26. Монахов С.Ю. Указ. соч. С. 246.
27. Там же. С.316.
28. Таскаев В.Н. *Торговые связи и морской флот Боспора // Боспорский сборник*. №4. 1994. С. 17.
29. Там же.
30. КБН. 1965. №1134.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ НЕКРОПОЛЯ НИМФЕЯ

М.И. Венцова

Донецкий национальный университет

В статье рассматривается разнообразие погребального инвентаря некрополя Нимфея VI-V вв. до н.э. Был проведен статистический анализ всех вещей, найденный в погребениях. Выявлены наиболее характерные категории погребального инвентаря.

Ключевые слова: Нимфей, некрополь, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

ABOUT SOME CATEGORIES OF GRAVE GOODS IN NECROPOLIS NYMPHAIION

M.I. Ventsova

Donetsk National University

The article covers different kind of grave goods in necropolis Nymphaion of VI – V centuries BC. Statistical analysis was made to find the most character categories grave goods.

Key words: Nymphaion, necropolis, funeral ceremony, grave goods.

Одним из основных археологических источников являются материалы погребений, интерпретация которых позволяет реконструировать духовную и материальную культуру, мировоззрение, социальное устройство и этническую принадлежность любого общества. Изучение и анализ погребальных комплексов особо актуален для Боспорского царства, где письменные источники немногочисленны и немногословны, а эпиграфические отличаются лаконичностью в силу своей фрагментарности.

Ученые не раз обращались к рассмотрению погребальных памятников Боспора Киммерийского. При этом обобщающих работ, посвященных комплексному изучению некрополей региона с учетом данных раскопок последних десятилетий нет.

Имеющиеся работы либо учитывают материалы отдельных регионов Боспора, либо исследование некрополей является элементом более общей работы. Значительное внимание уделялось выявлению варварского влияния на погребальный обряд греков Боспорского царства¹. Предпринимались попытки проследить материальное состояние умершего на основе состава и количества инвентаря в могилах, а также определить сферы деятельности погребенного по функциональному назначению вещей². Но эти работы носили обзорный характер и сводились к прямолинейному взгляду на погребальный инвентарь.

В последние десятилетия наметилась тенденция так называемого «ритуально-религиозного» направления в исследовании некрополей, в рамках которого материалы некрополей рассматриваются с точки зрения религиозно-мифологических представлений³.

Следует отметить, что в изучении погребальных памятников наиболее распространенным является описательно-иллюстративный метод исследования, который при всей полноте и конкретности не дает возможности всесторонне понять исторические процессы. Поэтому следует обратиться к формализационно-статистическим методам исследования, которые позволят достичь большей глубины понимания ситуации, которая сложилась в регионе в духовной и социальной сферах, чему в настоящее время уделено недостаточно внимания.

Задача нашей работы заключается в том, чтобы показать возможности статистического анализа при изучении погребальных комплексов и целесообразность его применения. В рамках одной работы охватить все, накопившиеся на данный момент, материалы погребений Боспора, невозможно. Мы сосредоточимся на некрополе Нимфея, интерес, к археологическому исследованию которого длится уже более ста лет, что позволило сделать его одним из самых изученных центров Северного Причерноморья. Погребальные памятники Нимфея представлены как курганными захоронениями, так и грунтовыми гробницами. Наше внимание сосредоточено на рассмотрении грунтового некрополя VI-V вв. до н.э. Погребения этого времени относятся ко времени основания поселения, отражают ранние аспекты жизни греков-переселенцев на берегах Боспора Киммерийского, что представляет немалый интерес.

Путем проведения статистического анализа рассмотрим категории инвентаря некрополя Нимфея, проследим его разнообразие и закономерности.

Многочисленные погребальные памятники нимфейского некрополя начали привлекать внимание с середины XIX в. Во многом они сильно пострадали от любительских раскопок и разграблений, в силу того, что были расположены на земле помещиков, а это исключало контроль за раскопками со стороны властей. Во время интенсивных исследований того времени никаких чертежей, зарисовок, записей не производилось, что в определенной мере обесценило полученные материалы как исторический источник. Официальные раскопки на территории нимфейского некрополя были организованы в 1876 г. А.Е. Люценко, который исследовал оставшиеся нетронутыми при расхищении курганы. В том же году городище и курганы Нимфея были описаны и нанесены на план Н.П. Кондаковым, хотя они не являются полноценными с точки зрения фиксации. В это же время были открыты и грунтовые гробницы. В 1878-1880 гг. исследования некрополя Нимфея продолжились, занимался ими новый на то время директор Керченского музея С.И. Веребрюсов.

Всего за период 1876-1880 гг. было исследовано 50 курганов, содержащих 66 погребений, открыты 2 катакомбы и 111 грунтовых захоронений. Материалы этих исследований с исчерпывающей полнотой опубликованы в работе Л.Ф. Силантьевой⁴. К сожалению, не более одной трети открытых гробниц того времени есть возможность датировать. В результате этого только 13 погребений однозначно датированы VI-V вв. до н.э. и включены в наше исследование. После длительного перерыва исследования некрополя Нимфея были возобновлены в 1973-1976 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа во главе с Н.Л. Грач, которые принесли значительные результаты.

Всего было открыто 254 погребения и объекта⁵, 33 из которых являются грунтовыми могилами VI-V вв. до н.э. В 1995 г. археологические раскопки некрополя античного города Нимфея были продолжены, и стали непосредственным продолжением работ, которые вела Н.Л. Грач. За период двух полевых сезонов было исследовано 42 могилы, остатки кургана и ограды античного времени, полуземлянка и три ямы эпохи средневековья⁶. 4 погребения открытые в этот период, относятся к раннему периоду существования Нимфея. Таким образом, источниковедческую базу исследования составляют 50 грунтовых погребений, датированных VI-V вв. до н.э.

В настоящее время установлено, что для некрополя Нимфея VI-V вв. до н.э. характерны два типа погребального обряда – кремация и ингумация⁷. Из полученной нами выборки следует, что обряд трупоположения преобладал, т.к. наблюдается в 94% случаев. Захоронение осуществляли в простых четырехугольных ямах, часто без перекрытия, умершего клали на спине, руки были вытянуты вдоль тела. В 55 % случаях наблюдается ориентация покойного головой на северо-восток, в 28 % – восток, 14 % – юго-восток, 3 % – юго-запад. Обряд кремации составляет 6%.

При исследовании погребальных памятников одним из самых сложных для интерпретации является вопрос о погребальном инвентаре, т.к. следует учитывать большое количество дополнительных данных – символическое и практическое значение вещей в погребениях, религиозные воззрения на необходимость вещей для посмертного существования, суеверия и др.

В результате рассмотрения материалов некрополя Нимфея VI-V вв. до н.э. можно выделить четыре значимые категории погребального инвентаря: посуда, украшения, оружие и орудия труда. Установлено, что посуда является наиболее часто встречаемым видом погребального инвентаря. Разнообразные формы керамических сосудов, а именно канфары, кратеры, лекифы, леканы, скифос, килики, алабастры, амфоры, амфориски, черпаки, арибаллы, флаконы, сосуды, кувшины, ойнохой, чашки, кубки, солонки, гидрии, блюда, сита встречаются в 42 захоронении. Всего 102 сосуда. Данные виды сосудов можно классифицировать по их утилитарному характеру и выделить такие группы со следующими численными показателями:

1) сосуды для жидкостей: амфора – 14 (14%), ойнохой – 7 (7%), кувшин – 3 (3%), кратер – 2 (2%), гидрия – 1 (1%). Следует обратить внимание, что к данной группе отнесены те сосуды, которые используются для хранения жидкостей, в первую очередь, воды и вина.

2) сосуды для масла: лекиф – 27 (26%), алабастр – 8 (8%), сосуд – 8 (8%), амфориск – 3 (3%), арибалл – 2 (2%), флакон – 2 (2%).

3) сосуды для питья: килик – 7 (7%), чаша – 8 (7%), скифос – 2 (2%), кубок – 1 (1%), черпак – 2 (2%), канфар – 1 (1%).

4) столовая посуда: солонка – 1 (1%), блюдо – 1 (1%), сито – 1 (1%).

5) сосуды для косметики: лекана – 1 (1%).

Таким образом, больше всего сосудов для масла, которые составляют 49% от всего количества сосудов, сосудов для жидкости – 27%, сосудов для питья – 20%. Столовая посуда и сосуды для косметики в сумме составляют только 4%.

Количественный анализ показал, что 2 погребения содержат 10 и более сосудов, 2 погребения содержат более 5 сосудов, 6 погребения – по 4 сосуда, 4 погребения – по 3 сосуда, 5 погребения – по 2 сосуда, 24 погребения – по 1 сосуду. 7 погребений вообще не содержали ни одного сосуда. При этом наблюдается следующая взаимовстречаемость сосудов: 1) погребения с 2-мя сосудами: алабастр – амфора, сосуд – килик, амфориск – сосуд, лекиф – алабастр, лекиф – лекиф; 2) погребения с 3-мя сосудами: лекиф – кратер – чашка, лекиф – солонка – килик; амфора – сосуд – килик, амфориск – амфориск – кубок; 3) погребения с 4-мя сосудами: килик – лекиф – скифос – скифос, амфора – лекиф – килик – черпак, лекиф – лекиф – лекиф – арибалл, лекиф – лекиф – флакон – флакон, лекиф – сосуд – кувшин – ойнохой, лекиф – канфар – чашка – чашка.

Данные группы сосудов могли быть использованы с разной целью в погребальном обряде. Они могли быть связаны с обработкой тела умершего и подготовкой его к погребению, могли быть положены в могилу с целью совершения успешного перехода в потусторонний мир и благополучного существования в нем, либо быть связаны с проведением обрядовых действий.

Различные украшения – перстни, подвески, серьги, браслеты, гривна, а также бусы были обнаружены в 10 погребениях. Всего было найдено 16 украшений и бусы. Количественный анализ дает следующие показатели: 3 перстня (19%), 4 подвески (25%), 4 серьги (25%), 4 браслета (25%), 1 гривна (6%), 243 бусины. 4 погребения содержат по 1 украшению, 3 погребения – 2 украшения, 2 погребения – 3 украшения, 1 погребение – 4 украшения.

Важное значение при рассмотрении украшений имеет материал, из которого они изготовлены. Так, золотых изделий 4 и 150 золотых бусин: золотой перстень с овальной жуковиной с заостренными концами, с резным изображением на щитке грифона, терзающего лошадь, золотая подвеска в виде прямоугольной пластины, украшенной треугольниками зерни и пирамидальными подвесками, золотая серьга улиткообразной формы, золотая гладкая, массивная гривна с утолщением в середине; серебряных изделий 9: два перстня из круглой в сечении серебряной проволоки, две серебряные спиралевидные подвески, с треугольниками из зерни на концах, три серебряные серьги, одна из которых имеет форму калачика, а две другие представляют собой спиралевидные серьги с пирамидками на концах, два серебряных браслета; 2 бронзовых изделия – массивных браслета с гравированными львиными головками на концах и 1 каменная подвеска. 93 бусины сделаны из стекла, лигнита либо пасты.

Оружие сопровождало 8 погребенных. Всего было найдено 8 видов оружия и 43 наконечника стрел. Это были мечи – 3 (38%), копья – 2 (25%), акинаки – 2 (25%), кинжал – 1 (12%). В

результате подсчета 6 погребений содержали по 1 виду вооружения, 1 погребение – 2 вида вооружения, 1 погребения – 3 вида вооружения.

Орудия труда встречаются в 12 могилах. Всего обнаружено 16 видов орудий труда. Они представлены такими наименованиями: игла – 5 (31%), пряслица – 5 (31%), оселок – 3 (19%), нож – 2 (13%), веретено – 1 (6%). 9 погребений содержали по 1 предмету, 2 погребения – по 2 предмета, 1 погребение – по 4 предмета.

Проведенный анализ взаимовстречаемости категорий погребального инвентаря показал, что в погребении умерших Нимфея находилось от 1 до 3 категорий инвентаря: 50% – по 1 категории инвентаря, 28% – по 2 категории инвентаря, 14% – по 3 категории инвентаря, 8% – без инвентаря. При этом следует отметить, что наиболее распространенное сочетание таких категория инвентаря как посуда – украшения, посуда – оружие в случаях наличия двух наименования, и посуда – украшения – орудия труда в случае, когда в могиле присутствует три категории погребального инвентаря.

Статистический анализ грунтовых погребений некрополя Нимфея VI-V вв. до н.э. демонстрирует целесообразность его использования, которая заключается в возможности выявить и проследить сложившиеся закономерности.

Установлено, что утвердившимися категориями погребального инвентаря Нимфея на раннем этапе его существования были посуда, украшения, оружие и орудия труда. Посуда широко представлена разнообразными керамическими формами – различными сосудами для масел и косметики, сосудами для хранения жидкостей и питья, а также столовой посудой.

Результаты взаимовстречаемости сосудов показывают, что так называемый «стандартный набор» посуды в погребении представлен разными формами сосудов для хранения масел, а также сосудами для хранения жидкостей и питья. Данные группы по вариативности и количеству самые большие. Разнообразие форм сосудов для масла дает основание предположить, что греки большое значение в погребальном обряде придавали приготовлению тела умершего к захоронению.

Вариативность форм данных сосудов может свидетельствовать о том, что использовались разные масла, и, возможно, натирание покойного тем или иным благовонием зависело от его имущественного достатка и социального положения в обществе, а также от пола и возраста.

Что касается сосудов для хранения жидкостей, то, опираясь на данные письменной традиции, можно говорить об их использовании во время подготовки тела умершего к погребению. Традиционно, сразу после кончины усопшего омывали, так как считалось, что вода имеет магическое очистительное свойство.

Необходимым ритуалом было выставление «сосудов скорби» у входа в дом, где находился умерший. Во время захоронения покойного эти сосуды могли класть в могилу, чтобы не использовать больше в быту и не вызвать гнев усопшего. Помимо этого сосуды с жидкостью – водой, вином, молоком, медом могли класть в дар подземным богам.

Что касается украшений, оружия и орудий труда, то они относительно не многочисленны, встречаются в 20% погребений. Материал, из которого изготовлены предметы, может играть важную роль при определении имущественного положения умершего.

В целом, проведенный анализ установления взаимовстречаемости категорий погребального инвентаря показал, что преимущественно в погребениях находилось по одной категории погребальных предметов, в довольно редких случаях они расширялись до двух, трех категорий. Это скорее соответствует невысокому достатку первых поселенцев.

С учетом полученных статистических данных возможна в дальнейшем более конструктивная социальная характеристика греческого общества на берегах Понта Эвксинского с учетом религиозных представлений.

Примечания:

1. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 1925. 623 с.; Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н.э. и местные особенности // МИА. 1959. №69. С. 257-295; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М. 1981. 125 с.

2. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949. С.233-297.

3. Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. 2002. С. 161-167; Тульпе И.А. Археология сознания боспорян: к прочтению источников // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005. С.16-21; Сударев Н.И. Грунтовые

некрополи боспорских городов VI-II вв. до н.э. как исторический источник: автореф. дисс. на получение науч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06. «Археология». М. 2005. 24 с.

4. Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. №69. С. 5-107.

5. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб. 1999. 328 с.

6. Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб. 2003. С. 60-109.

7. Соловьев С.Л. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005. С. 98-104.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

ПОЛИТИКА СТИЛИХОНА И ОТНОШЕНИЯ С ДВОРОМ ГОНОРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АВТОРОВ*

Д.Е. Богданов

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье, на основании анализа исторических источников поздней античности, рассматривается проводимая Стилихоном политика в качестве фактического правителя империи. Отдельное внимание уделено его отношениям с двором Гонория – номинального императора Западной Римской империи.

Ключевые слова: Стилихон, поздняя античность, Гонорий, варвары, Византия.

STILICHO'S POLICY AND HIS RELATIONS WITH THE HONORIUS COURT BY LATER ANTIQUITY'S AUTHORS

D.E. Bogdanov

Belgorod National Research University

The paper based on the later antiquity historical sources considers Stilicho's policy as the factual governor. Special attention is given to his relations with a Honorius' as the nominal emperor of the Western Roman Empire court.

Key words: Stilicho, later antiquity, Honorius, barbarians, Byzantium.

В наши дни историческая наука смещает акцент с истории войн и революций на историю личностей, деяния которых определяли развитие цивилизации. Культурно-антропологический подход в современных условиях представляется наиболее продуктивным. Одной из наиболее крупных фигур поздней античности является Стилихон – виднейший государственный деятель Поздней империи начала V века. Происходивший из варваров, сумевший получить римское гражданство, Стилихон был человеком своего времени, переходный характер которого не мог не отразиться и на нём – талантливом военачальнике и грамотном царедворце – заложив целую россыпь неразрешённых сомнений и противоречий. Эта личность важна для нас ещё и тем, что именно он, в конечном итоге, определил гибель Западной империи и рождение Средневековой Европы, сохранив жизнь Византии и всей восточно-христианской (православной) цивилизации.

Рассмотрение данной проблемы проводилось в рамках концепции поздней античности с использованием метода комплексного анализа источников. Поскольку самим Стилихоном не было оставлено воспоминаний, особого внимания заслуживают труды позднеантичных авторов, среди которых следует, в первую очередь, выделить «Новую историю» Зосима, а также «Хронику» Марцеллина Комита, «Церковную историю» Эвмия Созомена, сочинения Олимпиодора и «Эпиталамий на брак Гонория и Марии», дочери Стилихона, написанный Клавдием Клавдианом. Кроме того, важным подспорьем может являться свод просопографии Поздней Римской империи (PLRE)¹.

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ для аспирантов и студентов 2011 г.

Варварский фактор оказал очень значительное влияние на эволюцию позднеантичного общества. Барбарикум всегда окружал античную ойкумену, но лишь в III веке нарушилось известное равновесие сил, которое установилось в отношениях империи с варварами в предшествующие столетия². Многие талантливые военачальники из числа варваров поступали на государственную службу. Отец Стилихона, вандал, был одним из них³.

Стилихон решил пойти путём отца и, поступив на военную службу, достаточно быстро достиг высокого звания. В 384 году, после удачного выполнения им дипломатического поручения в Персии, император Феодосий I отдал ему в жёны свою племянницу (которая была фактически удочерена им после смерти её отца).

Говорить о самостоятельном выделении Западного и Восточного дворов можно в последние годы жизни императора Феодосия (Zos. IV, 57). Жена Галла умерла при родах весной 394 г., потеряв собственную жизнь и ребёнка одновременно и, после траура по ней в течение дня, Феодосий повёл свою армию на войну, оставив со своим сыном Аркадием Руфина, «учитывая незрелость ума»⁴.

Когда Феодосий возвратился в Рим, он провозгласил своего сына Гонория императором, передав ему власть над Италией, Испанией, Галлией и Африкой, и объявил Стилихона магистром *praesentalis*, оставив свою гвардию сыну (Zos. IV, 59.3). Вскоре он умер от болезни в дороге при возвращении в Константинополь, оказавшись, таким образом, последним императором единой империи. Раздел 395 г. оказался маркером, направившим развитие латинского Запада и греческого Востока в самостоятельных направлениях.

Отныне государство перешло к Аркадию и Гонорию, которые, хотя и являлись императорами, правили лишь номинально: полную власть осуществляли Руфин на Востоке и Стилихон на Западе. Стилихон и Руфин имели одинаковый титул *επιτροποι* - «опекуны» (Zos. V, 1.1), что уравнивает их положение. Однако также сообщается, что Феодосий поручил Стилихону одному установить опеку над обоими своими сыновьями (Olymp. 2), но это свидетельство не подтверждается дальнейшим ходом развития событий.

Подчеркивая роль временщиков, можно вслед за Зосимом сказать, что императоры почти ничего не знали о том, что происходило в государстве, и издавали эдикты по указке Руфина и Стилихона. Сравнивая «опекунов» между собой Ф.И. Успенский делает вывод, что «Руфин по умственным и нравственным качествам был гораздо ниже Стилихона, но честолюбием и жадностью к богатству превосходил его»⁵.

После убийства Руфина Стилихон надеялся захватить в свои руки и Восток, ведь раскол Запада и Востока еще не представлялся окончательным, но встретил отпор в лице фаворитов изнеженного Аркадия. Евтропий объявил Стилихона в 397 г. врагом государства, конфисковав все его имения⁶. Стилихон держал себя благоразумно, предоставив Аркадия интригам его фаворитов и, видимо, стараясь предупредить междоусобную войну.

В начале 398 года Стилихон породнился с императором Гонорием, выдав замуж за него свою тринадцатилетнюю дочь от Серены (Zos. V.12.1; Marcell. Chron. [CM 2.69]), и вскоре принял командование над всей армией, приумножая свое могущество. Этот брак воспевается в Эпиталамии, автор которого позволяет себе называть Гонория «новичком», а Стилихона уважительно именует «почтенным мужем» (23-24).

Когда брак Гонория и Марии был решен, ее мать Серена, видя, что ее дочь еще слишком молода для замужества, отыскала соломоново решение: найдя женщину, знавшую толк в улаживании подобных вещей, с её помощью, добилась того, что ее дочь Мария вышла замуж за императора и даже спала с ним, но у него не было ни охоты, ни способностей выполнять свой супружеский долг (Zos. 28.2).

Таким образом, Стилихон получил в зятя императора Гонория, а Евтропий тем временем руководил Аркадием «словно ожиревшим животным» (Zos. V.12.1). Таково было положение государства как на востоке, так и на западе.

Учитывая понятное для того времени противоборство Западного и Восточного дворов, крайне важную роль во взаимоотношениях Стилихона и императора играли активизировавшиеся варвары, которые, в конечном итоге, и явились для империи камнем преткновения.

Когда Аларих в ноябре 401 года двинулся на запад, Стилихон явился спасителем Рима: укрепил стены города, вызвал легионы из Британии и рейнскую армию, и сам отправился в Рецию и Норик, где набирал среди варваров легионы, оставив Гонория в Милане (Zos. V.26).

Аларих вскоре осадил Милан, но подоспевший Стилихон сразился с ним при Полленции в день Пасхи (6 апр. 402 года). Христианские писатели с негодованием рассказывают, что Стилихон под прикрытием праздника напал на христиан-готов (Oros. VII, 37). Вестготы были отброшены; Италия освобождена; Стилихон и император торжественно вступили в Рим, разделив между собой триумф, к великому удовольствию императора (Olymp. 8).

Аларих, скорее всего, намеревался дожидаться заключения выгодного соглашения со Стилихоном. Оно состояло прежде всего в том, что полководцы Аркадия должны были оставить Алариха в покое. Стилихон, в свою очередь, с помощью Алариха намеревался присоединить Иллирик к империи Гонория и, в зависимости от результата соглашения, он предполагал привести свой план в исполнение (Olymp. 3, Soz. VIII, 25; IX, 4).

В 405 г. Стилихон снова спас Италию, когда там появился Радагайс. Ему пришлось пополнить недостаток воинов, пригласив на службу рабов, которым Стилихон обещал свободу и деньги, и заключить союз с варварами (Olymp. 9). Под Флоренцией Стилихон разбил вестготов, захватил Радагайса в плен и казнил. Вся его дружина перешла к победителю.

Сам Стилихон, естественно, гордился своим успехом. Он вернулся со своей армией и был удостоен всенародных почестей за героическое освобождение Италии от неминуемой гибели.

Эти победы укрепили авторитет «защитника Рима» при дворе Гонория, учитывая оказанную императору часть. Однако оппозиционная политическая группировка ставила ему в упрек образованный по его инициативе союз с гуннами Ульдина и готами Сара против Радагайса (Oros.VII.37.12). К слову, после падения Стилихона только Зосим и Галльская хроника сохранили память о нем, как о герое Фьезоле⁷. Другие источники делают героями, отразившими нашествие, гуннов и Сара.

В марте 407 г. широко разнёсся слух о том, что Аларих умер (скорее всего, это был обман, придуманный соперниками Стилихона как с Запада, так и с Востока, с целью уменьшить его влияние и отсрочить выступление римско-варварской армии против Иллирика)⁸, а потом из Рима пришли письма Гонория (Zos. V.27.2), сообщающие о том, что Константин, покинув Британию, завладел всей верховной властью и достиг провинций, расположенных по другую сторону Альп, где утвердился как император.

Таким образом, приостановив нападение на Иллирик, Стилихон прибыл в Рим, желая посоветоваться с императором по поводу его предстоящих действий, лишь потом узнав об издании конституций, ограничивающих его власть (Olymp. 5).

Император Гонорий, жена которого Мария умерла, оставшись девственницей (Zos. V.28), хотел взять в жены ее сестру, Фермантию. Серена была этим довольна, так как желала иметь императорских наследников из-за страха того, что ее могущество может пошатнуться, хотя Стилихон долго не решался на этот брак. В итоге, этот план осуществился (Marcell. Chron. [CM 2.69]).

Тем временем Аларих переправился через реку Акулис и Апеннины, атаковав Норик, и отправил депутацию к Стилихону, прося денег для остановки в Эпире, что, как он утверждал, было в компетенции Стилихона (Zos. V.29.4). Стилихон встретил полковников, но оставил их в Равенне и отправился ко двору, желая посоветоваться о том, как поступить, с императором и сенатом, к которому он весьма почтительно относился⁹.

Когда сенат собрался во дворце и обсуждал, объявлять ли войну, большинство высказалось за войну. Только Стилихон и несколько его сторонников придерживались противоположного мнения и проголосовали за заключение мира с Аларихом. Те, кто был сторонником войны, впоследствии попросили Стилихона сказать, почему он предпочел мир и желал купить его к стыду репутации римлян. Он ответил, что Аларих так долго оставался в Эпире по договоренности с Гонорием для того, чтобы развязать войну с Аркадием и отделить Иллирик от Востока и присоединить его к Западу. Это было бы уже сделано, если бы письма от императора Гонория прибыли, чтобы предотвратить поход Стилихона на восток, в ожидании которого Аларих провел так много

времени (Zos. V.29). Эту мысль Стилихона все признали разумной, и сенат утвердил её, хотя большинство проголосовало так не из-за свободного выбора, но из-за страха перед Стилихоном.

Когда после смерти Аркадия на престол в Константинополе вступил Феодосий II (408), Стилихон снова стал планировать захватить в свои руки управление восточной империей и заключил с Аларихом договор, желая сделать его союзником Италии. Этот союз и погубил Стилихона (Soz. IX.6).

В стремлении осуществить свои планы Стилихон хотел пойти на Восток и уладить свои дела, связанные с Феодосием Младшим. Новый император был юн и нуждался в наставнике. Сам император Гонорий намеревался предпринять такую же поездку и сделать всё, что было в его силах, для защиты власти и владений юного императора. Раздраженный этим, Стилихон удерживал императора Запада от этого шага, указывая ему на тяжесть дорожных расходов. В качестве второго аргумента он привел информацию о том, узурпатор Константин уже опустошил всю Галлию и в тот момент находился в Арелате. Кроме этих причин, которые были достаточными уже сами по себе для того, чтобы потребовать присутствия и внимания императора, Аларих двигался на Италию с огромной армией варваров (Zos. 31).

Стилихон заявил, что лучшим выходом для государства было бы послать Алариха против узурпатора, взяв некоторое количество варваров вместе с римскими силами во главе с их командирами. Тогда императорская армия могла бы выступить вместе с Аларихом, в то время как сам Стилихон по приказу императора должен был отправиться на Восток с письмами-наставлениями для Феодосия (Soz. IX.4). Император решил, что Стилихон был прав во всем им сказанном, и, признав его полную победу, передал ему письма для восточного императора и для Алариха (Soz. IX,6; Zos. 31.4).

Несмотря на то, что Стилихон не ощущал никакой враждебности ни к императору, ни к солдатам, Олимпий, прикрывавшийся патриотическим негодованием (Olymp. 2) добился объединения оппозиционных сил Востока и Запада и встал во главе придворной интриги, и, выступая против отношений с Аларихом, начал высказывать множество обличительных слов против него, говоря, что тот планировал поход на Восток для того, чтобы устроить заговор с целью свержения молодого Феодосия и передачи Востока собственному сыну Евхерию, бывшему тогда трибуном и нотарием (Zos. V.34.7). Кстати, по другой, более популярной версии, Евхерий должен был сместить самого Гонория (Soz. IX.4; Marcell. Chron. 408).

Указывается также, что Стилихон презирал Гонория, домогался его власти и с помощью подарков и денег он соблазнял племена аланов, свевов и вандалов (Marcell. Chron. 408), настраивая их против власти Гонория и стремясь сделать цезарем своего сына Евхерия. Таким образом, причиной падения и гибели Стилихона является его стремление к воплощению династических планов, вызывавшее возмущение царедворцев.

Стилихон теперь находился в затруднительном положении, так как его варвары пытались уговорить его действовать решительно, но, неспособные что-либо предпринять, они решили оставить всё как есть до тех пор, пока император не обдумает свое мнение по поводу Стилихона (Zos. V.32.2).

Стилихон со своими варварами, враждовавшими друг с другом, прибыл в Равенну и призвал города, в которых жили жены и дети варваров, никого не впускать. Тем временем, Олимпий, имевший теперь полную власть над слабым Гонорием, послал императорские указы солдатам в Равенну, в которых им предписывалось посадить Стилихона под домашний арест (Zos. 34.2). Стилихон узнал об этом и укрылся на ночь в близлежащей христианской церкви. На рассвете солдаты вошли в церковь и поклялись перед епископом, что им приказано не убивать Стилихона, а только арестовать его. Однако когда его вывели из церкви в сопровождении вооруженной стражи, посыльный, который был отправлен с предыдущим посланием, принес другое письмо, с приговором Стилихона к смерти за его преступления против государства. А когда солдаты, рабы и соратники, которых было очень много, попытались спасти его от смерти, Стилихон пресек на корню их попытку страшными угрозами и положил свою голову под меч (Chron. Gall. [1.652]; CTh 9.42.21-22; Olymp. 2; Soz. IX.4).

После смерти Стилихона все придворные дела стали контролироваться Олимпиаем, магистром оффиций. Все остальные должности были отданы императором сто-

ронникам Олимпия. За друзьями и последователями Стилихона (СTh 9.42.20-21; 5.16.31; 9.40.20; 9.42.22; 7.21.4) был открыт широкомасштабный розыск. Девтерий – препозит священной спальни, и Петр – примикерий нотариев, были привлечены к суду, и к ним была применена публичная пытка, дабы заставить их свидетельствовать против Стилихона (Zos. 35.2). Однако когда они ничего не сказали ни против себя, ни против него, и Олимпий напрасно потратил силы, он приговорил их к смерти через побиение дубинками (Zos. 35.3).

Затем император Гонорий приказал, чтобы его жена Фермантия отреклась от императорского престола и была возвращена к своей матери, хотя она не была под серьезным подозрением¹⁰. Он также приказал выследить и убить сына Стилихона, Евхерия.

Стилихон был самым умеренным из всех влиятельных людей того времени (Zos. V.30). Безусловно, одаренный военачальник и великий лидер, Стилихон при жизни звался «спасителем Рима». Он занимал государственные должности в течение 23 лет и никогда не торговал военными должностями и не присваивал солдатского содержания (Olymp. 9; Zos. 35.4).

Против Стилихона работало его варварское происхождение; за свои заслуги он имел против себя завистников и недовольных, при крайне малом количестве сторонников. Его активная политика и стремление решить внешнеполитические задачи государства при отсутствии легитимности привели к обвинению в «филоварварской» политике и государственной измене. Однако это было огромной ошибкой, поскольку его попытка усилить империю лежала на одних весах с губительными для империи последствиями. Таким образом, его гибель во многом предопределила падение Рима в 410 году.

«Это был муж, превосходивший своим могуществом всех когда-либо бывших сановников, и имевший, так сказать, на своей стороне всех римлян и варваров» (Soz. IX,6).

Примечания:

1. Jones A.H.M. *Prosopography of the Later Roman Empire*. V. 1. L. 1980; V.2. L. 1986; V. 3. L.
2. Буданова В.П. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М., 2000; Томпсон Э.А. *Римляне и варвары: Падение Западной Римской империи*. СПб., 2003.
3. O'Flynn J.M. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983. P. 29.
4. Кулаковский Ю.А. *История Византии. 395-518 годы*. СПб, 1996. С. 137.
5. Успенский Ф.И. *История Византийской империи. Т.1*. М., 1996. С. 116.
6. Кулаковский Ю.А. *История Византии. 395-518 годы*. СПб, 1996. С. 163.
7. Буданова В.П. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М., 2000. С. 59.
8. O'Flynn. J.M.. *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton, 1983. P. 31.
9. *Ibid.* P. 39.
10. Гиббон Э. *История упадка и разрушения Римской империи*. М., 1996. Т.3. Гл. XXIX.

МЯТЕЖ ГАЙНЫ 399-400 ГГ. И РОЛЬ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В ЕГО ПОДАВЛЕНИИ*

О.В. Ляховская

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В данной статье рассматривается вопрос о процессе интеграции готских племен в империю рубежа IV-V вв. Мятеж гота Гайны (399-400 гг.) свидетельствует об углублении процесса инфильтрации готов в военно-политические круги империи. Готские военачальники теперь борются не только за отдельные провинции или права, они бросают вызов власти римского императора. Попытку урегулировать конфликт предпринимает и церковь в лице архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Это свидетельствует о сложности взаимоотношений,

---

* Работа подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Госконтракт П 322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

которые сложились к V в. между империей и готами. «Готский вопрос» стал одним из важнейших не только среди правящих кругов, но и среди представителей церкви.

Ключевые слова: готы, мятеж, император, церковь, архиепископ.

GAINAS'S REVOLT, 399-400 AD, AND ST. JOHN CHRYSOSTOM'S ROLE IN ITS FAILURE

**O.V. Lyakhovskaya
Belgorod National Research University**

The article considers a question of Gothic tribes' integration process to Empire at border of 4-5 cent. AD. The Goth Gainas's revolt, 399-400 AD, showed a deepening of Gothic infiltration process to an Empire's military and politic circles. The Gothic generals became to fight not only for separate provinces and their rights but they have given a challenge to Roman Emperor's government. A Christian Church in the person of Constantinople Priest John Chrysostom chanced to eliminate this conflict. There were a lot of difficulties in relationship between Empire and Goths at Early 5 cent. AD. "A Gothic question" was one of importance in government as well as in Christian Church circles too.

Key words: Goths, rebellion, emperor, church, archbishop.

За полтора тысячелетия, прошедшие со времени падения античной цивилизации, в массовом историческом сознании уже в значительной мере забылось то обстоятельство, что Великое переселение народов первоначально обрушилось на восточные провинции Римской империи, на формировавшийся территориально-политический и культурный комплекс Ранней Византии.

Одним из важнейших вопросов, вставших очень остро перед империей уже в III в., является проблема адаптации готов, попавших на ее территорию в результате набегов. В конце IV в. массивы готского населения оказываются на территории ряда провинций в результате гуннского нашествия, после которого готы переселились через дунайскую границу и разбили императорскую армию при Адрианополе (378 г.). Уже в начале IV в. готские имена нередко упоминаются в римских войсках.

Готы к началу V в. уже не просто вписались в жизнь восточных провинций империи, шла явная готская инфильтрация в высшие военно-политические структуры Константинополя. Отдельные крупнейшие готские командиры получали от империи целые провинции под полный фактический контроль. Среди них следует выделить прежде всего полководца Гайну.

Гайна - гот по происхождению, *magister utriusque militiae*, поднявший мятеж в 399-400 гг., арианин¹. Арианская форма христианства, принятая готами, имела для последующей их истории важное значение, так как во время их позднейшего утверждения на территории римского государства мешала им слиться с местным населением, которое придерживалось никейского вероисповедания². Сократ Схоластик пишет в своей «Церковной истории», что Гайна, «сделавшись римским подданным и вступив на военную службу, весьма скоро достиг высших должностей и, наконец, объявлен предводителем римской пехоты и конницы. Получив столь великую власть, он забылся и не мог ограничить своих замыслов, но по пословице, ворочал камни, чтобы подчинить себе Римскую империю» (Soc. VI, 6). Для Сократа Гайна является варваром по рождению, отсюда и соответственные оценки его деятельности.

Созомен сообщает о нем следующее: «Гайна, перебежавший к римлянам, и из простого воина сверх чаяния достигший степени военачальника, вознамерился захватить верховную власть над Римской империей» (Soz. VIII, 4). При этом Созомен также называет его варваром.

В сочинениях Феодорита Киррского Гайна - единственный из германских военачальников, о котором рассказывает этот историк. И.П. Кривушин объясняет это тем, что церковные события IV – начала V вв. не получили еще достойной оценки. Чтобы восполнить этот пробел, Феодорит пытается освободить свое повествование от светской информации и строго отделить церковную историю от светской истории христианской империи³. Феодорит характеризует Гайну следующим образом: «Некто Гайна, по происхождению скиф, да и по чувствам сердца варвар, с тиранскими замыслами, в это время был военачальником и, под своей властью имея единоплеменников, предводи-

тельствовал также конницей и пехотой римлян. Его боялись не только все другие, но и сам царь, замечавший в нем стремление к тирании» (Theod. V, 32).

Если сравнить эти отрывки, то можно отметить, что их авторы, несмотря на схожесть взглядов, все-таки несколько по-разному оценивают гота Гайну. Если Сократ в некоторой степени говорит о нем нейтрально, как о человеке, ставшем римским подданным и поступившем на военную службу, то Созомен уже более категорично реагирует на события, связанные с мятежом Гайны, поэтому у этого историка Гайна представляется лишь «перебежчиком», который из простого воина превратился в военачальника. Отношение Феодорита к Гайне определяется, прежде всего, его «скифским» происхождением, делавшим его и «по чувствам сердца» варваром. И для Сократа, и для Созомена слово «варвар» несет в себе очевидную отрицательную характеристику.

После встречи с императором Аркадием в Халкидоне в 399 г. и попытки мирного решения вопроса со стороны императора, «...оба — и царь, и варвар — дали друг другу клятву, что не будут злоумышлять один против другого,... царь, привыкший быть верным данному слову, и за то любимый Богом, сохранил клятву, а Гайна нарушил договор» (Soc. VI, 6).

В 399 г. гот Трибигильд, предводитель военных отрядов в малоазийской области Фригии, поднял восстание и разорял провинции. Гайна, вызвавшись со своим войском разбить противника, стал тайным его союзником. Объединенные войска Гайны и Трибигильда легко преодолевали натиск императорских отрядов и быстро стали хозяевами положения. Гайна требовал выдачи ему Евтропия (бывшего влиятельного царедворца), отношения с которым в этот период времени были крайне враждебными. Но кроме того, как сообщает Сократ, «Гайна для своих единоверцев, ариан, дерзнул просить у царя одну церковь внутри города (Константинополя)» (Soc. VI, 5).

Созомен свидетельствует, что после встречи в Халкидоне Гайна получил от царя власть управлять пехотой и конницей. Но, не заслужив такого счастья, Гайна не сумел благоразумно воспользоваться им. «Так как первое безумное дело совершилось согласно его желанию, то он вздумал еще возмущать католическую церковь, ибо он был христианин из ереси тех варваров, которые исповедуют учение Ария. Подстрекаемый ее предстоятелями, или побуждаемый собственным честолюбием, он начал просить царя о том, чтобы единоверцам его дана была одна из церквей в городе (Константинополе)» (Soz. VIII, 4).

Феодорит по этому же поводу сообщает: «Заразившись арианством, он доложил царю об уступке ему одного из Божиих храмов (Theod. V, 32).

При сравнении отрывков снова отмечается сдержанность Сократа при характеристике Гайны. Несмотря на то, что он называет Гайну варваром, нарушение клятвы он не объясняет его происхождением. Созомен при описании тех же событий старается найти причины, побудившие Гайну так поступить. Основную причину он видит в личности самого Гайны, который не сумел благоразумно пользоваться своим счастьем и был побуждаем собственным честолюбием. Но Созомен не отрицает возможности факта влияния на Гайну представителей арианской ереси. Для Феодорита же именно факт «скифского», варварского происхождения Гайны является определяющим фактором. Однако, когда Феодорит подчеркивает положительное влияние православной церкви, в частности, епископа Иоанна Златоуста, то историк сообщает, что Иоанн Златоуст сумел воздействовать на мятежника, потому что добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх (Theod. V, 33). И.П. Кривушин так объясняет позицию Феодорита: «...Перед нами христианский мыслитель, одержимый желанием создать истинную историю церкви и только церкви».⁴ Иоанн, узнав о том, что готы требуют церкви для еретиков-ариан, просил Аркадия не поддаваться угрозам еретиков: «Я не допущу, чтобы исповедующие и прославляющие Бога-Слово выведены были из божественного храма и сдали его хулителям Христа» (Theod. V, 32).

Когда Гайна находился во Фракии, к нему, по свидетельству Феодорита, отправился Иоанн Златоуст. Как сообщает Феодорит, Гайна... «еще издали усердно встретил его, приложил руку его к своим очам, а детей наклонил к священным его коленям. Так-то добродетель и в людях неприязненных обыкновенно поселяет к себе уважение и страх» (Theod. V, 33). Свидетельство Феодорита о встрече Гайны и Иоанна Златоуста более никем из историков не подтверждается и может считаться вымыслом, целью которого было еще раз обратить внимание на деятельность Иоанна Златоуста, причем

мятежник и еретик Гайна, вопреки присущим ему качествам, признает и подчиняется духовному авторитету православного епископа. И.П. Кривушин отмечает, что постоянная ориентация на идею торжества защитников истины заставляет Феодорита дописывать в нужном ему русле отдельные сюжеты, фигурирующие в сочинениях Сократа и Созомена⁵.

Таким образом, предвзятость в оценке Гайны, основанной на его происхождении, сохраняется даже в последнем отрывке. Определенную тенденциозность в оценке Гайны Феодоритом Киррским можно объяснить, исходя из общего направления труда историка, которое было отмечено современными историками. Так М.В. Бибииков характеризует сочинение Феодорита как страстную инвективу..., а категоричность и дидактизм, по его мнению, составляют основной пафос данного произведения⁶.

Однако, тот факт, что Златоусту удалось убедить Гайну не требовать невозможного, а довольствоваться теми великими наградами, которыми он уже был награжден, само по себе стало чудом. Более того, когда варвары осаждали столицу, Иоанн по «всеобщей просьбе» явился в лагерь готов, чтобы умиротворить Гайну. И здесь снова произошло чудо: Гайна в очередной раз смирился перед смелостью Златоуста (Theod. V, 32-33, Soc. VI, 5, Soz. VIII, 4).

Вместе с тем, епископ очень заботился о том, чтобы православные готы не испытывали никакого недостатка: он предоставил им церковь рядом с императорским дворцом и рукоположил епископов, знающих готский язык, «...и сам часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык переводчика, да и умевших говорить по-готски побуждал и это делать тоже. Все сие совершая внутри города, он уловил многих оболыщенных и показал им истину апостольской проповеди» (Theod. V, 30).

Однако растущее господство варваров в городе не могло не вызывать недовольство. Сократ говорит, что город был полон варваров, и горожане чувствовали себя пленниками (Soc. V, 6, Soz. VIII, 7, Zos. V, 12-18). Гайна, со своей стороны, предпринимал отчаянные усилия, чтобы захватить всю власть в свои руки. Тем не менее, он потерпел поражение, поскольку «все жители встали на защиту своего города, вооружаясь всем, что находилось под рукой» (Zos. V, 19). Только 7 тыс. готов уцелели в схватке и пытались найти убежище у алтаря церкви, в которой они молились. Император отверг их мольбу о пощаде, и по приказу императора варвары были сожжены заживо в здании церкви, где они искали убежища (Soc. V, 6, Soz. VIII, 4, Zos. V, 19, Theod. V, 32-35).

Однако нельзя сказать, что политика Иоанна Златоуста по отношению к готам свидетельствовала о полном засилье готов на территории империи. Как известно из многочисленных источников, Иоанн Златоуст был ярким противником арианства, приверженцами которого были многие готы. Сократ сообщает о ночных шествиях ариан, происходивших, несмотря на то, что со времен Феодосия Великого всяческие собрания и шествия ариан были запрещены (Soz. VIII, 4). По субботам, воскресеньям и праздничным дням «они собирались в городских воротах у портиков, и на двух противоположных сторонах пели гимны, составленные с целью пропаганды арианского учения» (Soc. V, 8). Иоанн как ревностный пастырь не мог не опасаться, что красочные ночные шествия привлекут кого-то из православных на сторону ариан. Златоуст инициировал подобные ночные шествия и в православной церкви, постаравшись, чтобы православные шествия превосходили арианские своей торжественностью. Он заручился поддержкой императорского двора, придумал сопровождать песнопения ношением серебряных крестов и восковых свечей, на что сама императрица Евдоксия выделила средства, «и вскоре православные ночные шествия превзошли арианские и красотой, и многочисленностью» (Soz. VIII, 8, Soc. VI, 8).

Таким образом, уступки, сделанные готам по поводу открытия арианской церкви, вовсе не означают, что Иоанн Златоуст способствовал их дальнейшей инфильтрации и более глубокому проникновению в империю. На данный момент, когда ситуация в империи была крайне небезопасной, такие уступки смогли несколько сгладить назревшие противоречия и затормозить дальнейшее продвижение Гайны.

В ходе всех этих важных для страны событий Златоуст играл важную роль, и его действия показали, что он смог быть выше всех разногласий, проявляя дипломатический талант и умея вести сложнейшие переговоры. Иоанн Златоуст в своей деятельности огромное внимание уделял «готской проблеме». По готскому вопросу в Восточной

Римской империи существовало полное единодушие государства, церкви и общества, и на какое-то время действия епископа Иоанна примирили его со знатью, которая ненавидела Гайну и готов – первых варваров, активно внедрившихся в высшие структуры империи на рубеже IV-V вв.

Примечания:

1. *PLRE. I. P. 379-380.*
2. *Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. С. 141.*
3. *Кривушин И.П. История и народ в церковной историографии V в. Иваново, 1996. С. 76.*
4. *Там же.*
5. *Кривушин И.П. Историческая концепция Феодорита Киррского // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. М., 2002. С. 55.*
6. *Бибиков М.В. Историческая литература Византии. М., 1998. С. 53.*

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ О СЕРБАХ В ХОДЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРБИЮ В 1876 Г*.

Е.А. Сучалкин

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Статья представляет собой попытку выявить изменения, произошедшие в восприятии сербского народа российскими участниками и современниками добровольческого движения в ходе посещения ими Сербии в 1876 г. Добровольцы явно не ожидали, что война с турками не будет пользоваться популярностью у сербов. В то же время, по признанию российских авторов, многие волонтеры своим поведением отталкивали от себя основную часть сербского общества.

Ключевые слова: современник, доброволец, христиане, сербы, Турция.

ON SOME ASPECTS OF RUSSIANS NOTIONS EVOLUTION ABOUT SERBIANS DURING THE VOLUNTEERS' MOTION TO SERBIA, 1876.

E.A. Suchalkin

Belgorod National Research University

The paper is an attempt to reveal changes in Serbians' perception by Russian participants and contemporaries of volunteers' motion during 1876. Volunteers did not expected Serbian-Turkish war to be so unpopular war among Serbians. Many volunteers had pushed away most part of Serbian society by their behavior.

Key words: contemporary, volunteer, Christians, Serbians, Turkey.

Проблема восприятия балканских народов российскими современниками во время Восточного кризиса 1875-876 гг. – интересная и малоизученная тема. Отдельным и очень значимым её вопросом является восприятие сербского народа в ходе добровольческого движения 1876 г. В статье мы приводим лишь некоторые аспекты данного вопроса, так как сам он значительно выходит за рамки требований статьи.

Первое, что удивило многих российских современников, побывавших в Сербии в 1876 г. – это увиденное равнодушно-негативное отношение большинства сербов к войне, истинные причины которого одни добровольцы поняли не сразу, а другие, видимо, и вовсе не осознали никогда. Вот что писал об отношении сербов к войне известный журналист князь В.П. Мещерский: «...на каждой почтовой станции пришлось снова испытывать действие холодных душ... От каждого крестьянина я слышал всё одну и ту же мысль: жилось им хорошо, никто их не обижал, о турках не было ни слуха ни духа, и вдруг наехали сюда русские, берут с них контрибуции, разоряют подводами, а

---

* Работа выполнена при поддержке Государственного контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд №П659 от 10 августа 2009 г.

иные так даром возить заставляют и лошадей загоняют... Самое странное было то, что нигде я не слышал даже малейших проявлений той ненависти к туркам, которою мы на берегах Невы так кипели»¹. Чуть позже он продолжил свою мысль: «Главное, что было грустно как впечатление, – это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах... А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашёл в Сербии»².

Доброволец, кавалерийский офицер А.Н. Хвостов в начале своего пути в Сербию неоднократно слышал от возвращавшихся в Россию добровольцев, что «сербы не хотят драться»³. Другой волонтер К.И. Воронич отмечал, что идея освобождения славян от османского ига играет здесь «весьма отвлечённую роль, по почину самых же сербов, крайне не сочувствующих войне...»⁴. Вот как отставной кавалерийский офицер характеризовал население Белграда (столицы Сербии): «Ни на ком из местных граждан не замечалось сознание критического положения страны, все они казались спокойными и беззаботными; молодого поколения и людей средних лет, способных носить оружие, встречалось очень много; дряхлые старики попадались исключительно, видна была масса людей, непризванных к той самой защите свободы и веры, которую русские приехали спасать. Такое явление казалось мне непонятным, в особенности припомнив статьи одной из газет, ...где доказывалось окончательное истощение княжества во всех отношениях... по её сведениям остались дома лишь одни больные и старики»⁵.

Даже М.Г. Черняев, возглавивший сербскую армию, критиковал в конце сентября 1876 г. нежелание сербов воевать в своей публичной речи, цитату из которой мы находим в дневнике художника В.Д. Поленова: «Сильно ошиблись мы все в сербах, и отчего такая перемена, объяснить даже трудно, народ, который так героически боролся за свою независимость несколько десятков лет тому назад, стал теперь совершенно к этому неспособен»⁶. Доброволец и пехотный офицер Н.Н. Попов, заведший в белградской парикмахерской «разговор о новостях войны» с удивлением замечал, что как «оказалось... парикмахер весьма мало интересуется боевыми успехами Сербии...»⁷.

Из всех современников и участников добровольческого движения П.А. Гейсман, в будущем генерал от инфантерии, чьи воспоминания вообще отличаются патриотически-оптимистическим настроением, одним из немногих отмечал желание сербов сражаться – правда речь шла о кануне войны: «...большинство Сербов княжества со своим правительством во главе было настроено в пользу войны... До войны в народе сербском не замечалось особенного нежелания идти в бой»⁸.

Между тем, А.Н. Хвостов оставил интересные сведения, согласно которым война с Турцией не находила поддержки у большинства населения автономного Сербского княжества: «Турецкое владычество есть символ абсолютизма, гнёта и разорения, но турецкий протекторат не даёт никаких дурных последствий. Напротив, такое раздвоение верховной власти служить противвесом нарушения конституционных прав народа и князя... Княжеская власть не имеет значения, она не пользуется никаким ореолом, и Милан, лично, не любим. Потому, эту войну можно оправдать как за права и свободу угнетённых христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии; но она непонятна и преступна за расширение прав князя и для освобождения от номинальной султанской власти... Можно сказать, что князь Милан этою войною лишился последнего расположения и доверия своего народа»⁹. Сравнивая настоящую войну с борьбой за освобождение в начале XIX века, Алексей Николаевич заключал: «тогда они дрались за более видимое, осязательное; теперь же причина идеальная, везде и всегда доступная пониманию только меньшинства»¹⁰. К.И. Воронич приводил в записках разговор добровольцев, из которого следует, что нежелание сербским населением войны стало одной из причин его негативного отношения к русским добровольцам: «Главная причина та, что войны-то сербы не желают и считая русских как-бы виновниками ея, тем более относятся к ним недружелюбно. Сколько мне приходилось рассуждать с ними об этом вопросе, то все в один голос высказываются не в пользу войны»¹¹.

Многие побывавшие в Белграде современники отмечали пустынную сербскую столицу. Например, Василий Дмитриевич Поленов с некоторым негодованием писал: «На улицах очень пусто, уныло и праздно; признаков войны никаких, только русские волонтеры изредка попадают, да в кафанах (кофейнях) шумят, а то Белград и забыл бы, что на границе война»¹². Отправившаяся на войну в качестве врача студентка Н.П. Драгневич с присущим её мемуарам оптимизмом пыталась обосновать малолюдность

городских улиц без нападков на сербов: «Женщины же, включая средние и высшие слои общества, по восточному обычаю, без мужчин обыкновенно не выходили на улицы, вследствие чего город казался буквально вымершим; улицы были совсем пустынями...»¹³.

Многих современников смущали многочисленные случаи равнодушно-отрицательного отношения сербов к нашим добровольцам. Например, передавая рассказ одного встреченного добровольца, К.И. Воронич отмечал, что «даже сербы смотрят безучастно» на раненых юношей, оставивших службу в Петербурге ради идеи¹⁴. Военный министр Д.А. Милютин с негодованием отмечал в своём дневнике в конце 1876 г.: «Генеральный консул в Белграде Карцов, только что возвратившийся туда, телеграфирует, что возмущён обращением сербского правительства с нашими добровольцами»¹⁵. Унтер-офицер А.В., не бывавший в Сербии, замечает в начале своих записок: «Русские волонтеры жаловались, что Сербия будто бы не оценила принесённой жертвы...»¹⁶. В.Д. Поленов приводит пример «неодобрения» доктором-волонтером Островским «сербских врачей»: «Вчера, напр[имер], понадобился инструмент, которого в госпитале не оказалось. Студент бежит к местному земскому доктору, тот флегматически отказывает, говоря, что испортят ему инструмент»¹⁷.

Несмотря на самые разные примеры негативного отношения сербов к российским добровольцам, исходя из имеющихся сведений, можно заключить, что одной из главнейших причин такого отношения послужило поведение самих волонтеров в незнакомой им стране. В этом ключе интересно замечание А.Н. Хвостова относительно динамики добровольческого движения: «Первые люди, славянофилы, борцы идеи, отличались нравственными качествами, поведение их было безупречно и они были желанными гостями в Сербии. Появление русского было торжеством. На них смотрели, как на людей культурно высших; сербы принимали их радушно, с восторгом; ...зачастую отказывались брать с них за что бы ни было деньги. Но близилось разочарование. За подобными людьми двигалась масса другого сорта, которых занимала не идея, а просто разгульная, бесшабашная жизнь, или только желание, наконец, приткнуться к какому-нибудь делу; ...очень часто преступные, состоявшие под судом или следствием»¹⁸. Как будто вторит ему цитата из записок К.И. Воронича: «Теперь и от сербов чести не ожидай; таких господ наехало, что за карманами смотри в оба – просто народ отпетый»¹⁹. Впоследствии оба добровольца фактически признавали, что именно негативное поведение таких добровольцев стало основной причиной осложнения русско-сербских отношений.

Известный учёный-славист А.И. Пыпин следующим образом охарактеризовал возникшую между русскими добровольцами и сербами неприязнь: «Мы, как общество, не задумались взять на себя роль старших братьев относительно сербов, и в результате получилось крупное недоразумение, неприязненное чувство с обеих стороны. Оказалось, что общество – конечно, под влиянием условий своей деятельности – могло выслать на помощь им далеко не лучшие свои элементы. И, кроме того, оказалось, что мы не сумели понять народного характера, и вынесли даже неприязненное чувство к «братьям»»²⁰.

Любопытное мнение в этом же ключе оставил известный писатель Г.И. Успенский: «Судите сами, какое впечатление на серба, любящего «кучу» (дом – мои прим.), должен был производить вновь прибывший брат, для которого – «всё один чёрт» и который, напротив, бежит «от кучи», то есть от бездны всей массы условий его личной жизни, условий, которые заставили его находить удовольствие в смерти почти только потому, что «всё один чёрт»»²¹.

Художник В.Д. Поленов и писатель Г.И. Успенский писали, что сербы, несмотря на поведение российских добровольцев, восхищались храбростью последних, их поведением в бою. Добровольцы Н.Н. Попов, Г.А. Гейсман свидетельствовали о благоприятном впечатлении от сербов. Воспоминания Н.П. Драгневич косвенно также свидетельствуют об этом. Хорошо отнеслись сербские общественные деятели в городе Нови-Сад к панслависту Г.А. Де Воллану²².

Лишь немногие участники добровольческого движения отметили сравнительную зажиточность сербского населения. Так, известный писатель А.А. Фет вспоминал сравнение, данное одним знакомым полковником российской и сербской сельской жизни: «Знаете ли, обратился вдруг ко мне полковник: я только что из Сербии, для ко-

торой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видал»²³. Волонтер Н.Н. Попов, чьи воспоминания, как и у П.А. Гейсмана, исполнены оптимизмом (правда, более умеренным), давал схожее описание одной сербской прифронтовой области: «Край густо заселен, на пути нам безпрестанно встречались села и деревни, судя по которым можно было составить себе понятие о сельском населении как о весьма зажиточном»²⁴.

Некоторые авторы подмечали слабую религиозность сербов, что для русского человека, судя по всему, было немаловажно. Так, К.И. Воронич упоминал, что народ оказался не так религиозен, как о нём писалось: «В провинциях... обнаруживалось отсутствие религиозности. ...священники... не пользуются авторитетом в народе»²⁵. Н.Н. Попов подмечал «отсутствие церквей» в городах Чуприя, Парачин и Ражаны: «Последнее весьма странно: почти каждое село и деревня имели школу, так что нужно предполагать что грамотность развита в Сербии и казалось бы что религия должна идти с нею рука об руку»²⁶.

Что касается увиденных ментальных черт сербов, то многие современники отмечали такое их спорное качество, как трусость. Так, А.Н. Хвостов писал: «Сами сербы трусы, бегут и не хотят драться, оставляя нас на произвол судьбы; стреляли в русских офицеров, когда те останавливали их и заставляли идти вперед»²⁷. К.И. Воронич повествовал в том же ключе: «сербы вообще трусы, боятся ездить по ночам. Они мне советовали переночевать здесь в гостинице»²⁸. Чуть позже он, приводя мнение одного офицера, смягчил собственное мнение о народе: «Они (сербы) мало того, что замечательные трусы, сейчас натраг, но раненых бросают, да ещё офицеров... Я никак не мог согласиться с общим отзывом о трусости и низости сербов. Мне всё-таки казалось, что говорят о них преувеличено»²⁹. Платон Александрович Гейсман считал, что виной плохого поведения сербов в бою была не трусость, а отсутствие «сносной военной подготовки», выступление «в поход без офицеров» и отсутствие «хороших примеров» в первых боях³⁰.

Как подтверждение сербской трусости многие современники приводили примеры преднамеренного членовредительства сербов, которое они предпринимали дабы избежать участия в войне. Писатель Д.В. Аверкиев в своём дневнике отмечал, что «в сербско-болгарскую войну, как и в 1876 г. сербские солдаты занимались преднамеренным членовредительством: в указательный палец (Daily News говорило: 75% от всех раненых)»³¹. Ему вторит на страницах своих воспоминаний князь В.П. Мещерский: «О храбрости же сербов шли всякие рассказы, из которых один меня поразил: говорили, что несколько тысяч молодых сербов порезали себе пальцы, чтобы не идти в солдаты...»³². В.П. Поленов писал: «Неприятное и прискорбное впечатление производит дисциплинарный лазарет, где лечат раненых в палец. Их приходится почти 80 процентов на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь предлог уйти из армии»³³.

Н.Н. Попов поначалу не верил в трусость сербов: «К нам подошёл...какой-то юный кавалерист. Этот последний со второго слова начал бранить сербов, уверял что сербы трусы, что стреляют в русских и пр. Я отнесся к его словам совершенно равнодушно, так как слышал уже подобныя розказни...»³⁴. Но чуть позже, когда в кафане один «сербский офицер занимался перепиской молодёжи, будущих войников» доброволец «заметил одного с обрубленным пальцем на левой руке, так что рассказы о членовредительстве подтвердились». Между тем, когда офицер корил войника, «Сербы во время... речи смотрели... по временам подтверждая... слова своим: «ієсть» (да, верно)»³⁵. Когда позже «по дороге... чаще и чаще стали попадаться сербы с перевязанными левыми руками», это произвело на автора по его признанию «грустное впечатление»: «М. не унывал и всячески старался оправдать в моих глазах этих грустных воинов; впоследствии, познакомившись ближе с сербами, и согласился что он был прав»³⁶.

Увиденное Н.Н. Поповым не повлияло на его мнение о сербах. Вот как он отзывался о подчиненных ему солдатах: «Я убежден что если бы побольше времени мы оставались в Делиграде, то из наших сербов вышли бы отличнейшие и храбрейшие солдаты, но мы приняли участие в первом деле далеко не готовыми...»³⁷. Климент Иванович Воронич, несмотря на весьма пессимистический взгляд на положение дел в Сербии, признавал, что «по отзывам самих же русских офицеров, командующих частями, дельное влияние на солдат... всегда увенчивалось успехом – четы и батальоны

слушались, в огне были стойки, отступали правильно и если этим были обязаны дельной распорядительности русского начальника, то тем больше высказывали к нему уважение»³⁸.

Другой нелицеприятной чертой сербов, по мнению многих добровольцев, являлась корысть. А.Н. Хвостов упоминал, что «раненых не только не подбирали, но, требуя денег, торговались за вынос их с поля сражения»³⁹. К.И. Воронич вторя ему, писал: «Ни за что шельмы не подберут своего начальника иначе, как за дукаты...»⁴⁰. Подобных примеров, к сожалению немало в воспоминаниях современников. Как упоминал А.Н. Хвостов, сербы возвращающихся добровольцев «не только не впускают к себе в дом, но отказывают даже в приюте раненым, для них ни подвод, ни лошадей не было...»⁴¹. Этот же автор упоминает, что на обратном пути на Делиград после тяжелого поражения сербской армии «Ожесточение против нас было так велико, что за деньги ничего не давали»⁴².

П.А. Гейсман пытался дать этому объяснение: возвращающихся добровольцев «местные жители, если бы и хотели накормить их, не были бы в состоянии этого исполнить». В примечании к этому предложению он поясняет: «Дорога из Делиграда в Смередево служила этапным путём... Поэтому на всём пути установилась страшная дороговизна на все припасы и средства к жизни... В стороне от этапного пути меня везде принимали радушно; нигде я не голодал, при чём не редко с меня не хотели брать денег»⁴³. Действительно, сведения о корысти и жадности сербов не всегда находят своё подтверждение у современников. Так, многочисленные и весьма разнообразные случаи братского гостеприимного отношения к русским приводили В.Д. Поленов, К.И. Воронич, П.А. Гейсман, Н.П. Драгневич, Н.Н. Попов, известный панславист Г.А. Де Воллан.

Итак, по имеющимся сведениям можно сделать вывод, что восприятие русскими участниками и современниками сербской действительности было довольно непростым. Как видим, современники в своих дневниках и воспоминаниях зачастую противоречат друг другу в самых разных аспектах. Тем не менее, ясно, что незнание волонтерами страны, которую они собирались освободить, было в основной своей массе существенным, если даже «образованные» добровольцы не осознавали, что война с турками не пользуется широкой популярностью в сербском народе.

Примечания:

1. Мецкерский В.П. Мои воспоминания. Ч.2. М., 2001. С. 363.
2. Там же. С. 366.
3. Хвостов А.Н. Русские и сербы в войну 1876 года за независимость христиан. Общій критический обзор. Письма А.Н. Хвостова. СПб., 1877. С. 7-8.
4. Воронич К.И. Изнанка сербской войны. Записки в трёх частях К.И. Воронича. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1877. С. 66.
5. Там же. С. 65.
6. Сахарова Е.В. Поленов В.Д., Поленова Е.Д. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 221.
7. Попов Н.Н. Воспоминания добровольца // Русский вестник. Т. 129. 1877. №5. С. 237.
8. Гейсман П.А. Славяно-турецкая война 1876-77-78 гг. и ея значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877-1878 годов. В 2 ч. Ч.1. СПб., 1887. С. 27.
9. Хвостов А.Н. Русские и сербы... С. 20-21.
10. Там же. С. 50.
11. Воронич К.И. Изнанка... С. 173-174.
12. Сахарова Е.В. Поленов В.Д... С. 215.
13. Драгневич Н.П. Страничка из воспоминаний старой студентки // Исторический вестник. Т. 85. 1901. №8. С. 531.
14. Воронич К.И. Изнанка... С. 89.
15. Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. В 3 т. Т.2. М., 1949. С. 118.
16. Война 1877-78. Записки унтер-офицера А.В. СПб., 1902. С. 8.
17. Сахарова Е.В. Поленов В.Д... С. 218.
18. Хвостов А.Н. Русские и сербы... С. 9-10.
19. Воронич К.И. Изнанка... С. 91.
20. Пыпин А.Н. Из статьи «Наша печать и болгарские дела» // Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 194.

21. Успенский Г.И. *Теперь и прежде*. М.: Сов. Россия, 1977. С. 284.
22. Де Воллан Г. *Очерки прошлого // Русская старина*. Ч.158. 1914. №5. С. 347-348.
23. Фет А.А. *Воспоминания*. В 2 т. Т.2. М., 1992. С. 326.
24. Попов Н.Н. *Воспоминания добровольца...* С. 241.
25. Воронич К.И. *Изнанка...* С. 79.
26. Попов Н.Н. *Воспоминания добровольца...* С. 242.
27. Хвостов А.Н. *Русские и сербы...* С. 21.
28. Воронич К.И. *Изнанка...* С. 82.
29. *Там же*. С. 133.
30. Гейсман П.А. *Славяно-турецкая война...* С. 141.
31. Аверкиев Д.В. *Дневник писателя*. СПб., 1885. С. 419-420.
32. Мещерский В.П. *Мои воспоминания...* С. 366.
33. Сахарова Е.В. *Поленов В.Д...* С. 218.
34. Попов Н.Н. *Воспоминания добровольца...* С. 240.
35. *Там же*. С. 241.
36. *Там же*. С. 242.
37. *Там же*. С. 247.
38. Воронич К.И. *Изнанка...* С. 163.
39. Хвостов А.Н. *Русские и сербы...* С. 21.
40. Воронич К.И. *Изнанка...* С. 133.
41. Хвостов А.Н. *Русские и сербы...* С. 21.
42. *Там же*. С. 43.
43. Гейсман П.А. *Славяно-турецкая война...* С. 150.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕКТОРА КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛЬГИИ (1839-1876 ГГ.)

О.М. Тавшунский

Украинская инженерно-педагогическая академия, г. Харьков

В статье рассматривается колониальная политика Бельгии в 1839-1876 гг. Стремясь добиться для Бельгии преимуществ, короли Леопольд I и Леопольд II включились в гонку за раздел мира. Существенную роль в колониальной кампании играл фактор государственного нейтралитета Бельгии, а также консервативный характер бельгийского общества. К середине 70-х гг. XIX в. африканский вектор в бельгийской колониальной политике стал превалировать над остальными, так как здесь для Бельгии открывались наиболее широкие возможности.

Ключевые слова: Бельгия, король Леопольд, колония, Центральная Африка.

VECTOR DEFINITION OF BELGIAN COLONIAL POLICY, 1839-1876

O.M. Tavshunsky

Ukrainian Engineering Pedagogical Academy, Kharkiv

The article considers Belgian colonial policy, 1839-1876. Aiming to obtain advantages for Belgium, such kings as Leopold I and Leopold II joined the race for the partition of the world. A substantial role in their colonial campaign was played by the factor of Belgium state neutrality, and also by conservative character of Belgian society. To the middle of 1870th African vector has begun to prevail over others in the Belgian colonial policy, because of the widest possibilities for Belgium there.

Key words: Belgium, king Leopold, colonies, Central Africa.

В 1831 г. на карте Европы появилось новое государство – Бельгия. Отметим, что большое значение в его образовании сыграли правительства соседних государств и России. 20 января 1831 г. Англия, Франция, Пруссия и Россия на конференции в Лондоне признали независимость Бельгии от Голландии. Компромисс, достигнутый после революции 1830 г., позволил представителю немецкого рода герцогов Саксен-Кобургских под именем Леопольда I стать королем Бельгии. Будущему королю дали понять, что лишь женитьба на дочери французского короля Луи Филиппа Луизе Марии позволит ему взойти на престол¹. Каковы же были положение страны и планы монарха?

Бельгийское государство было одним из самых молодых в Старом свете, однако по темпам развития занимало передовое положение в Европе². Находясь под властью Испании и особенно Голландии, бельгийцы участвовали в колониальных кампаниях в

Новом Свете и Азии. С обретением независимости Бельгии приходилось начинать все заново. Голландия признала Бельгию и подписала мирный договор только в 1839 г., что вместе с необходимостью восстанавливать инфраструктуру страны, пострадавшую в ходе революции, не позволило Леопольду I сразу перейти к активной колониальной деятельности. Вынужденный под нажимом великих держав подписать перемирие с Голландией, стоившее Бельгии части территории, Леопольд I вновь поднял вопрос о колониях. Вероятно, король Бельгии стремился укрепить престиж королевского дома внутри страны и престиж Бельгии в мире, уравнивая ее по статусу с колониальными империями, найти дополнительные ресурсы и рынки сбыта для товаров быстро развивающейся промышленности бельгийского государства.

В 1840 г. король основал Бельгийскую колониальную компанию³. Но, несмотря на амбиции правящих кругов, конкретных перспектив увеличить свое влияние на мировую политику и экономику у Бельгии не было. Леопольд I рассматривал возможность покупки Филиппинских островов у Испании, для чего предполагалось заключить династический брак между племянником Леопольда I и королевой Испании Изабеллой, но эта затея не удалась. В 40-х гг. основным направлением деятельности Бельгийской колониальной компании был Новый свет. Отметим лишь наиболее значительное предприятие компании, каковым стала попытка основать колонию в Санто Томас в Гватемале. Экспедицию в Гватемалу Бельгия готовила своими силами: в путь отправились около 2000 фермеров и безработных, которые лишь в общих чертах представляли, что их ожидает в Америке⁴.

Однако из-за отсутствия опыта и, как следствие, слабой организации экспедиции, а также значительной отдаленности осваиваемой земли, Бельгии на тот момент не удалось осуществить задуманное. Отвечавший за кампанию А. Ламбермонт впоследствии писал: «Мы достигнем нашей цели лишь упорством, преодолевая все просчеты и крушения наших схем»⁵. Впрочем, колонизаторская кампания 1840-х гг. в Гватемале носила скорее демонстративный характер, раскрывший далеко идущие планы монаршего дома Бельгии.

В 50-е гг. взгляды бельгийских дипломатов были прикованы к Азии. Однако и здесь Леопольд I терпел одну неудачу за другой, что вместе с ухудшившимся здоровьем вынудило его отстраниться от вопросов, связанных с колониями. Однако наследный принц Леопольд – герцог Брабанта – был полон энтузиазма и решимости продолжить дело отца.

Будущий король Леопольд II был незаурядной личностью, он получил хорошее образование и прошел воинскую службу в бельгийской армии, где завоевал своими действиями всеобщее признание. Наряду с военной карьерой он не забывал совершенствовать свои общие знания, собрал обширную библиотеку и планомерно осваивал иностранные языки. Леопольд разговаривал на немецком, французском, английском, но никогда не изучал фламандский⁶.

С середины 50-х гг. XIX в. наследный принц, не будучи стеснен в средствах, начал путешествовать по миру, что помогло ему самостоятельно взглянуть на баланс сил на мировой арене и развить либеральные взгляды. В ту пору, судя по всему, Леопольд мечтал присвоить себе богатства далеких стран. «В Японии есть невероятные богатства. Сокровище императора огромно и плохо охраняется; масса денег накоплена там такая, что если б Европа это знала, организовала бы экспедицию для ее захвата», – писал он в письме к бельгийскому дипломату Дж. Ардою, датированном 23 марта 1859 г.⁷ В 1860 г. принц Леопольд, выступая перед Бельгийским сенатом, потребовал для Бельгии ее «части моря»⁸; в этом, по его мнению, заключался жизненный интерес страны, которая никак не могла расширить рынки сбыта.

Сильное влияние на представления о колониях будущего короля Бельгии оказал двухтомный трактат «Ява; или как управлять колонией» британского юриста Дж. Мани. Впоследствии Леопольд начал переписку с автором и стал пылким поклонником «системы культур», проводимой на Яве голландцами. Дж. Мани красочно описывал плантации кофе, сахарного тростника, индиго и табака, а также систему поощрения плантаторов в зависимости от размера собранного урожая. Не обошел он вниманием и частные компании, получавшие права на монопольную торговлю, главным акционером которых был король Голландии⁹. Леопольд II нашел гениальной возможностью «покупать не только продукты растительности по цене, зафиксированной произ-

вольно, а также содержать служащих, которые получали бы премии в зависимости от объема продукции»¹⁰. Однако голландская колониальная система уничтожила этот тип «правительственных культур» в 1870 г., в то время как Леопольд только собирался его реализовывать.

Бельгийцы во многом зависели от продажи за границу изделий собственной промышленности, но смелые и оригинальные идеи редко находили поддержку, поскольку большинство населения вело консервативный образ жизни, «воспринимая лишь проблемы дня сегодняшнего, вспоминая, как хорошо было вчера, и не заботясь о дне грядущем»¹¹. Сначала идеи Леопольда вызывали лишь снисходительные улыбки и расценивались как утопии, но людей, опередивших свое время, такое отношение только подзадоривает.

В 1865 г. после смерти Леопольда I герцог Брабанта взшел на престол под именем Леопольда II, что повлекло за собой активизацию внешнеполитического курса страны. Однако о захвате Японии Бельгия могла лишь мечтать, поэтому главными целями колониальной кампании в 60-х – начале 70-х гг. было создание колонии на Формозе (португальское название о. Тайвань) или покупка Филиппин, чему способствовала беспокойная обстановка в Испании в 1868-1874 гг. Леопольд II даже рассматривал возможность провозглашения на Филиппинах независимого государства под суверенитетом короля Бельгии, однако вначале ему не удалось добиться финансовых гарантий, а после нормализации ситуации в Испании вообще пришлось отказаться от этой затеи¹².

Время шло, и Бельгия уже ничего не могла противопоставить сложившейся в Азии расстановке сил, поэтому Леопольд II практически полностью переориентировался на «черный» континент. Он одним из первых понял, что «многомиллионное дикое население Африки на пути к цивилизации может быть очень полезным, – показывая этот путь, маленькая Бельгия могла бы обзавестись собственной колонией»¹³. В 60 гг. XIX в. внимание человечества только начинало обращаться к Центральной Африке, чему способствовали открытия Р. Бертона, Дж. Спика и С. Бейкера в области восточных озер, а Леопольд в своих публичных выступлениях уже открыто призывал при случае налаживать отношения с африканцами, суля улучшение благосостояния простому народу. Сенат же неоднократно проваливал проекты, касавшиеся колониальных притязаний Леопольда, поскольку сенаторов больше интересовали внутривластные перипетии. В результате Леопольд II начал по крупицам собирать данные об Африке и исследовавших ее путешественниках¹⁴.

Нужно отметить, что в то время это занятие требовало как денежных затрат, так и много времени. По сути, информацию из первых рук можно было получить, только присутствуя на заседаниях географических обществ, которые отслеживали деятельность первооткрывателей, уточняя карту Африки¹⁵.

Что же представляла собой Центральная Африка, привлекавшая взгляды Бельгии в рассматриваемый период? До последней трети XIX ст. территория от южной границы пустыни Сахара до Южного тропика, включая долину р. Конго, названную в новеллах Дж. Конрада «Сердцем тьмы», оставалась малоизвестной европейцам. Когда-то сильные местные королевства распались из-за набегов работорговцев из восточных областей бассейна р. Конго и стремительного развития европейской (в основном португальской) работорговли на Атлантическом побережье¹⁶. Иногда в регионе появлялись относительно сильные вожди, такие как Мсири в Катанге – его королевство находилось на пересечении торговых путей и имело богатые залежи полезных ископаемых. В целом же население разделялось по родоплеменным признакам, соседние племена часто враждовали. Как отмечал в своих письмах один из путешественников-первопроходцев, власть в регионе представляли «сиюминутные вожди»¹⁷.

Территория по экватору и Южному тропику была труднодоступной из-за климатогеографических условий, которые истощали силы путешественников и содействовали развитию болезней. Бассейн р. Конго вообще воспринимался европейцами как «заоблачная даль», что подтверждалось местными топонимами: Лунные горы, описанные еще Птолемеем, Большой лес Конго и др. И все же соперничество европейских стран за первенство на мировой арене толкало их на поиски новых источников сырья и дешевой рабочей силы, рынков сбыта для товаров собственной промышленности.

Наибольшие успехи в деле разведывания Центральной Африки были достигнуты во второй половине XIX в. и связаны с именами двух выдающихся путешественников Давида Ливингстона и Генри Мортон Стэнли.

В 1857 г. Д. Ливингстон издал книгу «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке». В ней он сделал вывод: тропическая Центральная Африка «оказалась возвышенным плато, несколько понижающимся в центре, и с расщелинами по краям, по которым реки сбегают к морю... Место легендарной жаркой зоны и жгучих песков заняла хорошо орошаемая область, напоминающая своими пресноводными озерами Северную Америку, а своими жаркими влажными долинами, джунглями, гатами (возвышенными краями) и прохладными высокими плоскогорьями – Индию»¹⁸.

В результате же первого трансафриканского путешествия Г. Стэнли в 1877 г. вместо «белого пятна» на карте Центральной Африки появилось дугообразное среднее течение Конго. Оценивая в «Географических сообщениях» итоги этой экспедиции, знаменитый картограф А. Петерманн подчеркивал в качестве главной заслуги Г. Стэнли то, что он связал воедино разрозненные звенья исследования Африки – маршруты своих предшественников, штурмовавших «белое пятно» в экваториальной части материка с севера, юга, востока и запада¹⁹. Г. Стэнли открыл путь к внутренним богатствам Центральной и Тропической Африки, которые были описаны Д. Ливингстоном еще в 50-х гг. XIX ст., что не могло оставить равнодушными некоторые европейские страны, которые в силу сложившейся на ту пору обстановки вынуждены были искать свое «место под солнцем». Одним из таких государств была Бельгия, желавшая укрепить свои позиции, которые пошатнулись в начале 70-х гг. XIX в. в результате экономического кризиса. Леопольд II буквально грезил о создании колониальной державы, когда до него дошла весть о грандиозных открытиях Г. Стэнли.

Все попытки короля выторговать для Бельгии какую-нибудь колонию к этому времени ни к чему не привели, хотя результаты работы бельгийской дипломатии и самого Леопольда II послужили необходимой базой для дальнейших действий бельгийского монарха. Неопределенная позиция парламента вынудила короля взять создание колонии в свои руки, поскольку далее терять время в условиях разгоравшейся колониальной активности было бы расточительно, так как ситуация в Африке менялась буквально на глазах. Англия, Франция и Португалия уже требовали включения больших территорий Африки в сферу собственного влияния, а торговые компании Италии и Германии также лихорадочно стремились выхватить свой кусок «черного пирога». Во время путешествия Г. Стэнли Леопольд II осознал, что нанесение на карту бассейна р. Конго привлечет сюда толпы старателей, и честолюбивые мечты короля потерпят крах.

Леопольд II не мог действовать открыто, так как это могло навредить нейтральному статусу Бельгии и столкнуть ее с ведущими европейскими державами. Леопольд кардинально поменял свой лозунг: если раньше он звучал «Дайте Бельгии ее часть моря», то теперь – «Бельгия довольна своим положением и ни на что не претендует»²⁰. Под этим лозунгом Леопольд II включился в кампанию по колониальному разделу Центральной Африки.

В 1875 г. представитель короля Бельгии, сделавшего щедрый взнос, принял участие в работе конференции, организованной Французским географическим обществом. Благодаря этому Леопольд II получил доступ к последним данным об открытиях в Африке. Дополнительным стимулом для Леопольда II стала книга немецкого путешественника Г. Швейнфурта «В сердце Африки», в которой автор призывал создать в Центральной Африке крупные африканские государства под протекторатом европейских держав²¹.

В том же году, узнав, что В. Камерон, пересекший Африку с востока на запад, не имеет средств для возвращения в Европу, Леопольд II предложил свою помощь, и хотя она в конечном счете не понадобилась, слух о короле-мecenате ширился. Когда в мае 1876 г. Леопольд II посетил Англию, он встретился с В. Камероном лично, уяснив для себя, что Англия не претендует на Центральную Африку. К тому же король Бельгии понял, что, возглавив борьбу против работорговли, о которой сообщали все исследователи Центральной Африки, он сможет включиться в борьбу за раздел Африки²². Такой поворот событий был на руку бельгийскому королю, и он перешел к активным действиям, организовав Брюссельскую географическую конференцию в 1876 г.

Подводя итоги, нужно отметить роль Леопольда I, заложившего основы колониальной политики Бельгии в своём стремлении сделать её державой, равной по статусу другим странам Европы. За полвека независимости Бельгия предприняла ряд попыток завладеть какой-либо колонией. И хотя все они окончились неудачно, бельгийцам удалось набраться опыта и создать необходимый задел для активной колониальной кампании.

Леопольд II с детства был сторонником колониальных начинаний отца. До вступления на престол принц активно изучал языки, географию и некоторые теоретические аспекты колониального устройства, подкрепляя свои знания практическими наблюдениями во время путешествий в колонии других государств. Он постоянно отслеживал изменения, происходящие на политической арене, и поддерживал связь с великими державами, согласовывая возможность создания бельгийской колонии. Поэтому, когда в 70-х гг. XIX в. благодаря деятельности Д. Ливингстона и Г. Стэнли была открыта долина р. Конго, не представлявшая первоочередного интереса для великих держав, Леопольд II не преминул воспользоваться сложившейся ситуацией.

К тому же франко-прусская война 1870-1871 гг. в который раз показала, что с нейтральным статусом Бельгии вряд ли будут считаться, а, следовательно, нужно усилить политический вес государства. Быстро развивающаяся промышленность Бельгии, пострадавшая в результате экономического кризиса начала 70-х гг., также требовала расширения рынков сырья и сбыта, которые могла дать стране колония. Таким образом, к середине 70-х гг. XIX в. африканские мотивы в бельгийской колониальной политике стали превалировать над остальными, так как здесь для Бельгии открывались наиболее широкие возможности для манёвра.

Примечания:

1. Boulger D.C. *The History of Belgium. Part II.* London, 1909. P. 163-164.
2. Создание национального банка в 1835 г., отмена протекционизма в 1849 г., восстановление Антверпена как центра торговли способствовали быстрому промышленному подъёму в Бельгии. Большой размах приобрели машиностроение, угледобывающая промышленность, строительство государственных железных дорог и каналов. Бельгия приблизительно до 70-х гг. XIX ст. наравне с Великобританией лидировала по темпам экономического роста.
3. См.: Schwemmer O.W. *The Belgian Colonization Company, 1840-1858: Ph.D. dissertation.* New Orleans, 1966.
4. Ansiaux R.R. *Early Belgium Colonial Efforts: Ph.D. dissertation.* Arligton, 2006. P. 108.
5. Boulger D.C. *The History of Belgium. Part II.* London, 1909. P. 393.
6. Emerson B. *Leopold II of The Belgians: King of Colonialism.* London, 1979. P. 7.
7. *Histoire de la colonisation belge du Congo, 1876-1910* // www.cobelco.info
8. *King Léopold II of Belgium (biography)* // www.moreorless.au.com/killers/leopold.html
9. Hochschild A. *King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa.* Boston, 1998. P. 37.
10. *Histoire de la colonisation belge du Congo, 1876-1910* // www.cobelco.info
11. Wack H.W. *The Story of the Congo Free State.* New York & London, 1905. P. 3.
12. См.: Greindl L. *A la Recherche d'un Etat Independent Leopold II et les Phillipines 1869-1875.* Brussels, 1962.
13. Wack H.W. *The Story of the Congo Free State.* New York & London, 1905. P. 3.
14. См.: Kittell A.H. *The Revolutionary Period of the Industrial Revolution: Industrial Innovation and Population Displacement in Belgium, 1830-1880* // *Journal of Social History.* 1967. № 2.
15. Helly D.O. 'Informed' Opinion on Tropical Africa in Great Britain 1860-1890 // *African Affairs.* 1969. № 272. P. 197.
16. *Belgian Congo.* Brussels, 1959. V. 1. P. 68-76.
17. Stanley H.M. *The Congo and the Founding of the Free State.* New York, 1885. V. 1. P. 17.
18. Ливингстон Д. (биография) // http://hronos.km.ru/biograf/bio_l/livingston.html
19. Стэнли Г.М. (биография) // http://hronos.km.ru/biograf/bio_s/stenli.html
20. *Speech Delivered by the King at the Opening of the Conference* // Banning E. *Africa and The Brussels Geographical Conference.* London, 1877. Ap. 2. P. 153.
21. Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А. *История Заира в новое и новейшее время.* М., 1982. С. 71.
22. Emerson B. *Leopold II of The Belgians: King of Colonialism.* London, 1979. P. 74.

МИР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

АВСТРИЙСКИЙ ВОПРОС В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ (1934-1938)*

С.Ю. Крупская
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается освещение австрийского вопроса в информационной политике нацистской Германии (1934-1938). Пропагандистское обеспечение подготовки аншлюса Австрии в Третьем Рейхе способствовало распространению националистических настроений и предрассудков в австрийской обывательской среде, насаждению позитивного образа нацистской Германии, как спасительницы Австрии.

Ключевые слова: австрийский вопрос, Гитлер, нацистская пропаганда, подготовка аншлюса Австрии, информационная политика.

THE AUSTRIAN QUESTION IN THE INFORMATION POLICY OF NAZI GERMANY (1934-1938)

S.Y. Krupskaya
Belgorod National Research University

The article considers the Austrian question in the context of Nazi Germany information policy, 1934-1938. Propaganda preparation of Anschluss to Austria had promoted distribution of nationalist sentiments and prejudices to the Austrian narrow-minded environment, to planting of Nazi Germany positive image as Austrian rescuers.

Key words: the Austrian question, Hitler, Nazi propagation, Anschluss to Austria, the information policy.

Информационная политика Германии (1933-1945) представляла собой вариант активного массированного воздействия на общественное сознание. Многообразие средств и форм манипуляции им, задачи реализации обеспечивали важную роль пропаганде в международных отношениях. Внешняя политика нацистского государства, определяемая реваншистской идеологией, в своих целях использовала европейские региональные конфликты, их международные аспекты.

События, связанные с подготовкой и проведением захвата Австрии (1934-1938), породили интенсивную пропагандистскую войну, одну из самых организованных и методичных по динамике развития и размаху воздействия на население.

Принятие австрийцами аншлюса было обеспечено, в свою очередь, не только разочарованием граждан в своем государстве, но и тщательной подготовкой со стороны немецких нацистов, которая осуществлялась, в частности, по пропагандистской линии.

Один из сподвижников Гитлера Г. Раушнинг вспоминал о своей беседе с фюрером, в которой тот не скрывал, что «разгром идеологических противников имеет правило: никогда нельзя заниматься обоснованием собственных мнений, опровержением чужих и вообще опускаться до разъяснений или сомнений. Подчинить противника можно только расколов, парализовав его волю, только поссорив его с самим собой, повергнув его в смятение»¹.

Нацистский режим едва ли не с первых дней своего утверждения демонстрировал особый политический стиль решения внутри - и внешнеполитических проблем, что создало специфический климат и настрой, который приносила гитлеровская Германия в европейскую жизнь. По мнению З.П. Яхимовича: «Налицо было попрание моральных норм и норм международного права, использование грубой силы в сочетании с провокациями большого и малого масштаба, «война нервов», нагнетаемая профессиональными агентами, средствами фашистской прессы и радио, грубый психологиче-

---

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ для аспирантов и студентов (2011 г.)

ский нажим «фюрера» на политических деятелей и дипломатов, особенно в критические для европейского мира дни аншлюса Австрии»².

Нацистское правительство не скрывало, что «Австрия имеет для германской империи значение и ценность. Австрийская проблема – это основная проблема. Достижение этой цели оправдывает все средства»³. Следовательно, присоединение Австрии было одной из приоритетных целей германского национал-социализма.

И. фон Риббентроп (имперский министр иностранных дел), в свою очередь, отмечал (1938), что: «с усилением мощи рейха в Австрии открыто прорвалось ее постоянно существовавшее стремление к более тесной связи с Германией, которому до сих пор препятствовало лишь возражение версальских стран – победительниц. Фюрер издавна испытывал к Австрии своего рода сердечное влечение»⁴.

Не скрывая своих притязаний и планов в отношении соседнего государства, нацисты при этом вынуждены были действовать в этом вопросе поступательно.

По мнению советской дипломатии (февраль 1938), темп гитлеризации Австрии оказался замедленным в силу срыва там фашистского путча [1934], некоторого падения авторитета Германии за границей, неблагоприятной обстановки для ее переговоров с лидером Австрии Шушнигом⁵. К комплексу причин и поводов постепенного захвата австрийского государства нацистами можно отнести: необходимость геополитического утверждения в центре Европы, на «германской родине»⁶, дальнейшее наступление на политику «умиротворения и поощрения агрессора», активно проводимую Францией и Англией, некоторое ослабление противоборства вокруг Австрии по линии Германия-Италия в связи с все большим вовлечением последней в испанский конфликт (1936-1939).

Внешнеполитическая машина Рейха сосредоточилась на подрыве Австрии изнутри. Такая тактика «холодного аншлюса»⁷ характеризовалась заместителем Главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе С. Олдерманом как «техника проникновения в жизнь других стран изнутри»⁸. Г. Раушнинг приводит слова Гитлера по этому вопросу: «с помощью соответствующих средств, любое государство можно разложить изнутри настолько, что потом не будет стоить больших усилий, победить его»⁹.

Тактико-идеологические аспекты подготовки такого мероприятия были озвучены на заседании комитета Имперского совета обороны еще в июне 1935 г.: «Задача пропаганды состоит в том, чтобы взорвать фронт противника изнутри, отвлечь его тем самым и затруднить ведение войны. Поэтому должны быть известны внутренние трудности противника, чтобы использовать против него средства пропаганды»¹⁰.

Главной опорой в осуществлении такой политики стали «зарубежные немцы», проживавшие в Австрии, принимавшие активное участие в деятельности нацистских организаций: «В большинстве своем они понятия не имели о том, для каких дьявольских целей используется их работа. Много лет спустя выяснится, какое огромное доверие было загублено таким циничным злоупотреблением. Все колонии зарубежных немцев были превращены в опытные грядки пропагандистских структур»¹¹.

В информационной политике Третьего Рейха по австрийскому вопросу условно можно выделить несколько этапов, характеризующихся различными векторами, динамикой развития и размахом воздействия на австрийское общество: 1) 1933-1935 гг.; 2) 1936 – кон. 1937 гг.; 3) 1938 год.

На начальном этапе (1933-1935) нацисты проверяли реакцию Европы на свои внешнеполитические устремления, для этого, в частности, резко ставили вопрос о присоединении Австрии к Германии (пропагандистская провокация). При этом германская пресса в более сдержанных тонах писала о своем требовании проведения голосования в Австрии, что уже вызывало тревогу мировой общественности¹².

У немецких пропагандистов еще не было всего будущего спектра возможностей для оправдания своего внешнеполитического курса: в Австрии был введен запрет на печать германских нацистов (1934) и санкции за слушание их радио (1935).

Пристальное внимание к внутренней политике австрийского правительства сохранялось в нацистской прессе на протяжении 1934-1935 гг. Наиболее часто затрагиваемыми темами стали террор австрийской власти, арест национал социалистов, обострение противоречий в общественной, экономической и политической сферах Австрии, объединение военных союзов в стране, критика Дунайского пакта, опроверже-

ние тезиса о планах аннексионной политики Германии, амнистия австрийских политических заключенных¹³.

В январе - октябре 1935 г. пропагандистская активность нацистов по австрийскому вопросу заметно эволюционирует. Наблюдается апробирование нового пропагандистского механизма – показательной отрешенности от внутренних дел австрийцев, создание впечатления, эффекта ослабевающего морального натиска Германии на Австрию. В январе 1935 г. сотрудникам крупнейших немецких газет было объявлено, что «Австрия в ближайшие дни для германской прессы больше не существует»¹⁴. Подобная тактика «псевдозамалчивания» в информационной политике Рейха была призвана продемонстрировать якобы отсутствие интереса Германии к австрийским делам. Кроме того, нацистские руководители пытались таким образом отменить запрет на распространение своих газет в Австрии.

Следующий период (1936 – конец 1937 гг.) «австрийской политики» Рейха характеризовался некоторой сдержанностью тона пропагандистских выступлений его служб, пристальным вниманием к внутриавстрийским проблемам и к реакции на это Европы, которая переживала в то время последствия Рейнской авантюры. Помимо этого, заключение германо-австрийского соглашения (1936) способствовало установлению негласного контроля над внутренней жизнью со стороны немецких нацистов.

После заключения указанного германо-австрийского соглашения (1936) правительственные круги нацистской Германии не спешили форсировать практические события в Австрии. В сентябре 1936 г. Ф. фон Папен (германский посол в Австрии 1934-1938) рекомендовал Гитлеру, что «основной с тактической точки зрения линией в их деятельности надо избрать постоянную терпеливую психологическую обработку с постепенно усиливающимся давлением, направленным на перемену режима [в Австрии – С.К.]»¹⁵.

По оценке советской дипломатии, это соглашение позволило немецким национал-социалистам легализовать работу своей партии в Австрии, а, значит, обеспечило свободу пропаганды в Австрии¹⁶.

В Германии начался очередной всплеск пропагандистской кампании вокруг австрийской проблемы. Нацистские газеты подчеркивали, например, что Австрия признает себя «вторым немецким государством», и что данное соглашение способствует разрядке напряженности в Европе. При этом упоминалась «австрийская свобода»¹⁷. В прессе часто встречалась преувеличенная информация о внутреннем правительственном кризисе в австрийском государстве, о растущей коррупции, о реставрации империи Габсбургов, заверения Гитлера в адрес Австрии¹⁸.

Для оказания нажима на австрийское население немецкая пропаганда активно использовала идеи антисоветизма и антибольшевизма. Она регулярно напоминала австрийцам о том, что им угрожает агрессия со стороны СССР. Главным оплотом для борьбы с советским режимом должна была стать Германия.

Осенью 1936 г. газеты утверждали, что после «коммунистической агрессии» в Испании «русские войска» двинутся на Австрию. Коминтерн якобы дал указания австрийским коммунистам начать борьбу против законного правительства¹⁹. Следовательно, Австрии необходимо установить близкие отношения с Рейхом, дабы «создать единый фронт против мирового большевизма»²⁰.

Е. Гнедин (зав. отделом печати Полпредства СССР в Германии) в июне 1936 г. так оценивал нацистскую печать: «Тон германской прессы по австрийскому вопросу характеризуется двумя противоположными моментами: с одной стороны, пресса явно уделяет больше внимания, чем месяц назад, внутривнутриполитическим затруднениям австрийского правительства; с другой стороны пресса избегает чрезмерно острой постановки вопросов»²¹.

К ноябрю 1937 г. Геббельс в своем выступлении на ежегодном конгрессе палаты культуры оценил пропагандистские достижения своего министерства: «Радиовещание превратилось в настоящий всенародный институт, немецкая пресса также успешно выполняет свою миссию»²².

«Пылкая риторика и замысловатый синтаксис»²³ германской печати и выступлений нацистских лидеров по радио способствовали, с одной стороны, формированию в австрийской среде лояльного к Германии отношения, с другой, повышению тревожности в правительственных кругах страны.

Неоднократные упоминания о пропагандистской деятельности нацистов в Австрии встречаются у американского посла в Германии У. Додда. Он сообщал о распространении в Рейхе и Австрии захватнических карт, где последняя включена в состав Германии, о включении австрийских немцев в Рейхстаг с целью демонстрации мирной политики нацистов и пр.²⁴

Январь 1938 г. открыл новую страницу в германо-австрийских отношениях. По мнению руководства Рейха, к этому времени сложились благоприятные внешнеполитические условия для аншлюса, поэтому немецкие правительственные круги не скрывали своих планов в отношении Австрии. Начали функционировать специальные роты пропаганды, одна из которых была предана командованию в Вене²⁵.

Одновременно пропагандистские мероприятия нацистов в Австрии резко изменили свой тон, характер и тематику. Германская пресса потеряла свой «примирительный» тон и перепечатывала старые материалы антиавстрийского характера²⁶.

Однако после ратификации австрийским президентом Берхтесгаденского протокола (16 февраля 1938) германская пропаганда начала расхваливать руководство страны и его политику²⁷.

В своей речи 20 февраля 1938 г. Гитлер говорил о «понимании» Шушнига и своем «сердечном желании» добиться большего взаимопонимания между Австрией и Германией, вместе с тем обронил предупреждение: «В интересы германского рейха входит защита братьев по расе, которые живут вдоль наших границ, но не могут самостоятельно отстоять свою политическую и духовную свободу»²⁸. Эта речь Гитлера была передана по австрийскому радио и вызвала волну пронацистских демонстраций.

В целом, пропагандистская кампания рейха в отношении Австрии (1938) носила резкий и критичный характер, сменяющийся интонациями от устрашения австрийского правительства до его хвалы (тактика «кнута-пряника»). Незадолго до аншлюса немецкие пропагандисты использовали отвлекающие маневры с целью усыпить бдительность австрийского общества. Для этого германская пресса практически перестала публиковать материалы, касающиеся Австрии, или же констатировала их в доброжелательном тоне.

По мере приближения аншлюса, менялась и интонация немецкой прессы. 11 марта 1938 г. вечерние выпуски берлинских газет были переполнены нападками на Шушнига, которого обвиняли в обмане и измене Берхтесгаденского соглашения. Сообщения из Австрии подавались под заголовками о «большевистском хаосе, большевистской провокации, союзе Шушник – Сталин», об обидах, чинимых в Австрии германским подданным, и т.п.²⁹

На следующий день после вторжения германской армии на территорию страны «Фёлькишер беобахтер» пестрела заголовками типа «Немецкая Австрия спасена от хаоса». В ней были помещены за авторством Геббельса статьи о «красных» беспорядках в Вене – стрельбе и грабежах на улицах³⁰. В полдень 12 марта Геббельс прочел по германскому и австрийскому радио воззвание Гитлера. В нем фюрер оправдывал агрессию, как всегда, не говоря ни слова правды, и обещал, что народ Австрии выберет свое будущее путем «настоящего плебисцита»³¹.

Несколько позже, оправдываясь перед иностранными журналистами, Гитлер заявлял: «Некоторые иностранные газеты утверждают, что мы коварно напали на Австрию. За время своей политической борьбы я завоевал любовь своего народа. Но когда я пересек бывшую границу (с Австрией), я был встречен с такой любовью, какой раньше нигде не встречал. Находясь под впечатлением от всего этого, я решил не ждать, а осуществить объединение сразу»³².

Таким образом, новый этап пропагандистской акции носил оправдательный характер.

По оценке поверенного в делах СССР в Германии Г. Астахова (апрель 1938), «в дипломатических кругах немцы усиленно заматают следы, популяризируя версию о «неожиданности» и стараются изобразить истинным виновником присоединения Австрии – Шушнига»³³. Одновременно Риббентроп по этому поводу настаивал, «что происшедшее в Австрии было исторической необходимостью»³⁴.

Таким образом, весной 1938 г. итогом широкой пропагандистской кампании в пользу воссоединения германской нации, запугивания противников аншлюса и нагнетания антикоммунистических настроений стал ввод в Вену частей вермахта и аншлюс

Австрии. Австрия стала очередной жертвой гитлеровских экспансионистских планов. Другим итогом этой кампании стала ее очевидная поддержка большинством населения. Австрийские земли были успешно интегрированы в «Третий Рейх»: «Австрия стала его «бомбоубежищем» и экономическим плацдармом. Идеология и психология нацистского тоталитаризма была воспринята значительной частью австрийского общества»³⁵.

Пропагандистская подготовка и политическое осуществление гитлеровского аншлюса Австрии претерпевали постоянную эволюцию (в зависимости от внутренних и международных факторов). В их ходе использовались различные принципы и методы борьбы, способствовавшие постоянному расширению информационного пространства по распространению нацистских и националистических настроений и предрассудков в австрийской обывательской среде (особенно возобладавших у национальных меньшинств³⁶). Например, методичность и системность, «броскость и беззастенчивость». Замалчивание объективной информации, намеренное распространение провокационных слухов, дипломатический шантаж, создание ложных антитез и демонстративной видимости невмешательства во внутренние австрийские дела, констатирующий и успокаивающий тон прессы на фоне активной антисоветской пропаганды являлись основными средствами косвенного воздействия Германии в Австрии 1934-1938 гг.

Примечания:

1. Раушинг Г. *Говорит Гитлер*. М., 1993. С. 166-167.
2. *Война и общество в XX веке. Кн.2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны*. М., 2008. С. 56.
3. *Нюрнбергский процесс. Т.2. М., 1988. С. 486. Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (28-29 ноября 1945)*.
4. *Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи*. М., 1996. С. 106.
5. *ДВП РФ. Т.21. С. 80-81. Письмо Временного поверенного в Делах СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР (16 февраля 1938)*.
6. *Hitler A. Mein Kampf. München, 1933. S. 1.*
7. *Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: сб. документов. Кн.2: 1938-1940. М., 1998. С. 47; Глушков А.Е. Роль нацистской пропаганды в подготовке и проведении захвата Австрии (1936-1938 гг.) //Труды Томского университета. Томск. Вып.4. Т.215. 1972. С. 70.*
8. *Нюрнбергский процесс. Т.2. С. 478. Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (28-29 ноября 1945)*.
9. *Раушинг Г. Указ соч. С. 70.*
10. *Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 378.*
11. *Раушинг Г. Указ.соч. С. 114.*
12. *АВП РФ. Ф.82. Оп.19. П.65. Д.24. Л. 330. Германо-австрийские отношения / Полномочное представительство СССР в Германии. Отдел печати. Берлин, 27.3.1935.*
13. *Reinfront, 1935. 25 Mai; Kölnischer Zeitung. 1935. 5 Juni; Kreis Zeitung. 1935. 1 Juni; Reinfron. 1935. 7 Mai; Frankfurter Zeitung. 1935. 28 Juni; Deutsche Allgemeine Zeitung. 1935. 25 Marz; Berliner Bersen Zeitung. 1935. 20 Mai.*
14. *Глушков А.Е.Указ. соч. С. 73-74.*
15. *Нюрнбергский процесс». Т.2. С. 493; ДВП РФ. Т.19. С. 366.*
16. *ДВП РФ. Т.19. С. 370. Письмо Зам. Народного комиссара Ин. дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я.З. Сурицу (19 июля 1936).*
17. *Völkischer Beobachter. 1936. 12 Juli; Frankfurter Zeitung. 1936. 19 Juli.*
18. *Völkischer Beobachter. 1936. 16 Apr.*
19. *Völkischer Beobachter. 1936. 12 Sept.*
20. *Ibid. 1936. 6 Sept.*
21. *АВП РФ. Ф.010. Оп.10. П.52. Д.54. Л. 11. Переписка НКВД с Полпредством СССР в Германии (6 июня 1935).*
22. *Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2010. С. 190.*
23. *Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. С. 44.*
24. *Додд У. Дневник посла Додда. 1933-1938. М., 2005. С. 194, 254, 255, 262, 320, 350, 380, 405, 438, 459.*
25. *Волковский Н.Л. История информационных войн. Ч.2.СПб.,2003. С.203; Басистов Ю.В. Особый театр военных действий. СПб., 1999. С. 87.*
26. *Глушков А.Е. Указ.соч. С. 84.*

27. *Völkischer Beobachter*. 1938. 12 Feb.; *Der Angriff*. 1938. 16 Feb., 17 Feb.
 28. Ширер У. *Взлет и падение Третьего Рейха*. Т.1. М., 2009. С. 471.
 29. ДВП РФ. Т.21. С. 122.
 30. *Völkischer Beobachter*. 1938. 12 Marz.; Ширер У. *Взлет и падение Третьего Рейха*. Т.1. С. 481; он же. *Берлинский дневник. Европа накануне Второй Мировой войны глазами американского корреспондента*. М., 2002. С. 92.
 31. Ширер У. *Взлет и падение Третьего Рейха*. Т.1. С. 485.
 32. Там же. С. 488.
 33. АВП РФ. Ф.05. Оп.18. П.142. Д.56. Л. 122, 111, 87.
 34. *Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939*. Т.1. Ноябрь 1937г. – дек. 1938 г. М., 1981. С.75.
 35. *Война и общество в XX веке*. Кн.2. С. 67.
 36. Там же. С. 66.

«ОБРАЗ ВРАГА» В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ПРОПАГАНДИСТСКОМ ПЛАКАТЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ 1936-1939 ГГ.

Н.Н. Фомичёв

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается понятие «образ врага» на примере республиканского политического плаката в период Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг., выделяются цели, механизмы и формы его внедрения в общественное сознание. Также делается попытка установить определённый алгоритм изучения наглядной пропаганды на примере плаката.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., «образ врага», визуальная пропаганда, манипуляция сознанием, плакат, фашизм.

"AN ENEMY CONCEPT" IN REPUBLICAN PROPAGANDA POSTER CONTEXT DURING THE SPANISH CIVIL WAR, 1936-1939

N.N. Fomichev

Belgorod National Research University

The article describes the concept of "enemy concept" as an example of Republican political poster during the Civil war in Spain, 1936-1939. The author studies the objectives, mechanisms and modalities of image implementation into the public consciousness. Also it is attempted to determine the specific visual propaganda poster algorithm on example of study poster.

Keywords: The Civil war in Spain, 1936-1939, "an enemy concept", visual propaganda, manipulation of conscious, poster, fascism.

В современной российской политологии понятие «образ врага» используется в качестве метафоры, за которой стоит желание представить идеальную ситуацию реальной политической действительности, как антитезу «друг-враг». Такой подход более всего обусловлен тем, что согласно фундаментальным психологическим установкам человек «добр»¹. Образ врага, как важная идеологическая составляющая любого информационного пространства, как правило, сознательно конструируется конкретными политическими силами. Понятие «врага» необходимо для осознания общественной группой своей идентичности, принципиальной положительной отличности от этого антиидеала, и для мобилизации сил, признания за властью легитимности как права противостояния «врагу». Исключительно успешными оказались в XX веке, например, такие конструкты как «империя зла», «международный терроризм» и т.п. В рамках мирового коммуникативного пространства чаще всего реализуются условия поведения «человека толпы»².

Во время боевых действий понятие врага конкретизируется в наибольшей степени. Как подчеркивает Е. Сенявская, «психология «свой-чужой» в этой критической для находящейся в состоянии войны общественной группы ситуации обостряется до предела, до полного неприятия, отвращения к той политической культуре носителем которой является враг»³. В сходной ситуации происходило очерчивание контура, а потом и создание образа врага в условиях противостояния государственных и общественно-политических идеологий во второй половине 1930-х гг. Всё это чрезвычайно обост-

рило пропагандистскую составляющую крупнейшего конфликта – предвоенного периода Испанской войны 1936-1939 гг.

Уникальным источником для изучения пропагандистской составляющей Гражданской войны в Испании являются политические плакаты. В ходе разработки темы работы было проанализировано более 2200 испанских пропагандистских плакатов периода 1936-1939 гг. Следует уточнить понятие «Республиканский плакат». Во многом оно собирательное. Испанская республика Народного фронта объединяла различные с точки зрения идеологии и политической платформы силы: от анархо-синдикалистов до правых республиканцев. Особенности каждого направления политической мысли Испании и особенности их программ предопределили раздробленность пропагандистских усилий. В первую очередь, в плакатном искусстве прослеживалась партийность и лишь на втором месте – идея республиканского единства, борьбы против общего врага – националистов и традиционалистов. Общереспубликанскими агентствами, занимавшимися изготовлением плакатов, были *Министерство народного просвещения*, *Делегация пропаганды и прессы* Исполнительного совета обороны республики, объединённый орган пропаганды НКТ (Национальная конфедерация труда), и ФАИ (Федерация анархистов Иберии) (действовавшие впрочем, и раздельно). Значительную часть прореспубликанских плакатов была издана организацией *Международного красного креста*, Интербригадами, различными организациями либеральной направленности (*Союз за права женщин*), дружественными Народному фронту партиями (социалистическими и коммунистическими) других стран, прежде всего Франции, перепечатывались и советские плакаты. Причина такого явления в том, что за весь период войны, в рамках органов республиканского управления, пропаганда не была монополизирована в рамках единой организации. Несмотря на наличие общереспубликанских отделов идеологии, в целом, усилия были распылены, в отличие от противной мятежной стороны, где функционировала *Национальная службы пропаганды* с отделами и *Главный национальный комитет прессы и пропаганды*⁴.

Несмотря на значительную разобщённость усилий, плакаты Республики имели ряд общих черт. Первой такой особенностью являлся широко декларируемый тезис о единстве Народного фронта и всех сил, противостоящих иностранной интервенции. Это была важная моральная опора сил антифашистского Народного фронта, определявшая его идеологическое единство в отстаивании независимости Испании, противостоянии общему врагу, понимаемая также как борьба за мир во всём мире против «абсолютного зла», под которым выступал «фашизм». Например, листовка «Единство, дисциплина, жертвы» (1936-1939 гг.; 3 цвета)⁵. Лишена иных графических элементов за исключением текста (белые буквы на красном фоне). Она красноречиво призывает: «Единство, дисциплина и жертвы – основные факторы победы». Можно привести много примеров такого рода. Примечательно произведение «Единство действия на всех фронтах, чтобы сокрушить фашизм» (1936-1939; 3 цв.): 6 кулаков, занесённых над свастикой, символизируют НКТ, ФАИ, Всеобщий союз рабочих (УГТ), Коммунистическую партию, Интернациональные бригады и Социалистическую партию⁶. Сходна этой идее листовка «Единство коммунистической и социалистической молодёжи» (1938; 3 цв.) – на переднем плане композиции изображены обнажённые по пояс юноши с красными флагами в руках, на одном из полотнищ аббревиатура «JS» (Социалистическая молодёжь), на другом «JC» (коммунистическая молодёжь)⁷.

Термин «фашизм» стал объединяющим, аккумулирующим представлением о реальных врагах Республики – мятежниках и итало-германских интервентах. Понятия «внутреннего» и «внешнего врага» зачастую вообще не дифференцировались. Упор делался на сохранение и поддержание единства антидемократических сил. Такова одна из идей плакатов «Генералиссимус» (1936-1939; 4 цв.) «Националисты» (1937; 6 цв.) – полное отождествление внутренних и внешних врагов, «Антифашисты! Пираты нападают на наши берега. Защитим свободу!» (1936-1939; 3 цв.): на переднем плане – военный корабль со свастикой на одном борту и ликторской связкой, символизирующей итальянский фашизм с другой – объединение сил Германии и Италии против испанской Республики⁸. В этом заключалась особенность идеи «нераздельности» врага, как реально-абстрактного объекта наглядной республиканской агитации.

Яркость, патетичность, стремление зафиксировать изображение в памяти адресата присуща большей части доступных для анализа плакатов. Эти особенности были

направлены на поддержку морального духа населения, готовя основу к осознанию собственного морального превосходства над врагом. Особое внимание в композиции плакатов уделялось цветовой гамме – здесь присутствовал красный цвет, резко контрастирующий с чёрным и белым. Патетичность передавалась за счёт монументальности, геометрической, художественной завершенности элементов, доступных и понятных жестов изображённых лиц и политических деятелей. Например, на плакатах часто присутствовали обнажённые по пояс атлетичные торсы, сжатые в кулак руки, профили с поднятыми подбородками, открытым ртом, люди с выставленной вперёд грудью и т.д. Фигуры демонстрировали напряжение, сопряженное с усилием, надрывом, энергией. Особенной популярностью у художников пользовались композиции солдат в сочетании с символами и предметами воинского быта – стальными шлемами, колючей проволокой, орудиями, разрывами снарядов, штыками и т.д. Присутствовали и сцены борьбы с врагом, схватки или триумфа – выставленная вперёд согнутая в колене нога, воздетые кверху руки, человек, восходящий на постамент, увитый венками из цветов⁹.

Важнейшим идейным предназначением республиканского плаката Испанской войны 1936-1939 гг. была «демонизация» врага, представление его неким антиидеалом, воплощавшим в себе весь спектр отрицательных качеств. Эта установка достигалась путём принятия антитезы: представление врага как «абсолютного зла» с одной стороны, с нелепостью и комичностью его образа с другой, оказывая двуединое воздействие на восприятие реципиента. «Фашист» наделялся такими качествами, как военная мощь, несущая страдание в сочетании с жестокостью и беспринципностью. Таковы плакаты «Это фашизм!» (1936-1939; 4 цв.), «Итальянская интервенция в Испании» (1937; 4 цв.)¹⁰. Другой задачей республиканской визуальной пропаганды было привитие отвращения к врагу через акцентирование его жадности, лживости, подлости, отвратительности. На таких плакатах, как «Убийцы!» (1936-1937; 3 цв.), «Не открывайся им!» (1937; 3 цв.), «Производи продовольствие, чтобы раздавить фашизм!» (1936-1939; 4 цв.) идеологический и политический противник был представлен в виде змеи, уroda с огромными ушами, как варвар, атакующий мирное население¹¹. Антиклерикальная листовка «Как церковь насаждает свою религию в Испании» (1936-1939; 4 цв.) демонстрировала эту посылку: изображённый священник со свастики на шее заседал поле могильными крестами¹². Качества жестокости, беспринципности, военной силы, жажды власти резко контрастировали с изображениями образов физической слабости, нелепости и беспомощности. Эта идея, например, заключена в плакате «Рабочий! Фашизм это голод, война и смерть. Уничтожь его!» (кат. яз.; 1936-1937; 3 цв.)¹³.

Особое место в анализируемом плакатном искусстве занимала широко применяемая аллегоричность. Это - черта наглядной пропаганды, символизм зачастую подменял детальное изображение, дополняя образы в восприятии индивида. Основной задачей подобного приема была всё та же передача качеств объекта и метафоричности авторского видения. Например, такое понятие как «жадность» могло быть передано изображением мешка денег, «подлость» - занесённым со спины кинжалом. Аллегоричность также простиралась на область реальных военных действий, жестокости войны. Как отмечала Т. Евгеньева, «в период экономических кризисов, войн и революций наблюдается необычайный взлёт архаических по своей природе образов, которые выстраиваются в систему образов-символов, как устойчивые элементы коллективного бессознательного - архетипы»¹⁴. Мятажники могли изображаться в виде смерти с козой, волком с открытой пастью, тюремщиком, военным сапогом, попирающим территорию Испании и т.д. Наибольшее распространение получили легальные символы националистов и интервентов – пять скрещённых стрел и ярмо, а также ликторская связка. Наиболее универсальной аллегорией фашизма стала нацистская *свастика*. Редкий республиканский плакат, на котором присутствовал враг, не содержал её в том или ином виде. Немаловажным дополнением выступали символы, отождествляемые с пленом и страданием: цепи, колючая проволока, орудия, ружья¹⁵.

Таким образом, «образ врага» как целостная пропагандистская идеологема активно использовался в политическом плакате Испанской республики в ходе Гражданской войны 1936-1939 гг. Несмотря на то, что понятие «республиканский плакат» во многом условно, и зачастую на первом месте в его идее была заключена принцип партийности, и лишь потом – унитаризм, степень влияния его на массы была исключительно высока. Он был важным инструментом воздействия на общественное сознание

с целью указания на положительную отличность сил и дел республиканцев от антигуманного, преступного, предательского, профашистского способа достижения политического верховенства со стороны националистов, прибегших к помощи иностранных сил.

Образ врага играл несколько функций в важной для судеб Республики моральной мобилизации населения: он помогал и постепенно заставлял сформировать единую антифашистскую идентичность, укрепить её за счет акцентов на силе, монолитности вражеского блока, его идеологической целостности. Этому значительно способствовало применение антитезы «нелепость»-«абсолютное зло», представление всего обозначенного выше в метафоричной и аллегоричной формах.

Республиканский плакат периода Гражданской войны в Испании в каком-то смысле даже превзошел и опередил аудиовизуальные средства манипуляции общественным сознанием, запечатлевая конкретный, яркий, элемент желаемой или возможной действительности, копируя его в сознание индивида, донося основную мысль, идею художника. Восприятие плакатной информации не могло занимать слишком много времени, достаточно было лишь заинтересоваться «картинкой» и прочитать краткий текст. Данный вид пропаганды также отличался массовостью и доступностью. Всё это в итоге предопределило его исключительную важность в качестве средства воздействия на волю, чувства и поступки испанцев времен гражданского конфликта 1936-1939 гг.

Примечания:

1. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.zlev.ru>
2. Почепцов Г. Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). М. 1998. С. 31.
3. Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. 1999. С. 258. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/senyavskaya1/14.html>
4. Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://orpheus.ucsd.edu/peccollvisfrontasturiaspost.html>

5. Единство, дисциплина, жертвы»//[Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://pares.mcu.es/carteles GC/Admin Cjntrol Servelet&COP=6>
6. «Единство действия на всех фронтах, чтобы сокрушить фашизм» // Там же. (Рис.1)
7. «Единство коммунистической и социалистической молодёжи» // Там же.
8. «Генералиссимус», «Антифашисты! Пираты нападают на наши берега. Защитим свободу!» // Там же; «Los Nacionales». Bennasar B. *La Guerra di Spagna. Una tragdie nazionale.* Torino, 2004. P. 242. (Рис.2, 6)
9. См. например: «1936-1937 18 июля», «Силачи, вперёд!». (Рис.3)
10. «Это фашизм!», «Итальянская интервенция в Испании»//[Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://pares.mcu.es/carteles GC/Admin Cjntrol Servelet&COP=6>. (См. Рис.4)
11. «Убийцы!», «Не открывайся им!», «Производи продовольствие, чтобы раздавить фашизм!» // Там же.
12. «Как церковь насаждает свою религию в Испании» // Там же. (Рис.5)
13. «Рабочий! Фашизм это голод, война и смерть. Уничтожь его!» // Там же.
14. Евгеньева Т. Социально-политические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание, механизмы, функции / Сост.: Логунов А., Евгеньева Т. М., 1996. С. 23.
15. См. например: «Международный день молодежи» // Там же (Рис. 7).

**«СТАЛИНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ»
(ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936-1939 ГГ. В ОЦЕНКАХ
СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА В.Г. КРИВИЦКОГО)**

**А.А. Пчелинов-Образумов
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается освещение Гражданской войны в Испании в произведениях советского разведчика В.Г. Кривицкого. В 1935-1937 гг. Кривицкий занимал пост начальника советской военной разведки в странах Европы, в 1937 году бежал на Запад. Произведения Кривицкого имели ярко выраженную антисталинскую направленность. Основной тенденцией в освещении испанских событий стала резкая и необъективная критика политики СССР в испанском вопросе.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., В.Г. Кривицкий, «Сталинская интервенция», разведчик, невозвращенец.

THE «STALIN'S INTERVENTION IN SPAIN» (CIVIL WAR IN SPAIN OF 1936-1939 IN ESTIMATIONS OF THE SOVIET SCOUT V.G. KRIVITSKY)

**A.A. Pchelinov-Obrazumov
Belgorod National Research University**

The article considers the Civil war in Spain illumination in Soviet scout V.G.Krivitsky books. Krivitsky was the chief of the Soviet military intelligence in the countries of Europe during 1935-1937. He had deserted to the West in 1937. Krivitsky's works had an anti-Stalin strongly pronounced orientation. The sharp and biased criticism of a Soviet policy in the Spanish question became the basic tendency according to the Spanish events.

Key words: The Spanish Civil War of 1936-1939, V.G. Krivitsky, "Stalin's intervention", intelligence agent.

30 апреля 1939 года в издававшемся в Париже русскоязычном журнале «Новая Россия»¹ была опубликована статья, перепечатанная из американского еженедельника «Saturday Evening Post», под названием «Сталинская интервенция в Испании: разоблачения невозвращенца Кривицкого». Её автором был бежавший на Запад бывший глава советской военной разведки в странах Европы Вальтер Германович Кривицкий (настоящее имя Самуил Гершевич Гинзберг).

Лейтмотивом упомянутой выше статьи В.Г. Кривицкого, как и других его произведений (и, прежде всего, широко известных мемуаров «Я был агентом Сталина»), была тотальная критика Сталина и созданного им режима. Поэтому неудивительно, что тема участия СССР в Испанской войне была раскрыта автором в таком же ключе. Бывший разведчик освещал преимущественно роль Советского Союза в Гражданской

войне в Испании, практически не уделил внимания международной ситуации вокруг противостояния на Пиренейском полуострове и внутренним составляющим конфликта. Кривицкий также стремился максимально показать значимость своей роли в описываемых событиях (так себя он позиционировал как «единственного выжившего за границей прямого участника советской интервенции в Испании», способного «свободно описать весь драматический ход этих событий»)². Необходимо также отметить, что произведения бывшего советского разведчика во многом носили заказной характер, выполняли «разоблачительные» функции, и были ориентированы на определённый круг читателей Запада. Известный испанский историк А. Виньяс, говоря о значении мемуаров В.Г. Кривицкого, отмечал, что хотя данные мемуары нельзя считать достойными презрения, но их составление было не только делом указанного автора³. Всё вышеуказанное делало вполне предсказуемым присутствие в произведениях разведчика неточностей и ошибок, как случайных, так и сделанных намеренно (так, Кривицкий писал о своём посещении Испании и пребывании там своего друга, сотрудника ОГПУ, А. Слуцкого, тогда как в реальности, ни сам Кривицкий, ни Слуцкий в Испании не были)⁴.

Кривицкий полагал, что гражданский конфликт в Испании был обусловлен естественными причинами и не поддерживал широко распространённый на Западе миф о причастности к победе испанского Народного фронта СССР и Коминтерна⁵. Но, тем не менее, он относился весьма негативно как к Коминтерну, так и к самой идее Народного фронта. Кривицкий презрительно именовал Коммунистический Интернационал «лавочкой», отмечая, что он уже давно превратился из «огненного факела» мировой революции в «простой придаток сталинской внешней политики»⁶. Народные фронты, по мнению бывшего разведчика, создавались Коминтерном «во всех демократических странах» для того, чтобы местные коммунисты, послушные указам Москвы, могли «с помощью всякого рода «попутчиков» и просто одуроченных людей ставить у власти правительства, дружественно настроенные к Советскому Союзу»⁷. При этом он отмечал, что в Испании Коминтерн не достиг сколько-нибудь значительных успехов, что было обусловлено малочисленностью коммунистической партии и её непопулярностью у населения страны. На этом основании Кривицкий определял правительство Народного фронта как революционно-демократическое, но стоящее на антикоммунистических, антисталинских позициях⁸. В пользу этого, по мнению бывшего разведчика, говорило то, что Испанская республика после пяти лет своего существования «отказывалась признать советское правительство и не имела дипломатических отношений с Москвой»⁹.

Исходя из контекста источника, можно заключить, что к выступлению националистов Кривицкий относился негативно, рассматривая их как мятежников, деструктивную силу фашистского толка¹⁰. Столь же отрицательным было отношение советского резидента к итало-германской интервенции в Испании. Для него вмешательство фашистских государств в Испанскую войну было доказательством роста их могущества и агрессивности¹¹. Политику «невмешательства» разведчик расценивал как капитуляцию перед диктаторскими державами, особенно выделяя Францию, которую он считал её инициатором¹².

Политике Советского Союза в испанском вопросе Кривицкий дал исключительно негативную оценку и охарактеризовал её как «интервенцию», предпринятую с целью «превратить Мадрид в вассала Кремля»¹³. Тем самым, он поставил СССР в один ряд с Германией и Италией. Основные причины «интервенции», по мнению бывшего разведчика, коренились во внешней политике сталинского руководства: «сталинский государственный корабль вовсе не случайно оказался в далёкой испанской гавани»¹⁴. С момента прихода Гитлера к власти в 1933 году вся внешняя политика СССР носила «лихорадочный характер»¹⁵. Сталин, опасавшийся внешней изоляции, стремился установить дружественные отношения с нацистской Германией и договориться о разделе сфер влияния (в этом контексте Кривицкий рассматривал пакт Молотова-Риббентропа как давно ожидаемый и закономерный шаг сталинской внешней политики)¹⁶. Однако данные попытки не увенчались успехом, не удалось заручиться и сколько-нибудь значительной поддержкой Франции и Великобритании: «Лондон не давал определённых обязательств. Договор с Францией не был надёжной опорой»¹⁷. В данной международной обстановке, вмешательство СССР в начавшуюся в Испании гражданскую войну на

стороне законного правительства открывало перед советским руководством весьма заманчивые внешнеполитические перспективы. Контроль над Испанией, с одной стороны, обещал Сталину более тесную связь с Парижем и Лондоном, а с другой, давал возможность торговаться с Берлином и Римом (в том числе достичь «своей постоянной заветной цели – договорённости с Германией»)¹⁸. «Владея Испанией, важной для стратегического положения Англии и Франции, он [Сталин – А.П.] чувствовал бы себя застрахованным. Он был бы силой, с которой приходилось считаться», – отмечал Кривицкий¹⁹.

Другой важной причиной, заставившей сталинское руководство пойти на «интервенцию», было стремление поддержать имидж Советского Союза как авангардной силы мировой революции²⁰. Кроме того, Сталину, положение которого у власти в тот момент являлось крайне ненадёжным, для «выживания как диктатора» требовалось оправдание «его кровавых акций зарубежными коммунистами и известными приверженцами идеалистических взглядов»²¹. Оказание помощи Испанской республике позволяло решить данные проблемы.

Помимо вышеизложенных причин, Сталина привлекала также возможность получения «груды испанского золота (140 миллионов фунтов)», которую законное правительство Испании готово было потратить на закупку на вооружения²². Кривицкий особо подчёркивал, что Сталин, в отличие от Гитлера и Муссолини, ничем не рисковал, так как прежде чем начать поставлять оружие «постарался убедиться, что в Испанском банке хранится достаточно золота, чтобы с лихвой окупить стоимость любого советского вооружения»²³.

Важной особенностью «сталинской интервенции» в Испании был её скрытый характер. Если Германия и Италия «официально признали действия своих экспедиционных сил в Испании, не скрывали, а скорее преувеличивали свои военные успехи», то СССР «осторожно преуменьшал всякий шум... и поначалу вовсе скрывал всё, что касалось этого»²⁴. По мнению Кривицкого, Сталин действовал подобным образом, чтобы не втянуть советскую сторону в большую войну: «Свою интервенцию он готов был проводить только под девизом «Подальше от артиллерийского огня!» Это оставалось главным нашим девизом на весь период событий в Испании»²⁴.

Более позднее, по сравнению с Германией и Италией, включение Советского Союза в конфликт на Пиренейском полуострове Кривицкий объяснял тем, что Сталин цинично выжидал подходящий момент, чтобы вмешаться в испанскую гражданскую войну: «Ему надо было прежде всего убедиться в том, что Франко не ждала быстрая и лёгкая победа»²⁵. Лишь в конце августа, когда «хорошо организованные силы Франко повели успешное наступление на Мадрид», Сталин стал «под прикрытием объявленного им нейтралитета» реализовывать свой план «осторожной интервенции в Испании»²⁶. По данным Кривицкого, решение об оказании помощи Испании было принято политбюро уже в конце августа 1936 года, при этом особо отмечалось, что советская помощь Испании должна была быть неофициальной, оказываться тайно, чтобы «устранить всякую возможность втягивания страны в войну»²⁷.

Нельзя не отметить, что Кривицкий предельно упростил и исказил как общую картину внешней политики СССР, по сути дела сведя её к стремлению советской стороны заключить соглашение с нацистской Германией, так и политику Советского Союза в испанском вопросе. В качестве главной цели вмешательства СССР в испанский конфликт, он назвал стремление последнего установить в Испании марионеточный режим и использовать её как разменную монету для улучшения своих внешнеполитических позиций (и, прежде всего, для заключения соглашения с Германией), что, конечно же, не соответствовало действительности. Ошибочна и информация бывшего разведчика о мотивах и времени принятия решения об оказании помощи Испании (как известно, соответствующее решение было принято политбюро ЦК ВКП (б) лишь 28 сентября 1936 года²⁸).

Весьма любопытны приводимые Кривицким сведения об оказании Советским Союзом военной помощи Испанской Республике («Операция «Х»»). Бывший разведчик верно указал время, когда советская помощь начала поступать в республиканскую Испанию (середина октября), отметил такие особенности «Операции «Х»» как: доставка вооружения по двум каналам (непосредственно из СССР и из-за границы) и проведение мероприятий, обеспечивавших секретность операции (разработка планов

дезинформации противника, использование флагов и судов нейтральных стран, подделка сопроводительной документации и т. д.)²⁹. При этом Кривицкий всячески старался подчеркнуть свою исключительную роль в осуществлении данных мероприятий, тем самым создавалось впечатление, что большая часть вооружения и военных материалов, направляемых в Республику закупалась в странах Западной Европы, а не доставлялась из СССР³⁰.

Крайне интересен один факт, приводимый Кривицким. Он утверждал, что ещё в августе 1936 года в Одессу прибыли высокие должностные лица из Испании для закупки оружия в обмен на золото и для торговли с ними ОГПУ была создана подставная частная фирма (которой, в частности, якобы руководил его друг капитан госбезопасности М. Уманский)³¹. Как отмечает А. Виньяс, данная акция не только не подтверждается документально, но и вообще не представляется вероятной³².

По данным Кривицкого, советский военный персонал в Испании никогда не превышал двух тысяч человек, из которых только лётчики и танкисты несли активную службу³³. Разведчик также подчёркивал решающую роль советской стороны в создании «армии Коминтерна» – интернациональных бригад, являвшихся, по его мнению, наиболее боеспособными частями республиканской армии³⁴.

Кривицкий неоднократно делал акцент на том, что Сталин, используя монопольное положение поставщика оружия Республике, стремился поставить под полный контроль законное правительство Испании: «Сталин должен был превратить Испанию в пешку в своей силовой игре, должен был задушить всякую оппозицию в Испанской Республике. Сталин был намерен оказывать помощь материалами и людскими ресурсами только тем группам в Испании, которые проявляли готовность безоговорочно подчиняться его руководству»³⁵. Так, Кривицкий сообщал, что по приказу из Москвы была запрещена доставка оружия в Каталонию, где концентрировались главные антисталинские силы³⁶. Он также отмечал, что и события мая 1937 года в Барселоне были советской провокацией, осуществлённой для расправы с оппозицией (анархистами и членами Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ))³⁷.

Бывший советский разведчик отмечал, что платой за услуги СССР Республике стала почти бесконтрольная деятельность ОГПУ на её территории, сводившейся преимущественно к террору против антисталинистов: «Уже в декабре 1936 года террор свирепствовал в Мадриде, Барселоне и Валенсии, были созданы специальные тюрьмы ОГПУ, его агенты убивали и похищали людей, вся эта сеть функционировала совершенно независимо от законного правительства»³⁸. По мнению Кривицкого, советские представители вели себя в Испании «как если бы они находились в колонии» и общались даже с лидерами как «колонизаторы с туземцами»³⁹. «Советский Союз захватил в свои руки такую власть над законным испанским режимом, как если бы эта страна находилась в полном советском владении», – резюмировал он⁴⁰. Необходимо отметить, что хотя, представители СССР, порой, действительно выходили за рамки своих полномочий, картина, нарисованная Кривицким, мало соответствовала действительности.

СССР (и, прежде всего, лично Сталина) Кривицкий назвал главным виновником поражения Республики. По мнению бывшего разведчика, Сталин мог спасти Республику (в частности путём увеличения поставок), но сумел этого сделать⁴¹. «Он храбро боролся с независимостью испанского народа, но слабо – против Франко. Ему удавались кровавые интриги, но не удавались военные операции», – отмечал Кривицкий⁴². Всё, что получил Сталин от своей «интервенции», была «груда испанского золота», оставшаяся в его руках.

Появление публикаций о Гражданской войне в Испании Кривицкого, а затем и выход в свет его мемуаров, вызвало широкий общественный резонанс на Западе, в том числе и в Российском Зарубежье⁴³. Показательно также, что статья Кривицкого была впервые опубликована (на русском языке) в журнале либерального крыла российской эмиграции. Публикация «разоблачений» бывшего советского разведчика привела к возникновению полемики в российской эмигрантской прессе по вопросу достоверности содержащейся в них информации, в том числе на страницах журнала «Новой России», редакция которого выступила в защиту Кривицкого, попавшего под огонь правой и левой печати Зарубежья⁴⁴.

Освещение событий испанской гражданской войны носило в произведениях Кривицкого весьма односторонний характер. Идеологическая заданность (а именно ярко выраженная антисталинская направленность) и заказной характер произведений мешали объективному описанию и анализу рассматриваемых событий. Вместе с тем, несмотря на все вышеперечисленные негативные моменты, произведения бывшего советского разведчика не были лишены и достоинств. Кривицким была предпринята попытка осветить скрытую, закулисную сторону Испанской войны, познакомить массового читателя с малоизвестными фактами. Однако, как можно заметить, данные задачи были решены автором весьма специфически.

Примечания:

1. Журнал «Новая Россия» - периодическое издание либеральной направленности, выходившее в Париже в 1936-1940 гг., его главным редактором был А.Ф. Керенский.

2. Сталинская интервенция в Испании: разоблачения невозвращенца Кривицкого // Новая Россия. 1939. №66-67. С.14.

3. Виньяс А. Почему Сталин решил оказать помощь испанской республике? Дискуссионный вопрос в историографии гражданской войны (часть 1) // Испанский альманах. Вып.2: История и современность. М.: Наука, 2010. С. 106.

4. Колтакиди А. Испанская война // Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996. С. 366.

5. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 75-77.

6. Там же. С. 76.

7. Там же.

8. Там же. С. 77, 81.

9. Там же. С. 77.

10. Там же. С. 75, 105.

11. Там же. С. 105.

12. Там же. С. 77.

13. Сталинская интервенция в Испании... С.14.

14. Там же.

15. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 74.

16. Там же. С. 73.

17. Там же. С. 75.

18. Там же. С. 78.

19. Сталинская интервенция в Испании... С.14.

20. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 79.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же. С. 75.

25. Там же.

26. Там же. С. 78-79.

27. Там же. С. 79.

28. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Каталог. Т.2. С. 808.

29. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 81-85.

30. Там же. С. 82, 86, 88.

31. Сталинская интервенция в Испании... С.16.

32. Виньяс А.Указ. соч. С. 120.

33. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 91.

34. Сталинская интервенция в Испании... С.18.

35. Кривицкий В.Г. Указ. соч. С. 88.

36. Там же. С. 87-88.

37. Там же. С. 102-103.

38. Там же. С. 97.

39. Там же. С. 100.

40. Там же. С. 97.

41. Там же. С. 75, 105.

42. Там же. С. 105.

43. Кривицкий В. (Вальтер) // Социалистический вестник. 1938. №6-8; Извольская Е. Сталинская интервенция в Испании // Новая Россия. 1939. №68. С. 10-11; Поход на Кривицкого // Новая Россия. 1939. №68. С. 16.

44. Там же. С. 16.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Ю.К. Слуцкая

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Лексический состав языка, являясь наиболее подвижной частью языковой структуры, фиксирует изменения, происходящие в историческом развитии общества. Увеличение частотности употребления лексических единиц, относящихся к сфере военного дела, говорит об изменениях в общественном сознании народа.

Ключевые слова: язык Третьего Рейха, лексика, содержательная сфера военного дела.

MILITARY LEXIS IN THE LANGUAGE OF THE THIRD REICH

J.K. Slutskaia

Belgorod National Research University

The lexis is the most flexible part of the language system. It fixes any changes that occur during the historical development of the society. The increasing occurrence of lexical items that relate to the sphere of military words signals the changes of the social conscience.

Key words: The language of the Third Reich, lexis, the sphere of military words.

Национальный язык представляет собой важнейшую часть культуры любого народа. В нем отражается накопленный опыт и история развития общества. Изменения в языке могут быть настолько значительными, что дают возможность многим исследователям говорить о существовании внутри национального языка отдельных языков, возникновение и функционирование которых обусловлено историческим развитием общества. Так, например, говоря об истории развития немецкого языка, филолог В. Клемперер выделяет язык Третьего Рейха – LTI (*Lingua Tertii Imperii*)¹. Язык Третьего Рейха - это язык фашистской Германии, язык нацистского общества. Многочисленные организации, от крупных союзов ветеранов типа Стального шлема, до небольших, так называемых народных групп, неожиданно прониклись духом воинствующего национализма и сознанием мистической тевтонской теории. Нацизм использовал в своих интересах консерватизм, который вырос из всеобщего разочарования поражением Германии в Первой мировой войне. Антидемократические идеи распространялись в немецком обществе в самых разных его слоях. Проводником этих идей был язык.

Характерной чертой языка Третьего Рейха является господство так называемых «модных слов» (*Modewörter*). Модное слово – это ставшее обиходным слово, которое в определенный временной отрезок употребляется особенно часто и, как следствие, выходит за предшествующие границы своего употребления. Причины, которые увеличивали частотность употребления модных слов, весьма многочисленны. Так, иногда модное слово имеет под собой какой-либо неопределенный образ, в других случаях наиболее предпочтительными становятся слова, имеющие идеологические коннотации. Под словами с идеологической коннотацией подразумеваются лексические единицы (ЛЕ), обозначающие понятия, имеющие определенное значение для нацистов, слова, обозначающие нацистские «добродетели» и «идеалы»². Часто речь при этом идет о военном деле. Став «модными словами», лексические единицы меняют свою функцию. Они не должны выражать определенный смысл, они не служат для создания благозвучности. Определенная эмоциональная окраска и ярко выраженная оценочность дают возможность использования «модных слов» для создания эмоционального фона³.

О. Зейдель и И. Зейдель-Слотти, рассматривая лексику, относящуюся к сфере военного дела, говорят о проникновении военизированных выражений в другие сферы языка, об их переходе из разряда специализированной лексики в разряд общепотребительной: «... In der Tat (ist) eine Festung entstanden, nicht aber eine Festung für Kriegszwecke, sondern eine 'Festung der Wissenschaft' (ein meteorologisches Observatorium) («в действительности возникла крепость (укрепление), но крепость не для военных целей, а крепость науки (метеорологическая обсерватория)» - перевод Ю.К.С.)⁴.

В Германии периода Третьего Рейха человек жил в полностью военизированном мире. Люди стремились к военным образцам и, как следствие, старались постоянно использовать выражения, относящиеся к данной содержательной сфере, в речи.

Так, например, книга под названием «Politik und Erziehung» («Политика и воспитание») характеризуется следующим образом: «Da der Verfasser in die Breschen, die er in die feindlichen Fronten schlägt, die gleiche Gedankenladung schleudert, ...» («Так как автор направляет одинаковый мыслительный заряд (снаряд) в бреши, которые он пробивает во вражеских фронтах...» - перевод Ю.К.С.)⁵.

В книге о воспитании в одном предложении употреблены сразу три лексических единицы, относящихся к сфере военного дела, при этом с возрастающей интенсивностью. ЛЕ «Die Bresche» (брешь, пролом, разрыв) можно употребить в каждом тексте, слово «die Fronten» (фронты) в то время также характеризовалось высокой частотностью употребления, причем данная единица усилена еще определением «feindlich» (вражеский)⁶. Подобный стиль не кажется особенным или отличающимся от стиля большинства письменных источников. Схожие примеры легко можно найти в любом журнале⁷.

В ходе исследования мы провели анализ изменений в лексическом и стилистическом значении отобранных ЛЕ. Для этого мы проанализировали статьи словаря немецкого языка «Deutsches Wörterbuch» («Словарь немецкого языка»), автор Г. Вариг. 37 ЛЕ в словаре Г. Вариг не помечены ни как устаревшие, ни как относящиеся к сфере военного дела (der Feldzug (военный поход, кампания), überwinden (побеждать, ликвидировать), der Kampf (борьба)). Лексическое значение данных ЛЕ осталось неизменным. Изменения коснулись их стилистической окраски. В ЛТИ эти ЛЕ являлись «модными словами». Они характеризовались выходом за рамки содержательной сферы «военное дело» и употреблялась иногда в другом, переносном значении: Feldzug gegen Hunger (кампания против голода – перевод Ю.К.С.); Kleidergeschäft Müller im Kampf gegen die Hitze (магазин одежды Мюллера в борьбе с жарой – перевод Ю.К.С.).

В современном языке данные ЛЕ являются стилистически нейтральными. Отнесенность к сфере военного дела в современном немецком языке мы обнаружили у 6 ЛЕ: der Front (фронт), der Tank (танк), der Trommelfeuer (ураганный (артиллерийский) огонь), der Generalstab (генеральный штаб), die Bresche (брешь), die Marschkolonne (походная колонна, шеренга). В ЛТИ ЛЕ Tank функционировала в значении, которое в системе современного немецкого языка является устаревшим. Будучи в ЛТИ «модным словом», ЛЕ Tank также характеризовалась выходом за рамки содержательной сферы «военное дело» и употреблялась иногда в другом, переносном значении: Mit dem Tank der Kameradschaft brechen wir die Gegensätze (Танком товарищества мы раздавим противоречия – перевод Ю.К.С.)

Таким образом, названные 6 ЛЕ не вышли из употребления, их лексическое значение осталось неизменным. В период ЛТИ названные ЛЕ являлись так называемыми «модными словами» и характеризовались высокой частотностью употребления. В системе современного немецкого языка они представляют собой специализированную лексику, относящуюся к сфере военного дела, и функционируют в рамках названной содержательной сферы.

Характерной чертой языка ЛТИ было проникновение лексики, происходящей из сферы военного дела, во все другие сферы общественной жизни и, соответственно, в произведения всех стилей и жанров. В период существования ЛТИ из сферы специализированной военной лексики слова перешли в разряд «модных слов» и стали общеупотребительными. Это явление говорит об изменении общественного сознания народа-носителя языка. Поставив страну на военные рельсы, политическая верхушка Германии 1930-1940-х годов нуждалась в поддержке со стороны народа. Необходимо было создать в обществе соответствующие настроения, возвести в ранг высших ценностей и идеалов военизированные стандарты. Использование лексики, относящейся к сфере военного дела, сыграло большую роль в достижении этой цели.

Примечания:

1. Klemperer V. LTI. Leipzig: Buchdruckerei Richard Hahn (H. Otto), 1970.
2. Seidel E., Seidel-Sloty I. Sprachwandel im Dritten Reich. Halle (Saale): VEB Verlag Sprache und Literatur, 1961.
3. Там же.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 44.
6. Там же.

IS THE FEMINIST CRITIQUE OF LIBERALISM SUCCESSFUL?

Basra Mohamed

Middle Tennessee State University, USA

The author considers the feminist critique of liberalism and comes to conclusions that it is not always justified. She pays special attention to the view point of multicultural women.

Key words: feminism, liberalism, multiculturalism.

УСПЕШНА ЛИ ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА ЛИБЕРАЛИЗМА?

Басра Мухамед

Университет штата Теннесси, США

Автор рассматривает феминистскую критику либерализма. Она приходит к выводу, что данная критика не всегда обоснованна. Особое внимание уделяется позиции женщин из мультикультурной среды.

Ключевые слова: феминизм, либерализм, мультикультурализм.

It used to be that feminism appealed to liberalism in order to further its claims for equality. However, some feminists now feel that liberalism has been unsuccessful in furthering these claims for equality. Many feminist criticisms of political liberalism are that political liberalism's design in particular is problematic especially when making a distinction between the public and the private¹. Feminists like Carole Pateman claim that "the dichotomy between the public and the private is ultimately what the feminist movement is all about." Thus, liberalism is unsuccessful in failing to advance woman's rights and liberties in both spheres. My primary objective for this paper is to prove exactly how liberalism has failed feminists in the private sphere and show how sometimes the feminist critique of liberalism is unsuccessful due to the unfair generalized critique of liberalism.

When differentiating the public from the private sphere, feminists' view of the public sphere includes political, social, and economic life. When feminists discuss the private sphere they usually mean family and personal life. Women suffer inequalities both publicly and privately, thus feminists critique liberalism of not doing enough for women in both the private and public spheres. Hence feminists argue that "the fight for gender equality must go beyond the devaluation and discrimination of women in the public sphere to the patterns of domestic labor and women's devaluation in the private sphere"².

Feminists like Alison Jaggar observe the liberal view of justice, which focuses on the public sphere, and concludes that "it overshadows the respect for what is private. For instance, after decades of controversial debates over reproductive rights we are still debating the right for a woman to have an abortion, or use contraceptives, when matter of fact it's her own body". Jaggar argues that "the liberal conception of human nature and of political philosophy can not constitute the philosophical foundation of an adequate theory of women's liberation." Therefore, liberalism needs to do more for feminism. This is an important area in which the feminist critique of liberalism is successful. Liberalism promotes negative liberty; the idea of less government interference in the private life. "Negative liberty is usually attributed to individual agents"³. Although liberalism has traditionally been great at implementing this for women, however in areas of privates matters of women it fails to come pull through for women. This notion of negative liberty hurts women especially in the private familial life, where women still face problems of marital rape, and domestic violence.

Although liberalism rejects public sexism, it still allows for discrimination of women in the private sphere⁴. Some feminists like Susan Okin critique liberalism in for in this area.

Since it is women who mostly suffer in the private sphere, and it is not possible for them to appeal to justice in that realm, inequality is at the very root of the public and the private distinction. Okin believes that the liberal state and liberalism in general trumps the woman's right, in the private family life. Okin argues that this notion of negative liberty in not interfering with the private lives of women, hurts women in liberal democracies. Okin argues, for instance, that multiculturalism is bad for women. In a world of forced marriages, biased divorced systems, polygamy, female genital mutilations, and honor killings; feminists can't

help but feel uneasy as western liberal democracies broaden multicultural rights for certain ethnic groups at the expense of other voiceless women. Okin states that, “the liberal state complies with these groups while it often forgets the rights of women in the private sphere.” She argues that some countries like France move further beyond their laws in order to accommodate and make exceptions for special rights to certain ethnic minorities.

When in fact these ethnic minorities are repressing women under polygamous marriages and forced marriages causing women to live inescapable lives. Okin argues quite well that some of these group rights can not coexist with the rights of women. According to Okin “the liberal value of individual freedom entails that a group rights should not trump the individual’s rights.” She is correct in that there is a substantial likelihood of tension between the special rights for these groups and the state’s ignoring the private lives of women really fails to establish the liberal value of individual freedom⁵.

In a response to Okin, Will Kimlicka, a contemporary political theorist, and a strong advocate for group rights, in fact agrees with the feminist criticism that “liberalism has been blind to grave injustices which limit the freedom and harm the self-respect of women...” and agrees with Okin that the liberalism needs to protect women in the private sphere especially in regards to the multiculturalism. Kimlicka concludes that liberalism can actually do more for women; he states that “we need a more subtle account of internal restrictions which helps us identify limitations on the freedom of women within ethno-cultural groups.” Kimlicka even goes further to say that a liberal theory of minority group rights, cannot fully be accepted in some cases such as in cases of internal restrictions on women, since they violate the autonomy of the woman and create injustice within that particular group. Kimlicka says that liberals can accept “external protections which promote justice between groups, but must reject internal restrictions which reduce freedom within groups.” Thus even in the private family life of a specific multicultural group the state ought to interfere with the family in order to protect the woman. Both Kimlicka and Okin are right in that liberalism in this sense has failed to secure rights for women in the private life and thus should do more⁶.

Some Marxist feminist like Carole Pateman even argues that although in promoting a merely formal equality between the sexes in the public sphere, liberalism fails to deliver substantive equality of power, in the private sphere and even in the public sphere. She says that Liberalism might promise women legal equality with men, and might even develop this into equality of opportunity; but “its association with a market economy ultimately paralyzes its best efforts in this direction, and offers no plausible solution to the organization of child-care or domestic labor”⁷. Pateman criticizes liberalism for having the same political and economical approach of promoting a “freedom of choice for the individual that generates gross inequalities between groups, and then appealing to the freedom of this individual to resist the collectivist measures that would redress the resulting inequalities⁸. She is right for instance under the capitalist free market of liberal democracies employers are reluctant to hire women because of the possibility they may become pregnant and devote time and resources away from their job. Instead of safeguarding women’s rights, liberalism has instead embraced the free choice of the market, at the cost of the economic inequalities for women.

Furthermore, although I admire and agree with the major remarks raised by these incredible feminists, I can not help but feel that their critique on liberalism is to a certain extent unfair. Liberalism after all deserves some props; for it was liberalism after all that has done a lot for women, more so than feminism.

I feel that some of the feminist critiques hover around societal problems and not problems that liberalism by itself could address. For there is simply so much that liberalism can do for women, the rest is up to society to reevaluate itself. For instance, it was liberalism that gave women in America the Nineteenth Amendment; it was liberalism that made sure that women received Affirmative action and hence benefited women socially and economically; it was liberalism that helped make millions of women economically self-sustaining by which they independently earn and not depend on somebody. It was liberalism that today women have the power of choice, the power to choose to be mothers and wives, and not be forced by the system to have no other choice but to be a wife and a mother. And most importantly let’s not forget that it is liberalism that continues to fight for women’s reproductive rights. Liberalism has done a lot and continues the struggle for the equality for women.

However, liberalism can not change societal views and unfortunately this is where the problems of modern feminism are. The ugly battle of reforming societal views – this is what

is keeping women from moving forward. The problem is not with the law, but society which sees women as performing specific roles – primary caregiver for instance. The society blinded by archaic cultural and religious views.

Another view of the feminist critique of liberalism can be looked at from a different view, from another group of women – multicultural women. When looking at the criticisms of these feminists, multicultural women look at it as basically a bunch of whiny privileged upper class white women. Feminism has increased opportunities for upper class white women and “has failed to develop politics that address black women” and other women of color⁹. If liberalism has failed anyone, it has really failed minority women. White women are more liberated than minority women thanks to liberalism. While white women have a room to move around in the public and private spheres, and their main concern is sexism. Minority women, on the other hand, are not only subjected to sexism but also racism. For instance, when a white female employee walks into an interview the only problem she might be subjected to is sexism.

Something along the lines of, she is a woman. However, when a woman color – Hispanics, Black, Asian – walks into a job interview the first thing that is noticed is the color of her skin, or her ethnicity and then her sex. For example, for a multicultural woman, like myself, what people first see is the scarf, she must be Muslim. Then my race, she must be African, in other words, black. And then the final – the conclusion of my gender comes in to play. This is what Bell Hooks, a black feminist, has discovered when she gave a lecture to young black women at Tuft University. Instead of talking about sexism the young college educated women were more interested in discussing racism, since that was what affected them the most.

This is what multicultural women go through on daily basis, and I believe that liberalism has not been successful in helping multicultural women in the public sphere. Liberalism has not done enough in promoting women of color in the public sphere. Women of color are still subjected to racism, and are economically, socially and politically crippled; liberalism has failed to be fully attentive to the inseparability of structures and systems of gender, race, and class.

Even if they are separable in theory, racism, sexism, and classism are not separable in fact¹⁰. As Bell Hooks states, “any women are the victims of “multiple jeopardy” and “interlocking systems of oppression”¹¹. For example, an undocumented Hispanic woman in the United States, working as a low-paid domestic helper for a white woman who is a highly-paid lawyer, is multiply oppressed.

Although feminist are right that liberalism has not done enough since there is still a struggle focus on the experiences of women, especially in terms of political, social, and economic inequalities: contraception, abortion, pornography, etc. When critiquing liberalism it is also important not to forget some of the success that should be attributed to liberalism in promoting feminism. “The deepest and most central ideas of the liberal tradition are ideas of radical force and great theoretical and practical values”¹², and this in essence has helped liberate women.

It is also important to understand that liberalism needs to do more for multicultural women, for liberalism has only been focusing in promoting upper middle class white women.

Notes:

1. Philips, Anne. *Feminism and Liberalism Revisited: Has Martha Nussbaum Got It Right?* *Constellations*. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 249-266.

2. *Ibid.*

3. Berlin, Isaiah. *Two Concepts of Liberty* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* available at: <http://plato.stanford.edu/entries/berlin/>

4. Saenz, Carla. *Feminism and Liberalism: A Not-So-Unhappy Marriage* // *Ethic@*. 2006. Vol. 5. No. 2 available at: <http://www.journal.ufsc.br/index.php/ethic/article/view/17377>

5. Okin, Moller Susan. *Is Multiculturalism Bad for Women?* *Boston Review*. October / November 1997 available at: <http://www.bostonreview.net/BR22.5/okin.html>

6. Kymlicka, Will. *A response to Susan Okin's is Multiculturalism Bad for Women?* *Boston Review*. October / November 1997 available at: <http://www.bostonreview.net/BR22.5/kymlicka.html>

7. Philips, Anne. *Feminism and Liberalism Revisited: Has Martha Nussbaum Got It Right? Constellations*. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 249-266; Bogues, Anthony. *Review of the Racial Contract by Charles Mills available at: www.politicalreviewnet.com*
8. Philips, Anne. *Feminism and Liberalism Revisited: Has Martha Nussbaum Got It Right? Constellations*. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 249-266.
9. Hooks, Bell. *Talking Back: Thinking Feminist, Talking Black*. Boston, 1989. P. 177-181.
10. Berlin, Isaiah. *Two Concepts of Liberty // Stanford Encyclopedia of Philosophy available at: <http://plato.stanford.edu/entries/berlin/>*
11. Hooks, Bell. *Talking Back: Thinking Feminist, Talking Black*. Boston, 1989. P. 21-25.
12. Nussbaum, Martha. *Sex and social justice*. New York, 1999. P. 56.

INSURGENT POLITICAL VIOLENCE: AUM SHINRIKYO
Jade Linstead
Middle Tennessee State University, USA

The paper deals with the evolution and activities of the Japanese religious cult Aum Shinrikyo. The author tries to explain how this seemingly peaceful organization reverted to ambitious and aggressive tactics.

Key words: political violence, terrorism, Aum Shinrikyo.

ПОВСТАНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАСИЛИЯ: «АУМ СИНРИКЁ»
Джейд Линстед
Университет штата Теннесси, США

Работа посвящена эволюции и деятельности японской религиозной секты Аум Синрике. Автор предпринимает попытку объяснить, каким образом эта казавшаяся мирной организация обратилась к амбициозной и агрессивной тактике.

Ключевые слова: политическое насилие, терроризм, Аум Синрике.

The fearful, misunderstood, chaotic aspects of terrorist attacks have recently plagued American history and the world alike, and it is this rise of differing insurgent groups reverting to political violence to achieve their goals, which is causing extreme threat to the government and public alike. With the appearance of the Japanese religious cult Aum Shinrikyo, the world witnessed the advent of a new and dangerous phenomenon: a terrorist group that effectively applied weapons of mass destruction against its own country¹. The group, founded by Shoko Asahara in 1984, gained validity when they successfully released deadly Sarin gas in 1995 to attack a crowded Tokyo subway, killing 12 commuters, and injuring almost 5,000 more². "This first known use of chemical weapons by a terrorist group raised the specter of further terrorism using lethal chemicals,"³ and showed how, with the right determination and funds, chemicals were easy to obtain and adapt into highly harmful weapons.

Aum Shinrikyo, roughly meaning "religion of truth", started in a one-bedroom apartment as a yoga club. It developed a divine message on achieving spiritual enlightenment, and progressed as a religious cult gaining tens of thousands of followers, all searching for a supreme truth that they felt could not be found in their society⁴. People who joined Aum were ordinary citizens of society, who no longer saw wealth as priority, and who sought more meaningful and purposeful lives by being accepted into a group who offered collective purpose they could relate to⁵. The cult strengthened in numbers and loyalty, and released publications in which Asahara declared himself as the highest power to this sought after enlightenment. Asahara on many occasions claimed to be the reincarnated Jesus Christ, as well as the first "enlightened one" since the Buddha, alleging he could personally rid the world of their sins, whilst preaching dark conspiracies and ultimately predicting an Armageddon, which could only be survived by joining Aum⁶. "The cult published these beliefs in tracts and leaflets and freely distributed them to the public. Over time, the cult message evolved from a passive and cautionary warning restricted to its own members into a relatively blunt threat to anyone who listened to its shortwave broadcasts"⁷. The cult at one point even described how a subway system could be the location of an attack by chemical weapons.

The rise of such an extremist organization steadily grew from the freedom of government intervention. Japan sanctioned the single religion of Emperor worship, State Shinto, in its drive to World War 2 and eliminated, or at least minimized, the expression of all other

competing religions. When the war was over, the Allies wanted to ensure the Japanese government could never again manipulate and suppress its society through the use of state-sponsored religion. The Japanese public also developed a “hands-off” philosophy regarding religious groups. Using Article 20 as their inspiration, the public believed strictly in the protection of religious groups from government interference and perceived any government involvement with religion as wrong⁸. This became the political and cultural environment in which Aum Shinrikyo grew.

Aum Shinrikyo was a self-financed organization, funded by cult members and various business ventures. This lack of a money trail helped avoid all accountability regarding finances, either to the members, who were sufficiently docile and never questioned where their donations were spent, or to the government, who avoided any interaction with the cult⁹. As population with the newly established religion heightened, Asahara and 20 of his followers ran for parliament in 1989. They were defeated however, and instead followed a more violent regime. “Unable to achieve their objective—political power—through legitimate means, they determined that a preemptive strike was necessary”¹⁰. They were a self-legitimized group that had rejected and, ultimately, felt obliged to confront society more aggressively¹¹.

Asahara had an increasing amount of followers who shared the same mystical ideals and beliefs as him. Being shunned by society for their increasingly radical rituals and violent tactics, the group soon turned to forceful actions to achieve their goals. “Aum members felt wronged by the very society they were trying to save, and so the only choice left was to destroy the society that oppressed them. By forcing an Armageddon, they could rebuild the world of Supreme Truth”¹². Their logic slowly progressed as a rational motive by collectively purifying society. “In the late 1980’s, Asahara had decided to somehow hasten the apocalyptic battle he had foreseen in his visions. Asahara chose three scientists to supervise the effort to help speed the arrival of his apocalypse”¹³.

Deemed the religion of the elite, funded by members of the group who also held respectable jobs in society, the group invested in materials that would help with their violent religious goals. The cult leadership became ruthless, cunning and fully willing to utilize any and all means, from which the cult would arise as the supreme religious power in Japan. The cult became involved in kidnappings and assaults, and recently it was found that several murders, including one of a lawyer, and one of a member trying to escape, were at the hands of the cult¹⁴. “As long as people were driven towards this spiritual liberation, Aum could continue to exist as an organization”¹⁵.

The Aum cult was aggressively involved in chemical and biological weapons production, recruiting scientists, using testing facilities, and procuring strains of viruses that could be used in production of more weapons. “The group reportedly had available to it extraordinary financial resources, in the tens and hundreds of millions of dollars, some of which it converted into the procurement of equipment and facilities for work on these agents”¹⁶. Yet their efforts in biological weapons failed. The first biological attack involved the botulinus toxin, where Aum members drove around a government building containing important members of the Diet, releasing the spray, yet failed in its release. They again used this toxin in a second attempt to attack dignitaries attending the royal wedding of Prince Naruhito, yet “the delivery system failed again. Cult scientists seemed to be very capable in the laboratory, but they could not develop a dependable delivery system”¹⁷. The third attempted involved anthrax streamed through air filters. “The cult’s failures can be attributed to a variety of factors. The cult may not have had the right agents or the right technologic facilities; they could have overcooked the bioagents or not known how to use them. While the cult was well financed, it was not very successful in its efforts to recruit biological scientists”¹⁸. The scientists soon discovered that chemical agents were easier to produce and more predictable than biological agents¹⁹.

The group turned to the chemical of Sarin gas, and released it close to a building where three judges resided in a case against their religious group, however the wind changed direction, and 7 were killed and 200 injured from opposite building complexes. This test however, was a success in releasing the chemical with enough potency to kill. The Second chemical attack became the infamous subway attack in Tokyo, where “All it took for the Aum Shinrikyo terrorists to turn the Tokyo subway system into a deadly gas chamber were holes poked in a few plastic bags of strategically placed sarin”²⁰, killing 12 and injuring 5000. This attack happened around the time the police were planning raids of Aum buildings, and was

seen as a distraction to police from the Aum agenda. Sarin gas “immediately causes convulsions, neuromuscular blockage, airway obstruction and ultimately death from respiratory paralysis - all within one to two minutes of exposure.”²¹ This reaction was exactly the destructive tendencies Aum wanted Japan to experience. They tried another chemical attack in a subway, combining sulfuric acid and sodium cyanide in a paper bag. This bag was discovered in the subway bathroom before the chemical reaction was completed, deterring the release of a chemical that ultimately could have killed thousands.

After the attack on the subway many members were arrested. The group was stripped of its status as a “religious legal entity” and was declared bankrupt in 1996²². Attempts to ban the group failed under the guarantee of freedom of religion, however it renamed itself as Aleph to rid itself of its violent history, apologizing to the victims of the attacks and establishing a compensation fund. This group is still under strict government surveillance due to its prior involvements in terrorism.

Aum Shinrikyo slipped through the radar of the Japanese government, growing steadily due to the new freedoms of religion in the environment. Through a lack of alternative avenues of participation, many elite members of society joined Aum to further spiritual growth in a society fixated with material wealth. Martin explains that these factors can lead individuals to form groups that engage in terrorist violence. Asahara slowly gained a strong membership of people who feared for their spiritual well-being at a time he believed to be in the face of destruction. “We found that Aum and society were similar in many ways, such as the structure of hierarchy, collectivist thought, and blind submission to authority figures”²³. The group acted as a hierarchy similar to society, but was a cult drawn from a single personality. Spending most of their time in spiritual rituals and seeking a higher understanding, they were discouraged from socializing with others in their community. They were ultimately alone, seeking acceptance from Asahara by following his orders unquestionably for the greater good, ultimately reinforcing behaviors that may be morally wrong in a normal society²⁴. Members identified with the group and conformed to its views to maintain its structure. “The acts of violence was valid as long as they were not alone when enacting them. This parallels the concept of group thought, because they could not oppose Asahara as individuals”²⁵. They conformed to the practices of Aum just as society adheres to societal norms.

There was definitely a lack of freedom of information within the organization, used to shield the criticism of the media and hide the illegal activities rampant within the group. The group however perceived the costs of acting within the group to the benefits associated with violence and still believed that for religious goals it was rational and necessary. The ideas of environmental conditions, immediate causes, and rational action coined by Crenshaw can be applied here. They accepted high risks, shared guilt, lived in isolation, and committed to lives of danger for a seemingly higher cause.

The theories used by Evans also correlates to the believe system the Aum group shared. They believed their victims were not innocent people, and shared in the guilt of society’s injustices. Terrorists blame the government for the violence because it refuses to allow peaceful change, and that there is no alternative to violence because the forces of the status quo are so strong. They represented a group that had suffered greatly, and if others had to suffer, that is sad but unavoidable.

In this case violence was used to attract the attention of an audience. This group was involved in terrorism as they intended fear for the motivation of invoking change, and attacked innocent bystanders in order to further their perceived religious goals. Their tactical efforts included psychological terror, by preaching the coming of the Armageddon for those who were not supporters. They used intimidation on fellow members, and threatened members of society not to obstruct the group’s objectives, using kidnappings, assaults and murders in their favor. Their provocation on societies selfish and materialistic tendencies became apparent when they stressed the importance of spiritual self-healing in the face of world destruction. Being ignored they took a proactive method against the failures of society, and brought forth the approach of the production of chaos, using chemical weapons to excel the destruction of civilization. This dramatization was used in hopes that Japan would see the closing end of humanity, except for those elite who joined Aum, and drastically provoke change. The group however did not stand the test of time strategically, and caused little attrition of the society they opposed.

Since Aum Shinrikyo, governments are paying more attention to the uses of chemical weapons by insurgent groups. “Arms control treaties, of course, primarily serve to restrict governments’ deployment of biological or chemical weapons. They do little, however, to curb access of groups or individuals to the lethal agents of which they are made”. Such agreements can monitor the government’s involvement, but as the Aum group showed, limiting the availability of many pathogens “may do little to deter a terrorist or madman bent on conducting biological mayhem”²⁶. Authorities in the U.S. have a greater willingness to investigate and even prosecute religious groups than have Japanese authorities, showing the differing balance of securities versus religious freedoms in culture.

Aum's actions were perfectly logical within the context of their value system, and “by being the first terrorists to use chemical weapons in an indiscriminate public attack, the group may have “raised the bar” on the extent of attack required to generate enough psychological shock to achieve a terrorist political objective”²⁷. Japan did not view Aum Shinrikyo as a problem because it did not fit the standard profile of a suspect organization. “The success of the cult demonstrated that detection and tracking techniques must be flexible and constantly evolve to suit the changing nature of WMD threats. They must recognize that new threats may create new paradigms”²⁸. Governments must develop proactive policies and techniques, aimed at domestic groups to preempt and prevent attacks of all kinds, especially the increasing rise of attacks involving chemical weapons. The insights into the group Aum Shinrikyo showed that many factors come into play when shaping an organization, and it is the merging of these conditions that move a seemingly peaceful organization to ambitious and aggressive tactics.

Notes:

1. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction” available at: Air Command and Staff College (2000) <<http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/acsc/00-040.pdf>>.
2. Cooper, Mary. “Chemical and Biological Weapons” available at: CQ Researcher 7.4 (1997) <<http://library.cqpress.com/cqresearcher/cqresrre19970>>.
3. Ibid.
4. Lee, Jenny. “The Evils of Aum Shinrikyo and Japanese Society” available at: Bryn Mawr College (2008) <http://thesis.haverford.edu/dspace/bitstream/10066/393929/1/2009LeeJ.pdf>
5. Ibid.
6. Choy, Shawn. “In the Spotlight: Aum Shinrikyo” available at: Center for Defense Information (2002) <<http://www.cdi.org/terrorism/aumshinrikyo.cfm>>.
7. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Olsen, Kyle. “Aum Shinrikyo: Once and Future Threat?” Center for Disease Control and Prevention. Arlington, 1999 available at: <<http://www.cdc.gov/ncidod/eid/vol5no4/olson.htm>>.
11. Ibid.
12. Lee, Jenny. “The Evils of Aum Shinrikyo and Japanese Society”.
13. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.
14. Choy, Shawn. “In the Spotlight: Aum Shinrikyo”.
15. Lee, Jenny. “The Evils of Aum Shinrikyo and Japanese Society”.
16. Ibid.
17. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.
18. Olsen, Kyle. “Aum Shinrikyo: Once and Future Threat?”
19. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.
20. Cooper, Mary. “Chemical and Biological Weapons”.
21. Ibid.
22. Fletcher, Holly. “Aum Shinrikyo” available at: Council on Foreign Relations (2008) <http://www.cfr.org/publication/9238/aum_shinrikyo.html>.
23. Lee, Jenny. “The Evils of Aum Shinrikyo and Japanese Society”.
24. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.
25. Choy, Shawn. “In the Spotlight: Aum Shinrikyo”.
26. Cooper, Mary. “Chemical and Biological Weapons”.
27. Choy, Shawn. “In the Spotlight: Aum Shinrikyo”.
28. Clinehens, Neal. “Aum Shinrikyo and Weapons of Mass Destruction”.

II. ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XVIII В.

ЛЕТОПИСНЫЕ БРАТЬЯ КНЯЗЯ РЮРИКА – РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ВЫМЫШЛЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ?

А.А. Колотушкин
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

В статье рассматривается историческая проблема существования летописных братьев князя Рюрика – Синеуса и Трувора. Информация о них присутствует во всех русских летописях, где имеются сведения о призвании князей на Русь. Но эта информация крайне скудна, и это обстоятельство способствовало появлению в историографии нескольких полярных точек зрения – от признания братьев реальными историческими личностями до полного отрицания факта их существования в отечественной истории. Имеется и версия о том, что Синеус и Трувор действительно существовали, но не имели родственных связей с Рюриком. Большинство историков едины во мнении, что легенда о призвании трех князей на Русь близка североевропейскому фольклору, легендам о братьях-иноземцах, призванных править в чужую страну.

Ключевые слова: летопись, призвание князей, братья Рюрика, неправильный перевод, фольклор.

ARE THE CHRONICLE BROTHERS OF PRINCE RURIK REAL HISTORICAL FIGURES OR FICTIONAL CHARACTERS?

A.A. Kolotushkin
Belgorod National Research University

The article considers the historical problem of the existence of the chronicles brothers of Prince Rurik – Sineus and Truvor. Information about them is present in all the Russian chronicles, where there is information about the calling of the princes in Russia. But this information is very scarce, what contributed to the emergence of several polar points of view in the historiography - from the recognition of the brothers as real historical figures to total denial of their existence in the country's history. There is also a version that Sineus and Truvor really existed, but had no family ties with Rurik. Most of historians are unanimous that the legend about calling of the three princes to Russia is similar to North European folklore, legends about the brothers-foreigners, who were asked to rule in a foreign country.

Key words: chronicle, calling of the princes, brothers of Rurik, mistranslation, folklore.

Во многих русских летописных сводах имеется информация о том, что на призыв славяно-финских послов, отправившихся «за море» на переговоры к варягам, откликнулись три брата, которые впоследствии пришли на Русь. «Избрашася три брата с роды своими, и пояша с собою дружину многу и предивну», - сообщает об этом Новгородская I летопись младшего извода¹.

Братьев этих звали Синеус и Трувор, и, судя по летописным известиям, по отношению к Рюрику они являлись его младшими братьями. «И седе старейшии в Новгороде, бе имя ему Рюрикъ», - гласят некоторые русские летописи². Летописи повествуют также и о расселении братьев после прихода на Русь. Так, Синеус сел княжить на Белоозере, на территории расселения племени весь, Трувор – на территории кривичей, в Изборске.

О дальнейших действиях летописных братьев после расселения в указанных городах Руси информация практически отсутствует. В качестве одного из таких свидетельств можно привести сведения Новгородской IV и Софийской первой летописи старшего извода о том, что после поселения брата «начаша вьевати всюду»³. Можно предположить, что они принялись за решение одной из основных задач, ради которой они были призваны на Русь, то есть охраны или обороны местного населения от каких-либо врагов.

Через два года после их прихода на Русь летописи сообщают о смерти обоих братьев. «По двою лету Синеус и братъ его Труворъ умре, и прия всю власть в Руси Рю-

рикь и обою брату, и нача владети единь...»⁴. В то же время летописи абсолютно ничего не сообщают об обстоятельствах их смерти. О местонахождении их могил в источниках тоже ничего не говорится. Народные предания, бытовавшие истари, об этом также молчат.

Скудость летописных сообщений о братьях Рюрика породила множество мнений в историографии: от всевозможных этимологий имен братьев до полного отрицания их существования вообще⁵. Так, ряд исследователей считал братьев Рюрика реально существовавшими историческими персонажами. Относительно их имен предлагались различные гипотезы, важнейшие из которых две (исключая неаргументированное предположение Г. Эверса о том, что эти имена турецкие)⁶. Скандинавская этимология отражена в работах В. Томсена, Е.А. Рыдзевской, Х. Ловмянского, Е.А. Мельниковой и других. Синеус, по их мнению, это Signjotr, а Трувор – Forvarг (или Forvardr). Славянскую этимологию имен предложил С.А. Геденов. Этому способствовала и возможность народной этимологии: «синий ус» - Синеус. По мнению исследователя, Синеус – западнославянское Синеуш, Синуш, Синослав; Трувор – славянское Трубор⁷. Следует отметить, что данное предложение вытекало из общей теории С.А. Геденова о тождестве варягов и балтийских славян.

В то же время существуют и две основные версии, отрицающие факт существования Синеуса и Трувора как реальных исторических деятелей. Одним из основных аргументов для данных утверждений является отсутствие имен братьев в западных хрониках.

Согласно первой версии, высказанной исследователем Н.Т. Беляевым, имена Синеус и Трувор не следует интерпретировать как личные, а, скорее всего, они являются эпитетами самого Рюрика⁸. В 1929 г. историк утверждал, что на руках летописца был малопонятный ему скандинавский текст, итогом чего стало превращение прилагательных, окружавших имя Рюрик, «Sig-niotr» - «победоносный», «Thruwar» - «верный», в существительные, в имена Синеус и Трувор⁹. К такому заключению ученого подтолкнули выводы А.А. Куника, который в 1845 г., видя в братьях Рюрика реальных лиц, но не найдя в сагах именам Синеус и Трувор скандинавских аналогий, сказал, что «Sig-niotr» и «Thruwar» являются прилагательными, означавшими «победоносный» и «верный». По мысли Н.Т. Беляева, эта сага, или, вернее, песни скальдов кончалась припевом-строфой, вроде: «Рюрик, Победоносный и Верный (Roerik, Sig-niotr ok Thruwar)»¹⁰. Подобное объяснение было полностью принято историком Г.В. Вернадским.

Согласно другой версии, имена братьев являются неправильным русским переводом шведских слов. Начиная с Г.З. Байера, в историографии утвердилось мнение, что в «легенде о призвании» сохранилась «варяжская» лексика, и Рюрик прибыл на Русь с верной дружиной и своим родом¹¹. Также еще А. Шлецер отмечал, что Синеус и Трувор могли быть не действительными братьями Рюрика, а только названными, являясь его родственниками и военачальниками¹². В свою очередь, в 1931 г. исследователь В.А. Мошин, ставя под сомнение содержание «Сказания о призвании варягов» и соглашаясь с тем, что она представляет бродячую легенду, обратил внимание на точку зрения, согласно которой летописец пользовался скандинавским источником, повествующим о прибытии Рюрика со своим домом и верной дружиной – «sin hous trej woгу»¹³. В советскую историографию этот посыл перенес в 1956 году Б.А. Рыбаков с целью доказать отсутствие каких-либо реалий в повествовании о призвании варягов-норманнов тем тезисом, что если Рюрик – это историческое лицо, то «анекдотические братья» Рюрика только подтверждают легендарность «призвания», и его источник – устный скандинавский рассказ»¹⁴. Спустя два года он несколько уточнил свою мысль, сказав, что «источником сведений о Рюрике и его «братьях», вероятнее всего, был устный рассказ какого-нибудь варяга или готландца, плохо знавшего русский язык». В конечном итоге всю вину в появлении в легенде, а значит, в русской истории Синеуса и Трувора Б.А. Рыбаков возложил не на скандинавского информатора русского книжника, а на него самого: имена братьев Рюрика он объяснял из старошведского как результат «чудовищного недоразумения, происшедшего при переводе скандинавской легенды», когда новгородец, плохо зная шведский язык, «принял традиционное окружение конунга за имена его братьев»¹⁵. В действительности, по мнению историка, в летописях сказано, что Рюрик пришел на Русь «со своим родом» («sine hus» - «свой род» - Сине-

ус) и верной дружиной («*thru waring*» - «верная дружина» - Трувор)¹⁶. Но все же трудно представить, чтобы сообщение какого-то заезжего норманна могло быть принято за отправную точку в таком важном деле, как родословная русского правящего дома, с представителями которого считали за честь породниться в XI-XII вв. многие западно-европейские монархи.

Не менее интересно предположение, сформулированное в 1989 г. исследователем Н.Н. Гриневым, в основе которого также лежит посыл, что имена братьев Рюрика представляют собой ошибочное толкование древнешведских слов. Включение в летопись, по мысли автора, русской транскрипции древнешведской фразы показывает, что в руках летописцев второй половины XI в. оказался извлеченный из архива документ, имевший характер договора с приглашенным княжеским родом, а сама эта фраза «производит впечатление устойчивой формулы, связанной с именованьем князя при официальном к нему обращении»¹⁷. Идею, что договор, заключенный на старошведском языке Рюриком с призванными его славянскими и финскими старейшинами, «был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений», в последнее время усиленно проводит в науке археолог А.Н. Кирпичников. Его дополнительные доводы в пользу «легендарности» Синеуса и Трувора заключаются в том, что в Белоозерской округе само присутствие скандинавов, судя по археологическим находкам, слабо прослеживается не только в IX, но и в X в., а «в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий – поэтому вряд ли там являлся знатный скандинав»¹⁸. Построения Н.Н. Гринева и А.Н. Кирпичникова – яркий образец того, как можно, руководствуясь определенной идеей (в данном случае норманизмом) и опираясь лишь только на допуски, прийти к желаемому результату, ставшему, при очевидности натяжек, научным фактом¹⁹.

В свою очередь активные проводники в современной науке идеи норманства варягов – В.Я. Петрухин и Е.А. Мельникова - констатируют, что текст легенды «не несет никаких следов, позволивших бы заподозрить в ней перевод»²⁰. И возведение имен Синеус и Трувор к упомянутым фразам, выводят они, «фонетически невозможно». «...Чтобы образовать имя Трувор из «*thru waring*», специально заостряет внимание В. Я. Петрухин, - переводчик должен был бы восстановить этимологически исходную форму *var* – «обет, клятва», никогда не имевшую значения «дружина», «отряд воинов»²¹. Е.А. Мельникова дополнительно говорит, что слова «*hus*» и «*våringi*» «никогда не имели значение «род, родичи» и «дружина». Исследователи подчеркивают, при этом прямо называя имя Б.А. Рыбакова, что «необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной», подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке»²². Летописец, уверены они, имел дело с памятником, изложенным на древнерусском языке. Как ими указывается, «Сказание о призвании варягов» соотносится со сказаниями других народов о переселении части (обычно трети) племени во главе с тремя (или двумя) братьями в далекую страну», и видит в братьях Рюрика «генеалогических героев»²³.

Современный антинорманист Ю.Д. Акашев к весьма важным рассуждениям В.Я. Петрухина и Е.А. Мельниковой добавил, касаясь имени Синеус, что действительно, в шведском языке «*sin*» - свой, а «*hus*» - дом. Но в то же время, показывает он, в нем невозможно сочетание «*sine hus*»: «свой дом» пишется как «*sitt thus*», а «со своим домом» - «*med sitt hus*». И если принять норманистскую трактовку имен Синеус и Трувор, то получается, демонстрирует всю ее надуманность Ю.Д. Акашев, что «Рюрик обосновался в Новгороде (или Ладоге), «его род» - в Белоозере, а «его верная дружина» - в Изборске»²⁴. Не менее странно, по его мнению, звучит и следующая часть варяжской легенды: «Два года спустя умерли его «род и верная дружина». И принял всю власть Рюрик...». Но все же, стоит отметить, что в науке выводы Е.А. Рыздзевской, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина, Ю.Д. Акашева, исходящие из норм шведского языка, довольно часто игнорируются, и из истории продолжают вычеркивать Синеуса и Трувора. Как объяснил еще в 1974 г. А.Г. Кузьмин, предлагаемые кальки выражений «Сказания о призвании варягов» «с родом своим» и «верной дружиной» - «скорее остроумное, чем достоверное решение, свидетельствующее о безнадежности попыток дать удовлетворительное объяснение» имен Синеус и Трувор из германских языков²⁵.

В историографии существует также предположение, что братья являлись местными князьями, не имевшими отношения к Рюрику. Так, А.А. Шахматов указывал, что в одном из летописцев XVI в. содержится известие, что Синеус «сидел у нас на Кистеме», где и умер²⁶. В Радзивиловской летописи говорится, что Синеус «сидеть у нас» на Белоозере. Отсюда исследователь сделал вывод, что данное словосочетание могло превратиться в имя, что в целом маловероятно. Также исследователь полагал, что три брата объединены родством лишь у составителя «Повести временных лет», который знал о каких-то местных преданиях, существовавших в Новгороде, Изборске и Белоозере²⁷. На мысль об «искусственности» мотива о призвании трех братьев в летописании А.А. Шахматова навели не текстологические изыскания, а совершенно нетекстологическое соображение о том, что меньшие братья Рюрика сели в городах слишком незначительных для того, чтобы быть «столицами»²⁸.

Историк М. Стрыйковский писал, что Синеус строил замок и город на Белоозере, а в самом Белоозере долго показывали курган – «могилу» Синеуса²⁹. К сожалению, выяснить по археологическим раскопкам, что же находилось в кургане, не представилось возможным, так как «Синеусова могила» была разрушена. Теперь Белоозеро представляет собой селение Крохино на реке Шексне. Хуже всего обстоит дело с Трувором, о котором никаких преданий не сохранилось; так называемая могила его близ Изборска весьма подозрительна, как позднее изделие, не связанное ни с местным фольклором, ни с какими бы то ни было данными древней псковской письменности³⁰. Учитывая подобные местные предания, Д.С. Лихачев также пришел к выводу, что братья Рюрика были местными князьями. Это мнение было поддержано и Х. Ловмянским. Е.А. Рыдзевская также полагала, что весьма возможно, что летописцем были использованы взятые из народных преданий имена каких-то варяжских вождей, а носители их были превращены им в братьев в целях династической унификации, к которой он стремился³¹. За этими «братьями», по мысли исследователя, скрываются оставшиеся неизвестными конкретные исторические фигуры, воспоминания о которых летописец и приладил к своей легенде о призвании. Как считал исследователь Б.Н. Путилов, люди древности, в том числе и летописцы, склонны были приписывать возникновение рода или племени, построение городов, создание государств отдельным личностям, великим героям, обладавшим особой силой и мудростью³². Б.А. Рыбаков, опровергая достоверность сведений о братьях Рюрика в целом, и их географической части полагал, что в Изборске, маленьком городке под Псковом, и в далеком Белоозере были, очевидно, не мифические князья, а просто сборщики дани³³. Проанализировав сведения «Повести временных лет», Г.В. Вернадский пришел к выводу, что, если учесть, что предлагаемых братьев Рюрика, вероятно, не существовало, то, скорее всего, он посадил кого-то из своих родственников или последователей в других городах в качестве своих наместников или вассалов³⁴.

В то же время следует отметить, что легенды о трех братьях, призванных княжить в чужую страну, были очень распространены в Северной Европе в средние века³⁵. Известны легенды о «добровольном» призвании норманнов в Ирландию и Англию. В Ирландию прибыли три брата с мирными целями под предлогом торговли (как князь Олег в Киев). Вече ирландцев оставило братьев у себя. Видукинд Корвейский в своей «Саксонской хронике» (967 г.) рассказывает о посольстве бриттов к саксам, которые сказали, что «предлагают владеть их обширной и великой страной, изобилующей всякими благами»³⁶. Сразу же возникает аналогия с летописными сообщениями: «Земля наша велика и обильна...». Затем саксы послали три корабля с тремя князьями. Во всех случаях иноземцы прибывали со своими родичами («синеусами») и верной дружиной («труворами»)³⁷. В отечественной историографии большинство исследователей склоны признавать, что близость летописной легенды о призвании варягов к североевропейскому придворному фольклору не подлежит сомнению. Так, В.Я. Петрухин, подробно проанализировав «фольклорный» мотив троичности братьев, сопоставив его с известиями саг, Хроники Титмара Мерзебургского, сведениями арабских источников, летописной традицией и т.д. показал, что «правление трех князей было некоей «парадигмой» древнерусского престолонаследия»³⁸. «Фольклорный» мотив, по мысли исследователя, был соотнесен летописцем с историческими реалиями (братья княжили в реальных городах) и в определенной степени служил идее братства князей, которая настойчиво утверждалась летописцем³⁹. По мнению Е.А. Мельниковой, перед нами

очередное воплощение популярного мотива о двух или трех братьях – основателях государства. И смерть братьев, кроме основателя династии, типична для такого рода легенд. Поэтому, если Синеус и Трувор действительно существовали как исторические деятели, они могли стать братьями Рюрика лишь в последующей эпической традиции⁴⁰.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать обобщающий вывод о том, что мнения отечественных исследователей по вопросу о братьях первого русского князя сильно разнятся. Так, одна часть исследователей считает их реально действовавшими историческими персонажами, доверяя малоинформативным сведениям русских летописей, споря лишь о том, кем они были по происхождению и «ломая голову» над этимологией их имен. Другая же часть исследователей, более многочисленная и авторитетная, отрицает факт существования летописных братьев Рюрика, опираясь в основном на ошибку летописца, сделавшего неправильный перевод слов древнешведского языка, и утверждая, что Рюрик пришел на Русь не с братьями, а «со своим родом» и «верной дружиной». Приверженцы данной точки зрения важным аргументом мифичности братьев считают фольклорный мотив призвания трех братьев, широко применявшийся в эпической традиции многих народов. Третья же часть исследователей считает Синеуса и Трувора местными князьями, не имевшими к Рюрику никакого отношения, а их родство – это искусственное «изобретение» летописцев, стремившихся к династической унификации.

Примечания:

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРЛ. Т.3). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 106.
2. Там же.
3. Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т.6. В.1). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 14.
4. Там же.
5. Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX - н. XI в. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 99.
6. Там же.
7. Там же.
8. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1999. С. 342.
9. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. С. 226.
10. Там же. С. 227.
11. Там же. С. 100.
12. Там же.
13. Там же. С. 227.
14. Там же.
15. Там же.
16. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 49
17. Фомин В. В. Указ. соч. С. 225.
18. Там же.
19. Там же. С. 226.
20. Там же. С. 228.
21. Там же.
22. Там же. С. 229.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 100.
27. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. М.: Гнозис, 1995. С. 53.
28. Там же.
29. Там же. С. 100.
30. Рыздзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М.: Наука, 1978. С. 168.
31. Там же.
32. Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 219.
33. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 49.

34. Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 343.
 35. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 49.
 36. Там же.
 37. Там же. С. 50.
 38. Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 101.
 39. Там же.
 40. Там же.

**«КРЕСТИ ЖЕ СЯ В КОРСУНЕ...»
 (ЛЕТОПИСНАЯ ТОПОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
 О МЕСТЕ КРЕЩЕНИЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА)**

А.А. Роменский

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Статья посвящена проблеме места крещения князя Владимира Святославича, идентификации летописной церкви крещения с храмами византийского Херсона. Представляется, что акт крещения произошел в одном из храмов центральной площади города.

Ключевые слова: Владимир, Корсунь, баптистерий, базилика, агора.

**“BAPTISED IN KORSUN’...”
 (THE CRONICLE’S TOPOGRAPHY AND ARCHAEOLOGICAL DATA ABOUT THE
 PLACE OF PRINCE VLADIMIR’S BAPTISM)**

A.A. Romensky

Kharkov National University named after V.N. Karazin

The paper is devoted to the problem of Prince Vladimir Svyatoslavich’s place of baptism and identification of Primary Cronicle’s church of baptism with the temples of Byzantine Chersonesos. The act of baptism seems to have taken place in one of the temples of the central square of the city.

Key words: Vladimir, Korsun’, baptistery, basilica, agora.

Согласно версии, возобладавшей среди киевских книжников последней трети XI-XII вв., князь Владимир принял крещение в Корсуне, после миссионерских усилий сначала греческого «философа», а затем «царицы» Анны. Место крещения князя указано достаточно точно: «крести же ся в церкви [святаго Василья], и есть церковь та стоящи в Корсуне граде на месте посреди града, идеже торг деють корсуняне; полата же Володимеря с края церкви стоит и до сего дне, а царицина полата за олтарем¹». Несмотря на простоту и лаконичность летописной фразы, проблема идентификации летописной церкви крещения Владимира с археологическими артефактами – храмами Херсона – до сих пор вызывает споры среди специалистов. В большинстве случаев место крещения ищут либо среди храмов агоры – восточной части городища, на которой располагается собор Св. Владимира², либо в комплексе культовых построек Уваровской базилики³.

Первая точка зрения, согласно которой храмом крещения чаще всего называют крестообразную церковь №27, опирается на авторитет первых исследователей древностей византийского Херсона⁴, она доминировала в отечественной науке и общественном мнении XIX в., что нашло закрепление в создании Херсонесского мужского монастыря⁵, сооружении и освящении монументального Владимирского собора (1861-1891)⁶. В противовес этому мнению, А.Л. Бертье-Делагард утверждал, что «крещение Владимира, если оно и было в Херсонесе, могло быть только в... кафедральной церкви» (имелась в виду Уваровская базилика)⁷. С.П. Шестаков предполагал, что Владимир крестился в приделе Св. Иакова, при церкви Св. Апостолов, т.е. в «южной из двух капелл храма №27»⁸. Исходя из того, что крещение проводил епископ, а самым крупным храмом Херсона была Уваровская базилика, С.А. Беляев также считает, что крещение произошло в баптистерии при ней. Самый крупный храм епископального комплекса, по его мнению, носил имя Св. Петра, а «домовая» церковь при крещальне – Св. Иакова (таким именем церковь крещения Владимира названа и в «Повести о Николе Зарайском»)⁹. С.Б. Сорочан пришел к выводу о том, что наиболее вероятным местом акта

крещения следует считать храм №27 в центре агоры (вероятно, названный именем Св. Василия)¹⁰.

Таким образом, в русле проблемы локализации места крещения Владимира можно выделить два вопроса: 1) идентификация летописной церкви крещения с археологически известными памятниками; 2) название храма. Основным источником – летописная статья 6496 года – даёт разночтения в различных редакциях и списках, называя храм именами Святого Василия¹¹ (Василиска)¹², Софии¹³, Богородицы¹⁴, Иакова¹⁵, Св. Спаса¹⁶. Ипатьевский список ПВЛ называет церковь, построенную Владимиром в память о крещении «в Корсуни на горе», храмом Иоанна Предтечи¹⁷. Следует согласиться с тем, что летописные названия, видимо, принадлежали храмам центральной площади Херсона¹⁸; более конкретные разыскания представляются невозможными из-за скудости и противоречивости данных письменных источников. Целесообразнее сосредоточиться на другом аспекте – поиске памятника крещения и баптистерия, где могло произойти это таинство.

Руины древнего Херсонеса привлекали к себе постоянное внимание историков и писателей: уже в XVI веке о них упоминают Михалон Литвин¹⁹ и Мартин Броневский²⁰. Поиск храма крещения и купели равноапостольного князя не прекращался с момента присоединения Крыма к России, именно с этой целью в 1827 г. на территории Херсонеса были произведены первые раскопки²¹. Путешественники и исследователи, бывавшие в Крыму на рубеже XVIII-XIX ст., оставили нам свои соображения по этому поводу. Местонахождение легендарной церкви, «на коем, по простонародному преданию греков, крестился Владимир» было показано на плане, составленном Габлицем в 1786 г., однако на нём «не находится никаких других примет, кроме небольшой лощины, уподобляющейся заваленному колодезю»²². П.И. Сумароков, излагая летописную историю похода на Корсунь, упоминает и о церкви крещения, называя её вначале церковью Св. Василия²³, а во втором сочинении – церковью Св. Богородицы²⁴; в его время ещё было видно «основание церкви... с лестницею под нею к вырытому колодезю»²⁵. И на плане Габлица, и в путевых записках Сумарокова колодец недалеко от развалин храма предположительно идентифицируется с тем, «который Владимир Великий при взятии Херсона приказал завалить»²⁶. По версии автора первой «Истории Таврии» С. Богуша-Сестренцевича, храм носил имя Св. Иакова²⁷; Б.В. Кёне называет одну среди трех найденных в 1827 г. церквей храмом Богородицы²⁸; впоследствии это наименование укоренилось в церковных кругах²⁹.

Какими же предстали храмы херсонской агоры перед исследователями начала – середины XIX века? Н.Н. Мурзакевич описывает фундамент крестообразной церкви с тройным алтарным полукружием (для престола, диаконика и жертвенника), в длину и ширину 75 футов (23 м), со стенами толщиной 42 дюйма (1,06 м). Возле храма находились остатки колонн ионического ордера, а в нескольких шагах – «выштукатуренная яма», наполненная человеческими останками. В другой круглой яме к западу имелись разбитые мраморные колонны с крестами³⁰. З. Аркас отмечает «нижние стены» трех церквей; из них крестообразная, лучше всех сохранившаяся, имела, по его словам, до 27 футов (8,2 м) высоты и 50 футов (15,2 м) в окружности, длиной и шириной 18 аршин (12, 8 м), с алтарем и двумя приделами. Вблизи от этой и других двух церквей сохранились остатки четырех цистерн³¹; оба автора фиксируют возле церкви земляную насыпь, которая вероятно «составилась от переноса жителями Херсонеса земли»³². Такие же в точности параметры крестообразного храма (27 ф. вышины, 50 ф. окружности, 18 арш. длины и ширины) отмечает и Б.В. Кёне³³.

Более детальные измерения храма провели архитекторы Медведев в 1853 г. и Авдеев в 1859 г. Согласно плану, опубликованному Авдеевым, «церковь Святого Василия» (крестообразная) представляла собой равноконечный крест; алтарная часть была короче, с двумя приделами (жертвенник и диаконик) по бокам от алтарной апсиды. Жертвенник имел внутри квадратную форму, диаконик – овальную, с выходами в алтарь и среднюю часть храма. По мнению архитектора, именно диаконик выполнял функции крещальни. Уцелели остатки стен и могилы – одна перед алтарем, правее царских врат, другая – перед диакоником, ещё две у наружных стен³⁴. Современные исследования показали, что храм №27 не был равноконечным по композиции, имел высоту около 5 м, длину северной и южной ветвей 6, 18 м, западной ветви – 7,21 м, восточной – 5,15 м, ширину ветвей 7,21 м.³⁵ В одной из описанных могил, скорее всего,

следует видеть «яму с костями», замеченную Мурзакевичем. Парадоксально, но предалтарная могила, вымощенная камнем, вскоре была названа «святилищем купели»³⁶, хотя не могла быть таковой ни по внешнему виду, ни по функциональным особенностям³⁷. Между тем капелла к югу от алтарной апсиды (диаконик) вполне могла являться крещальней³⁸.

Остатки трех церквей возле крестообразного храма «и жилых при них зданий» были обнаружены в 1861 г. игуменом Евгением, во время расчистки перед строительством Владимирского собора. Так, была открыта трехчастная базилика (№ 28), значительно превосходящая по размеру храм №27³⁹ (по современным данным – 22,5 × 19 м)⁴⁰, с пристройкой к северо-востоку, которая, возможно, была крещальней⁴¹. Есть основания считать, что базилика №28 выполняла функции кафоликона в этой части города⁴². Для Византии, в отличие от Западной Европы, характерно наличие не одного епископального храма, а нескольких крупных городских культовых центров (так, в Херсоне – до 14 соборных храмов (кафоликонов), сооруженных в основном в позднеюстиниановский период и позже, во второй половине VI-VII вв.⁴³

Впереди от базилики №28, в 1861 г. был расчищен фундамент и другого храма (крестовокупольный №29) в форме квадратного прямоугольника⁴⁴. Фундамент постройки с коридором, залом и 4 меньшими комнатами располагался в двух саженях (4,2 м) за алтарем этой церкви; другое строение из нескольких комнат находилось против алтаря крестообразной (№27) церкви⁴⁵. Д.В. Айналов полагал, что у северной стены крестообразного храма находились руины «какого-то портика⁴⁶», но, вероятнее всего, именно эти сооружения и следует идентифицировать с летописными «палатами» Владимира и Анны.

Таким образом, на большой агоре имелся целый комплекс культовых сооружений, в одном из которых, вероятно, произошло крещение русского князя⁴⁷: базилика №28, крестовидный храм №27, крестовокупольный храм №29, небольшие базиликальные храмы №26 и 32⁴⁸. Этим храмам, скорее всего, принадлежали летописные названия церквей Богородицы, Василия, Софии, Иакова и Спаса; точно идентифицировать их не представляется возможным.

Рассмотрим другой крупный культовый комплекс (Уваровской базилики), где теоретически могло совершиться крещение Владимира и его дружины. Трехнефная базилика №23 была открыта в 1853 г. графом А.С. Уваровым⁴⁹ и по его данным, имела 16 саженей 2 ¼ аршина в длину и 10 саженей 0,5 аршина в ширину, средний неф храма отделялся от боковых галерей двумя рядами колонн в 11 колонн каждый. Исследователь датировал её IV веком на основании аналогий с другими сооружениями, языка и графики надписей, формы колонн⁵⁰. Гипотеза о базилике №23, как объекте, связанном с крещением Св. Владимира, не разделялась первооткрывателем, прежде всего, по причине топографического несовпадения с летописными данными: «Другая церковь Св. Василия, в которой крестился великий князь Владимир, стояла на самой середине города, а открытая церковь выстроена на краю города, на севере, у самого берега морского»⁵¹. В пользу Уваровской базилики как места совершения таинства говорят её внушительные размеры (52, 25×20, 45 м)⁵² и наличие открытого в 1876 году раскопками Одесского общества истории и древностей баптистерия – самого яркого в Херсонесе памятника подобного рода. Базилика №23 и баптистерий №24 входили в состав крупного культового комплекса, являющегося, по мнению современных учёных, епископским кварталом⁵³.

К.К. Косцюшко-Валюжинич определил форму баптистерия как крестообразную, с тремя полукруглыми внутри и гранными снаружи апсидами⁵⁴; по более точному описанию А.Л. Бертье-Делагарда, «план [крещальни] внутри представляется в виде большого круга, к которому с трех сторон, восточной, северной и южной, прибавлены апсиды, а с запада – прямоугольная часть». Апсиды, оформленные внешне гранями, и вся постройка вообще, по мнению ученого, образовала нечто вроде трилистника, аналогии этому в архитектуре прослеживаются лишь на Западе в X-XII вв.⁵⁵ В середине крещальни располагается купель 2,85 м в диаметре и 0,82 м глубины, с вырубленным в скале на дне четырехконечным крестом, выложенным мраморными плитами⁵⁶; полы крещальни, скорее всего, были мозаичными, а стены – облицованные мрамором. Главный вход в баптистерий размещен с юго-запада; кроме этого, еще три входа соединяли крещальню с базиликой, атриумом и украшенным мозаикой портиком. В це-

лом планировка крещальни в точности соответствовала литургическим потребностям совершения крещения и миропомазания: с запада находился небольшой притвор, видимо, служивший катехумениумом, где «просвещенные» готовились к крещению, а южный портик с мозаичными полами служил для конфирмации (миропомазания)⁵⁷. С левой (южной) стороны большой апсиды крещальни был пристроен водоем вместимостью около 4-5 тысяч ведер (48-60 тыс. л), из них до 4,2 тыс. л требовалось на наполнение купели⁵⁸. Могилы, найденные в помещении крещальни, могут свидетельствовать о том, что сама крещальня со временем превратилась в усыпальницу⁵⁹. Баптистерий при самой крупной из херсонских базилик, построенный, по наиболее вероятной версии, в конце VI - начале VII вв.⁶⁰, возможно, уже не функционировал в X в.

Неизвестны мотивы, которыми руководствовались русская и византийская стороны при выборе места крещения и бракосочетания Владимира и Анны; возможно, аргументом в пользу большой агоры стало наличие дворцовых сооружений – триклиний, пригодных для размещения самих высоких персон и их свиты, следы которых сохранились в чертежах и описаниях второй половины XIX века. Летописное замечание «крести же ся... на месте посреде града, идеже торг деють корсуняне»⁶¹ подходит лишь к условиям главной площади Херсона на возвышенной восточной части городища, и ремарка С.А. Беляева о том, что летописец подразумевал просто пространство внутри города⁶², не представляется обоснованной. Вероятнее всего, именно на центральной площади Херсона совершился акт воцерковления и крещения князя русов, послуживший отправной точкой для нового этапа истории народов Восточной Европы.

Примечания:

1. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т.1. С. 111.
2. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона, её церквах и палатах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып.3. С. 91.
3. Беляев С.А. «Теперь узнал я истинного Бога» // Наука в СССР. 1990. №1. С. 88.
4. Мурзакевич Н.Н. Путешествие в Крым в 1836 году // Журнал министерства народного просвещения. 1837. Ч.13. С. 646-647; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т.2. Отд.1. С. 257; Лебединцев П.Г. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина. 1889. Т.24 (апрель). С. 56-73; Кёне Б.В. Дополнения к «исследованиям об истории и древностях» города Херсониса Таврического // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. 1850. Т.2. С. 266-267; Он же. Херронес (Севастополь) // Журнал министерства народного просвещения. 1855. Ч.88. С. 115-116.
5. Гроздов А. Историческая записка о херсонисском Святого равноапостольного князя Владимира монастыре // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. №5. С. 77-78.
6. Никанор. Херсонисский монастырь в Крыму. Варшава, 1907. С. 17-18.
7. Бертье-Делагард А.Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. 1893. №12. С. 44-45.
8. Шестаков С.П. К вопросу о месте крещения Св. Владимира. Казань, 1908. С. 15-16.
9. Беляев С.А. О названии церкви, в которой был крещен князь Владимир // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2001. №2. С. 67.
10. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. Ч.2. С. 899-901.
11. Лаврентьевская летопись. С. 111.
12. Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 152.
13. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т.2. С. 97.
14. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л., 1989. Т.38. С. 51.
15. Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т.5. Ч.6. С. 118; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т.4. Ч.1. С. 82; Воскресенская летопись // ПСРЛ. М., 2001. Т.7. С. 309; Тверская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т.15. С. 104; Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т.9. С. 54; Русский хронограф (редакции 1512 г.) // ПСРЛ. СПб., 1911. Т.22. Ч.1. С. 367; Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т.21. С. 98.
16. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 34.
17. Ипатиевская летопись. С. 101.
18. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 99.
19. Извлечение из сочинения Михайла Литвина // Киевская старина. 1889. Т.25. С. 12.

20. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т.6. С. 342.
21. Беляев С.А. Новое о памятниках древнего Херсонеса // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д.3441. Л. 16. В 1827 г. храм №27 по счету Императорской Археологической комиссии был раскопан К. Крузе. См.: Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып.1. С. 48-52.
22. Е. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. №22. С. 161.
23. Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 117.
24. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч.1. С. 97-98.
25. Там же. С. 205.
26. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи... С. 206; О следах древнего греческого города... С. 163.
27. Богуш-Сестренцевич С. История о Таврии. СПб., 1806. Т.1. С. 342.
28. Кёне Б.В. Дополнения к исследованиям об истории и древностях... С. 266.
29. Головин И. Храм Святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе Таврическом // Прибавления к церковным ведомостям. 1888. №29. С. 773.
30. Мурзакевич Н.Н. Путешествие в Крым в 1836 году... С. 647-648.
31. Аркас З. Описание Иракийского полуострова и древностей его... С. 257-258.
32. Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 648; Аркас З. Указ. соч. С. 258.
33. Кёне Б.В. Дополнения к исследованиям об истории и древностях... С. 266-268.
34. Лебединцев П.Г. Остатки церквей... С. 60-61.
35. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 96; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург., 2000. С. 229.
36. Головин И. Храм Святого равноапостольного князя Владимира... С. 777.
37. Лебединцев П.Г. Указ. соч. С. 73.
38. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 97.
39. Айналов Д.В. Указ. соч. С. 61 – 62.
40. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 92.
41. Лебединцев П.Г. Указ. соч. С. 61.
42. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 92.
43. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 716.
44. Айналов Д.В. Указ. соч. С. 63.
45. Лебединцев П.Г. Указ. соч. С. 62.
46. Айналов Д.В. Указ. соч. С. 64.
47. Мусин А.Е. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002. С. 151-152.
48. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 106.
49. Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 1-2.
50. Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // ПроPILE. М., 1854. Кн.4. С. 533-534.
51. Там же. С. 536.
52. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. С. 225; Сорочан С.Б. О храме Свв. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Сугдейский сборник. 2005. Вып.2. С. 328.
53. Беляев С.А. Новое о памятниках древнего Херсонеса // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д.3441. Л. 23; Сорочан С.Б. О храме Свв. Апостолов... С. 330.
54. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // Известия Императорской Археологической комиссии. 1902. Вып.4. С. 91.
55. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. С. 82-83.
56. Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 21.
57. Сорочан С.Б. О храме Свв. Апостолов... С. 345.
58. Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 84-87.
59. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. С. 92; Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона... С. 100.
60. Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 74-75; Сорочан С.Б. О храме Св. Апостолов... С. 350.
61. Ипатиевская летопись. С. 97.
62. Беляев С.А. Крепцальня в Корсуне // Наше наследие. 1988. №4. С. 32.

**ХАРАКТЕР ЭВОЛЮЦИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В НИХ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИВАНЕ IV ГРОЗНОМ**

С.С. Кириллов

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается отражение информации о личности царя Ивана IV в школьных учебниках за период с 1875 по 2004 г. За этот период в нашей стране произошло множество изменений во всех сферах общественной жизни. В соответствии с политическими и идеологическими изменениями менялось и содержание школьных учебников отечественной истории. Эти изменения прослежены на примере образа Ивана Грозного.

Ключевые слова: школьные учебники, отечественная история, Иван Грозный, исторические стереотипы.

**THE CHARACTER OF EVOLUTION OF SCHOOL TEXT BOOKS
ON NATIONAL HISTORY ON THE EXAMPLE
OF INFORMATION ABOUT IVAN THE TERRIBLE**

S.S. Kirillov

Belgorod National Research University

The author considers the reflection of information about personality of Ivan the Terrible in school text books from 1875 to 2004. There have been a lot of changes in different spheres of the society in the given period. The content of school text books changed along with political and ideological changes. These changes were observed on the example of image of Ivan the Terrible.

Key words: school text books, national history, Ivan the Terrible, historical stereotypes.

Историческая наука в последние десятилетия очень активно развивается, открываются новые источники, корректируются старые научные теории и разрабатываются новые. Но в учебной литературе - в школьных и вузовских учебниках, энциклопедиях – по-прежнему очень много различного рода клише, сформировавшихся достаточно давно и не отражающих современные научные концепции. Представляется важным выявить, насколько значительно устарела информация, представляемая в учебниках, для дальнейшего их приведения в соответствие с реалиями исторической науки. Наиболее рациональным методом для этого является исследование эволюции одного конкретного образа в учебной литературе за длительный период, с последующим выводом о характере происходивших с ним изменений. С этой целью нами был выбран один из самых известных стереотипов русской истории – образ царя Ивана IV Васильевича Грозного.

Источниками, на которые мы опирались при написании статьи, стали школьные учебники по отечественной истории за период с 1875 по 2004 гг., обнаруженные в Белгородской областной универсальной научной библиотеке. Из дореволюционных изданий это учебники И. Беллярминова и Д. Иловайского. Советский период представлен в нашем исследовании учебниками Л.И. Бущика, П.П. Епифанова, А.М. Сахарова, Б.А. Рыбакова. Из современных учебников нами использованы наиболее распространенные – учебники А.А. Данилова и А.М. Сахарова, В.И. Буганова.

Вначале необходимо дать характеристику школьным учебникам и выделить их особенности. Школьные учебники не имеют своей целью полное и конкретное изложение исторической информации. Их задача дать учащимся первоначальное представление об изучаемом периоде. Вследствие этого в них представлены наиболее общие сведения. Но, что еще более важно, при этом они несут в себе элемент оценки исторических событий с позиций нравственности и часто содержат различного рода стереотипы.

Наше исследование мы начали с обращения к школьным учебникам дореволюционного периода. В нашем распоряжении оказались учебники И. Беллярминова и Д. Иловайского, содержащиеся в издании «Учебники дореволюционной России по истории»¹, использовавшиеся в гимназиях Российской империи. Рассматривая текст учебника И. Беллярминова (см. прил.), мы отметили следующее:

- при описании детства царя отмечается, что он находился под влиянием Шуйских, которые воспитывали его очень небрежно;
  - приказ о казни Андрея Шуйского, отданный царем в 13 лет, рассматривается как демонстрация власти, а не акт бездумной жестокости;
  - подчеркивается сочетание в Грозном жестокости с набожностью, которое объясняется тем, что царь носил монашеское платье и усердно молился для успокоения совести;
  - описывая последние годы жизни царя, автор указывает, что причиной раннего старения стал беспорядочный образ жизни и угрызения совести, мучившие царя.
- Проанализировав информацию относительно характера Ивана Грозного в учебнике Д. Иловайского (см. прил.), мы посчитали необходимым отметить:
- автор считает, что у царя были большие способности и пылкий характер, а виной его жестокости является неправильное воспитание и грубое отношение к нему со стороны бояр;
  - первый отданный царем приказ о казни, рассматривается, как и у И. Белляринова, как проявление малолетним царем самодержавной власти;
  - в учебнике ярко расписывается необузданный характер, вспыльчивость и подозрительность царя, но совершенно не упоминается о набожности;
  - автор признает Грозного тираном, но отмечает, что народные песни и сказания относятся к царю с уважением.
- Найти в областной библиотеке советские учебники довоенного периода нам не удалось. Поэтому первым советским учебником, который мы рассмотрим, будет «История СССР» Л.И. Буцкича, изданная в 1959 году². Рассмотрев параграф, посвященный Грозному (см. прил.), мы отметили следующее:
- в тексте сразу же заметна тенденциозность. Слово тиран уже имеет негативную окраску. Но, что бы подчеркнуть негативное отношение к царской власти автор добавляет «жестокоего тирана-крепостника»;
  - автор также считает доказательством жестокости 13-летнего царя поступок, совершенный им по внушению других людей. Но ведь это отнюдь не говорит о его жестокости, а скорее о внушаемости,
  - в целом же автор рассматривает Грозного однозначно - как жестокого и маниакально подозрительного правителя.
- Рассматривая учебник П.П. Епифанова, изданный в 1965 году, мы выделили следующие моменты³:
- автором вначале отмечены положительные качества Ивана IV, его начитанность и литературный талант;
  - затем сразу же говорится о его безнравственности, выделяя этим негативное в целом отношении к царю;
  - не делается никаких попыток объяснения подобному сочетанию черт характера (см. прил.).
- В учебнике А.М. Сахарова «История СССР» обращают на себя внимание следующие обстоятельства⁴:
- очень мало информации о личных качествах Ивана Грозного;
  - не указываются положительные качества, информация о которых неизменно присутствовала в предыдущих учебниках;
  - жестокость Грозного признается неоспоримым фактом, так как не приводится никаких конкретных доказательств ее проявления (см. прил.).
- Затем основным учебником истории России за этот период стал учебник Б.А. Рыбакова и А.А. Преображенского. Мы рассмотрели два его издания: 5-е⁵ и 6-е⁶. Первое из них наиболее полно отражает то, что писалось в советское время, а второе демонстрирует уже новые веяния. Важно отметить следующее:
- в 5-м издании мы видим признание достоинств царя, говорится и о раннем его взрослении;
  - отмечаются и отрицательные черты, в целом совпадающие с теми, что приводят предыдущие учебники, но называется причина – обстановка, в которой рос царь и своеобразность полученного им образования;
  - подчеркивается двойственное отношение к личности царя (см. прил.).

В 6-м издании происходят явные изменения; по сравнению со сложившейся уже традицией освещения личности Ивана IV⁷.

- указывается, что приказ об убийстве Шуйского исходит от ненависти и злобы малолетнего царя, а не от чьего-то внушения, что конечно сразу же меняет ситуацию. Однако очень трудно поверить, что подросток 13 лет мог самостоятельно отдать приказ об убийстве,

- странным кажется и то, что здесь ничего не говорится о положительных качествах царя (см. прил.).

В настоящее время наиболее распространенными являются учебники А.А. Данилова и А.М. Сахарова. В учебнике А.М.Сахарова⁸ мы можем заметить следующее:

- обвинения царя становятся еще более сильными, для большего эффекта они повторяются. Например, говорится о его недоверчивости, а в следующем предложении о подозрительности, используются экспрессивные выражения: «входит во вкус», «маниакально», «развалиной»;

- о положительных качествах царя не сказано ни слова, даже о начитанности. Упоминается лишь об одаренности царя. Но одаренность – понятие размытое и оно меркнет перед градом обвинений. Ученикам словно хотят навязать четкий стереотип о «кровавом тиране»;

- в рассказе о последних годах жизни Грозного сообщается о раскаянии и переживаниях царя;

- характеристика личности царя здесь настолько противоречива, что заставляет задуматься. Очевидно, что здесь в описании личностных качеств Грозного присутствует тенденциозность (см. прил.).

В настоящее время в школах наиболее распространенным является учебник А.А. Данилова⁹. По итогам его изучения необходимо отметить:

- автором отдается должное положительным качествам царя, их описание занимает значительное место,

- заметна некоторая противоречивость. По тексту получается, что царь стал жестоким и подозрительным после своей болезни, значит, раньше он таким не был,

- говорится также, что царь умел искренне любить. И на царя можно было повлиять, даже контролировать, что при «болезненной подозрительности» звучит странно (см. прил.).

Таким образом, анализ вышеуказанных школьных учебников за продолжительный период позволяет отметить, что:

1) Дореволюционные учебники уделяют значительное внимание личности царя, подчеркивают двойственное отношение к ней, считают негативные черты результатом дурного влияния;

2) Советские учебники практически не уделяют внимания личности царя, демонстрируют негативное к ней отношение, считают отрицательные черты характера царя результатом неправильного воспитания и душевной болезни царя;

3) Современные учебники касаются личности царя лишь вскользь и подводят учеников к мысли о неуравновешенности царя;

4) В целом формируется следующий образ царя. Царь Иван IV Васильевич Грозный был неординарной личностью с развитым интеллектом, литературным талантом. Он был достаточно высокообразованным для своего времени человеком, хотя его образование не имело системы, сочинял музыку, являлся хорошим оратором. Ему были присущи: энергичность, дальновидность, целеустремленность, живость ума. Эти качества сочетались с подозрительностью, жестокостью, вспыльчивостью, робостью и эмоциональной неустойчивостью.

5) Часто приводятся достаточно противоречивые характеристики, причем, далеко не всегда дается объяснение.

6) Со временем отношение к личности Ивана Грозного меняется, появляются попытки ее всестороннего рассмотрения

В целом же следует отметить, что четко прослеживается зависимость подаваемой информации от политических и идеологических установок.

Табл. 1. Информация о личности царя Ивана IV Грозного по материалам школьных учебников.

Учебник	Информация о личности Ивана IV Грозного
<p>Беллярминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / Составитель Т.В. Естеферова. М.: Просвещение, 1993. С. 116-117.</p>	<p>«Несмотря на небрежное воспитание, Иоанн выучился грамоте и прочел сочинения, находившиеся в библиотеке его отца. Прочитанные им Священное Писание и Церковная Римская история развили в нем понятие о силе царской власти; к тому же Шуйские, оскорблявшие царя наедине во дворце, раболепствовали перед ним, когда он появлялся перед народом или выходил к иностранным послам. На 13-м году от роду Иоанн впервые обнаружил свою власть: псаря, по его приказанию, схватили одного из Шуйских и замучили; остальные Шуйские были разосланы по городам. Во главе Боярской думы стали Глинские, но Иоанн продолжал предаваться недостойным забавам...</p> <p>Конец Иоанна 1584 г. Несмотря на крепкое телосложение, Иоанн скоро старился: беспорядочный образ жизни и угрызения совести, пробуждавшейся по временам, лишили его бодрости, а военные неудачи и убийство им своего сына Иоанна окончательно истомили его. Вышедши однажды на крыльцо посмотреть на появившуюся комету, он вдруг изменился в лице и сказал окружавшим его: «Вот знамение моей смерти»</p>
<p>Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. // Учебники дореволюционной России по истории / Составитель Т.В. Естеферова. М.: Просвещение, 1993. С. 247.</p>	<p>Между тем, подрастал молодой государь. Иоанн имел от природы необыкновенно живые способности и пылкий, впечатлительный характер, к несчастью, никто не позаботился дать ему хорошее воспитание. Бояре обходились с ним грубо, делали его свидетелем позорных сцен, часто оскорбляли самолюбие дитяти и тем ожесточали его сердце. С ранних лет уже Иоанн начал обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и в самых детских его забавах; так, он находил удовольствие мучить животных или, разъезжая иногда с толпою сверстников по улицам Москвы, со смехом давил конями встречавшихся людей и т.п. Бояре несколько не старались исправить.</p> <p>Дурные наклонности Иоанна, напротив, поощряли его к подобным забавам, лишь бы отклонить от вмешательства в их управление; таким образом, они сами себе приготовили грозу. В первый раз Иоанн показал себя самодержавным государем, когда ему было тринадцать лет: он вдруг велел схватить гордого князя-правителя Андрея Шуйского и отдал его на растерзание своим псарям».</p>
<p>Бузык Л.И. История Отечества. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения СССР, 1959. С. 151.</p>	<p>«У самого Ивана IV рано стали проявляться черты жестокого тирана-крепостника. Уже в 13 лет он по внушению своих дядей приказал схватить боярина и отдать на растерзание псам. Отвратительные сцены насилий бояр в борьбе за власть развили в молодом государе болезненную подозрительность, коварство и необузданность в гневе»</p>
<p>Епифанов П.П., Федосов И.А. История СССР. М.: Просвещение, 1965. С. 82-83.</p>	<p>«Тонкий политик и дипломат, крупный военный организатор, Иван IV был для своего времени человеком начитанным и образованным. Он обладал даром красноречия, своеобразным литературным талантом. Но это был и жестокий тиран безнравственный, необузданный, терявший даже здравый рассудок, как, например, в годы разгула опричнины или в момент убийства своего сына Ивана».</p>
<p>Сахаров А.М. История СССР. М.: Просвещение, 1980. С. 126.</p>	<p>«Свои надежды они связывали с молодым князем Иваном IV, рано проявившим свой властный характер и беспощадность к противникам... Подозрительный и жестокий Иван IV получил прозвище Грозный».</p>
<p>Рыбаков Б.А, Преображенский А.А. История Отечества. М.: Просвещение, 1993. С. 119.</p>	<p>«Все это (борьба бояр за власть) повлияло на впечатлительного мальчика и отразилось на его характере. Он рано возмужал. Незаурядные способности - сочинитель церковной музыки, шахматист — сочетались у Ивана IV с властностью, беспощадностью, безмер-</p>

	ной подозрительностью. Уже с детских лет он пристрастился к чтению. Но особенно его интересовало то, что говорится в книгах о величии и особом предназначении государственной власти».
Рыбаков Б.А., Преображенский А.А. История Отечества. М.: Просвещение, 2000. С. 107.	«Жестокость, лицемерие, интриги - такой была окружающая Ивана обстановка. Он затаил ненависть к придворной знати, а в 12 лет проявил свой нрав — по его приказу был схвачен и жестоко замучен один из князей Шуйских... Царь злобился на придворных, помня унижения детских лет».
Сахаров А.М., Буганов А.И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Просвещение, 2001. С. 200.	«В его характере формируются непривлекательные черты: пугливость и скрытность, мнительность и трусливость, недоверчивость и жестокость. Наблюдая сцены жестоких расправ, он и сам, взрослея, входит во вкус - отдает приказ затравить неудобного ему князя Шуйского... В свои 54 года этот человек, исключительно одаренный, жестокий и маниакально подозрительный, выглядел глубоким стариком, развалиной. Сказывались долгие годы борьбы, подозрительности и страха, расправ и покаяний, пьяных оргий и злобных выходок. Ночные страхи и кошмары, болезни и переживания довели его до крайности».
Данилов А.А. История России. М.: Просвещение, 2004. С. 298.	«Очередная группировка бояр, захватившая власть, врвалась во дворец и на глазах юного Ивана, несмотря на его мольбы о пощаде, хватала и убивала близких людей. Все это порождало в сердце впечатлительного подростка досаду, гнев и злобу, стремление отомстить своим обидчикам. Иван был одаренным ребенком. Он рано пристрастился к чтению. В юные годы Иван не получил систематического образования, зато в зрелом возрасте он поражал знавших его людей своими обширными познаниями. Более того, он занялся литературным трудом и оказался талантливым и весьма плодовитым писателем. Царь был хорошим оратором. Иван увлекался сочинительством церковной музыки, хорошо играл в шахматы. И все это сочеталось в нем с беспощадной жестокостью, болезненной подозрительностью и мстительностью... После выздоровления Иван очень изменился. Он стал жестоким и подозрительным... В 1560 году умерла первая, горячо любимая жена Ивана Анастасия Романовна... В 1563 году умер митрополит Макарий, который имел большое влияние на Ивана и сдерживал его жестокие порывы».

Примечания:

1. Учебники дореволюционной России по истории / Составитель Т.В. Естепферова. М.: Просвещение, 1993. 384 с.
2. Буцик Л.И. История Отечества. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения СССР, 1959. 262 с.
3. Епифанов П.П., Федосов И.А. История СССР. М.: Просвещение, 1965. 435 с.
4. Сахаров А.М. История СССР. М.: Просвещение, 1980. 287 с.
5. Рыбаков Б.А., Преображенский А.А. История Отечества. М.: Просвещение, 1993. 311 с.
6. Рыбаков Б.А., Преображенский А.А. История Отечества. М.: Просвещение, 2000. 320 с.
7. Там же.
8. Сахаров А.М., Буганов А.И. История России с древнейших времен до конца XVII века...
9. Данилов А.А. История России. М.: Просвещение, 2004. 364 с.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ЧИНОВНИЧИЙ АППАРАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Д.С. Михайлов

Оренбургский государственный педагогический университет

В статье отражены основные концепции истории изучения бюрократии Российской империи в XVIII - первой половины XIX века. Исследование основано на изучении работ ученых как современных, так и дореволюционных и советского периода. В статье рассматривается проблема изучения бюрократического аппарата Оренбургской губернии в первой половине XIX века, как наименее изученной.

Ключевые слова: должностные лица, государственной службы, административной машины.

BUREAUCRACY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY: TO THE PROBLEM OF STUDY OF INTERNAL ORGANIZATION OF THE PROVINCE GOVERNING OF THE ORENBURG TERRITORY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

D.S. Mikhailov

Orenburg State Pedagogical University

The article deals with main conceptions of the history of study of the bureaucracy of the Russian Empire in the XVIII - first half of the XIX century. The investigation is based upon the study of the scientists' works of three periods: pre-revolutionary, Soviet and modern. The main interest is the current stage of the history of the study of civil service in Russia. The author considers the problem of study of the Orenburg province bureaucrats in the first half of the XIX century which is least studied by scholars.

Key words: officials, government service, administrative machine.

В настоящее время, когда в Российской Федерации проводится комплекс реформ государственного управления, несомненную научную актуальность и практическую значимость имеет изучение многовекового опыта деятельности государственного аппарата управления, для более глубокого понимания современных процессов, происходящих в высших, центральных и местных органах государственного управления. Реформы начала XIX столетия оформили в основных чертах бюрократическую систему органов власти в центре и на местах, просуществовавших до 1917 г. Изучение истории государственного управления в России невозможно без анализа чиновничества, его формирования и деятельности в разные периоды. Именно провинциальные чиновники, служившие в губернских и уездных правительственных учреждениях, реализовывали на местах решения верховной власти, являлись непосредственными ее представителями и проводниками государственной политики. В начале XIX в., одновременно с реорганизацией государственного аппарата Российской империи, происходило изменение количественного и качественного состава чиновничества – его квалификации, уровня образования, социального состава, имущественного положения. Как справедливо заметил историк П.А. Зайончковский, «изучение состояния государственного аппарата России, особенно категорий лиц, обслуживавших нужды государства, начиная от высшей бюрократии и кончая ... низшими служащими различных ведомств, имеет, бесспорно, большое научное значение».¹

Актуальность изучения аппарата чиновничества Оренбургской губернии первой половины XIX века обусловлена фактором неизученности данной проблемы. Если чиновничество и административный аппарат Оренбургского края и в целом Южного Урала второй половины XIX века отражены в исследованиях историков Оренбургского государственного педагогического университета К.Ш. Ахтямова², С.В. Любичанковско-го³, то первая половина века вообще не затрагивалась учёными. Поэтому, изучая исто-

риографию поставленной проблемы, возможно, использовать только работы общероссийского характера.

Проблемы управления и людей, непосредственно с ним связанных, являлись в XIX в. и по сей день остаются для российского общества темой злободневной, неизменно приковывающей к себе всеобщее внимание. Говоря о внимании, которое уделяло российское общество XIX в. чиновничеству, стоит отметить, что помимо научной традиции изучения чиновничества также сформировалась богатая литературная и публицистическая традиция обращения к данной теме, в русле которой был создан собирательный, критический образ российского чиновника, к формированию которого приложили свое перо великие русские писатели: Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, а также многочисленные русские публицисты, обличительные статьи которых просачивались сквозь сито цензурного ведомства. Схожей точки зрения придерживается Н.Г. Чевтаева, которая отмечает, что носителем оценочного подхода к чиновничеству традиционно выступала социальная публицистика, критически относившаяся к российскому чиновничеству. Подобная неакадемическая форма общественной мысли, по признаниям современников, весьма характерна для России того времени. В ней преобладали в большей степени суждения и оценки чаще всего, как известно, негативные. Критическое отношение к российскому чиновничеству оказалось весьма распространенным и прочно вошло в традицию⁴.

Возвращаясь к рассмотрению научной традиции изучения чиновничества, стоит начать с дореволюционной историографии российской государственности. Первые обобщающие труды по вопросам государственного управления в России появились в середине XIX века. Работы К. Дюгамеля, И. Андреевского были посвящены формальной стороне деятельности государственных учреждений - они изучали законодательную основу функционирования органов и должностных лиц, взаимоотношения с высшей властью, внешние атрибуты (чины, ордена, титулы)⁵.

В пореформенный период изучение истории государственного аппарата получило серьезное развитие в отечественной историографии. Ведущее положение в ней занимали последователи «государственной школы», крупнейшим представителем которой являлся А.Д. Градовский. В своих трудах историк исследовал историческое развитие учреждений России в условиях неограниченной монархии. Бюрократия рассматривалась им как часть государственного механизма, через которую государство выстраивает свои отношения с обществом⁶. Много сделал для сбора и систематизации фактического материала по истории правительственных учреждений Н. Варадинов, который подготовил солидное по объему издание по истории МВД с 1802 по 1855 год⁷.

Внимание историков постоянно привлекала история высших и центральных учреждений. Как правило, местные государственные учреждения изучались юристами при написании общих курсов по истории государства и права. Одним из провинциальных центров изучения истории государственных учреждений в дореволюционный период стал город Ярославль, где исследования вели профессора Демидовского юридического лицея⁸. В отдельных работах освещались вопросы формирования бюрократии⁹. В очерке В.А. Евреинова о гражданском чиновничестве в России были обобщены материалы о законах, связанных с чиновничеством, а также с получением личного и потомственного дворянства¹⁰. Однако изучение бюрократии в основном свелось к составлению жизнеописаний высших сановников Российского государства¹¹.

Историки и юристы детально изучали отечественное законодательство, а делопроизводственная документация правительственных органов различных уровней в научный оборот практически не вводилась. Следует признать, что по сравнению с высшими и центральными органами власти местные государственные учреждения первой четверти XIX в. и их кадровый состав привлекали внимание дореволюционных исследователей довольно редко. В целом, дореволюционная историография составила достаточно объективную историко-правовую картину возникновения и функционирования институтов местного управления Российской империи, богатый фактический материал, основанный на материалах законодательства, делопроизводственной документации, архивных источниках и мемуарах, однако процесс формирования провинциальной бюрократии и состав чиновничества остались практически не изученными.

В советский период проблемы государственной службы и формирования чиновничества как социального института довольно долго находились вне поля зрения оте-

чественной исторической науки. В работах данного периода преобладал классовый подход, и авторы акцентировали внимание на негативных сторонах деятельности правительственных кругов. Господствовавшая в это время школа М.Н. Покровского препятствовала изучению властных институтов, чиновничества императорской России. По вопросу развития государственного аппарата историки основывались на тезисах К. Маркса и В.И. Ленина о бюрократии. К. Маркс обвинял бюрократию в подмене общественных интересов частными, «присвоении государства» чиновничеством, произволе, корпоративности, формализме¹². В.И. Ленин в своих работах специально не рассматривал чиновничество последней четверти XVIII - первой половины XIX веков, однако, характеризуя в целом бюрократию, отмечал ее кастовость, социальную неоднородность, а также тесную связь высшего и среднего чиновничества с эксплуататорскими классами в лице дворянства и буржуазии¹³.

В 1930-1950-е гг. стали появляться работы, посвященные государственно-политической тематике. К изучению первой четверти XIX столетия обратился А.В. Предтеченский¹⁴. Историк дал общую характеристику российского чиновничества высших и центральных учреждений первой половины XIX века.

Принципиально значимым для изучения истории дореволюционных государственных учреждений стали труды сотрудника Московского историко-архивного института Н.П. Ерошкина¹⁵. В них впервые в исторической науке давалось систематическое изложение истории, как отдельных государственных учреждений, так и всей их совокупности, составляющий государственный аппарат. Автор установил причины возникновения учреждений управления, изменения сферы их компетенции, основные функции, организованное устройство и направления деятельности. В работе Н.П. Ерошкина к учреждениям местного управления был применён ведомственный подход, согласно которому местные учреждения управления классифицировались в зависимости от ведущего министерства. В рамках этого подхода губернское правление рассматривалось через призму политики, проводимой МВД, которая нередко встречала противодействие со стороны других ведомств. В целом монография дала основательный анализ законодательных материалов, четкое представление о структуре и функциях разных звеньев правительственного аппарата.

Один из крупнейших советских историков П.А. Зайончковским в работе «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке» была поставлена проблема изучения государственного аппарата Российской империи: он исследовал численность чиновничества, условия службы, денежное содержание, а также частично коснулся личного состава государственного аппарата¹⁶. П.А. Зайончковский первым из советских историков обратился к массовой обработке формулярных списков чиновничества как центральных, так и местных органов власти.

На современном этапе история государственной службы весьма активно исследуется историками. Особенностью последних десятилетий является частое обращение к работам дореволюционных и зарубежных авторов. История государственных учреждений стала традиционной темой научных конференций, в связи с чем выделяется целая плеяда авторов.

Б.Н. Миронов выделил 1775-1860-е гг. как особый период в истории местного управления, когда на губернском уровне и в городах действовала преимущественно коронная администрация через органы губернского управления во главе с губернатором¹⁷.

И.А. Федосов раскрывает атрибуты гражданской службы, существовавшие в первой половине XIX века: формы делопроизводства, стили управления, систему ценностей и образы чиновников¹⁸.

Л.Ф. Писарькова исследовала этапы развития местного управления в России, политику правительства в области формирования бюрократии, проблему взяточничества чиновников¹⁹. Автор касается условий службы и быта гражданских служащих, чиновничества, материального положения и нравов чиновной среды.

Л.Е. Шепелев обобщил обширный материал о чиновниках центральных и местных государственных учреждений от эпохи петровских преобразований до 1917 года, их состав, условия службы, систему чинов и званий, мундиры и ордена²⁰.

В работах Т.Ю. Амплеевой, Н.Н. Ефремовой на основе материалов законодательства, делопроизводственной документации учреждений и других официальных

источников исследуются механизмы становления и развития системы местного управления в XVIII-XIX веках²¹.

В современной историографии, по мнению С. В. Любичанковского²², становится востребованным анализ института губернаторства. Поэтому интересной для изучения становится монография Л.М. Лысенко, которая рассматривает проблемы становления и развития института губернаторства, правовое положение и функции губернаторов с конца XVIII до начала XX века. Историк подвергла историко-социологическому анализу кадровый состав отечественных губернаторов по таким показателям, как чин, возраст, стаж работы, вероисповедание, образование, служебная карьера. Автор сделала вывод о том, что за двести лет существования института губернаторства в его составе в целом наблюдались положительные тенденции, связанные с ростом профессионализма, образовательного уровня, повышением правовой культуры, изменением соотношением военных и гражданских начал в деятельности губернаторов в пользу последних²³. Учёный А.В. Манько также касался истории изучения губернаторства в царской России от момента его возникновения до падения самодержавия²⁴.

Еще одним направлением в российской исторической науке стало изучение личностного и общественного аспектов развития бюрократического аппарата. В статьях Т. Борисенко, А.А. Твердохлеба и В.М. Шевырина анализируются стереотипы, образы, сложившиеся в бюрократической среде и в обществе о бюрократии²⁵.

В целом на современном этапе изучения развития государственного аппарата Российской империи в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв., структуры и функций институтов управления, как центральных, так и местных, представлены значительным количеством исторических исследований, которые создали базу для изучения провинциальной бюрократии. В последние годы было написано несколько диссертаций, рассматривающих эволюцию провинциального чиновничества на примере отдельных регионов страны (Московская, Тверская, Вятская губернии).

Таким образом, чиновничий аппарат Российской империи в отечественной историографии представлен довольно широко. Работы, посвящённые изучению поставленной проблематики, ведут свою историю ещё с дореволюционного периода. Но, очевидно, что наиболее активно чиновничество стало изучаться во второй половине 1990-х годов XX столетия. Историками был затронут широкий круг вопросов. Дана историко-правовая картина возникновения и функционирования институтов местного управления Российской империи, причины возникновения учреждений управления, изменения сферы их компетенции, основные функции, организованное устройство и направления деятельности. Помимо этого изучены вопросы, касающиеся численности чиновничества, условия службы, денежное содержание. Л.М. Лысенко подвергла историко-социологическому анализу кадровый состав отечественных губернаторов по таким показателям, как чин, возраст, стаж работы, вероисповедание, образование, служебная карьера.

Ряд авторов касается вопросов условий службы и быта гражданских служащих, чинопроизводства, материального положения и нравов чиновной среды. Историк Л.Е. Шепелев обобщил обширный материал о чиновниках центральных и местных государственных учреждений от эпохи петровских преобразований до 1917 года, их состав, условия службы, систему чинов и званий, мундиры и ордена, механизмы становления и развития системы местного управления в XVIII-XIX веках.

Однако, несмотря на такой обширный материал о чиновниках имперской России, возникает проблема изучения чиновников Оренбургского края в первой половине XIX века, так как этот период истории оренбургских чиновников не затрагивался ни в общероссийских исследованиях, ни в исследованиях местных учёных. В связи с этим, изучение первоначальной картины чиновничьего аппарата губернского правления Оренбургской губернии первой половины XIX столетия возможно только при использовании работ общероссийского характера.

Примечания:

1. Зайончковский П.А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* – М., 1978. С. 3.

2. Ахтямов К.Ш. *Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 1881-1917 гг. Оренбург, 2000.*

3. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи. Екатеринбург, 2003.
4. Чевтаева Н.Г. К истории российской социологии чиновничества: преодоление негативистского, оценочного подхода // Вестник ИжГТУ. 2006. №2. С. 104–107.
5. Дюгамель К.О. Опыт государственного права Российской империи. СПб., 1833.; Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.
6. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собр. соч. в 9 т. Т.1. СПб., 1899. С. 299–338.
7. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел: В 3 ч. СПб., 1858–1862.
8. Покровский С.П. Министерская власть в России: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906.; Щеглов В.Г. Государственный Совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901 гг.): Историко-юридический очерк. Ярославль, 1903.
9. Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910.; Шумигорский Е. Начало бюрократии в России // Русская старина. 1908. Янв. С. 71–76.
10. Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк. СПб., 1887.
11. Булгаков Ф.И. Русский государственный человек минувших 3-х царствований (Граф П.Д. Киселев) // Исторический вестник. 1882. Янв. С. 128–155; Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. М., 1955. С. 269–273.
13. Ленин В.И. Старое и новое // ПСС. Т.21. С. 56–60; Ленин В.И. О государстве // ПСС. Т.39. С. 64–84.
14. Предтеченский А.В. Общественно-политическая история России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957.
15. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981; Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860). М., 1985.
16. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.). Т.2. СПб., 2003. С. 198–199.
18. Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. №7.
19. Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. №5. С. 33–49; От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. №4. С. 29–44; Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. №3. С. 37.
20. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007; Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 2001.
21. Амплеева Т.Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII в. М., 1997; Ефремова Н.Н. Судостроительство Российской империи XVIII– начала XX века. М., 1996.
22. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России. Оренбург - Самара, 2007. С. 14.
23. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М., 2001. С. 10–25.
24. Манько А.В. Блюстители верховной власти в России: Ист. очерк. М., 2004.
25. Борисенко Т. Чиновничество в России XIX века: предписания, образы и стереотипы // Социально-культурные и этнические стереотипы. Материалы научной конференции молодых ученых и аспирантов. М., 1998. С. 80–86; Твердохлеб А.А., Шевырин В.М. Государственные служащие в России 1722–1995: Динамика социального статуса (Исторический очерк) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. М., 1995.

**НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ,
ИХ КАПИТАЛ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ
КРЕДИТНО–ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ)***

Е.А. Ганжов

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием финансовой системы России в пореформенный период в лице негосударственных финансовых учреждений. Показывается становление финансовых учреждений их основной капитал и специфика деятельности в Центральном Черноземье (на примере отдельных кредитно–финансовых учреждений).

Ключевые слова: финансовые учреждения, акционерные коммерческие банки, кредитно-финансовые учреждения, земельные банки, ссудо–сберегательные товарищества, общества взаимного кредита.

**NON-STATE FINANCIAL INSTITUTIONS IN POST-REFORM PERIOD
IN CENTRAL BLACK-SOIL AREA, THEIR CAPITAL AND CORE FUNCTIONS
(ON THE EXAMPLE OF SOME CREDIT-FINANCIAL INSTITUTIONS)**

E.A. Ganjov

Belgorod National Research University

The article examines issues related to the formation of Russia's financial system in the post-reform period in particular non-financial institutions. The author demonstrates the formation of financial institutions, of their capital and the activities in the Central Black-Soil area (on the example of some credit-financial institutions).

Key words: financial institutions, joint-stock commercial banks, credit-financial institutions, land banks, loan-savings associations, societies of mutual credit.

Историография кредитно-финансового дела в России весьма широка. Но, не смотря на это, имеются пробелы в области обобщающих исследований, которые смогли бы открыть картину на общее положение дел в данной сфере, процесс формирования частного банковского сектора и кредита. Банкирские дома начали изучать уже в середине XIX века. Среди имеющихся работ следовало бы выделить исследования И.К. Бабста, Н.Х. Бунге, А.Н. Гурьева, Е.И. Ламанского и еще ряд дореволюционных исследований. Наиболее значительными исследованиями советского периода стали работы Б.В. Ананьича, В.И. Бовыкина, И.Ф. Гиндина. Именно в этих работах был собран и обобщен уникальный исторический материал. Для литературы, посвященной данной теме, характерно, во–первых, отсутствие комплексной разработки всех финансовых учреждений; во–вторых, отдельные составные части финансовой структуры были освещены с недостаточной полнотой; в–третьих, история финансовых органов Центрального Черноземья представлена редкими упоминаниями. Был и еще небольшой недостаток: видимо, в связи с идеологическими стереотипами той эпохи, многие авторы были вынуждены рассматривать становление кредитно–финансовой системы как средство к переходу для будущего социалистического строительства. Превратно толковалась роль многих элементов кредитной системы. Так, например, С.Я. Боровой, на примере государственных финансовых учреждений, говорил, что задача сберегательных касс виделась преимущественно в интересах царского правительства.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы Курской губернии, устав акционерных земельных банков, высочайше утвержденное мнение Государственного совета, сборник узаконений и правил и распоряжений. Ценные сведения также содержит Российская банковская энциклопедия. Отдельные сведения находятся в работах Б.В. Ананьича и Н.А. Проскурякова.

В данном исследовании будет сделана попытка сформировать представление о негосударственной кредитно-финансовой системе России в пореформенный период в

---

* Работа выполнена в рамках исследований по проекту: «Негосударственные финансовые учреждения в пореформенной России и их роль в развитии народного хозяйства (на материалах Центрального Черноземья)», поддержанного грантом РГНФ №11-31-00719м.

Центральном Черноземье (на примерах отдельных финансовых учреждений), их капитале и основных функциях.

Переход России от традиционного к индустриальному типу экономического развития выдвинул проблему создания кредитно-финансовой системы. Конец 1850-х — начало 1860-х гг. были, несомненно, переломным периодом в развитии частного банкирского промысла в России. Реформы начала 1860-х гг., атмосфера либеральных преобразований, изменившееся отношение к кредиту, политика, направленная против монопольного положения на бирже отдельных домов, способствовали оживлению финансовых отношений, появлению новых банкирских домов и контор. Организация Государственного банка Российской империи послужила предпосылкой для организации в стране сети частных акционерных коммерческих банков, городских кредитных обществ, обществ взаимного кредита и других негосударственных финансовых учреждений. Многие считали, что частные земельные банки, в отличие от немногочисленных в это время кредитных учреждений, функционировавших на принципах круговой поруки заемщиков-землевладельцев, могли бы вполне удовлетворить потребность необъятной российской провинции в долгосрочных ссудах. Центральное Черноземье также нуждалось в банках, и они постепенно стали образовываться и развиваться.

Московский земельный банк был открыт в августе 1872 г. Действовал в Курской, Воронежской, Тамбовской губерниях. К 1913 г. основной капитал составил 12,5 млн. руб. К январю 1914 г. он выпустил в обращение закладные листы на 169,6 млн. руб. и выдал ссуды на 119,25 млн. руб. под залог 2,541 млн. десятин земли, а также ссуды на 72,1 млн. руб. под залог 24 тыс. городских имуществ.

Нижегородско-Самарский земельный банк был открыт в ноябре 1872 г. Действовал в Тамбовской губернии. К 1913 г. основной капитал составил 8,16 млн. руб. К январю 1914 г. банк выпустил в обращение закладные листы на сумму 15,8 млн. руб. и выдал ссуды на 80,1 млн. руб. под залог 5,047 млн. десятин земли, а также ссуды на 44,9 млн. руб. под залог 3,9 тыс. городских имуществ. Чистая прибыль в 1914 г. составила 2 млн. рублей.

Харьковский земельный банк - открыт в сентябре 1871 г. Действовал в Воронежской и Курской губерниях. К 1913 г. основной капитал составил 13 млн. руб. К январю 1914 г. выдал долгосрочные ссуды под залог земли и городского недвижимого имущества, оцененных в 220 млн. руб., а также краткосрочные ссуды на 4,8 млн. руб. под залог городского недвижимого имущества. Чистая прибыль в 1912 г. составила 2,3 млн. рублей¹.

Акционерные земельные банки являлись важным звеном ипотечного кредита в период становления и развития капиталистической экономики. Они быстро заняли здесь лидирующие позиции в системе долгосрочного кредитования под залог недвижимого имущества.

Московский земельный банк продолжительный период находился под контролем открывшегося в 1873 г. банкирского дома Л.С. Полякова, «состоявшего с 1860-го по 1864 г. в оршанском купечестве при капитале своего отца». Этот банкирский дом со временем стал центром управления группой железнодорожных, промышленных, торговых обществ, а также кредитных учреждений, куда, кроме Московского земельного, входили Петербургско-Московский, Московский международный торговый, Южно-Русский промышленный, Орловский коммерческий, а также Ярославско-Костромской земельные банки. Долгое время председателем правления Московского земельного банка являлся сам Л.С. Поляков. С 1910-го по 1913 г. этот банк входил в группу крупного общеимперского Азовско-Донского банка².

Ресурсы кредитования таких банков аккумулировались посредством выпуска акций и, главным образом, ипотечных облигаций - закладных листов. Выдача ссуд могла проводиться только после оплаты не менее 25% акционерного капитала в Государственном банке. Учредителям при взносе первой четверти нарицательной цены акций выдавались временные свидетельства, которые обменивались на акции после полной их оплаты. Сумма выпущенных закладных билетов не должна была превышать более чем в десять раз размеры собственного капитала банка. Ипотечные облигации являлись обязательствами банка перед владельцами заемных средств и обеспечивались заложенной недвижимостью и капиталом банка. Ссуды выдавались как краткосрочные - на один-три года под заложенные в банке земли в объеме не более 10% их

оценки, так и долгосрочные - первоначально до 43 лет 6 месяцев, а к концу XIX в. от 18 лет 7 месяцев до 61 года 8 месяцев в размере не более 60% 6-процентными закладными листами. Кредитование под залог городской недвижимости вначале осуществлялось на срок до 18 лет 7 месяцев, а затем до 36 лет 4 месяцев³. Платежи по кредитам земельных банков делились на три основные части: так называемый "процент роста" для оплаты купонов по закладным листам; процент погашения, уменьшавший величину капитального долга; платежи в дивиденды для составления прибыли на акционерный капитал. В сравнении с государственными ипотечными банками - Крестьянским и Дворянским, учрежденными в 80-е годы XIX в., эти финансовые институты предоставляли ссуды на менее выгодных условиях. К концу XIX в. платежи по долгосрочным кредитам в зависимости от их продолжительности вносились по полугодиям и составляли от 2,5 до 3%. Кроме того, до 3,4% взималось на составление запасного капитала, в дивиденд акционерам, и на расходы по управлению банком. Плата на погашение кредита определялась его продолжительностью и варьировалась от 1,5 до 1,8% за 6 месяцев. Ко всему "в возмещение издержек по изготовлению и производству оценки закладных листов" взимался 1% от суммы кредита. Такие "накрутки" вызывали у заемщиков недовольство и обращения в Министерство финансов с просьбами уменьшения платы за ссудный капитал⁴.

В отличие от государственных финансовых учреждений, обслуживавших определенные социальные группы клиентов, акционерные банки долгосрочного кредита имели всесловный характер. Несмотря на пестроту клиентуры - купцы, крестьяне, мещане, духовенство и др., - доминировали представители дворянства, на которых на 1 января 1889 г. приходилось три четверти всей задолженности, тогда как по империи - менее 65%⁵. В целом по Центральному Черноземью акционерные банки имели в залоге большое количество земельной собственности и долги дворян. В частности на долю Московского коммерческого банка приходилось 10,1% земельной собственности и 10,2% задолженности от общей суммы по стране⁶. Частные земельные банки осуществляли кредитование и под залог городской недвижимости, что объяснялось потребностью развития муниципального хозяйства. К началу 1895 г. Московский земельный и многие другие акционерные коммерческие банки, действующие на территории Центрального Черноземья, фактически полностью монополизировали кредитование под залог городской недвижимости⁷. Акционерные банки смогли значительно укрепить свое влияние в центральных губерниях Черноземья. Банки стали приходить на помощь предприятиям, частным лицам, нуждающимся в их средствах для развития и расширения дела.

Начала свое становление и сеть муниципальных учреждений в форме городских общественных банков. Пойдя навстречу инициативе городских обществ о создании общественных банков в уездных городах, Сенат утвердил в 1862 г. «Положение о городских общественных банках».⁸ По принятому Положению при учреждении городских общественных банков их основной капитал должен быть не меньше 10 тыс. руб. В соответствии с Положением, банкам разрешалось проводить следующие операции: принимать вклады; учитывать векселя; выдавать ссуды под залоги процентных бумаг, товаров, драгоценных и других не подверженных порче вещей, недвижимых имуществ. В 1866 г. Положение о городских общественных банках было дополнено статьями о продолжительности вклада: 1) от 3 до 12 лет или навечно, без востребования самого капитала, но с правом пользования процентами; 2) на неопределенное время с обязательством возврата по истребованию. Более детально были конкретизированы вопросы о процентном исчислении и об оптовом залоге товаров⁹.

Наряду с акционерными коммерческими банками появляются и другие финансовые учреждения, активно поддерживающие различных частных лиц и отрасли народного хозяйства в целом. Кредитные товарищества учреждались на суммы, ссужаемые казной или Госбанком «под круговое ручательство» на срок не более 12 месяцев под векселя (для образования основного капитала), а также на суммы, пожертвованные земскими, общественными, частными учреждениями и лицами¹⁰. Действовали кредитные товарищества в соответствии с утвержденным в 1895 г. Положением об учреждениях мелкого кредита. Согласно ему кредитным товариществам разрешалось производить следующие операции: принимать денежные вклады, заключать займы,

выдавать ссуды на срок до 12 месяцев, а также оказывать посреднические услуги при покупке предметов, необходимых для хозяйственной деятельности¹¹.

Ссудо-сберегательные товарищества учреждались на основе взаимной ответственности лиц, объединяющихся для предоставления краткосрочного кредита из сумм, приобретенных путем сбережений членов или иными средствами¹². Ссудо-сберегательные товарищества относились к обществам мелкого кредита и действовали на основе утвержденного в 1895 г. Положения об учреждениях мелкого кредита и в соответствии с «образцовым» уставом, подготовленным в 1896 г. Министерством финансов.

В целом можно говорить о том, что предпринимательство в сфере финансов, помимо того, что оно помогало предприятиям и частным лицам, становится еще и немаловажным источником дохода. Банкирский дом — это частное мелкое или среднее банковское предприятие, как правило, семейное, построенное на солидарной и полной ответственности участников этого предприятия. Банкирская контора — это также частное мелкое кредитное учреждение, аналог ссудных касс, действия свои осуществляла в соответствии с указом Сената от 18 мая 1879 г. «О порядке открытия и содержания ссудных касс».

Банкирским делом занимались как индивидуально, так и коллективно. Как уже отмечалось, создавались ссудные кассы и другие банкирские заведения. Распространению кредитных учреждений в Центральных губерниях способствовал дефицит кредита в городах Черноземья, вызванный незавершенностью формирования финансовой системы. Существование отделения Государственного банка удовлетворяло потребности достаточно крупных предпринимателей, оставляя без внимания многочисленный слой мелких и средних предпринимателей. В числе самых первых кредитных заведений следует отметить ссудную кассу купца I гильдии З.В. Трахтенберга и банкирскую контору купца И.И. Виленчика, действовавших в Курске. Данные учреждения занимались кредитованием, главным образом, хлеботорговцев под залог товара и товарных документов. Но, несмотря на финансовые операции, осуществлялись еще и коммерческие сделки. Причем доходы от последних были больше. Банкирская контора Виленчика в 1902 г. имела доход в 146 тыс. руб., из которых 126 тыс. руб. были получены от торговли¹³. Интенсивность финансового предпринимательства в Курской губернии продлится вплоть до 1914 г. Действовали также конторы Н.Н. Минакова, К.Э. Швейцера и многих других¹⁴. По своему типу это были банкирские дома или ссудные кассы, которые успешно совмещали финансовые и коммерческие операции. Примером может послужить контора Я.З. Таубе. Изначально это была ссудная касса в Рыльском уезде, где выдавались кредиты хлеботорговцам. В целях расширения бизнеса контору перенесли в губернский центр. Здесь как раз и начались совмещения денежных операций и хлебной торговли¹⁵.

Примером же коллективного финансового предпринимательства могут служить уже известные общества взаимного кредита. Так например в марте 1900 г. староста курского купеческого общества Г.А. Новосильцев предложил создать курское коммерческое общество взаимного кредита. В 1902 г. общество выработало основные нормативные документы. Согласно этим документам, курское коммерческое общество предназначалось для кредитования предпринимательской деятельности своих членов. Руководство обществом принадлежало правлению, избираемому общим собранием членов общества¹⁶. Общества взаимного кредита осуществляли разнообразные операции (учет векселей, выдачу ссуд, прием вкладов, страхование и т.п.), обслуживали преимущественно торговцев и промышленников¹⁷.

Но, несмотря на развитие негосударственной финансовой системы в Центральном Черноземье, в 1913 г. банки и общества взаимного кредита оказались в трудном положении. Даже рассматривалось предложение о прекращении их деятельности. Основной причиной этого принято считать просчеты и явные злоупотребления в денежных операциях обществ. В частности, общества вели выдачу ссуд и авансов без осмотрительности, в результате чего было списано в убыток около 30 тыс. руб. Кроме того, были обнаружены ошибки, совершавшиеся бухгалтерами в начислении процентов. В итоге некоторые общества понесли немалые убытки. Усугубляло положение обществ и значительное сокращение кредита обществу со стороны банков-партнеров, к числу которых, например, в Курске относились Санкт-Петербургский международный ком-

мерческий банк, Соединенный, Курский городской общественный банк и многие другие финансовые учреждения Центрального Черноземья. Таким образом, можно сказать, что у общества взаимного кредита складывалось не все так гладко, как у прочих негосударственных финансовых учреждений Центрального Черноземья.

Подводя итог, можно сказать, что периферийная система финансовых органов модернизирующейся России, которая рассматривается на примере Центрального Черноземья, отличается многоуровневым характером. Помимо государственного банковского сектора, широкое распространение получили муниципальные и общественные органы кредитования, частные акционерные банки, что свидетельствовало о функционировании в глубинке всего спектра существовавших тогда в стране финансовых образований. Широкое развитие получают кредитные учреждения. Для потенциальных заемщиков, таким образом, были открыты возможности получения денежных средств из альтернативных, негосударственных источников. Развитие негосударственных учреждений в дальнейшем способствует активности городского населения, увеличению количества предприятий и развитию народного хозяйства в целом. Таким образом, мы видим, что на территории Центрального Черноземья реализовалась либеральная программа развития кредитно-финансовой сферы на примере негосударственных учреждений. Благодаря этому была решена проблема доступа экономических субъектов к кредиту.

Примечания:

1. *Российская банковская энциклопедия. М.: Энциклопедическая Творческая Ассоциация, 1995. 552 с.*
2. *Ананъич Б.В. Банкирские дома в России. 1860-1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 86-87.*
3. *Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении с включением Решений Гражданского Д-та Правит. Сената. Изд. 4-е, доп. СПб., 1894. С. 2-4, 77-78.*
4. *Там же. С. 81.*
5. *Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 189.*
6. *Статистика долгосрочного кредита в России. 1916 г. Вып. 1. Пг., 1916. С. 22, 42.*
7. *Статистика долгосрочного кредита в России. 1895 г. Вып. 3. С. 60-62.*
8. *Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета от 19 февраля 1861 г. / Полное собрание законов II. Т.37. Ст. 37950.*
9. *Там же.*
10. *Азрилияна А.Н. Большой экономический словарь. М.: Фонд Правовая культура, 1994. С. 206*
11. *Сборник узаконений и правил и распоряжений. Т.45. Ч.1. Ст. 732.*
12. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. С. 307, 308.*
13. *ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.101. Л. 830б-84.*
14. *ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.158. Л. 1-58.*
15. *ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.209. Л. 316.*
16. *ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д.6928. Л. 25, 34-390б.*
17. *РГИА. Ф.583. Оп.3. Д.2094. Л. 50.*

МЕЛКОПОМЕСТНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА*

И.В. Шаповалова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматриваются проблемы изменения помещичьего земельного фонда в ходе и после реформы отмены крепостного права. Анализируются особые правила наделения крепостных крестьян землей в мелкопоместных хозяйствах и реализация специальной программы помощи со стороны правительства мелкопоместному дворянству.

---

* Работа выполнена при поддержке Государственного контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд №П659 от 10 августа 2009 г.

Ключевые слова: Мелкопоместные хозяйства, помещичий земельный фонд, отмена крепостного права, Центральное Черноземье.

SMALL ESTATES OF THE CENTRAL BLACK-SOIL REGION IN THE CONTEXT OF REALIZATION OF THE REFORM OF SERFDOM ABOLITION

I.V. Shapovalova
Belgorod National Research University

The article considers the problems of changing of landlord land resources during and after the reform of abolition of serfdom. The author analyzes special rules of granting the serfs with the land in small estates and realization of the special program of assistance from the Government to the landed gentry.

Key words: small estates, landowner's land fund, abolition of serfdom, Central Black-Soil Region.

Реформа 19 февраля 1861 года главным показателем благополучия помещного дворянства определяла землю. Первые царские рескрипты произвели на черноземных дворян-помещиков весьма тревожные впечатления. Изложенные в этих рескриптах главные принципы реформы, в первую очередь, касавшиеся землевладения, они считали для себя неприемлемыми. Вопрос о судьбе помещичьего земельного фонда стал основным предметом обсуждений в губернских дворянских комитетах. Главную роль в них играли крупные помещики.

Проблема размера крестьянского надела, которая непосредственно влияла на будущее возможное сокращение дворянских земель, вызывала больше всего споров среди помещиков. Вопрос мог идти о сокращении земельного фонда воронежских дворян на 699377 дес. (38,9% от общего его количества) и на 868993 дес. (49,9%) курских помещиков, если принять в 2,2 дес. предлагаемый Редакционными комиссиями средний надел крестьян в исследуемых губерниях.¹

После объявления в марте 1861 года в черноземных губерниях Манифеста и Положения 19 февраля 1861 года судьбу дворянского земельного фонда на местах должны были решать вновь созданные учреждения: институт мировых посредников и высшая местная инстанция - губернское по крестьянским делам присутствие. Мировым посредником мог быть потомственный дворянин, имевший не менее 500 дес. Земли, или 150 дес. при наличии аттестата учебного заведения. Мелкопоместное дворянство по имущественному цензу не могло претендовать на роль мировых посредников. Из-за недостатка потомственных дворян посредниками могли быть и личные дворяне, но располагавшие двойным земельным цензом. До выхода крестьян на выкуп сокращение помещичьего землевладения носило предположительный характер, т.к. до этого момента земля являлась для крестьян объектом пользования, а не объектом собственности. Но обусловленное всем ходом реформы отмены крепостного права размежевание помещичьих земель в своей основе имело размер крестьянского надела в качестве главного критерия реального уменьшения доли дворянских земель в общем земельном фонде. В текущем распределении земель дворяне-помещики, окончательно принявшие реформу как свершившийся факт и видя в перспективе своих крестьян не как пользователей определенной части помещичьей земли, а как собственников, сосредоточили внимание на качестве земли. "Общее положение", где было сказано: "Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежавшие им земли...", предоставляло им право наделять крестьян участками земли по собственному усмотрению. Общим правилом было выделение в крестьянский надел земель худшего качества, применяя чересполосицу. Тем самым, количественное сокращение земельного фонда не соответствовало его снижению по стоимости. В Воронежской губернии средняя цена 1 дес. пахотной земли составляла 40-65 руб., а худшего качества в 2-3 раза дешевле.² Уменьшение земельной массы компенсировалось её стоимостным выражением в начале реформенного периода, когда земля официально стала всеобщим товаром, и начался быстрый рост цен на нее.

Перенос усадеб, выделение в надел выгонов и покосов за счет сокращения пахотной земли, нашли широкое распространение в помещичьей среде. Например, помещик Курского уезда Е. Десанглен перенес усадьбы крестьян на неудобные земли без их согласия и в размере меньше прежнего. Крестьяне с Староживотинного Воронеж-

ского уезда в жалобе наследнику престола вел. кн. Николаю Александровичу писали о переселении их с чернозема на песок.³

Еще одной формой сокращения крестьянского землепользования было предоставление дарственного надела. «Местное положение» по обоюдному согласию помещика и крестьян позволяло последним получить в дар 1/4 часть высшего надела, и на эту сделку не требовалось оформление уставной грамоты. Получение дарственного надела было обусловлено, в первую очередь, желанием крестьян быстрее стать самостоятельными хозяевами, ограниченным земельным фондом уезда и непропорционально высокими повинностями за высший надел.

Определяющим фактором для дворянского землевладения в ходе пореформенного размежевания поместных земель стала отрезка земли в крестьянских хозяйствах, которая изменила соотношение крестьянской и помещичьих запашек. Прирезка в исследуемых губерниях из-за повсеместного превышения дореформенных крестьянских наделов вновь установленным была незначительной. Рассмотрим результаты сокращения дворянских земель в ходе земельного размежевания с крестьянством в Воронежской губернии (См. Табл. I). Дворянский земельный фонд сократился в целом по губернии на 18,3%.⁴

Табл.1. Изменение дворянского землевладения за период, отведенный на подписание уставных грамот в Воронежской губернии (в дес.)⁵

№ п/п	Уезд	Площадь дворянской земли до реформы в 1860 г.	Пореформенная площадь дворянской земли в 1863 г.	% сокращения
1.	Богучарский	126468	109005	13,9
2.	Бобровский	390953	301720	16,5
3.	Валуйский	129602	111587	14
4.	Воронежский	144650	120412	16,8
5.	Задонский	85679	60529	29,4
6.	Землянский	145372	114044	11,6
7.	Коротоякский	23590	21507	8,9
8.	Нижедевицкий	57560	53575	7
9.	Новохоперский	126703	102039	19,5
10.	Острогожский	295439	228428	22,7
11.	Павловский	114220	78050	31,7
По 11 уездам		1610236	1300896	18,3

Традиционное представление о прямой связи отрезок и качества почвы не подтверждается. Свидетельством тому являлись Павловский и Бобровский уезды, где земли были худшего качества, а разница в уменьшении площади дворянской земли в 25,2%, и относительно низкий процент сокращения в Валуйском и Нижедевицком уездах, отличавшихся высоким плодородием почв. Качество земли играло значительную роль, но не было основополагающим фактором в ходе размежевания поместных земель. В Павловском уезде отчетливо прослеживалась связь сокращения дворянской

земли с характером эксплуатации в помещичьих хозяйствах. Здесь соотношение барщинных и оброчных крестьян было 1:2,4. Большой процент сокращения определялся тем, что количество неизменных наделов в оброчных имениях было значительно больше, чем в барщинных. В Бобровском уезде на невысокий процент сокращения дворянской земли повлияло большое число дарственников. Этот уезд занимал второе место в губернии по количеству земли в руках крупных помещиков, а на хозяйства этой категории дворян приходилась основная масса дарственников.

Рассмотрим аналогичное изменение дворянской земельной собственности в Курской губернии (см. табл.2).⁶

Табл.2. Изменение дворянского землевладения за период, отведенный на подписание уставных грамот в Курской губернии (в дес.)⁷

№ п/п	Уезд	Площадь дворянской земли до реформы в 1860 г.	Пореформенная площадь дворянской земли в 1863 г.	% сокращения
1	2	3	4	5
1.	Белгородский	84018	64362	23,2
2.	Грайворонский	139334	95114	31,8
3.	Дмитриевский	192912	140152	27,4
4.	Корочанский	47480	34565	27,3
5.	Курский	93308	84488	15,2
6.	Львовский	141653	97442	31,3
7.	Новооскольский	111405	69691	37,5
8.	Обоянский	88165	67797	23,2
9.	Путивльский	167085	117467	29,7
10.	Рыльский	147597	115405	21,9
11.	Старооскольский	94900	66947	29,5
12.	Суджанский	91499	76456	16,5
13.	Тимский	103643	89460	13,7
14.	Фатежский	70039	66271	5,4
15.	Щигровский	143523	122874	14,4
По губернии		1736167	1308469	24,7

Учитывая разницу отрезков у мелких помещиков с общегубернской прирезкой в 525 дес., дворянский фонд земель Курской губернии сократился на 428223 дес. Процент сокращения по уездам, в отличие от Воронежской губернии, распределялся более равномерно, что было связано с относительно равномерным распределением владений

крупных помещиков по уездам. Поскольку Курская губерния отличалась сравнительным единообразием хороших черноземов, одним из основных факторов, влиявших на рассматриваемый процесс, был характер эксплуатации в дореформенных помещичьих хозяйствах. Грайворонский уезд, отличавшийся самым большим числом оброчных крестьян, дал один из наиболее высоких процентов сокращения - 31,8% и здесь было самое мизерное число отрезков. Тимский уезд с наименьшим числом оброчных крестьян дал практически самый низкий показатель (после Фатежского уезда) уменьшения дворянского земельного фонда - 13,7%.

В ходе подготовки и проведения реформы отмены крепостного права правительство учитывало ее последствия для разных категорий дворянского землевладения. При усредненном подходе к судьбам помещичьего землевладения мелкопоместные дворяне лишились бы практически всех своих земель, если бы размеры крестьянских наделов и условия их получения не были специально оговорены для этой категории помещиков. Была разработана специальная программа помощи мелкопоместному дворянству:

1. За освобождаемых без земли крестьян (дворовых, батраков) выдавалось денежное пособие от 50 до 100 руб. серебром за каждую ревизскую душу, с вычетом всех лежащих на их имениях долгов.

Владельцам, которые наделяли своих крестьян землей на общем основании за установленные повинности, выдавалось пособие до 50 руб. серебром на каждую ревизскую душу, с вычетом долгов или в зачет ссуд отводились казенные земли.

2. Мелким помещикам, у которых в ходе реформы практически вовсе не оказалось земли, предоставлялось по их желанию право переселения в многоземельные губернии с безвозмездным выделением земли.⁸

Таким образом, правительство, чтобы поддержать основную массу поместного дворянства, готово было идти на значительные финансовые издержки и передать часть казенных земель в частновладельческий фонд.

Для получения помощи имения мелких дворян-помещиков обследовались местными учреждениями, отвечавшими за проведение реформы. Главные критерии для получения помощи - владение менее чем 21 ревизской душой, отсутствие средств к существованию кроме собственного хозяйства. В Курской губернии в начале пореформенного периода было 3134 мелкопоместного дворянина с 22711 ревизскими душами. Из них было признано имеющими право на помощь 2844 (90,7%) владельца с 18873 ревизскими душами, которые получили от государства 415206 руб. серебром (146 руб. на 1 помещика). Сумма выдавалась из расчета 22 руб. серебром на ревизскую душу.⁹ Размер помощи, по стоимости равной цене 5 дес., был явно незначительным и вряд ли мог предотвратить дальнейшее сокращение землевладения мелких помещиков.

В ходе реформы, кроме предоставления финансовой помощи, применялись особые правила наделения крестьян землей в имениях дворян данной категории. В пунктах №№3, 4 «Дополнительных правил об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам» особо подчеркивалось: «Крестьяне, водворенные на землях мелкопоместных владельцев, получают в постоянное пользование, за установленные повинности, причитающиеся им в надел усадебные и полевые земли и угодья, на точном основании Местных положений; но тем из крестьян, которые, при обнародовании Положений, не были вовсе наделены землею, мелкопоместные владельцы не обязываются, ни в каком случае, отводить такой надел».¹⁰ То есть, мелкопоместные дворяне не обязаны были отводить наделы для крестьян, не наделенных землей до реформы.

Если в местностях, для которых определен низший размер душевого крестьянского надела, крестьяне мелкопоместного владельца пользовались до сего времени землей в количестве менее низшего душевого надела, а в местностях, где определен указанный душевой надел - менее указного надела, то мелкопоместный владелец не обязывается увеличивать крестьянский надел»¹¹ По этому правилу, прирезка к существующему наделу до установленного низшего размера надела была не обязательна.

Если мелкопоместный дворянин по каким-либо соображениям хотел полностью порвать с землей и получить за нее единовременную денежную выплату, то на основании этих же «Дополнительных правил», изложенных в 10 пункте: «За имение ... обращенное в ведомство государственных имуществ, мелкопоместный владелец получает

из казны вознаграждение, соответствующее годовому оброку, который, по правилам Местных положений, причитался бы с крестьян за предоставленный им надел. Для исчисления такого вознаграждения, означенный годовый оброк капитализируется из шести процентов, то есть: помножается на шестнадцать и две трети, и выведенная таким образом сумма выдается владельцу.”¹²

Как и на основании “Общего положения”, цена земли в мелкопоместных имениях оценивалась не из ее рыночной стоимости, а из капитализации крестьянской денежной ренты, но, в отличие от дворян высших страт, мелкий помещик получал “вознаграждение” сразу, а не растянутым на десятилетие. В этом случае земля продавалась государству, а крестьяне мелких помещиков переходили в статус государственных, со всеми вытекающими правами и обязательствами.

В предреформенные годы мелкопоместное дворянство, в отличие от среднепоместного и крупнопоместного, быстро утрачивало свои земли, что хорошо было видно из сокращения числа мелкопоместных владельцев. Эти земли перераспределялись на внутрисловном дворянском губернском земельном рынке. Хозяйственный регресс также наиболее был характерен для мелкопоместного дворянства в общей структуре поместных хозяйств. В ходе реализации проекта отмены крепостного права мелкопоместное дворянство, в силу особых правил наделения крестьян землей в имениях этой категории помещиков, получило государственную субсидию и смогло сохранить фактически весь свой земельный фонд.

Подводя итог судьбе мелкопоместного дворянства Центрального Черноземья в ходе реформы отмены крепостного права, необходимо отметить отношение мелких помещиков к данной реформе. С.Н. Терпигорев, знаток помещичьего быта и социальной психологии поместного дворянства, в беллетризованном рассказе “Дворянин Евстигней Чарыков”, посвященном дореформенному мелкопоместному тамбовскому дворянству, показывает посредством монолога мелкого помещика Чарыкова отношение “мелкотравчатых” к освобождению крепостных крестьян: “...дворянин без слуги своего быть не может. Какой же после этого он может быть дворянин, когда слуга его будет равный с ним. И на что он, дворянин, нужен после этого? Дворянин - высокое слово. Он отец - все равно, худой или добрый - своим детям, людям своим; но если у него этих детей, людей его, берут, -зачем и кому тогда он нужен? Что он без них?.. Торговать ему пойти?.. Служить?.. На что он служить будет? Из-за жалованья? На это чиновники есть... Землю частью, говорят, оставляют. Что он с землей будет делать? Сам пахать ее не может. Нанимать, - как это делается теперь у купцов на хуторах, - да разве это дворянское дело?”¹³

Для мелкопоместного дворянина Чарыкова отмена крепостного права – жизненный крах. Он не понимает, как жить дальше без крепостных, служить или заниматься предпринимательством - не дворянское дело, а вести хозяйство на рациональной основе он не может. Помещичий традиционализм, выработанный веками, не вписывался в пореформенную межсословную эмансипацию. И это, несмотря на то, что кроме дворянского социального статуса, Чарыков по уровню жизни ничем не отличается от крестьянина средней руки.

Примечания:

1. Военно-статистический сборник. Россия. Вып.V. СПб., 1871. С. 189; Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование Александра II. Бонн-на-Рейне, 1868. Т.4. С. 1234.

2. Сведения о настоящем положении дворянских имений Воронежской губернии. Б.М., Б.Г. С. 32.

3. ГАВО. Ф.26. Оп.2. Д.90; ГАКО. Ф.68. Оп.3, Д.560. ЛЛ. 5-6.

4. Материалы Редакционных комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1860. Т.3. Кн.1. С. 461-462; Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше. Спб.,1860. Воронежская губерния. Т.1.; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный Центр 1861-1895 гг. М., 1972. С. 180.

5. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М., Белгород, 2002. С. 233.

6. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. Т.1; Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 184.

7. Шаповалов В.А. Указ. соч. С. 233.

8. Скребицкий А. Указ. соч. Т.4. С. 584-585.

9. Богданов Г.М. Проведение реформы 1861 г. в Курской губернии // В помощь учителю. Сборник методических разработок по краеведению. Курск, 1959. С. 45-46.
10. Крестьянская реформа 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 394.
11. Там же.
12. Там же. С. 396.
13. Терпигорев С.Н. (Атава С.). Потревоженные тени. М., 1988. С. 286.

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА И ВЕНЧАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПОТЕМКИНА В ИЗЛОЖЕНИИ П.Ф. КАРАБАНОВА

А.А. Гамов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

В статье рассматриваются все вопросы, связанные с легендой знакомства и венчания родителей Григория Потемкина, известной из сочинения автора XIX в. П.Ф. Карабанова. На основе тщательного анализа источников, автор принимает сторону ученых, категорически отрицающих историческую достоверность данного повествования. На самом деле реальное знакомство и венчание Александра Потемкина и Дарьи Васильевны Скуратовой не имело скандальной подоплеки, и было вполне обычным для своего времени.

Ключевые слова: родители, фамилия, венчание, брак.

TO THE QUESTION ON RELIABILITY OF HISTORY OF ACQUAINTANCE AND WEDDING OF PARENTS OF POTYOMKIN IN THE VERSION BY P.F. KARABANOV

A.A. Gamov

Tula State Pedagogical University named after L.N.Tolstoy

The article deals with the questions connected with a legend of acquaintance and wedding of parents of Grigory Potyomkin, known from the work by XIX century author, P.F.Karabanova. On the basis of the careful analysis of sources, the author sides with the scientists categorically denying historical reliability of the given narration. Actually the real acquaintance and Alexander Potyomkin and Darya Vasilevna Skuratova's wedding was not scandalous, and was quite usual for that time.

Key words: parents, surname, wedding, marriage.

Начинания великого русского государственного деятеля Григория Александровича Потёмкина на юге России составляют несомненную заслугу перед потомством. Присоединение Крыма к России, создание Черноморского флота, хозяйственное освоение Северного Причерноморья и много других совершенных им великих дел, навечно вписали имя этого человека в самые славные страницы отечественной истории. Основанные им города: Екатеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь, Симферополь и теперь принадлежат к наиболее важным населенным пунктам современной Украины. В них живут и трудятся миллионы людей.

Всё это объясняет такой повышенный интерес к личности светлейшего князя, которая ещё при его жизни стала волновать воображение современников. Впоследствии его биография стала излюбленной темой работ многочисленных писателей и учёных. Однако, несмотря на большое количество книг, многие детали его биографии до сих пор остаются неизвестными или скрытыми под толстым слоем слухов, сплетен и романтических историй. Одним из таких детективных сюжетов, является рассказ известного в XIX в. собирателя древностей П.Ф. Карабанова, об интригующей истории встречи и венчания родителей Потемкина. Главная интрига этого рассказа содержалась в следующем: «Отец светлейшего – смоленский помещик, отставной подполковник Александр Васильевич, был человек оригинальный. В преклонных уже летах, живя в пензенском своём поместье сельце Маншина, нечаянно увидя овдовевшую бездетную красавицу Дарью Васильевну Скуратову, по отце Кондыреву, неподалёку жившую у мужниных родных в селе Большом Скуратове, что на Киевской дороге, - прельстился ею и начал свататься. Скоро после свадьбы молодая Потёмкина, уже беременная, узнала, что она обманута, и что первая супруга жительствоует в смоленской деревне; потребовав свидания с законною женою, горчайшими слезами довела её до сострадания,

склонила отойти в монастырь, и вскоре, приняв пострижение, сим средством утвердить брак сей»¹.

Данный рассказ оказал столь серьезное влияние на биографов Григория Потёмкина, что даже в современной литературе он продолжает, часто без всякой критической оценки, восприниматься как исторический факт². Но так ли это?

Начнём с того, что молодая вдова Дарья Васильевна проживала у родни мужа не в Большом Скуратове, а в родовом поместье Журавино близ Черни на Киевской дороге южнее Тулы. О.И. Елисеева, обратила здесь внимание на ошибку П.Ф. Карабанова, так как села Большое Скуратово среди вотчин мужа Дарьи Васильевны – Ивана Ивановича Скуратова - никогда не числилось³. Однако заметим, что Журавино это фактически, то же самое село, что и Большое Скуратово. Журавино позднее вошло в село Большое Скуратово и потеряло собственное название. Судя по «Фамильному известию» П.Ф. Карабанова, это произошло уже в XIX веке. Другими словами П.Ф. Карабанов, современную ему терминологию перенес в XVIII век. При этом, несмотря на допущенную ошибку, серьезного противоречия мы здесь не видим. Что же касается села Маншино, то оно располагалось не под Пензой, а под Тулой (как раз недалеко от Журавина), и принадлежало не Александру Васильевичу Потёмкину, а его родной сестре Марье Васильевне, в замужестве Араповой. Логично, что именно здесь и должна была произойти встреча майора Потёмкина с красавицей вдовой⁴.

Дарья Васильевна Скуратова овдовела в июле 1724 года, а в 1726 году скончалась Арапова – сестра Александра Васильевича Потёмкина. Если считать, что у последнего существовала только одна причина появиться в тульских краях – это погостить у сестры, то Александр Васильевич должен был встретиться с Дарьей Васильевной, действительно, где-то между 1724 и 1726 годами⁵. Однако тот факт, что после смерти сестры Вотчинная коллегия целых три года искала наследника⁶, позволяет усомниться в предложенной К.А. Писаренко хронологии знакомства и венчания родителей Потёмкина. Учитывая, что только в октябре 1729 года Александр Васильевич вступил в права владением сестры – имением Маншином, и приехал его осматривать, именно в это время он и мог реально познакомиться с молодой вдовой. Такая датировка знакомства родителей Потёмкина, предложенная О.И. Елисеевой, нам представляется наиболее достоверной и приближенной к источникам⁷. 3 марта 1730 года Дарья Васильевна Потёмкина, била челом императрице Анне Ивановне, прося закрепить за ней наследство своего умершего отца⁸, то есть, к этому времени она уже состояла во втором браке. Следовательно, наиболее вероятное время знакомства и венчания родителей Потёмкина – это конец 1729 – начало 1730 гг. На дату именно в этих хронологических рамках косвенно указывает ещё один документ. Дело в том, что когда Дарья Васильевна вторично вышла замуж и уехала к новому мужу, она оставила престарелую свекровь Марью Фёдоровну совершенно одну. Оба внука Марьи Фёдоровны (сыновья покойного мужа) служили и не жили дома. Вот почему, когда за свекровью ухаживать стало некому, она засобиралась в монастырь⁹. Время вклада Марии Фёдоровны Скуратовой в «Страшной девич монастырь» – апрель 1732 года¹⁰, как совершенно справедливо обратила внимание О.И. Елисеева, свидетельствует в пользу указанной выше поздней датировки свадьбы родителей Потёмкина¹¹.

Уточнив дату венчания, мы, тем не менее, не ответили на главный интригующий вопрос рассказа П.Ф. Карабанова - был ли майор Потёмкин во время знакомства с Дарьей Васильевной женат и можно ли, в таком случае, говорить о его двоежёнстве как о реальном историческом факте. Чтобы ответить, обратим внимание на два документа, во многом проясняющих данный вопрос. Первый, это челобитная за июнь 1727 года от Мавры Семёновны Мерлиной, жены полковника Ивана Петровича Мерлина, о том, что «в прошлом 126 году декабря в 24 день продала ей Егорьевского девича монастыря, что в Москве, монахиня Мидгарина Ивановна дочь бывшего капитана Александровская жены Васильева сына Потёмкина недвижимое имение в Кинешемском уезде деревню Нехайлу с крестьяны и со всеми принадлежащими угодья»¹². Второй, это запись указанной выше купчей за июль 1727 года в Записной книге Вотчинной конторы, однако здесь первая жена Александра Васильевича именуется уже «Маргаридой»¹³. Из приведённых документов следует, что Мария Ивановна в 1726 году была уже пострижена и приняла в иночестве имя Маргарита. Более того, как справедливо заметила вслед за К.А. Писаренко, О.И. Елисеева, процесс ухода в монастырь был не простой и

довольно длительный по времени. Замужней женщине, желавшей уйти в монастырь, следовало вначале испросить разрешение у монарха. Документ поступал в Московскую синодальную контору, где специальный чиновник допрашивал челобитчицу, подлинно ли та имеет намерение уйти в монастырь и в чём причина этого решения. Затем контора сносилась с игуменьею данного монастыря, куда заблаговременно делался вклад. Но и это ещё не всё. Прежде чем принять постриг, будущей монахине предстояло прожить в монастыре три года в послушании, испытывая себя «на иску»¹⁴. Таким образом, первая жена Александра Потёмкина приняла решение об уходе от мира и переехала в монастырь где-то около 1723 года, то есть тогда, когда Дарья Васильевна Скуратова ещё была замужем за первым мужем. Следовательно, причина расторжения первого брака Александра Потёмкина была не интригующая история двоежёнства а, скорее всего «неплодность» его жены. Бездетность брака в то время часто становилась поводом для ухода жены в монастырь, что, тем самым, давало мужу возможность продлить свой род с новой избранницей. По мнению О.И. Елисейевой, супруги договорились обо всём полюбовно. Ведь Александр Потёмкин мог удержать за собой приданное своей жены, но не сделал этого. Как явствует из вышеперечисленных документов, Марина Ивановна продолжала распоряжаться своим наследным имуществом и вскоре продала деревню Нехайлу. Скорее всего, сохранение за немолодой женщиной фамильного имущества было условием её мирного пострижения, а возможный приезд в монастырь бывшего мужа с новой избранницей, мог стать причиной появления легенды о слёзных уговорах Марины Ивановны уйти в монастырь¹⁵.

В любом случае рассказ П.Ф. Карабанова представляется исторически недостоверным. К моменту встречи с молодой вдовой будущий отец Григория Потёмкина был полностью свободен, и описанная П.Ф. Карабановым история произойти просто не могла. Правда небольшая доля сомнения всё же остаётся, ведь нам так и осталась неизвестна точная дата пострижения первой жены Александра Потёмкина¹⁶. Однако, если события, о которых поведал П.Ф. Карабанов, действительно имели бы место, они бы стали известны, по крайней мере, его племяннику А.Н. Самойлову, выросшему в той же самой семье, что и Григорий Потёмкин, и написавшему впоследствии про своего великого родственника биографическую книгу¹⁷. Но А.Н. Самойлов совершенно не знает историю о скандальном двоежёнстве, лишней раз, доказывая тенденциозность и мифологичность карабановской легенды.

Примечания:

1. Карабанов П.Ф. *Фамильное известие о князе Потемкине // Русская старина. 1872. Т.5. №3. С. 463.*
2. Оболенский Г.Л. *Век Екатерины Великой. Время героев и героических дел. М., 2001. С. 307-308.*
3. Елисейева О.И. *Григорий Потемкин. М., 2006. С. 27.*
4. Там же. С. 27.
5. Писаренко К.А. *Насколько достоверна романтическая история о свадьбе родителей Потемкина // Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А. Загадки русской истории. XVIII в. М., 2000. С. 66-91.*
6. Елисейева О.И. *Ук. соч. С. 27.*
7. Там же. С. 27.
8. *Российский государственный архив древних актов. Оп.1087. №62/11063. Л. 106.*
9. Елисейева О.И. *Ук. соч. С. 28-29.*
10. *Российский государственный архив древних актов. Ф.1183. Оп.1. №40. Л. 1-3.*
11. Елисейева О.И. *Ук. соч. С. 29.*
12. *Российский государств. архив древних актов. Ф.1209. Оп.4/556. №3324. Л. 299 об.*
13. Там же. *Оп.4/503. №2653. Л. 333.*
14. Елисейева О.И. *Ук. соч. С. 25.*
15. Там же. С. 26-27.
16. Там же. С. 27.
17. Самойлов А.Н. *Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического // Русский архив. 1867. №7; Она же. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического // Потёмкин Г.А. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминание. Дневники. Письма. СПб., 2002. Кн.1. С. 128-148.*

КОНСКИЕ ВЫСТАВКИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Е.Н. Самойлова

Курский государственный университет

В статье рассматривается одна из мер поощрения развития коневодства в России – конские выставки. Приводится их классификация, организация, критерии оценивания, формы премирования. Особое внимание уделено конским выставкам Курской губернии.

Ключевые слова: коневодство, конские выставки, Курская губерния, конец XIX – начало XX вв.

HORSE EXHIBITIONS IN LATE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)

E.N. Samoylova

Kursk State University

This article discusses one of the main measures to promote horse-breeding in Russia - horse exhibitions. She gives their classification, organization, evaluation criteria, form of bonuses. Particular attention is paid to the horse exhibitions of the Kursk Province.

Key words: horse-breeding, horse exhibition, Kursk Province, late XIX - early XX centuries.

Первые упоминания о показах лошадей (выводках) в Древней Руси относятся к временам Ивана Грозного. В исторических источниках описания выводков встречались довольно часто до конца XVIII в., когда коневодство все больше приобретало коммерческое направление, превращалось из подсобного, для своих целей, хозяйства в разведение лошадей ради получения выгоды. В середине XVIII в. стали проводиться выставки, которые носили узкоспециальный характер; например, выставки рысистых лошадей. Путем выделения и премирования лучших экземпляров они давали коневодам возможность наглядной оценки результатов собственного производства и относительного успеха в деле разведения лошадей. Немало этому способствовали и цены, выручаемые за выставленных лошадей и служившие главной причиной более ответственного подбора и разумного содержания молодого возраста в дальнейшей деятельности коневодов.

Конские выставки подразделялись на специальные и общие. Первые проводились для сельско-рабочего сорта крестьянских и землевладельческих лошадей, верхового сорта и степных лошадей (киргизских и калмыцких). На общие выставки допускались все сорта лошадей, согласно их программе.

На специальных выставках лошади удостоивались премии в том случае, если они родились и были воспитаны у лиц, их представивших; на общих лошади награждались независимо от этого, причем премии выдавались их владельцам, а для заводчиков таких лошадей устанавливались лишь особые поощрения (похвальные листы и отзывы). Часто конские выставки устраивали во время проведения бегов или скачек.

В числе специальных особенным успехом пользовались выставки крестьянских лошадей и годовых жеребят сельско-рабочего сорта. До 1881 г. включительно на них премировались жеребцы и кобылы 4-х лет, а также сосуны под матками, и одновременно производились их тяжелоовозные испытания; с 1882 г. награждение сосунов, признанное не достигшим своей цели, заменили премиями для годовых жеребят. Основной целью таких выставок было внушение крестьянам пользы лучшего и усиленного кормления лошадей на первом году жизни, что составляло залог будущего развития лошади¹.

На подобные выставки допускались жеребцы и кобылы ростом не менее 2 арш., а также хорошо выкормленные жеребята. Их хозяевами могли быть люди всех сословий. Для награждения полагались следующие премии: 1) для жеребцов: первая - в 40 руб. и вторая - не более 25 руб.; 2) для кобыл: первая – до 75 руб. и вторая - не более 50 руб. Низшие премии составляли не ниже 5 руб. Размер премии для годовых жеребят определялся не свыше 30 руб. и не менее 5 руб. за каждый отдельный экземпляр².

Выставки сельско-рабочего сорта лошадей, принадлежащих лицам всех сословий, начали проводить с 1887 г., и хотя особенно широкого развития они не получили, тем не менее продолжали существовать до 1910 г.³

Характерно, однако, что, несмотря на заверения о стремлении способствовать развитию массового коневодства, на эти цели по-прежнему выделяли значительно меньшие суммы, чем на поощрение коннозаводства. И хотя число пунктов, где проводились выставки крестьянских лошадей и жеребят-годовиков, увеличилось с 42 в 1881 г. до 114 в 1904 г., (в 2,4 раза), а сумма призов на них от Государственного Коннозаводства возросла с 9418 до 31888 руб.⁴, (в 3,3 раза), деньги эти казались ничтожными по сравнению с 4 млн, которые были разыграны, например, только за один 1904 г. на ипподромах Петербурга и Москвы. Если поощрение на одного бежавшего на ипподромах рысака в 1904 г. в среднем равнялось 951 руб., то средняя премия на одну лошадь, премированную в том же году на крестьянских выставках, составила всего 9 руб. 56 коп.⁵

Всего за 25 лет, с 1881 по 1906 гг. включительно, было организовано 1814 выставок крестьянских лошадей и годовиков сельско-рабочего сорта; на них привели 67171 жеребца и кобыл и 97721 годовых жеребят; из них наградили 27521 лошадь старшего возраста и 44488 годовиков, денежных премий было выдано на сумму 665565 руб. 50 коп.⁶

Для применения общих требований при премировании лошадей на специальных выставках были выработаны и 9 марта 1903 г. утверждены «Правила для выставок верховых, крестьянских и землевладельческих сельско-рабочего сорта лошадей». Согласно этим правилам, при оценке лошади такого сорта обращали, главным образом, внимание на следующие 3 пункта: а) тип или признаки породы; б) телосложение, склад или гармония; в) движение.

Выставки верховых лошадей представлялись мало успешными, что обуславливалось, во-первых, упадком культуры верхового коннозаводства, а во-вторых, тем обстоятельством, что главные потребители этого сорта приобретали лошадей в более молодом возрасте, так что к 4 годам на руках заводчиков оставалось весьма мало экземпляров. На такие выставки допускались принадлежащие лицам всех сословий жеребцы и кобылы в возрасте 4-6 лет и ростом не менее 2 арш. 2 вер. Исключение делали лишь для кровных арабских скакунов, которых принимали с меньшим ростом. При оценке верховой лошади обращали внимание на степень ее кровности, сухость кости, развитие мускулов и легкое правильное движение, на способность и годность ее к службе.

Специальные выставки верховых лошадей, вследствие небольших сумм, направляемых на выдачу премий, имели сначала слабый успех, но с 1896 г., когда Главное Управление увеличило отпуск денег вдвое, и общественные организации стали принимать в них более активное участие, число выставочных мероприятий и приезд лошадей в первом же году увеличились в 5 раз, и далее дело пошло развиваться успешно.

В течение 24 лет было организовано 358 специальных выставок лошадей верхового сорта, на которых было выставлено 13833 лошади⁷.

В 1885 г. для оказания возможного содействия коневодству кочевников юго-восточной окраины империи были устроены выставки специально для киргизских и калмыцких лошадей в шести пунктах Оренбургской и Астраханской губ., Тургайской и Уральской областей⁸, после чего выставки в этих местностях стали проходить регулярно.

Общие же выставки в основном были представлены в виде выставок продажных лошадей, проходивших обычно в Москве. Главной их целью стало обеспечение коннозаводчикам и владельцам сбыта лошадей высших пород путем сближения производителей-заводчиков с потребителями-покупателями, минуя посредничество барышников. Первая такая выставка прошла с 1 декабря 1888 г. по 15 февраля 1889 г., вторая – с 1 декабря 1889 г. по 1 февраля 1890 г. На обе выставки было представлено 379 лошадей, в том числе: 6 чистокровных английских, 36 верховых, 299 рысистых, 20 упряжных, 13 рабочих и 5 степных; из них продали 188 лошадей на сумму 114312 руб., в среднем по 608 рублей за голову⁹.

Традиция проведения конских выставок в России прервалась в 1910 г.

В Курской губернии, как и по всей стране, система конских выставок была широко развита. Лошадей экспонировали не только на конских, но и на сельскохозяйственных выставках, выставках животноводства (скота) и ярмарочных выставках (вы-

ставка лошадей, как правило, проходила во время крупных ярмарок губернии, чаще всего Коренной, одновременно шла их продажа).

В конце XIX - начале XX вв. конские выставки устраивались регулярно. Так, с 15 по 25 сентября 1893 г. прошла сельскохозяйственная выставка, учреждением которой занимался Курский отдел Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства¹⁰. Во 2 отдел выставки входили лошади рабочего сорта. Плата за участие составляла 2 руб., для участия в ней необходимо было заранее подать заявку.

С 26 мая по 1 июня 1896 г. в г. Курске проходила ярмарочная выставка скота. Выставка открылась во время Коренной ярмарки на конной площади. На ней было представлено 4 отдела: крупный рогатый скот, лошади рабочего сорта, овцы и свиньи. Причем, участвовать могли владельцы не только из Курской губернии, но и из других мест. Желающие представить свой скот на выставку должны были до 15 апреля прислать заявку с указанием: «сколько голов скота они представят, какого возраста и породы»¹¹. Прием скота начинался 20 мая, оканчивался 22 мая вечером. Животных тщательно осматривал ветеринар (скот с болезнями не допускали). 23, 24, 25 мая проводилась экспертиза экспонатов и присуждались награды, а с 26 мая выставка открывалась для публики.

В 1902 г. в Курской губернии также устроили сельскохозяйственную выставку по разным отделам, в том числе и коневодству. На нее допускались лошади и годовые жеребята рабочего, упряжного и верхового сортов. Выставка проходила 6 мая в Курске на коннозаводском дворе. Участвовали в ней 71 кобыла, 39 жеребцов и 341 годовалых жеребят от крестьянского отдела и 28 жеребцов и 39 кобыл владельцев других сословий¹². На выставке присутствовали губернатор А.Д. Милютин и управляющий конюшней К.М. Каменев. Пригласили выдающихся коннозаводчиков Курского уезда – графа П.В. Клейнмихеля и Ф.В. Шагарова. Премии для крестьянских лошадей назначались в размере 7, 15 и 20 руб.

Выставку 1903 г. решено было провести в Белгороде (3 июня) и Курске (5 мая)¹³. На Белгородской выставке были экспонированы, в основном, лошади рабочего и рысистого сорта, принадлежащие лицам всех сословий. В Курске выставка располагалась близ Московских ворот, за пороховыми складами. На ней выставались землевладельческие и крестьянские лошади Курского уезда. К соисканию наград было представлено 89 лошадей, из них 29 удостоились денежных наград, медалей и похвальных листов.

Конские выставки проходили и в уездах. Например, 14 сентября 1903 г. прошло открытие первой Фатежской выставки животных. Кроме этого, в том же году конские выставки состоялись в городах Путивле (31 августа), Короче (16-17 сентября) и Судже (24 октября)¹⁴. Денежные награды назначались в 5-10 руб. Выставки по количеству экспонируемых лошадей оказались малочисленными, но их качество заметно улучшилось. Это стало следствием работы случных пунктов в уездах, что благотворно влияло на развитие коневодства.

В период с 10 по 14 мая 1904 г. на 4-й аукционной выставке животных (проводимой с 1900 г. ежегодно) были представлены лошади различных пород от 18 частных коннозаводчиков¹⁵. Это чистокровные рысаки А.А. Бунакова и В.Н. Хлюпина, чистокровные английские скакуны С.А. Барсукова, чистокровные бельгийские тяжеловозы И.Э. Позняка, киргизские лошади А.В. Поповкина, першероны Н.К. фон-Рамм и т.д. Но наибольший интерес вызвали экспонаты опытного пункта по искусственному оплодотворению лошадей, основанного и руководимого заведующим биологической лабораторией Государственного Коннозаводства Ильей Ивановичем Ивановым¹⁶.

В 1907 г. в губернии состоялось 5 конских выставок, в 1908 г. – 7 (Курская губернская и Белгородская, Грайворонская, Новооскольская, Путивльская, Фатежская, Щигровская уездные конские выставки)¹⁷. Основное внимание заслуживала Курская губернская конская выставка, которая экспонировала лошадей со всей губернии и соседних территорий.

Однако в 1910 г. из 47 выставок, предположенных к устройству в Курской губернии, состоялось только 23¹⁸. Это объяснялось неблагоприятными условиями года — эпизоотия ящура и холерная эпидемия, охватившие почти всю губернию, свирепствовали, главным образом, в августе и сентябре, т.е. в то самое время, на которое приходилось наибольшее число предложенных к устройству выставок. Так на губернской выставке землевладельцы выставили лишь 24 лошади, весьма удовлетворительных по

экстерьеру, и только некоторые из них получили малые серебряные медали. Губернская выставка показала, что среди конских заводов губернии не было общего направления; что наряду с рысистыми заводами имелось немало заводов тяжеловозов самых разнообразных пород: арденов, брабансонов, суффольков и др.

На Курскую уездную конскую выставку привели 89 лошадей. Из выставленных лишь две принадлежали землевладельцам, остальные — крестьянам. Это говорит о том, что в губернии основное поощрение на выставках лошадей шло в пользу крестьянства, для повышения его интереса в этой сфере.

На Щигровской уездной конской выставке экспонировали 75 лошадей, в основном, также принадлежавших крестьянам. Высшие награды (серебряные медали) присудили, главным образом, рысисто-рабочему (5) и рабочему (1) сортам. Рысисто-рабочие лошади были гораздо лучше по экстерьеру, благодаря чему и заслужили высшие премии. Такой большой процент лошадей, принадлежавших к рысистому и рысисто-рабочему типу (57,3%), объяснялся тем, что, с одной стороны, земство, в целях повышения качества местных лошадей, держало производителей исключительно рысистой породы, а, с другой, потому, что Щигровский уезд был покрыт целой сетью рысистых заводов и, следовательно, если крестьянин желал улучшить свою лошадь, ему не оставалось другого пути, как делать это путем метизации с рысистой породой.

В 1910 г. проходила и Корочанская выставка. На ней было представлено 77 лошадей. Преобладающим типом выставленных лошадей здесь оставался тот же, что и во всей губернии, т.е. рабочий. Выставлялись крупные лошади, достигшие роста в 2 арш. 4 верш., которые произошли от местных производителей путем метизации, главным образом, с суффолькской, брабантской и арденской породами. Как показала выставка, в Корочанском уезде начала исчезать мелкая крестьянская лошадь, она вытеснялась более крупным материалом, полученным путем метизации с производителями-тяжеловозами.

В Курской губернии проходили и мелкие выставки коневодства. Так, в 1910 г. они состоялись на Долговском, Дьяконовском, Колоденском, Спасском, Чермошнянском и др. волостных правлениях. Численный состав приводимых на такие выставки лошадей был незначительным. Например, в с. Дьяконово было представлено 16 лошадей. Все экспонаты происходили от земских жеребцов рабочего типа. Общее впечатление о состоянии выставленных лошадей оказалось довольно печальным, так как жеребята, видимо, не пользовались хорошим уходом, рано запрягались в работу и рано пускались в случку.

В то же время, в с. Чермошном приведенные 23 лошади разного возраста, исключительно от земского жеребца суффолькской породы, оказались в прекрасном состоянии. В данном случае все зависело от населения, очевидно, относившегося с большей любовью к делу улучшения коневодства, и потому выставленные лошади обращали на себя внимание своим хорошим видом.

Таким образом, в Курской губернии широко действовала такая мера поощрения коневодства как выставки лошадей, охватывавшая не только губернский центр, но и уезды. Шла регулярная работа по организации и проведению выставочных мероприятий, привлечению большего числа людей в коневодческое дело.

Примечания:

1. *Обзор деятельности Главного Управления Государственного Коннозаводства за время царствования Александра III (1881-1894 гг.).* СПб., 1900. С. 50.

2. *Лодыгин П.Н. Очерк деятельности Главного Управления Государственного Коннозаводства за последние 25 лет (1881-1906 гг.).* СПб., 1908. С. 82.

3. *Обзор деятельности Главного Управления Государственного Коннозаводства ...* С. 52.

4. *Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы.* М., 1990. С. 62.

5. *Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России.* СПб., 1909. С. 88.

6. *Лодыгин П.Н. Указ. соч.* С. 84.

7. *Обзор деятельности Главного Управления Государственного Коннозаводства ...* С. 53.

8. *Всеподданнейший отчет по главному управлению коннозаводства за 1905 г.* СПб., 1906. С. 52.

9. Россия. Главное Управление Государственного Коннозаводства. Краткое извлечение из отчета по Главному Управлению Государственного коннозаводства за 1889 г. СПб., 1890. С. 4.
10. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.4736. Л. 2.
11. Отчет Курского отдела императорского Московского общества за 1888 г. Курск, 1889. С. 78.
12. РГИА. Ф.412. Оп.4. Д.4456. Л. 9.
13. Там же. Л. 29.
14. Там же. Л. 49.
15. Каталог 4-й аукционной выставки животных, устраиваемой Курским губернским земством 10-14 мая 1904 г. Курск, 1905. С. 21. (1 раздел).
16. Там же. С. 62.
17. ГАКО. Ф.1504. Оп.1. Д.65. Л. 13.
18. Здесь и далее см.: Материалы о современном состоянии главных отраслей сельского хозяйства. СПб., 1912. С. 280-290.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАРЬЕРЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ЧИНОВНИКА КОНЦА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖАЩЕГО ВОЙСКОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ А.П. ПОПОВА)

А.В.Мещеряков

Оренбургский государственный педагогический университет

В статье реконструирована карьера оренбургского казачьего чиновника конца XIX в. Исследование основано на материале Государственного архива Оренбургской области. За основу взята жизнь и служба чиновника Войскового хозяйственного правления, который являлся помощником начальника Межевого отделения, коллежского советника А.П. Попова. Особое место в статье занимают претензии Контрольной палаты к Отделению, служащим которого являлся А.П. Попов.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, казачий чиновник, Контрольная палата.

RECONSTRUCTION OF CAREER OF THE ORENBURG COSSACK BUREAUCRAT IN LATE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF MILITARY MAINTENANCE BOARD CLERK A.P. POPOV)

A.V. Mescheryakov

Orenburg State Pedagogical University

The career of Cossack Bureaucrat of the end of the XIX century is reconstructed in the article. The investigation is based upon the material of The State Archive of Orenburg Region. The life and service of the bureaucrat of the Military maintenance board – collegiate councillor A. Popov, who was the aide of the head of Boundary division is taken as the basis. Special attention is given to complaints of the Supervisory Chamber against Division, the servant of which A. Popov was.

Key words: Orenburg Cossack army, Cossack bureaucrat, Supervisory Chamber.

Чиновничество в России всегда занимало особое положение, но в огромной массе чиновничества дореволюционной России выделялись казачьи чиновники. Это было связано с тем, что при назначении на какую-либо должность в войско, независимо от того, военная она или гражданская, чиновник переводился из любого министерства в Военное¹.

В фондах Государственного архива Оренбургской области хранится множество документов по истории Оренбургского казачьего войска (далее ОКВ), из которых большая часть относится к делопроизводству Войскового хозяйственного правления (ВХП) – главного хозяйственного органа войска². Исследуя этот фонд, нами было найдено несколько дел, по которым можно проследить жизнь и службу рядового казачьего чиновника Андрея Петровича Попова.

Родился он 6 августа 1843 г. в Уфимской губернии, в православной семье. Отец его был обер-офицером, но сын выбрал гражданскую специальность и окончил землемерно-таксаторские курсы при Уфимской гимназии в 1863 г. По окончании курсов Управлением межевого корпуса был определен исполняющим обязанности Троицкого уездного землемера Оренбургской губернии. В 1877 г. по Министерству юстиции был

утвержден в должность уездного землемера. В 1879 г. зачислен старшим землемером Межевого отделения ОКВ³. Данное назначение подтверждает мысль, которую отмечал в своей работе В.С. Кобзов, о том, что после проведенных реформ 60-70-х гг. гражданская часть Оренбургского войска перешла в ведение общегубернских органов, потеряв свою изолированность, а обособленным оставалось только военное управление⁴. Таким образом, при всей замкнутости ОКВ, чиновники могли быть назначены в управление войском и из неказачьего сословия.

В 1886 г. А.П. Попов был назначен на должность помощника начальника Межевого отделения, а через год произведен в следующий чин советника. С этого момента его карьерный рост прекращается. Правда, он четыре раза являлся временно исполняющим обязанности начальника Межевого отделения, но каждый раз на это место назначался другой человек, а А. Попов возвращался на занимаемую им до этого должность. Не помогло даже личное ходатайство Оренбургского губернатора В.И. Ершова (он же Наказной атаман ОКВ).

Наказной атаман Генерал-майор В.И. Ершов в личном письме от 22 января 1899 г. начальнику Главного управления казачьих войск России П.О. Щербов-Нефедовичу, просил содействовать назначению коллежского советника Попова на должность начальника межевого отделения ОКВ. Выбор на него пал в связи с тем, что на тот момент в войске не было лица с соответствующим цензом для назначения на эту должность, а коллежский советник Попов на протяжении тридцатилетней службы занимал все время должности специально межевые, причем в течение тринадцати лет состоял в должности помощника начальника межевого отделения. Наказной атаман в письме отмечал «неутомимое трудолюбие и знание дела, неоднократно исполненные с полным успехом обязанности начальника отделения, за отсутствием последнего в общей сложности более 2,5 лет»⁵. К тому же, Генерал-майор Ершов писал, что в ближайшем будущем произойдет сокращение штата Межевого отделения, а затем и окончательное его упразднение. Поэтому «назначение коллежского советника Попова, представляется особенно желательным для успешного окончания дел, состоящих на производстве в Межевом отделении»⁶.

Несмотря на личное прошение губернатора и все заслуги чиновника, ответ начальника Главного управления казачьих войск был отрицательным. Это было связано с тем, что по закону должность начальника Межевого отделения мог занимать только офицер генерального штаба, окончивший курсы геодезического отделения Академии генерального штаба, или чин, соответствующий VI классу, окончивший курсы в Константиновском межевом институте⁷. То есть, должность должна была замещаться лицом с высшим геодезическим образованием, которого коллежский советник Попов не имел⁸.

Данный отказ говорит о том, что на первый план выходит не класс чиновника, а его образование. Это подтверждается тем, что на место начальника Межевого отделения все-таки назначили коллежского асессора Кожевникова, что соответствовало VIII классу Табели о рангах, но который имел высшее геодезическое образование⁹. А коллежский советник Попов вновь занял свою должность помощника начальника Межевого отделения.

На своей должности коллежский советник Попов получал жалование 1000 руб. в год, столовых 1000 руб., квартирных 325 руб., и на наем прислуги 100 руб., всего 2425 руб¹⁰. Это по меркам конца XIX века было довольно большой суммой. Так по вычислениям, приведенным в монографии С.В. Любичанковского, годовой бюджет холостого губернского чиновника на Урале в начале 1900-х гг. составлял около 400 руб¹¹. Даже если учитывать, что А.Попов был женат, и у него было пять детей, тем не менее, его доход соответствовал среднему уровню жизни конца XIX в. Если сравнивать зарплату и.о. начальника Межевого отделения с заработной платой чиновников, возглавлявших отделения губернского правления, то она была выше любого из них.

Следует отметить тот факт, что первый ребенок у него родился довольно поздно, когда ему было уже 40 лет. Этому могли послужить различные причины, одной из них, скорее всего, был средний заработок землемера, который составлял 1118 руб. в год¹². Рождение первого ребенка совпало с присвоением ему чина надворного советника, а второй появился на свет после назначения на должность помощника начальника Ме-

жевого отделения. То есть планирование строительства семьи напрямую зависело от улучшения материального положения.

В краткой записке о службе временно исполняющего дела начальника Межевого отделения было отмечено, что под судом А.П. Попов не был. В момент нахождения на должности исполняющего обязанности начальника в предыдущий раз, а точнее с 1 апреля 1891 до 11 февраля 1892 г., ему пришлось отстаивать права Межевого отделения перед Контрольной палатой, так как последняя была не удовлетворена работой Межевого отделения. Это было связано с тем, что Межевое отделение было создано в 1867 г. как временная организация, которая должна была в течение 13 лет разделить всю войсковую землю, но к 1880 г. было размежевано лишь 1/3 войсковой территории. На слабую деятельность Межевого Отделения обратил внимание и оренбургский губернатор Н.А. Маслаковец, после чего средства вновь были увеличены (в 1886 г.)¹³.

Главная причина неэффективности работы, по мнению Контрольной палаты, заключалась в том, что сэконоmlенные деньги от жалованья и столовых в течение 1886–91 гг., возникшие в связи некомплектom штатного состава, тратились не на увеличение штата, а на непроизводительные расходы по выдаче пособий и наград чинам. За этот период из кредитов было потрачено 12783 руб. 70 коп. на выдачу пособий и наград и 2877 руб. 66 коп. - на усиление хозяйственных сумм Отделения. Причем расход 2877 руб. 66 коп. Контрольная палата признала совершенно неправильным не только по существу, но и с формальной стороны. В результате этого было возбуждено преследование в общем ревизионном порядке. Также Оренбургская контрольная палата выступила с инициативой войти в переписку с Военным министерством для установления более нормального и соответствующего интересам войсковой казны способа размежевания земель ОКВ, а средства, выданные на пособия и награды в размере 12783 руб. 70 коп., потребовала вернуть в войсковую казну, с запрещением таких выдaч на следующее время¹⁴.

На защиту Межевого отделения и своих подчиненных встал исполняющий обязанности начальника межевого отделения коллежский советник Попов. Так, в докладе Попова в Общее Присутствие ВХП, говорилось, что срок размежевания земель войска рассчитан неправильно, так как за 13 лет выполнить работу невозможно. Поэтому этот срок, а также штаты увеличивались с ходатайства войскового начальства перед Главным управлением казачьих войск¹⁵.

Табл.1. Результаты работы Межевого отделения¹⁷.

Год	Проектировано			Всего обмежевано		
	Поселков	Офиц. и др.участков	На про-странстве	Поселков	Офиц. и др.участков	На про-странстве
81	5	127	246000	12	143	320304
82	23	66	557404	31	73	619290
83	2	209	125979	20	216	461829
84	96	257	658314	96	257	658314
85	60	13	932490	61	91	974490
86	41	1	487673	79	28	753316
87	21	18	409133	53	178	640361
88	14	4	396626	62	120	864038
89	10	134	293521	43	142	456193
90	7	50	184617	113	50	1423012
91	104	-	1237695	-	-	-
Итого	386	879	5529455	570	1298	7171153

Что касается непродуктивной работы по размежеванию земель то, по мнению и.о. начальника Межевого отделения, данные претензии со стороны Контрольной палаты к Отделению были необоснованными. Как видно из таблицы, за десять лет - с 1881 по 1891 г. - была проделана громадная работа, и сделано даже больше, чем запла-

нировано: вместо 5.529.445 дес. было размежевано 7.171.153 дес. земли¹⁶. Причем после последнего увеличения штата в 1886 г. было размежевано 4.136.920 дес.

Следует отметить, что эту работу выполняли по штату 22 человека, а на самом деле 16 исполнителей, т.к. ежегодно трое назначались начальниками партий, двое для помощи горным землемерам для отвода золотосодержащих площадей и один для нужд ВХП. Вследствие этого на одного служащего приходилось ежегодно в среднем по 51 тыс. дес. земли для размежевания. Учитывая малую численность служащих и объем работы, выпавший на них, при этом, показывая такие высокие результаты, можно сделать вывод, что данная система по размежеванию земель наиболее эффективна. К тому же, со стороны войскового начальства и Главного управления казачьих войск, перед которыми Межевое отделение ежегодно отчитывалось по выполненной работе, нареканий не было.

Как было отмечено выше, основной претензией Контрольной палаты были потраченные не по назначению деньги, которые появились в результате некомплекта штатного состава. На это в докладе коллежского советника Попова приводились аргументы против такой постановки вопроса. Было указано, что некомплект в одного служащего был лишь в 1888 и 1890 гг., в 1889 г. двух исполнителей, но зато в 1886 и 1887 г. три лишних. То есть, никакого некомплекта не было. К тому же, как указано выше, если работы, выполненные за пять лет с 1886 по 1891 гг., были особенно успешными, то, следовательно, и выданная за это время войсковым начальством сумма в 2,5 тыс. руб. в пособие межевым чинам не пропала даром, а наоборот принесла свои плоды. Так, данные выплаты способствовали ускоренной работе, которая позволила сократить межевые работы на год, что привело к сокращению штата на 10 человек и экономии около 20 тыс. руб¹⁸.

Ко всему вышеперечисленному Контрольная палата требовала возврата 12783 руб. 70 коп., которые были потрачены на выдачу пособий и наград, так как, по ее мнению, пособия могли быть выданы только чинам таких учреждений, в которых чиновники имеют определенный круг деятельности в течение всего года. Опираясь на Высочайшее положение, Андрей Петрович отмечал, что имел право премировать своих подчиненных, так как, согласно Положению, «остатки от штатных сумм требуется выдавать в награду и пособия усердным к службе чинам этого Отделения»¹⁹. А также нельзя сравнивать труд чиновника, который находится на постоянной работе в течение 5-6 часов в сутки, в тепле, уюте, и труд чиновника-землемера, у которого сезонная работа. Служащему Межевого отделения приходилось в летнее время года работать по 15 часов в сутки. Если он находился далее 15 верст от селения, а такое происходило довольно часто, то ночевать ему приходилось в поле, независимо от погоды. К тому же и сами денежные расходы в летнее время требовалось считать двойными, так как почти все землемеры имели семьи, которые, оставаясь в городе, требовали содержания²⁰.

В итоге, все приведенные выше доводы исполняющего обязанности начальника Межевого отделения коллежского советника Попова позволили признать выводы Контрольной палаты неправильными. К тому же данное дело позволяет удостовериться в компетентности коллежского советника и знании дел Отделения, что подтверждает слова губернатора в письме начальнику Главного управления казачьих войск об «исполнении им с полным успехом обязанностей начальника отделения».

Делая общий вывод, следует отметить несколько особенностей службы казачьих чиновников. Во-первых, все чиновники ОКВ, любой специальности, как гражданской, так и военной, становились людьми военными и подчинялись военному министерству. Во-вторых, для чиновников неказачьего происхождения был открыт доступ к службе в ОКВ. В-третьих, в продвижении по службе на первое место выходит не чин, а образование, что становится единой тенденцией для системы управления поздней имперской период²¹. Таким образом, служба чиновников ОКВ имела как свои особенности, так и общеимперские характерные черты.

Примечания:

1. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 298.

2. СЗРИ. 5кн. Кн.1. Т.2. «Свод губернских учреждений». Издание неофициальное / Под редакцией И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. ст. 215 с. 610.

3. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 3.
4. Абрамовский, А.П., Кобзов В.С. *Оренбургское казачье войско в трёх веках*. Челябинск, 1999. С. 153.
5. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 10б., 2.
6. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 20б.
7. СЗРИ ст. 208 с. 609.
8. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 44.
9. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 331.
10. ГАОО Ф.37. Оп.3. Д.331. Л. 30б.
11. Любичанковский С.В. *Структурно–функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.)*. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 136.
12. *Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии, Тургайской и Уральской областях и уфимско-оренбургских учреждениях на 1880 г.* Оренбург: типография «Б.А. Бреслиана», 1879. Ст. 338-339.
13. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 10.
14. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 100б., 12.
15. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 110б., 12.
16. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 13.
17. *Журнал заседаний Межевого отделения за 1892-1894 гг.* ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 12 об.
18. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 130б., 14.
19. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 140б.
20. ГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.209(а). Л. 15-16.
21. Любичанковский С.В. *Структурно–функциональный подход к истории местного управления...* С. 134.

НАУЧНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ КОМАНДИРОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТИПЕНДИАТОВ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1869-1917 ГГ.)

Р.К. Эльмуратов

**Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, г. Москва**

Статья посвящена исследованию научных командировок за рубеж преподавателей и стипендиатов Киевской духовной академии (1869–1917). Командировки за рубеж были важной составляющей в развитии российской научно-образовательной системы XIX — начала XX века в целом, и высшей духовной школы, в частности. Командировки за рубеж преподавателей и кандидатов на кафедры исследуются в докладе по своей организации, мотивации, документации, целям и задачам, финансовой поддержке, географическим и тематическим направлениям, системе отчетности и контроля. Выявляется роль в организации зарубежных командировок Святейшего Синода, Учебного комитета при Синоде, Совета академии, самих преподавателей и стипендиатов. Особое внимание обращается на результаты зарубежных командировок и их значение для богословской науки и высшего духовного образования.

Ключевые слова: научные зарубежные командировки, высшая духовная школа, Киевская духовная академия, профессорско-преподавательская корпорация.

SCIENTIFIC VISITS ABROAD OF TEACHERS AND SCHOLARS OF THE KIEV ECCLESIASTICAL ACADEMY (1869–1917)

R.K. Elmuratov

St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow

The article is devoted to research of scientific visits abroad of teachers and scholars of the Kiev Ecclesiastical Academy (1869–1917). Visits abroad were an important component in the development of Russian science-education system of XIX — early XX century in general and the highest ecclesiastical school, in particular. Visits abroad of teachers and candidates for Departments are investigated on organization, motivation, documentation, objectives and goals, financial support, geographical and thematic areas, reporting and control. The author reveals a role of the Holy Synod, the Education Committee at the Synod, the Council of the Academy, the teachers and scholars in organizing overseas trips. Particular attention is drawn to the results of the visits abroad and their significance for theological scholarship and higher ecclesiastical education.

Key words: scientific visits abroad, the highest ecclesiastical school, the Kiev Ecclesiastical Academy, faculty corporation.

Командировки за рубеж были важной составляющей в развитии российской научно-образовательной системы XIX — начала XX века в целом, и высшей духовной школы, в частности. В последние годы этому процессу уделялось внимание в специальных исследованиях, а также в монографиях по истории университетского образования и российской науки¹. Но, несмотря на единство научно-образовательного пространства в дореволюционной России, высшая духовная школа имела самостоятельную организацию и обладала рядом особенностей. Поэтому командировки представителей высшей духовной школы требуют особого изучения. Однако специальных исследований по научным командировкам духовного ведомства практически не проводилось — исключением являются немногочисленные статьи², а также обращение к этому вопросу в научных исследованиях по истории высшей духовной школы³.

Настоящая статья посвящена научным командировкам за рубеж представителей Киевской духовной академии (далее КДА). Источниками исследования явились «Журналы заседаний Совета КДА», документы архивных фондов Святейшего Синода, КДА и ее профессоров⁴, а также научные исследования профессорско-преподавательской корпорации КДА.

Хронологические рамки доклада ограничены 1869 г. — реформой духовных академий, позволившей сделать научные командировки за границу одним из средств развития богословской науки, и 1917 г. — революцией, приведшей к разрушению российской духовной школы. Однако для лучшего понимания проблематики требуется небольшой исторический экскурс в более ранний период.

Поездки российского юношества за границу с образовательной целью были заметным явлением на рубеже XVII—XVIII вв. В XVIII в. предпринимались централизованные усилия по обучению российских студентов в европейских университетах, причем одна из кампаний была связана с духовными школами: в 1760-х гг. 15 студентов были отправлены в Оксфорд, Лейден, Геттинген⁵. В первой половине XIX в. Министерство народного просвещения (далее МНП) неоднократно использовало зарубежные стажировки как средство подготовки выпускников и молодых преподавателей к профессорским кафедрам. Но высшая духовная школа, выделенная в 1808—1814 гг. в особую ступень, до 1869 г. своих представителей за границу практически не отправляла. Исключением является командировка на Восток выпускника КазДА Н.И. Ильминского (1851—1854 гг.), но и она была обусловлена подготовкой к преподаванию на проектируемом в это время в КазДА противомусульманском миссионерском отделении⁶.

Однако в 1869 г. высшая духовная школа подверглась новой реформе, и развитие специальных исследований было поставлено духовным академиям в непосредственную обязанность. При этом Устав 1869 г. предоставил им возможности и средства для этого, одним из которых были научные командировки за границу⁷. Но в Уставе была только упомянута возможность научных командировок, механизм же их организации и практическую реализацию академии должны были отрабатывать самостоятельно. Так как Святейший Синод, в отличие от МНП, практически не предпринимал централизованных кампаний по организации зарубежных командировок, инициатива должна была исходить от Советов академий и самих исследователей. Каждая из четырех академий действовала самостоятельно, но учитывала и опыт друг друга. Поэтому изучение зарубежных командировок на примере одной из академий не только делает вклад в изучение истории самой академии, но позволяет выявить и общую специфику зарубежных стажировок духовного ведомства.

Основная часть статьи построена следующим образом: в первой части в хронологической последовательности приводятся примеры наиболее значимых командировок представителей КДА за границу; во второй части приводится общая статистика выявленных командировок представителей КДА, систематизация их по научным областям, географическим направлениям и периодам действия Уставов духовных академий. В заключение приводятся выводы. Заметим, что некоторые поездки за границу, совершенные членами корпорации КДА в каникулярное время, носили также научный характер — изучение церковных памятников, работа в библиотеках — поэтому они причислялись к командировкам. Поездки же, совершенные исключительно с паломническими целями, в исследовании не учитывались.

Первым воспользовался предоставленной возможностью профессор академии по кафедре истории Древней Церкви Ф.А. Терновский: летом 1872 г. он отправился

изучать церковные древности в афонских монастырях и музеях Германии. Побывав в учебном музее Берлинского университета, Ф.А. Терновский убедился в полезности подобного учреждения и при КДА. С коллегами по академии – П.А. Лашкаревым и А.Д. Вороновым – он подал в Совет академии доклад об учреждении при КДА Церковно-археологического Общества и музея⁸. Составленный проект был одобрен и утвержден Св. Синодом указом от 18 октября 1872 г., а указом от 31 января 1873 г. Синод утвердил устав Общества и музея, и это было первое научное общество и первый музей при академиях⁹.

Со временем Общество стало своего рода научной лабораторией, где приобретали опыт археологических исследований преподаватели и студенты академии. Наглядным свидетельством их широких научных интересов служат многочисленные отчеты, рефераты, известия, юбилейные материалы Общества представляют широкую палитру его научных интересов¹⁰.

Следующей научной командировкой была поездка в 1873 г. в Палестину профессора по кафедре библейской археологии А.А. Олесницкого. Во время этой командировки Олесницкий сделал описания и зарисовки библейских памятников: иерусалимских прудов, цистерн, гробниц, надписи в Силоамском туннеле и на камне Мешы, клинописных табличек из Фаанаха; Ветхозаветного храма. В результате этой первой научной поездки был написан труд, за который Олесницкий получил ученую степень доктора богословия (1877 г.)¹¹. Считая необходимым для библеиста личное знакомство со Святой Землей и ее вещественными памятниками, Олесницкий еще четыре раза ездил в Палестину¹². Вкладом профессора Олесницкого в палестинскую археологию явилось подробнейшее научное описание практически всех известных библейских мест Святой Земли и ее древнейших памятников, а также многочисленных открытых артефактов, их критическая оценка и интерпретация в соотношении с текстами Священного Писания и целого ряда небиблейских письменных источников. Впервые в отечественной науке им был сделан подробный обзор всех раскопок в Палестине, проводившихся западными археологами. В результате монографии и статьи ученого стали не только надежным методологическим, но и твердым источниковедческим фундаментом отечественной библейской археологии в ее современном понимании¹³.

В 1873 г. КДА решила использовать возможность заграничной командировки для подготовки преподавателя – для кафедры славянских наречий. Выпускник КДА В.Н. Малинин был командирован в славянские земли для учебы в заграничных университетах, где изучал памятники на практике¹⁴. Вернувшись из-за границы, Малинин стал специалистом в области древнерусских источников¹⁵.

В 1878–1880 гг. в духовных академиях была предпринята централизованная кампания по повышению уровня преподавания классических языков. В числе трех академий была и Киевская, которая в 1880–1881 гг. командировала доцента латинского языка Н.М. Дроздова в Берлин¹⁶. Командировка была весьма удачной: она позволила Дроздову не только повысить уровень классических языков, но и внести в учебный процесс современные достижения в области языкознания и источниковедческой работы с древними текстами¹⁷.

Девять раз совершил экспедиции по поиску и описанию литургических рукописей в библиотеках и хранилищах Православного Востока профессор церковной археологии и литургики КДА А.А. Дмитриевский: в 1886–1888 гг., в 1889, 1891, 1893, 1896, 1897, 1898, 1903 гг.¹⁸ Он исследовал литургические памятники архивов и библиотек стран Христианского Востока и Западной Европы. Командировки Дмитриевского представляли собой систему, которую он сам и создавал. К каждой командировке Дмитриевским составлялся четкий план и маршрут его пребывания в той или иной стране, в котором он ставил перед собой конкретные задачи, стремясь их выполнить. Каждая командировка была продолжением предыдущей, открывала перспективы для последующих и имели принципиальное значение для становления новых представлений и направлений в российской литургической науке.

В 1889 г. доцент академии по кафедре истории и облечения западных исповеданий В. Попов был командирован в Вену для обозрения некоторых греческих рукописей Императорской Публичной библиотеки. Затем он же предпринимал командировки – в 1913 г. в Испанию и в 1914 г. в Германию – для более подробного ознакомления с реалиями иных конфессий¹⁹.

Среди прочих командировок КДА были поездки стажеров в Российский археологический институт в Константинополе (РАИК). РАИК был учрежден в 1894 г., а командировки в него представителей духовных академий осуществлялись с 1902 г. В 1904 г. КДА удалось отправить в РАИК своего выпускника К. Кекелидзе – литургиста, ученика А.А. Дмитриевского²⁰. В следующем 1905/06 уч. г. КДА командировала в РАИК и. д. доцента по кафедре общей церковной истории иеромонаха Анатолия (Грисюка)²¹. Знакомство с источниками по истории Церкви как древнего, так и византийского периода было ему профессионально необходимо. Иеромонаху Анатолию удалось также осуществить из Константинополя путешествие на Афон, в Сирию и Палестину, что было крайне важно для завершения магистерской диссертации о. Анатолия²².

КДА еще раз командировала в РАИК своего представителя – выпускника академии А.Д. Дмитрева – в 1913 г. Основной целью этой командировки была доработка магистерской диссертации о коронации византийских василевсов. Библиотека РАИК, богатая художественными, нумизматическими и фотографическими материалами, изданиями, трудно доступными или вовсе недоступными в России, помогли А.Д. Дмитреву расширить свой научный кругозор. Будучи в Константинополе у Дмитрева возник план исследований в библиотеках и архивах Ватикана, который, к сожалению, осуществить не удалось²³.

Особый подъем в конце XIX – начале XX в. испытывала экспериментальная психология. Преподаватели кафедр психологии и философии духовных академий, будучи не чуждыми этого порыва, стремились в Лейпциг, в знаменитый институт экспериментальной психологии профессора Вильгельма Вундта, в Геттинген, в школу профессора Георга Мюллера, в Берлин, к Генриху Эббингаузу, в Сорбонну, к Теодюлю Рибо²⁴. Доцент кафедры психологии КДА И.П. Четвериков в 1906-1908 гг. был командирован в Германию: Берлин, Мюнхен, Лейпциг, Геттинген²⁵. Эта командировка оказала влияние на развитие экспериментальной психологии в КДА и содействовала привлечению к этому развитию студентов.

В 1909 г. доцент КДА по кафедре гомилетики священник Николай Гроссу предпринял путешествие по Востоку. Целью поездки было не только изучение памятников древне-христианского проповедничества, хранящихся в архивах и библиотеках, но и ознакомление с постановкой церковной проповеди в Православных Церквях²⁶.

В 1911 г. совершил поездку в страны христианского Востока доцент кафедры библейской истории В.Ф. Иваницкий. Поездка позволила ему разработать с использованием археологических материалов тему александрийской иудейской диаспоры²⁷. В 1912 г. был командирован в библиотеки Франции и Германии профессор Священного Писания Ветхого Завета В.П. Рыбинский для изучения новейших исследований в области библеистики и завершения своей монографии по истории и религии самарян²⁸.

Следует отметить и научную командировку в 1913-1914 гг. в Иерусалим профессорского стипендиата кафедры Священного Писания Ветхого Завета Н.Д. Бессарабова²⁹. Она подтвердила полезность командировок для подготовки кандидатов на академические кафедры.

После 1914 г., в связи с началом первой мировой войны командировки российских ученых за границу были практически прекращены.

Если систематизировать предпринимаемые командировки духовно-академических представителей по географическим направлениям, можно выделить два главных: Западная Европа и Христианский Восток. Статистика по этим направлениям – 19 поездок в страны Христианского Востока и 13 в европейские страны – позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на богатство европейских библиотек, музеев и привлекательность университетов, более заметным и важным становится «восточное» направление научных командировок, поиск, изучение, описание источников.

Зарубежные командировки охватили практически весь спектр академических дисциплин, по которым были командированы за границу: церковная история – 2 представителя академии, философия / психология – 1, церковная археология и литургия – 2, классические языки – 1, библеистика и библейская археология – 4, история и обличение западных исповеданий – 1, славистика – 3, церковное право – 1, гомилетика – 1. При этом подавляющее большинство научных командировок приходится на долю уже действующих преподавателей, а не кандидатов на кафедры. КДА за период дей-

ствия трех уставов духовных академий командировала за границу 13 членов корпорации и 3 выпускников, имевших более или менее реальные перспективы на кафедры.

Наконец, важна статистика командировок по периодам действия Уставов духовных академий. В 1869-1884 гг. представители КДА выезжали за границу с научной целью 6 раз; в 1884-1910 гг. – 20 раз, в 1910-1914 гг. – 6 раз. То есть, несмотря на распространенное в историографии обвинение Устава 1884 г. в негативном воздействии на развитие науки, данные этого не подтверждают.

Таким образом, заграничные командировки давали новые идеи, методики преподавания. Детальное ознакомление с западной наукой, с научно-вспомогательными учреждениями, знакомство с европейскими профессорами – все это имело самые положительные результаты для преподавательской корпорации КДА и в целом для отечественной богословской науки. Заметим, что преподаватели академии критически подходили к мировому учебно-научному опыту, стараясь выделить приемлемое для отечественного богословия.

Однако, следует отметить и то, что системой для духовных академий заграничные командировки не стали. Во-первых, стесняла финансовая скудость духовно-учебного ведомства. Во-вторых, отсутствовала централизованная система в организации таких командировок, которая была, например, в МНП. Наконец, сказывалась специфика богословской науки, ее конфессиональность. Поэтому наиболее эффективно использовали командировки уже состоявшиеся ученые, самостоятельно планировавшие свои заграничные маршруты, цели и задачи, способные анализировать результаты и корректировать начальные планы.

Примечания:

1. Андреев А.Ю. *Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века*. М., 2005; Иванов А.Е. *Ученые степени в Российской Империи XVIII в. – 1917 г.* М., 1994; Петров Ф.А. *Русские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: В 4 кн.* М., 1998–2001; Трохимовский А.Ю. *Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. Автореферат диссертации на соиск. ученой степени канд. ист. наук*. М., 2007.

2. Сухова Н.Ю. *Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.)* // *Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX – начала XX века)*. М., 2007. С. 172–216; Она же. *Представители духовной школы в Русском Археологическом институте в Константинополе* // *Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал*. 2009. Вып.10 (2). С. 105–111.

3. Сухова Н.Ю. *Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века*. М., 2006 и др.

4. РГИА. Ф.796 (Канцелярия Синода). ЦГИАУ. Ф.711 (Киевская духовная академия); ИР НБУВ. Ф.175. (Титов Феодор Иванович, протоиерей); Ф.194. (Голубев Степан Тимофеевич); Ф.225. (Петров Николай Иванович).

5. Андреев А.Ю. *Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века*. М., 2005.

6. РГИА. Ф.80 (Учебный комитет). Оп.5. Д.13584. *Об отправке бакалавра КазДА Николая Ильминского на Восток*.

7. *Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий*. §169–171 // *ПСЗРИ. Второе собрание. Т.XLIV. Отд.1. СПб., 1873. №47154. С. 555*.

8. ТКДА. 1872. №12. С. 417-418; Бродович И. *Тридцатилетие Церковно-археологического музея при КДА* // ТКДА. 1903. Февраль. С. 232.

9. Терновский Ф.А. *Страничка из тридцатилетней истории ЦИАО при КДА* // ТКДА. 1903. Январь. С. 153.

10. Петров Н. *Тридцатилетие Церковно-исторического и археологического Общества при КДА* // ТКДА. 1903. Январь. С. 134-151.

11. Олесницкий А.А. *Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873-1874: В 2 т. Т.1: Иерусалим и его древние памятники. Т.2: Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Феникии и Ливанской области*.

12. РГИА. Ф.796 (Канцелярия Синода). Оп.154. Д.866. Л. 2-4. *О командировании экстраординарного профессора КДА А. Олесницкого для ученых исследований в Палестину*; ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.1999. Л. 1-8; *Журналы заседаний Совета КДА за 1888 г. С. 200; Годичный акт КДА за 1889 г. С. 34*.

13. Олесницкий А.А. Ветхозаветный храм. Киев, 1889; Он же. Мегалитические памятники Святой Земли. Киев, 1894. См. также: Лужнов Р.В. Вклад профессора КДА А.А. Олесницкого в развитие библейской археологии и его значение для современной библейской науки. Дисс. на соиск. уч. ст. кандидата богословия. Сергиев Посад, 2009.

14. ЦГИАУ. Ф.711. Д.1136. Дело о командировании экстраординарного профессора академии Олесницкого А.А. в Петербург на международный конгресс ориенталистов и об отправке студента Малинина В. за границу для изучения славянских языков; РГИА. Ф.802 (Учебный комитет). Оп.9. Д.45. 1875 г. О командировании находящегося в СПб. Университете для изучения русского языка и славянских наречий воспитанника КДА Василия Малинина за границу. Л. 1–4; Журналы заседаний КДА за 1877 г. С. 126.

15. Малинин В.Н. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Императорской публичной библиотеки. Киев, 1878; Он же. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послание. Киев, 1901.

16. РГИА. Ф.796 (Канцелярия Св. Синода). Оп.160. Д.236. О командировании доцента КДА Дроздова за границу с ученой целью. Л. 1–16; Журналы заседаний Совета КДА за 1879 г. С. 191–207; ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.1317. Дело о командировании доцента Дроздова Н. за границу на один год с научной целью.

17. Сухова Н.Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX – начала XX века). М., 2007. С. 193–194.

18. ОР РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А.А.). Оп.1. Д.25. Дневник путешествия Дмитриевского А.А. на Афон. Л. 1–16; Журналы заседаний Совета КДА за 1888г. С. 156–157, 184. Годичный акт КДА за 1889 г. С. 34; ОР РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А.А.). Оп.1. Д.6. Свидетельство, выданное Дмитриевскому А.А. Советом КДА о командировании за границу на 1 год для научной работы. Л. 1–2; ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.1806. Дело о предоставлении отпуска доценту академии маистру Дмитриевскому А. для поездки за границу с научной целью; Там же. Д.1858. О командировке доцента КДА Алексея Дмитриевского за границу Российской Империи для научной цели; Годичный акт КДА за 1889 г. Киев, 1890. С. 41.

19. ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.3668. Дело о командировании доцента Попова В. за границу с научной целью.

20. ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.2805. О командировании окончившего курс академии К. Кекелидзе в Русский археологический Институт в Константинополе для научных занятий.

21. ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.2837. О командировании в РАИК иером. Анатолия (Грисюка); РГИА. Ф.796 (Канцелярия Синода). Оп.186. Д.403. О командировании в РАИК иеромонаха Анатолия (Грисюка). Л. 1–4.

22. Анатолий (Грисюк), иером. Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века. Киев, 1911.

23. Журналы заседаний Совета КДА за 1913/14 уч. г. (в извлечении). С. 682–684.

24. Сухова Н.Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX – начала XX века). М., 2007. С. 201–202.

25. ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.2890. Дело о командировке доцента академии Четверикова за границу с научной целью.

26. Журналы заседаний Совета КДА за 1908/09 уч. г. (в извлечении). С. 305.

27. ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.3431. Прошения профессора академии Мищенко Ф. о выписке книг для библиотеки, Иваницкого В. о предоставлении отпуска для поездки за границу и др. документы; Иваницкий В.Ф. О происхождении иудейского эллинизма Александрии. Киев, 1912; Он же. Иудейско-арамейские папирусы с острова Элефантины и их значение для науки Ветхого Завета. Киев, 1914.

28. Журналы заседаний Совета КДА за 1912/13 уч. г. С. 175; ЦГИАУ. Ф.711. Оп.3. Д.3406. Отчет о заграничной научной командировке экстраординарного профессора Рыбинского В.; Рыбинский В.П. Самаряне. Обзор источников для изучения самарянства. История и религия самарян. Киев, 1913.

29. Извлечение из журналов Совета Императорской КДА за 1914/15 гг. С. 112.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА НАЧАЛА XX ВЕКА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БАРНАУЛА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Д.С. Дегтярев

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В данной статье поднимается вопрос об экологическом состоянии одного из крупных торгово-промышленных центров юга Сибири в начале XX века – города Барнаула Томской губернии, а также о путях решения экологических проблем города на этом этапе. Особое внимание уделяется деятельности органов городского самоуправления (Барнаульской городской думы и управы) по решению этих проблем. Отмечается весомый вклад городского общественного управления в дело снижения негативных экологических последствий быстро происходивших урбанизационных процессов. В основе статьи лежат материалы архивных фондов Государственного архива Алтайского края, часть из которых впервые вводится в научный.

Ключевые слова: Барнаул, экологические проблемы, Барнаульская городская дума, Барнаульская городская управа.

ECOLOGICAL PROBLEMS OF A LOCAL TRADE AND INDUSTRIAL CENTER IN EARLY XX CENTURY AND WAYS OF COOPING WITH THEM (ON THE EXAMPLE OF BARNAUL CITY OF TOMSK PROVINCE)

D.S. Degtyarev

Altay State University, Barnaul

This article is devoted to the question of ecological condition of Barnaul - one of the biggest trade and industrial centers in the south of Siberia in the beginning of the XX century, and to ways of coping with ecological problems in that period. The author pays special attention to the work of municipal structures (the Barnaul city legislature and city executive office) in the ecological field. The author points out big role of the city government in the field of coping with harmful consequences of quick processes of urbanization. This article is founded on numerous archival materials from the State Archive of Altay Region. Some of them are researched for the first time.

Key words: Barnaul, ecological problems, the Barnaul city legislature, the Barnaul city executive office.

После отмены крепостного права в России ускорилось развитие капиталистических отношений в экономике, что выражалось в росте объемов промышленного производства, в увеличении торговых оборотов, в быстром развитии транспортной сети. Все это стимулировало рост городов. Постепенно даже небольшие городские поселения становились важными экономическими центрами своих регионов. Однако в ходе расширения урбанизационных процессов усиливалась антропогенная нагрузка на окружающую среду, что стало причиной обострения старых и возникновения новых экологических проблем в рамках пространств городских поселений. В современных условиях, когда социально-экономическое развитие России вновь идет по пути укрепления частного капитализма, эта проблема становится все более актуальной. С одной стороны, современные индустриальные центры сталкиваются с теми же экологическими проблемами, что и сто лет назад. С другой стороны, уже в то время был накоплен ценный опыт принятия и исполнения управленческих решений органов местного самоуправления, направленных на снижение негативных экологических последствий. Научная же значимость разработки данной темы состоит в том, что здесь возможно эффективное взаимодействие нескольких дисциплин, таких как историческая урбанистика, урбоэкология и историческая география.

Применительно к истории города Барнаула эта тема поднята не впервые. На плохое состояние окружающей среды дореволюционного Барнаула обращали внимание такие известные в нашем городе историки-краеведы, как А.Д. Сергеев, М.И. Юдаlevич, В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров¹, но в их трудах этой проблеме не уделялось особое внимание. Частично эти вопросы также освещаются в ряде справочных изданий, таких как «Барнаул. Энциклопедия» (2000 год) и «Барнаул. Научно-справочный атлас» (2006 год). В частности, в научно-справочном атласе приводится хроника негативных природных явлений в Барнауле за всю его историю, в число которых включены и экологические бедствия. Однако наиболее полно попытался раскрыть этот вопрос географ Л.Н. Пурдик в своей монографии «Барнаул. Ландшафты и экология», вышедшей в 2007 году. В ней автор не только указал на существовавшие тогда в Барнауле экологические проблемы, но и связал их с ускорением темпов социально-экономического развития и территориального роста Барнаула. Тем не менее, и в этой, и во всех других работах, на наш взгляд, не было уделено достаточное внимание такому вопросу, как решение стоявших перед городом проблем органами общественного управления (городской думой и управой). Более того, в работах о Барнауле, вышедших

в советский период (например, С.Н. Баландина «Архитектура Барнаула» и других), роль городской думы оценивалась только негативно в том смысле, что она была не в состоянии решать проблемы Барнаула. В трудах историков постсоветского периода эта мысль не прослеживается, хотя нет и прямого указания на то, что городские дума и управа успешно решали некоторые экологические проблемы. Таким образом, важнейшей частью своей работы мы считаем заполнение именно этого пробела в истории Барнаула.

При разработке данной темы мы применяем геокультурный подход, как вариант междисциплинарного подхода. В соответствии с ним город рассматривается как результат взаимодействия социума, создающего искусственную среду (культуру в широком смысле слова) и географической среды, включающей не только природные условия, но и само физическое пространство. В этом случае экологические проблемы рассматриваются как признак нарастающих противоречий между социальными и природными факторами развития города.

Основной источниковой базой для исследования являются документы, отражающие работу органов городского управления начала XX века, которые отложились в основном в фондах №51 (Барнаульская городская дума) и №219 (Барнаульская городская управа) Краевого государственного учреждения «Государственный архив Алтайского края». Ценными источниками также являются карты и планы Барнаула, в основном опубликованные. Некоторые сведения также можно почерпнуть из воспоминаний барнаульцев, опубликованных в сборниках «Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век». Особым источником, использование которого возможно, благодаря применению геокультурного подхода, является само реальное пространство города Барнаула, включающее рельеф, постройки, трассы улиц и так далее. Иногда на местности можно обнаружить следы деятельности прежних поколений, решавших экологические вопросы.

Итак, к началу XX века Барнаул окончательно превратился из центра горнозаводской кабинетской промышленности в капиталистический центр многоотраслевой частной промышленности и торговли. Его население по переписи 1897 года составляло 29400 человек, и в последующие 20 лет возросло до 71200 человек. Территория города тоже росла, причем это касалось как непосредственно основного массива застройки, так и собственных городских земель и всего городского пространства в целом. Границы основного массива застройки к 1900 году проходили на севере в районе улицы 3-ей Алтайской, а к 1917 году северной границей стала уже 12-я Алтайская улица, на западе был вновь застроен обширный район от 4 до 8 Прудского переулка. Площадь земель, принадлежавших Барнаулу (именно на них и распространялась власть городских думы и управы), к 1900 году составляла всего 472 десятины, в 1901 году она выросла до 8030 десятин за счет передачи Кабинетом городу части выгонных земель. В 1911 году Барнаулу было передано еще 1494 десятины земли, что увеличило земельный фонд города до примерно 9,5 тысяч десятин². Но еще большим было городское пространство в целом, то есть та территория, на которой осуществлялось выполнение функций данного города. В него входили не только собственно городские земли, но и земли Кабинета, использовавшиеся горожанам для заимок, дач, для устройства промышленных предприятий и для ведения пригородного сельского хозяйства. Оно приблизительно совпало с количеством земли, просимой Барнаульской городской думой у Кабинета для передачи городу, и вместе с собственно городскими землями составляло примерно 10,5 тысяч десятин. Антропогенная нагрузка по этой территории распределялась неравномерно, и была максимальной в районах селитебной застройки и в промышленных зонах.

Прежде, чем рассматривать конкретные экологические проблемы, с которыми сталкивался Барнаул, следует сразу разделить сами эти проблемы на две категории. К первой мы отнесем те, которые проистекали из местных природных особенностей или из предыдущей истории города, то есть они никак не связаны с процессами, происшедшими в рассматриваемый период. Ко второй категории относятся проблемы, возникшие уже на данном историческом этапе вследствие развития промышленности, транспорта, увеличения населения и застройки новых территорий.

Город Барнаул расположен на левом высоком берегу реки Оби при впадении в нее реки Барнаулки, на границе степи и Барнаульского ленточного бора. Приустьевая

часть долины древнего стока, по дну которой течет Барнаулка, на севере террасирована, а на юге круто обрывается вниз. Также и Приобское плато круто обрывалось долиной Оби, берега этого склона изрезаны оврагами. В этой местности в 1739 году началось сооружение плотины для будущего Барнаульского меде-сереброплавильного завода. К 1744 году был образован огромный заводской пруд, имевший в длину до 1,5 километров и в ширину до полукилометра. Однако к началу XX века этот водоем сильно заилился, при прежней площади объем воды в нем снизился. Это заставляло кабинетские власти, использовавшие воды пруда для приведения в действие механизмов лесопильного завода (возник в 1897 году на месте сереброплавильного), постоянно повышать уровень воды в пруду. Основной массив городской застройки располагался на северном левом берегу Барнаулки и имел тенденцию к расширению дальше на север, на террасы этого склона ложбины древнего стока. Однако рост в данном направлении сопровождался вырубкой участков Барнаульского бора и оголением боровых песков. Исходя из вышеперечисленных фактов, можно перечислить те экологические проблемы, которые относятся к первой категории:

1. Наводнения на реках Оби и Барнаулке. Размыв водами этих рек берегов, затопление угодий в период весенне-летнего половодья.
2. Оползневые процессы на крутых склонах вдоль Оби и Барнаулки.
3. Исчезновение леса в северной части города, оголение сыпучих боровых песков, затруднявших строительство.
4. Аномально высокий уровень воды в заводском пруду, приводивший к подтоплению прибрежных участков, а также повышавший уровень грунтовых вод в низинной части Барнаула.
5. Неконтролируемый выход грунтовых вод на поверхность в ряде жилых кварталов на западе города.

Все эти проблемы были хорошо известны как простым барнаульцам того времени, так и городским властям, принимавшим меры по минимизации ущерба. Путей решения здесь, как правило, было два: вывести городские объекты из опасных зон или снизить скорость протекания негативных процессов.

Например, при проведении работ по расширению Базарной площади в 1905 году было изменено русло Барнаулки. Это привело к тому, что воды реки стали подмывать строения частных владельцев на противоположном берегу. Комиссия городской думы, посланная на место разобраться с этим, пришла к выводу, что необходимы берегоукрепительные работы. Эти работы позже были проведены, размыв берега прекратился³. Другой пример такого же рода – это решение Барнаульской городской управы по поводу ходатайства крестьянина Куделина, арендовавшего в пригородной местности, на заливных лугах землю под заимку. Весной 1913 года участок Куделина был внезапно затоплен водами Оби, вода стояла до июля. Управа распорядилась выделить пострадавшему заимочнику участок в другом месте, не подвергаемом затоплению, при этом зачтя в качестве арендной платы деньги, уже внесенные за старый участок⁴. Однако масштабных наводнений, подобных тому, что произошло в 1793 году, Барнаул начала XX века не знал. Правда, некоторые опасения у жителей низинных мест вызывало строительство железнодорожной насыпи и моста через Обь ниже города. В 1913 году группа мещан, обращаясь в городскую думу, просила ее пересмотреть вопрос о выделении земель Управлению Алтайской железной дороги с тем, чтобы ветка прошла выше города. Перекрытие насыпью широкой долины Оби, по мнению ходатайствующих, могло вызвать затопы на реке и резкий подъем воды в черте Барнаула. Однако городская дума это ходатайство отклонила⁵. В дальнейшем практика показала, что опасения мещан были напрасными, а заявление было вызвано скорее не заботой о городе, а желанием получить экономическую выгоду (по их проекту ветка должна была пройти вблизи их предприятий и домов).

Гораздо более реальной была угроза оползней. Это наглядно показывает пример крупнейшего в истории Барнаула обвала обского берега, произошедшего 27 февраля 1914 года в северо-западной части городских земель. Этот оползень получил название «Обвал Туриной горы». Район, где он произошел, использовался барнаульцами под заимки, однако каких-либо сведений об ущербе, нанесенном владельцам участков на Туриной горе и под ней, нет. Гораздо большую опасность представляли оползневые процессы внутри основного массива застройки. Здесь городские власти

принимали активные меры по укреплению берегов, а если это не помогало – то по отселению людей из опасных зон. Например, в 1897 году было принято решение об укреплении берега в районе усадьбы Космина на берегу Оби. Серьезной проблемой был самострой, нелегально возникший в 1907 году на склонах обского берега. Проживание там было связано с риском для жизни, так как берег постоянно обваливался. Учитывая это, городская дума 21 декабря 1916 года приняла принципиальное решение отселить всех жителей самостроя (поселки Порт-Артур и Сахалин, 107 усадеб) в безопасное место. Однако реализация была отложена до окончания Первой мировой войны⁶. Произшедшая вскоре революция помешала претворить решение в жизнь. Примечательно, что городская управа образца 1918 года, когда Барнаул находился под властью правительства Колчака, пересмотрела старое решение и постановила взимать с жителей самостроя арендную плату за землю в пользу города.

К началу XX века участок соснового бора севернее Барнаула был почти полностью вырублен. От него осталось 3 разрозненных рощи: одна на берегу Оби, напротив 1 и 2 Алтайской улиц, вторая возле пивоваренного завода Лукьянова на северо-западе города и третья (самая большая) – по Томскому тракту, она считалась городской рощей и выполняла роль пригородного парка. 12 мая 1909 года Барнаульская городская дума приняла решение о мерах по предотвращению вырубки и высыхания этих участков леса⁷. Однако этого было явно недостаточно, поэтому в бюджете 1911 года были заложены средства на создание специального лесопитомника в районе завода Лукьянова. Этот питомник был создан и действовал вплоть до 1917-18 годов, когда данная местность была застроена жилыми домами. Много внимания уделялось и борьбе с сыпучими песками. Эти пески в северной части города образовывали дюны, мешавшие строительству, а при сильных порывах ветра тучи песка поднимались в воздух, значительно ухудшая экологическую обстановку в городе. Для борьбы с пыльными бурями городская дума с 1901 года проводила кампанию по высадке кустов корзиночной ивы и других растений на наиболее опасных склонах. Интересно, что позже эти мероприятия продолжил уже при советской власти Барнаульский горсовет. А за работы по сглаживанию дюн городские власти платили частным домовладельцам. Например, за работы по выравниванию сопки по Сузунской улице мещанину Медведеву в 1905 году из городской казны было выплачено 30 рублей⁸. Однако все эти меры не могли полностью решить проблему – эта часть Барнаула страдает от обилия сыпучих песков до сих пор.

Но наибольшие неудобства жителям Барнаула доставлял заводской пруд, высокий уровень воды в котором превращал прибрежные улицы в непросыхающее болото. Особенно от этого страдали жители Зайчанской части, имевшие дома по Пушкинской улице. Вот что они писали в ходатайстве в городскую думу 22 марта 1913 года: «Просим ходатайствовать перед Кабинетом Его Императорского Величества, чтобы нас не затопляли... посредством подъема высокого уровня воды в Заводском пруду... Левая сторона Пушкинской улицы, примыкающая задом к пруду, также залита с огородов и во дворах водой»⁹. Город попытался решить эту проблему радикально – путем полной передачи пруда в распоряжение Барнаула. Однако, Кабинет на это не пошел. Хотя сам пруд и его берега в 1911 году стали собственностью города, его передача оговаривалась рядом условий, основным из которых было право Кабинета беспрепятственно использовать пруд в производственных целях. Иными словами, Кабинет оставлял за собой право повышать уровень воды тогда, когда это было нужно для работы своего лесопильного завода. Не было принято во внимание даже обращение городского головы П.В. Орнатского летом 1905 года к Томскому губернатору, где он просил посодействовать в решении столь важной экологической проблемы. Заводской пруд был спущен только в 1926 году.

Несколько более удачной была деятельность городских властей по осушению заболоченных улиц в других частях Барнаула. Например, в 1891 году удалось в основном осушить Олонские улицы и Мостовой переулочек в юго-восточной части Барнаула, на берегу реки Барнаулки. Болота здесь существовали еще со времен основания Барнаула, поэтому осушение этих мест являлось большой заслугой тогдашних городских властей.

Наконец, много неприятностей вызывал неконтролируемый выход грунтовых и родниковых вод на улицы и во дворы, а также заболачивание небольших низин весной и летом. Если с проблемой родниковых вод справиться не удалось, несмотря на хода-

тайства жителей ряда улиц (например, Гоголевской и Томской), то осушение ранее на заболоченных улиц происходило довольно эффективно. Особенно от этого страдала Павловская улица, жители которой еще в 1905 году жаловались в городскую управу на то, что «весною и летом... скапливается такое громадное количество воды, что она... затопляет дворы и подвалы. Таким образом улица превращается в озеро или болото»¹⁰. Было принято решение о проведении канав для лучшего стока талых и ливневых вод. Причем, эта работа охватывала не только Павловскую, но и многие другие улицы. Интересно, что эти канавы, построенные еще в начале прошлого века, сохранились до наших дней. Однако окончательно решить проблемы заболачивания ряда улиц не удалось не только городским властям начала XX века, но и более позднего периода.

Таким образом мы видим, что городские власти пытались по мере своих сил бороться с экологическими проблемами, вызванными либо природными особенностями местности, либо предыдущим историческим развитием Барнаула. Эффективность этой борьбы была разной, но, как правило, невысокой из-за принципиальной неустрашимости причин вызывающих негативные явления.

Ко второй категории мы относим те экологические проблемы, которые возникли или обострились уже в рассматриваемый период, и были связаны с экономическим развитием и урбанизационными процессами. К ним мы относим:

1. Неудачное размещение некоторых промышленных предприятий, опасных в санитарно-гигиеническом, пожарном и ином отношении.

2. Угроза загрязнения источников питьевой воды, таких как реки Обь и Барнаулка, Заводской пруд и множество небольших озер.

3. Неконтролируемые свалки бытовых и промышленных отходов в черте города.

Развитие Барнаульской промышленности, основную часть которой составляли мелкие и средние частные производства, шло в тот период довольно хаотично. До начала XX века не было выработано единых принципов размещения промышленных предприятий. В результате часть из них, в том числе некоторые вредные производства, оказались внутри жилых кварталов. Также часть производств была размещена в юго-западной части Барнаульского пригорода, что при господствующих ветрах загрязняло атмосферу города (особенно в этом отношении был вреден содовый завод). Но уже с первых лет нового века городские власти вплотную занялись решением этих проблем.

Ситуацию усложняло то, что часть предприятий (например, содовый завод) в то время находились не на городской, а на кабинетской земле, поэтому городские власти не могли принять решение об их закрытии или переносе. Именно поэтому экологическая тема, стала весомыми аргументом в переговорах между Барнаулом и Кабинетом Его Императорского Величества о передаче новых земель городу. Вот что сказано в ходатайстве Барнаульской городской думы о расширении городской черты от 18 августа 1904 года: «...источником отравления воздуха города Барнаула служит содовый завод Любимова, Сольве и К, который отбросы производства, содержащие серу, сваливает у самого завода... Но содовый завод Любимова находится вне городской черты... Кроме указанного завода Любимова вне городской черты находятся несколько других заводов...»¹¹. Однако Кабинет долгое время тянул с решением о передаче. В результате, к 1911 году, когда земли городу все же были переданы, содовый завод уже закрылся по экономическим причинам.

На собственно городских землях с того же времени стала реализовываться практика создания пригородных промышленных зон, первой из которых стал «Промышленный городок» на юго-западной окраине Барнаула, созданный по решению городской думы от 9 июня 1903 года. На нем Барнаульская городская дума приняла решение о выделении «пустолежащей земли в конце Бийской и Павловской улиц под промышленные заведения». Гласные мотивировали свое решение интересами развития города, который нуждался в создании новых промышленных предприятий. В условиях земельного голода, возникшего в результате неравного деления городской земли между городом и Кабинетом, названный участок являлся одним из немногих свободных мест, пригодных для промышленного строительства. Еще одной причиной было желание создать в этом районе развитое промышленное предместье, что повлекло бы и развитие близлежащей бедняцкой окраины – Заячьей части. Дума решила сдавать участки в аренду размером не более 1000 квадратных саженей сроком на 12 лет¹². На заседании 10 июля был утвержден план промышленного городка, составленный Го-

родской управой. Промзона отделялась от жилых кварталов противопожарной полосой в 70-100 саженей и была разбита на 4 квартала, каждый из которых имел площадь от 1115 до 1200 квадратных саженей, то есть больше первоначально установленных размеров¹³.

Первым арендатором стал варшавский мещанин Петр Пель, построивший в промышленном городке паровую мельницу. Затем долгое время новые предприятия там не строились. Только в 1907 году городская дума удовлетворила прошение мещанина Ковина об отдаче ему в аренду на 12 лет участка размером в 1250 квадратных саженей в промышленном городке. В октябре того же 1907 года городская дума разрешила городской управе продать оставшуюся свободной часть промышленного городка в размере 7300 квадратных саженей Товариществу «Братья Бородины» по 5 рублей за квадратную сажень. Однако новый владелец ничего на этой земле не построил¹⁴. На плане 1907 года на указанном месте обозначены только паровая мельница и завод Ковина, который затем превратился в завод «Шпагат». Таким образом, идея создания «Промышленного городка» была воплощена в жизнь, но эффект от ее создания был невелик. Внутри городской застройки по-прежнему оставалась масса вредных производств.

Практика выноса предприятий за черту Барнаула была продолжена. 18 ноября 1905 года Барнаульская городская дума обсуждала вопрос о размещении промышленных предприятий в береговой полосе реки Оби и приняла решение не допускать строительство там мыловаренных и шубных заводов, так как от них получаются различные отбросы, загрязняющие место, а также стоки грязной воды в Обь. Все мыловаренные заводы было решено перенести за город, вниз по течению Оби за кирпичные сараи Мамонова, то есть за 3 версты от Барнаула. Особенно это касалось предприятий Верюжского и Локоткова, находившихся посреди жилых кварталов на берегу реки¹⁵. Не было разрешено строительство мыловаренного завода даже в «Промышленном городке», о котором шла речь выше, так как он находился на берегу речки Барнаулки выше города. Купцу С.А. Паршукову, просившему сдать ему в аренду 500 квадратных саженей в этой местности под устройство мыловаренного завода, в прошении было отказано на заседании 27 ноября 1909 года.

После покупки у Кабинета новых пригородных земель 17 апреля 1911 года процесс выноса производств за город вновь активизировался. Пик активности пришелся на годы Первой мировой войны. Так, 27 октября 1914 года дума постановила вынести за черту города все ремесленные заведения, занимающиеся выделкой сырых животных продуктов. Комиссия по благоустройству Барнаульской городской думы на заседании 20 октября определила 2 участка пригородной земли: на Малом Глядене, где расположены лагеря и под Гляденем, где расположены кожевенные заводы¹⁶. Аналогичное решение было принято 25 февраля 1916 года относительно лесных складов и лесопильных заводов. Исходя из соображений противопожарной безопасности, городская дума постановила:

1. Для устройства лесных складов и лесопильных заводов... предназначается район на берегу Оби за городскими скотобойнями.
2. Устройство названных складов и заводов... в других частях города воспрещается.
3. Существующие в городе лесопильные заводы и лесные склады должны быть перенесены... к 1920 году.

Табл.1. Размещение промышленных предприятий в Барнауле и его пригородах в 1913 году.¹⁸

Место расположения производств	В центре города	Внутри кварталов на окраине	За городом недалеко от границ застройки	Далеко за городом
Количество производств	8	4	6	13
% от общего числа производств	26	13	19	42

Однако оба этих решения не были претворены в жизнь, так как в условиях войны на это не хватало денег, а после 1917 года политика городских властей в этом вопросе и вовсе отсутствовала.

Однако в целом усилия органов городского самоуправления были не напрасными. Вкупе с естественными факторами и ценовой политикой это привело к тому, что к началу Первой мировой войны основная масса средних и крупных промышленных предприятий оказалась за чертой основного массива города Барнаула. Наглядно это подтверждают данные таблицы №1.

Еще одной проблемой, вызванной ростом числа промышленных производств и численности населения, стало усиленное загрязнение поверхностных вод. О борьбе с промышленными стоками в реки уже говорилось выше. Здесь хотелось бы отдельно остановиться на специальных мерах по охране небольших замкнутых водоемов (озерок) внутри жилой застройки, использовавшихся населением для питья и хозяйственных нужд. Такие озерки находились в нагорной части и около переселенческого пункта на севере Барнаула. Особенно этот вопрос был важен для жителей Горы, для которых небольшие озера являлись наиболее удобными источниками водоснабжения, так как подходы к рекам Оби и Барнаулке были неудобными. Решения по этому вопросу городская дума принимала еще в 1897 и 1901 годах. Однако, меры, похоже, были недостаточны. Новые решения об охране малых водоемов на Горе были приняты в 1907 и 1908 годах. 24 августа 1907 года в Управу поступило ходатайство ряда жителей Мало-Змеевской улицы следующего содержания: «Просим Городскую Управу... возбудить вопрос об устройстве озерка в конце Набережной улицы и Порохового переулка... В весеннее время в незначительной низменности упомянутого места скапливается довольно порядочное количество воды. Имеем честь просить Управу осмотреть... низменность и не отказать в устройстве озерка». Городская дума удовлетворила это ходатайство и выделила на эти цели до 100 рублей¹⁹. Интересно, что данное озерко просуществовало до наших дней, правда, сейчас это грязная лужа. 27 марта 1908 года подобное решение было вынесено относительно уже существовавшего озерка на Большой Змеевской улице. В частности, Барнаульская городская дума постановила «в целях сохранения озера огородить его кругом изгородью и обсадить акацией, боярышником и другими кустами»²⁰. Это озеро было осушено в начале 2000-х годов, а до того представляло собой небольшой и относительно чистый водоем. Похожее решение было принято на заседании городской думы от 11 июня 1902 года относительно небольшого озера рядом с переселенческим пунктом. Гласные постановили расчистить озерко, обсадить его вербой и воспрепятствовать сбрасывать туда нечистоты и мыть грязное белье, но при условии, что сохранится общее пользование водой из озерка²¹.

Особое внимание также уделялось чистоте вод реки Оби. В 1903 году дума запретила создавать какие-либо свалки отходов на берегах рек Оби и Барнаулки. В 1905 году было запрещено сбрасывать в реку грязные воды из торговых бань и купален. Позже, уже после 1917 года, Управа даже нанимала специального смотрителя за береговой полосой, в обязанности которого входило следить за чистотой берегов и пресекать сброс грязных стоков²². Проводились водоохранные мероприятия и на Заводском пруду. При его передаче от Кабинета городу в 1911 году особо оговаривалась мера по недопущению его загрязнения в зимнее время.

Проблема свалок бытовых отходов, количество которых росло вместе с населением города, тоже обсуждалась городскими властями. По этому поводу принимались конкретные решения, общий смысл которых сводился к выносу свалок отходов и снега подальше от жилых кварталов. В постановлении от 27 октября 1908 года городская дума четко определила места для свалок снега:

1. На городском берегу реки Оби выше Томского взвоза, напротив паровой пристани Мельниковой;
2. На «Заячьей» за 6 Прудским переулком в конце 4 Алтайской улицы;
3. Между Соборным переулком и Московским проспектом в конце 6 Алтайской улицы;
4. Вблизи кирпичных сараев Сухова, находящихся в нагорной части города;
5. Против Иркутского взвоза, за рекой Обью²³.

Решением от 28 октября 1914 года городская дума перенесла общегородскую свалку дальше от границ селитебной зоны, а именно на Большой Гляден, на место

площадью 6 десятин в расстоянии 60 саженей от линии отчуждения железной дороги, вправо от виадука²⁴. Однако грязь и кучи снега на улицах Барнаула, конечно же, не были ликвидированы, несмотря на все усилия городских властей того времени.

Таким образом, мы видим, что решение экологических проблем, возникавших непосредственно в ходе капиталистического развития, оказалось несколько более эффективным. Особенно это касается мер по выносу промышленности за пределы основного массива застройки, а также водоохраных мер на городских водоемах. Тем не менее, и эти вопросы по ряду объективных и субъективных причин не были полностью решены.

Барнаул в начале XX века столкнулся с множеством проблем. Было бы ошибкой считать, что такие проблемы существовали только в Барнауле. Особенно это касается негативных явлений, отнесенных нами ко второй категории. Они, скорее всего, были характерны для всех региональных (а, возможно, и общеимперских) торгово-промышленных центров того времени. Тем не менее власть и общество искали пути решения данных проблем и зачастую находили их. Несмотря на то, что было принято множество правильных решений и постановлений, эффективность их исполнения оставляла желать лучшего. Это, на наш взгляд, тоже не было исключительной особенностью Барнаула. Тем не менее, накопленный опыт является довольно интересным и поучительным для потомков.

Примечания:

1. См., например: Барнаул / Сост. А.Д. Сергеев. Барнаул, 1980. 120 с.; Юдалевич М.И. Барнаул. Барнаул, 1992. 216 с.; Гончаров Ю.М., Скубневский В. А. Города Западной Сибири во 2-й половине XIX – начале XX веков: Население. Экономика. Застройка и благоустройство Барнаула, 2007. 292 с.

2. 1 десятина равнялась 2400 квадратным сажням или 1,05 гектара.

3. КГУ ГААК Ф. 51 Барнаульская городская дума. Оп.1. Д.1. Л. 144.

4. КГУ ГААК Ф. 219 Барнаульская городская управа. Оп.1. Д.33. Л. 7.

5. КГУ ГААК Ф. 51. Оп.1. Д.12. Л. 178-180.

6. КГУ ГААК Ф. 51. Оп.1. Д.21. Л. 301-306.

7. КГУ ГААК Ф. 51. Оп.1. Д.8. Л. 177.

8. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.1. Л. 62.

9. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.12. Л. 218-219.

10. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.1. Л. 93-94.

11. КГУ ГААК Ф.31 Строительное отделение Томского губернского управления. Оп. 1. Д. 183. Л. 5-6.

12. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.4. Л. 294-295.

13. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.4. Л. 301-302.

14. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.6. Л. 237.

15. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.1. Л. 181-182.

16. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.16. Л. 95.

17. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.20. Л. 108-109.

18. КГУ ГААК Ф.52. Оп.1. Д.20. Л. 147-150.

19. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.6. Л. 160.

20. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.7. Л. 76.

21. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.3. Л. 187.

22. Пурдик Л.Н. Барнаул. Ландшафты и экология. Барнаул, 2007. С. 84.

23. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.7. Л. 379-380.

24. КГУ ГААК Ф.51. Оп.1. Д.16. Л. 116.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОСЛОВИЯ ПРИКАЗЧИКОВ*

М.Ю. Бирюков

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается законодательство о коммерческом образовании Российской империи на рубеже XIX-XX вв., сложившиеся с введением в действие Положения о коммерческих учебных заведениях от 15 апреля 1896 г. Распространение коммерческого образования отвечало потребностям развивающейся экономики Российской империи в квалифицированных кадрах.

Ключевые слова: коммерческое образование, торговые служащие, торговые школы, торговые классы.

COMMERCIAL EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF XIX TO XX CENTURIES AS A FACTOR OF FORMATION OF PROFESSIONAL ESTATE OF SALESMEN

M.U. Birykov

Belgorod National Research University

In article the legislation on commercial formation of the Russian empire on a boundary XIX is considered - XX centuries which have developed with introduction in action of Position about commercial educational institutions from April, 15th, 1896 Distribution of commercial formation met requirements of developing economy of the Russian empire for qualified personnel.

Key words: commercial formation, trading employees, trading schools, trading classes.

Рост экономики России в пореформенный период усиливал спрос на специалистов в области коммерции: бухгалтеров, счетоводов, коммивояжеров, товароведов, приказчиков, биржевых маклеров, разного рода управляющих, переводчиков, коммерческих корреспондентов, специалистов в области коммерческого права и т.п. В таких условиях дефицит необходимых специалистов приобрел особую остроту. Все это ставило новые задачи перед народным образованием, от степени распространения которого напрямую зависела способность населения приспосабливаться к новым условиям жизни. Однако из 126 млн. человек населения России педагогическим трудом в конце XIX века занимались чуть более 170 тыс. человек, или всего 0,1%. Постоянно растущий спрос на коммерческие кадры невозможно было удовлетворить за счет сложившихся форм народного образования. Требовалась организация самостоятельной системы коммерческого профессионального образования. Учебных заведений этого типа до 1890 года существовало всего восемь. Изменить существующую ситуацию должно было Положение о коммерческих учебных заведениях, принятое 15 апреля 1896 года, что позволило проводить целенаправленную политику по развитию сети коммерческих учебных заведений, унифицировало их в соответствии с потребностями государства и российской экономики².

Согласно законодательству³ на территории Российской империи разрешалось учреждение общественных и частных коммерческих учебных заведений⁴. Вся деятельность коммерческого учебного заведения, которое находились в ведомстве Министерства Торговли и Промышленности и контролировались Инспекторами по учебной части указанного министерства, регламентировалось Уставом. Устав составлялся на основе Правил «О коммерческих учебных заведениях» и утверждался в министерстве Торговли и Промышленности⁵. Коммерческое учебное заведение могло создаваться и содержаться на средства земств, городских поселений, сословий и местных обществ. Такие заведения носили статус общественных и могли получать дополнительные средства в виде кредита или безвозмездной помощи от Министерства Торговли и Промышленности, если учредители доказывали необходимость создания подобного учеб-

---

* Работа выполнена при поддержке Государственного контракта на выполнение научно-исследовательских работ для государственных нужд №П659 от 10 августа 2009 г.

ного заведения в данной местности⁶. Частные лица и товарищества – учредители частных торговых учебных заведений – такими привилегиями не пользовались. Кандидатуры руководителей учебных заведений и Инспекторов утверждались Министром Торговли и Промышленности. В общественных коммерческих учебных заведениях их кандидатуры избирались Попечительскими Советами, члены которых выбирались учредителями заведения⁷. В частных учебных заведениях кандидатуры руководителя и инспектора предоставлялись учредителями⁸. Профессиональный уровень преподавателей, как в общественных, так и в частных учебных заведениях, должен был соответствовать определенному уровню. Преподаватели учебных заведений всех уровней, как мужских, так и женских, должны были иметь право преподавания в учебных заведениях соответствующего разряда. Исключением было обязательное высшее образование для преподавателей женских коммерческих училищ. Все кандидаты на должность преподавателя должны были дать три пробных урока в присутствии комиссии⁹. К преподаванию специализированных предметов допускались преподаватели, прошедшие трехмесячную педагогическую подготовку в коммерческих учебных заведениях. В случае отсутствия преподавателей бухгалтерии и коммерческой корреспонденции, отвечающих общеобразовательному цензу, к преподаванию этих дисциплин допускались также кандидаты на должность преподавателя, на практике знакомые с предметом. В женских коммерческих учебных заведениях могли вести обучение и преподаватели-женщины¹⁰. Нагрузка для преподавателей общеобразовательных дисциплин должна была составлять не менее двенадцати уроков в неделю, для преподавателей специальных предметов – не менее шести уроков в неделю. Законом вводилась льгота – дети лиц, преподающих или преподававших не менее десяти лет, имели право бесплатного обучения в коммерческих учебных заведениях¹¹. В обучении преобладали предметы курса коммерческих дисциплин¹². Указанные учебные заведения давали возможность получения коммерческого образования представителям мужского и женского пола¹³. При учебных заведениях разрешалось открывать общежития, в которых вводилась должность воспитателей¹⁴.

Коммерческие учебные заведения делились на 4 разряда: торговые классы, торговые школы, коммерческие училища и курсы коммерческих знаний¹⁵.

Торговые классы создавались для обучения начальным коммерческим знаниям всех желающих. В первую очередь эти классы предназначались для лиц, уже работающих в торгово-промышленных учреждениях. В торговых классах могли обучаться лица, не моложе двенадцати лет, окончившие церковно-приходское, одноклассное сельское или городское приходское училище Министерства Народного просвещения. Для поступления лиц, не имеющих образования, при торговых классах открывались подготовительные классы¹⁶. Срок обучения в торговых классах не превышал двух лет. Временные рамки обучения устанавливались в зависимости от местных условий, в том числе и в вечерние часы, но с тем условием, чтобы учебные занятия могли посещать ученики, состоящие на службе в торгово-промышленных заведениях. Учащимся предоставлялось право выбора изучаемых дисциплин из обозначенного в законе перечня, в который входили: Закон Божий, русский язык, арифметика, бухгалтерия, торговая корреспонденция, каллиграфия и других дисциплин, необходимых для ведения торговли. Для получения свидетельства об окончании торгового класса учащимся необходимо было успешно сдать Закон Божий, русский язык и арифметику¹⁷. Учебными делами торговых классов, выдачей свидетельств об окончании занимался Педагогический комитет, состоящий из Заведующего классами, избираемого из состава преподавателей специальных дисциплин, члена попечительского совета и, по желанию последнего, преподавателя Закона Божьего и преподавателей¹⁸.

Следующей ступенью коммерческого образования являлись торговые школы. Их ученики носили фуражки установленного образца. Соответственно повышению уровня учебного заведения к поступающим в него предъявлялись и повышенные требования. В торговые школы принимались лица не моложе двенадцати лет, окончившие учебные заведения не ниже двухклассного сельского училища. Обучение велось по двум направлениям: бухгалтерское дело и товароведение. Ученики могли пройти обучение по годовичному (одноклассная школа) и трехгодичному (трехклассная школа) курсам. В одноклассных школах помимо предметов, преподаваемых в торговых классах, давали знания по экономической географии России (преимущественно местный реги-

он). Если одноклассные школы имели двухгодичный курс обучения, то ученики получали возможность изучать иностранный язык¹⁹. В трехклассных школах помимо перечисленных предметов преподавали основы торгово-промышленного законодательства, основы геометрии, отечественную историю, экономическую географию России в масштабах всей страны, товароведение. При разделении учеников школы на бухгалтерское и товароведческое отделения давали более глубокие практические знания: первым по бухгалтерии, а вторым по товароведению. Лица, окончившие трехгодичные курсы и отработавшие в торгово-промышленных заведениях не менее пяти лет, имели право на получение Личного Почетного Гражданства²⁰. Руководство школами осуществлялось по такому же принципу, что и торговыми классами²¹. Могла вводиться должность наблюдателей²².

Коммерческие училища являлись средними учебными заведениями. Их воспитанники носили форму установленного законодательством образца. Коммерческие училища делились на трехклассные, дающие только коммерческое образование, и семиклассные, дающие помимо коммерческого еще и общее образование. Для поступления в первый класс семиклассных коммерческих училищ требовались такие же знания, как и для поступления в реальное училище, а также дополнительно требовалось сдать экзамен по «новым» языкам. Возраст поступающих должен был превышать десять лет²³. В семиклассных училищах из общеобразовательных дисциплин преподавали: Закон Божий, русский язык и словесность, два «новых» языка, историю, географию, математику, естествознание, гимнастику, рисование, физику и химию (теория и практика). Среди специализированных предметов были: товароведение и бухгалтерия (теория и практика), коммерческая арифметика, коммерческая корреспонденция (на русском и иностранном языках), политическая экономия, торгово-промышленное законодательство, коммерческая география России, каллиграфия. В качестве дополнительных предметов могли вводиться: черчение, стенография, пение, музыка и танцы, иностранные и местные языки. Трехклассные училища являлись ускоренным вариантом получения среднего коммерческого образования. Поступающие в них должны были иметь знания в объеме четырех первых классов реальных училищ и соответствовали последним трем классам реальных училищ. После сдачи выпускных экзаменов ученики получали аттестаты и звание Личного Почетного Гражданина, если по происхождению не принадлежали в высшему сословию. Отличники получали звание кандидата коммерции, а также награждались золотыми или серебряными медалями. При поступлении в высшие профессиональные учебные заведения на выпускников коммерческих училищ распространялись те же права, что и на выпускников реальных училищ. Для поступления на государственную службу выпускник училища должен был принадлежать или к высшему сословию, или, будучи кандидатом коммерции, отработать в торгово-промышленных заведениях не менее десяти лет. Свидетельство об окончании торгового училища могли получить и лица, не обучающиеся в нем, но сдавшие выпускные экзамены наравне с учащимися данных учебных заведений. Отличием было то, что лица, окончившие торговое училище экстерном, не могли получить звания кандидата коммерции и быть награждены золотыми и серебряными медалями²⁴. Выпускники торговых школ, относящихся к учебным заведениям второго разряда, по закону отбывали трехгодичный срок военной службы²⁵.

Коммерческие курсы давали дополнительное профессиональное образование к основному среднему и высшему. На курсы коммерческих знаний могли записаться лица, имеющие образование ниже среднего и желающие получить дополнительно коммерческое образование по направлениям курсов: коммерческие, конторские, бухгалтерские и т.д. На данных курсах преподавались специальные дисциплины, в объеме не ниже курса средних коммерческих училищ: бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, арифметика, политическая экономия, коммерческое законодательство и коммерческая география. Выпускники курсов имели право преподавания специальных предметов в коммерческих учебных заведениях, проведя предварительно три пробных урока в присутствии комиссии²⁶.

Допускалось как отдельное существование учебного заведения любого разряда, так и нескольких учебных заведений разного разряда. При учебных заведениях могли открываться подготовительные курсы для подготовки к поступлению²⁷. Подобным об-

разом система обучения строилась в Торговой школе и курсах коммерческих знаний В.В. Кузьмина и И.М. Громогласова в городе Москве²⁸.

Торговая школа В.В. Кузьмина и И.М. Громогласова имела трехгодичный срок обучения, а также подготовительные курсы. Обучение было платным: подготовительные курсы стоили 80 руб. в год, каждый год основного обучения – 100 руб. в год. Оплата производилась за полугодие. При неуплате ученик автоматически исключался. Для тех, кто нуждался в жилье, существовало общежитие, стоимость за проживание в котором составляла 300 руб.

На подготовительных курсах преподавали: Закон Божий, русский язык, отечественную историю, арифметику, геометрию, географию, естествознание, каллиграфию и рисование²⁹.

В первом классе торговой школы ученики, кроме перечисленных выше предметов, изучали: коммерческую арифметику, коммерческую географию, физику и химию, с практическим товароведческим уклоном, вместо немецкого языка изучался французский. Во втором и третьем классе добавлялись: бухгалтерия и товароведение³⁰.

Для поступления на подготовительный курс, можно было пройти обучение на трехгодичном подготовительном отделении, на котором изучались: Закон Божий, русский язык, церковно-славянское чтение, арифметика, немецкий язык, каллиграфия, пение и рисование. В первый класс принимались неграмотные дети старше семи лет. Обучение на подготовительном отделении также было платным: 50 руб. за обучение и 250 руб. за проживание в общежитии за первый год обучения, и соответственно 60 руб. и 300 руб. на втором и третьем году обучения³¹.

В преамбуле к уставу и учебным программам торговых курсов авторы изложили причины и важность их открытия. Так, в разделе «Цели учреждения курсов», учредители говорят о росте экономического развития Российской империи. Этот фактор требовал большого количества людей, получивших профессиональное образование в сфере коммерции. Для этих целей было разработано и Высочайше утверждено Положение о коммерческом образовании. Одной из ступеней этого образования являлись курсы коммерческого образования.

Взросшие контакты русского бизнеса с иностранными коммерческими кругами, активное вхождение российских товаров на мировой рынок требовали от коммерческих служащих знаний в разных областях. В первую очередь это касалось профессиональных знаний: бухгалтерии, метрической и денежной системы ведущих стран и др. Очень важное влияние уделялось преподаванию иностранных языков. Но авторы указывают и на важность существования данных курсов для потребностей внутреннего рынка, в частности, для возросшего товарного сельского хозяйства. Немаловажным принципом при создании данных курсов была их общедоступность для всех сословий³².

Торговые курсы В.В. Кузьмина и И.М. Громогласова давали образование по трем направлениям: общее коммерческое, специальное счетоводческое, иностранный язык.

Первое направление давало общие знания по коммерции и предназначалась для лиц, не имеющих коммерческих знаний вообще, или имеющих только общие представления. В ходе обучения преподавались такие предметы, как: коммерческая арифметика, основы бухгалтерии, торговое законодательство и политическая экономия. Существовала возможность оплаты за обучение по каждому предмету как отдельно (35 руб. за один предмет), так и за весь курс целиком, тогда сумма оплаты составляла 100 руб.

На отделении специальных счетоводческих курсов преподавались различные виды счетоводства: банковское, фабрично-заводское, сельскохозяйственное, потребительских обществ, органов местного самоуправления и т.д. При отсутствии элементарных знаний в сфере коммерции слушатель данного отделения мог восполнить пробелы в своем образовании, посещая дополнительно курсы первого отделения. Срок обучения в первых двух отделениях составлял 4 месяца.

Третье отделение предназначалось для обучения «новым» иностранным языкам: английскому, немецкому и французскому. Курс обучения был двухгодичным и включал в себя 6 семестров. Стоимость каждого семестра составляла 25 руб.

Примечателен тот факт, что не усвоившие программу курса в отведенный срок, могли пройти повторное обучение бесплатно.

Образовательный процесс в женской торговой школе строился по тому же принципу, что и в мужской. Единственным отличием было преподавание в женской торговой школе рукоделия³³.

Мы имеем возможность изучить устав торговых классов Московского общества распространения коммерческого образования. В основе данного устава лежат статьи Положения о коммерческих учебных заведениях. Уставом вводилось правило, согласно которому число учащихся на одном курсе не должно было превышать 30 человек. Особенно это касалось преподавания специальных курсов (бухгалтерия, коммерческая арифметика и т.д.), на которых существовали практические занятия. Попечительский Совет выполнял следующие функции: распределении нагрузки по предметам, участие в составе экзаменационной комиссии, выдача отличникам учебы похвальных грамот и рекомендаций, заведование классами³⁴.

В целом, картина развития сети учебных заведений, дающих коммерческое образование, была следующей. Средние учебные заведения развивались достаточно интенсивно. За 20 лет, с 1896 по 1916 год, сеть школ увеличилась с 8 до 602. В целом к 1916 году система коммерческого образования в России состояла из 260 коммерческих училищ, 169 торговых школ, 38 торговых классов и 135 курсов коммерческих знаний. Численность учащихся в коммерческих учебных заведениях в конце XIX - начале XX века стабильно увеличивалась. Если в 1896 году во всех видах коммерческих школ обучалось 2500 человек, то к 1899 году их число возросло до 10950 человек, а к началу 1905 года составило уже 32316 человек. К концу 1913/14 учебного года количество учащихся в коммерческих учебных заведениях достигло максимального уровня - 90637 человек³⁵.

Примечания:

1. Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII - начало XX вв.): Межвуз. сб. науч. ст.* Барнаул, 1995; Галиева Р.Д. О месте торговых служащих в социальной структуре капиталистического общества в конце XIX – начале XX в. // *Актуальные вопросы истории Сибири. II-е научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина 6-7 октября 1999 г.* Барнаул, 2000; Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // *Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд.* М., 2000; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004; Пак М.Ё. Служащие московских промышленных предприятий в конце XIX – начале XX веков // *Отечественная история.* 2006. №2 и др.

2. Бессолицын А. *Витте и становление коммерческого образования в России // Платное образование.* 2006. №5. С.52-54.

3. *Свод Уставов Ученых Учреждений и Учебных Заведений ведомств Министерств Императорского Двора, Торговли и Промышленности, Внутренних дел, Юстиции, Путей сообщения и Финансов, Главного Управления Землеустройства и Земледелия, Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Императорского Человеколюбивого Общества // Свод Законов Российской империи. Т.ХI. Ч.1. СПб. С. 551-559.*

4. Там же. Ст. 1055.

5. Там же. Ст. 1056, 1060, 1061.

6. Там же. Ст. 1063.

7. Там же. Ст. 1066, 1070.

8. Там же. Ст. 1084.

9. Там же. Ст. 1072, 1083.

10. Там же. Ст. 1073-1074.

11. Там же. Ст. 1075.

12. Там же. Ст. 1058.

13. Там же. Ст. 1054.

14. Там же. Ст. 1065, 1092.

15. Там же. Ст. 1054.

16. Там же. Ст. 1095.

17. Там же. Ст. 1096-1100.

18. Там же. Ст. 1101-1102.

19. Там же. Ст. 1105-1107.

20. Там же. Ст. 1109-1110.
21. Там же. Ст. 1111-1113.
22. Там же. Ст. 1116-1117.
23. Там же. Ст. 1118-1120.
24. Там же. Ст. 1118-1119, 1122-1125ю
25. Устав о повинностях, о воинской службе // СЗРИ. Т.IV. Ст. 64, п.2
26. Свод Уставов Ученых Учреждений и Учебных Заведений. Ст. 1135-1137, 1139.
27. Там же. Ст. 1057.
28. Правила и Программы Торговой школы и Курсов коммерческих знаний В.В. Кузьмина и И.М. Громогласова в г. Москве. М. 1901. 43 с.
29. Там же. С. 5-11.
30. Там же. С. 11-35.
31. Там же. С. 36-43.
32. Там же. С.3-8.
33. Там же. С. 8-35.
34. Устав торговых классов Московского Общества Распространения коммерческого образования. М. 1902. С. 3-16.
35. Бессолицын А. Указ. соч. С. 52-54.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МОСКОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В.И. Дубинский Мелитопольский государственный университет им. Богдана Хмельницкого

Данная статья посвящена рассмотрению наиболее крупной оборонительной операции на советско–германском фронте в начальный период Великой Отечественной Войны – Московской оборонительной операции. Автор делает попытку дать обоснованную характеристику провала стратегии блицкрига вермахта и определить значение этой операции в подготовке советского контрнаступления в декабре 1941 года.

Ключевые слова: Москва, Московская оборонительная операция, Г.К. Жуков, группа армий “Центр”, Х. Гудериан.

MOSCOW DEFENSIVE OPERATION V.I. Dubinskiy Melitopol State University named after Bogdan Khmelnickiy

This article is devoted to consideration of the biggest defensive operation on the Soviet–German front in the initial period of the Great Patriotic War – to the Moscow defensive operation. The author makes an attempt to give a grounded explanation of failure of strategy of Blitzkrieg of Wehrmacht and define the value of this operation in preparation of the Soviet counter-offensive in December, 1941.

Key words: Moscow, Moscow defensive operation, G.K. Zhukov, group of armies “Center”, H. Guderian.

Московская битва – является первой крупной победой советского оружия против вооруженных сил Германии и её сателлитов. В ходе битвы советские войска смогли ликвидировать угрозу городу Москва, являвшемуся крупнейшим политическим, экономическим, культурным центром СССР. Прорыв противника на центральном направлении неизменно стагнировал бы взаимодействия с частями фланговых фронтов, что имело бы крайне негативные последствия для их снабжения. Таким образом, потеря города серьезно ухудшила бы стратегическое положение РККА.

Однако успешность советского контрнаступления в декабре 1941 года была поставлена под сомнение вследствие провала оборонительного этапа в Московской битве (30 сентября – 5 декабря 1941 года). Все возрастающее, по мере продвижения вглубь территории СССР, противодействие Красной армии значительно снизило темпы продвижения армий Германии и её сателлитов. Это дало возможность реализовать полу-

ченное время для формирования новых армий и их расположения на стратегических направлениях, выбранных советским командованием как наиболее перспективных в ходе готовившегося контрнаступления.

В ходе проведенного исследования были использованы следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, системного анализа, периодизации, описание.

В историографии Московской битвы четко обозначились несколько периодов: первый — с 1941 по 1955 г., второй — с 1956 по 1990 г., третий — с 1990-го по сегодняшнее время. Они отличались друг от друга задачами, характером и результатами исследований. Каждый период, будучи частью истории государства, имел свои особенности в духовной жизни общества. Так как вплоть до 1991 г. «руководящей и направляющей силой общества» была правящая Коммунистическая партия Советского Союза, эти особенности четко проявлялись в идеологической политике КПСС, в конкретных установках и задачах ее идеологической работы во всех общественных и государственных структурах, в том числе и в определении задач, целей и характера военно-исторических исследований.

В период войны и в первые послевоенные годы идеологическая работа ВКП(б) была направлена на мобилизацию всех сил на разгром врага, затем на восстановление хозяйственного комплекса страны, а также на разоблачение планов и действий реакционных сил западных государств, развязавших против СССР «холодную войну», острейшей стороной которой стала невиданная по масштабам психологическая война, дополняемая гонкой вооружений. Однако стержнем идеологической работы было укрепление культа личности И.В. Сталина. Исторические исследования, научные и публицистические труды по Великой Отечественной войне и Московской битве были призваны возвеличивать Сталина как непогрешимого вождя и учителя и гениального полководца. Сталинские оценки причин, хода и результатов Великой Отечественной войны, несмотря на их субъективизм, преподносились как единственно правильные и незыблемые.

Первые исследования операций Московской битвы, появившиеся вскоре после ее окончания, носили, как правило, очерковый или оперативный характер. К ним можно отнести «Битву за Москву» Б.М. Шапошникова¹.

Период с 1956 по 1990 г. характеризуется резким изменением вектора идеологической работы в связи с разоблачением и критикой культа личности И.В. Сталина. Было положено начало фундаментальным публикациям по периоду Великой Отечественной и Второй Мировой Войны. К ним можно отнести 6-ти томную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»², 12-ти томную «Историю Второй Мировой Войны 1939–1945»³.

Только с начала 90-х гг., когда были сняты цензурные ограничения и открыты многие архивные фонды, фронт научных исследований Московской битвы расширился. В 1992 г. был снят гриф «секретно» со сборника документов Верховного Главнокомандования и боевых документов Великой Отечественной войны, выпущенных ранее. Но при всей значимости подобных работ они остались практически недоступными для широкого круга читателей из-за отсутствия их в большинстве библиотек страны. И лишь изданные в последнее время новые сборники документов и материалов позволили ликвидировать данное ограничение, открыв дорогу к более глубокому и всестороннему воссозданию событий битвы. К публикациям вышедшим в свет в данный период можно отнести: А.Г. Больных «Молниеносная война. Блицкриги Второй мировой»⁴, М.Ю. Мягков «Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942»⁵, Н.Я. Комаров, Г.А. Куманев «Великая битва под Москвой»⁶, «Битва под Москвой. Хроника, факты, люди»⁷. Особую место занимают исследования групп авторов по историографии Московской битвы, к которым можно отнести сб. «Московская битва в хронике фактов и событий»⁸.

Таким образом, имевшая место в первом 50-летию неполнота источниковой базы была преодолена, что даёт возможность с большей долей объективизма ответить на поставленные ранее вопросы.

Московскую битву не обошла своим вниманием и зарубежная историография. И это естественно. Ведь такие поворотные, катастрофические события для крупнейшей и сильнейшей армии западного мира не могли не встревожить ее политических и военных деятелей. К ним можно отнести такие публикации, как: Г. Гудериан «Воспоминания солдата»⁹, К. Типпельскирх «История второй мировой войны»¹⁰, Дж. Фуллер «Вто-

рая мировая война 1939–1945 гг.”¹¹, К. Рейнгардт “Поворот под Москвой”¹², Г. Гот «Танковые операции»¹³. Однако далеко не всегда западные историки могут похвастаться своей объективностью. В частности, это связано со стремлением оправдать поражение гитлеровских войск очень серьезным превосходством со стороны РККА, свалить вину на поражение вермахта сложными метеорологическими условиями.

Таким образом, Московская битва в западной историографии рассматривается противоречиво. С одной стороны, это сравнительно объективное истолкование хода военных действий, причин поражения и исторического значения этого события, а с другой — тенденциозный показ ее роли во Второй мировой войне, искажение подоплеку разгрома немецких войск и принижение достижений советского военного искусства.

Особенностью военно-политической обстановки перед началом операции “Тайфун” было то, что Германия находилась в состоянии войны с Великобританией, Грецией, Югославией и Советским Союзом.

На стороне Германии в войне участвовали Италия, Венгрия, Финляндия, Румыния, Болгария. 27 сентября 1940 г. был заключен Берлинский пакт о военном союзе между Германией, Италией и Японией.

Были оккупированы и выведены из войны Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Франция.

Турция 18 июня 1941 г. заключила договор о дружбе и ненападении с Германией.

На Дальнем Востоке Япония не связывала себя обязательствами участвовать в войне против СССР на стороне Германии, сосредоточив усилия на расширении своей экспансии на Азиатском континенте. Одновременно велась подготовка к нападению на Советский Союз, включающая разработку соответствующих планов и усиление Квантунской армии.

Таким образом, готовясь к решительному наступлению на западном направлении, к концу сентября 1941 г. Германия полностью господствовала на Европейском континенте, используя военно-экономический потенциал стран-союзников и оккупированных государств для наращивания военных усилий на советско-германском фронте. Отсутствие активных военных действий со стороны Великобритании обеспечивало Германии возможность переброски части сил с запада на советско-германский фронт. Сохранение военной угрозы для Советского Союза со стороны Японии обеспечивало отвлечение значительной части Советских Вооруженных Сил на восток¹⁴.

16 сентября командующий группой армий «Центр» издал директиву, содержащую замысел предстоящей операции. 30 сентября 1941 года группа армий “Центр” начала операцию “Тайфун”, то есть наступление на Москву. В приказе Гитлера от 2 октября говорилось: “В эти три с половиной месяца нужно, наконец, создать предпосылку для последнего решительного удара, который должен ещё перед наступлением зимы уничтожить противника... Сегодня начало последнего, решительного сражения этого года”¹⁵.

Замысел операции предусматривал мощными ударами крупных группировок, сосредоточенных в районах Духовщины (3 танковая группа), Рославля (4 танковая группа) и Шостки (2 танковая группа), окружить основные силы войск Красной армии, прикрывавших столицу, и уничтожить их в районах Брянска и Вязьмы, а затем стремительно обойти Москву с севера и юга с целью её захвата. Таким образом, для финального удара на московском направлении были привлечены 2, 3 и 4 танковые группы. Однако победы всё же достаточно дорого давались немногочисленным панцерваффе, их группы на сентябрь 1941 года были значительно ослаблены (у Гудериана и Хёпнера примерно по 650 танков, у Гота – 415 танков). Всего для операции «Тайфун» было выделено до 1700 танков в составе 13 танковых дивизий. С советской стороны им противостояли около 1400 танков, входившие в состав одной танковой дивизии (108-я) и 14 танковых бригад, а также 7 отдельных танковых батальонов в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов. Советские танковые части гораздо быстрее получали пополнение, тем более что кризис танкового производства, связанный с эвакуацией, был краток. Однако отметим: впервые за войну панцерваффе (пусть и на короткое время) превосходили числом советские танковые части в масштабах конкретной крупной операции¹⁶.

Придавая предстоящему наступлению характер генерального сражения, то есть вооруженного столкновения главных сил воюющих сторон, оказывающего по своим результатам решающее влияние на исход войны, германское командование нацелило на советскую столицу 75 % танков, почти 50 % самолетов, 42 % живой силы и 33 % артиллерии из общего количества, находившегося на всем Восточном фронте. Такая концентрация сил и средств обеспечила немецкой группе армий «Центр» общее превосходство над войсками Западного, Резервного и Брянского фронтов в 1,4–1,6 раза, а в авиации — в 2,5 раза. На направлениях же главных ударов это преимущество достигало 5–12 раз и даже 31 раза (по танкам на духовщинско-вяземском направлении)¹⁷.

30 сентября на Орловском направлении начала наступление танковая группа Гудериана и 2-я полевая армия Вейхса, нанешие сильный удар по левому флангу Брянского фронта. С рассветом 2 октября перешли в наступление главные силы группы армий «Центр». 4-я армия вместе с приданными ей соединениями 4-й танковой группы наносила удар по обеим сторонам шоссе Рославль-Москва; 3-я танковая группа с приданными ей частями 9-й армии — на участке автострада — Белый и далее на Холм. Эти группы должны были замкнуть кольцо у Вязьмы. К 7 октября в окружении под Вязьмой оказались части 19-й, 20-й, 24-й и 32-й, а под Брянском 3-й, 13-й и 50-й советских армий. По немецким данным в плен было взято 663 тысячи красноармейцев и командиров. 7 октября фон Бок приказал продолжить наступление в направлении Москвы, но ликвидация окруженных частей Красной Армии продолжалась до 12-13 октября.

Основным рубежом на подступах к Москве стала Можайская линия обороны. Всего на этом рубеже от «Московского моря» до слияния р. Угра с Окой (230 км) в составе четырёх советских армий насчитывалось лишь около 90 тысяч человек.

Для улучшения управления войсками Западный и Резервный фронты 10 октября были объединены Ставкой Верховного Главнокомандования в Западный фронт под командованием генерала армии Г.К. Жукова.

С середины октября до начала ноября шли упорные бои на Можайском рубеже. Советские войска оказывали упорное сопротивление отборным соединениям вермахта и задержали их на рубеже рек Лама, Руза и Нара.

Тяжелые бои шли и в районе Калинина. 14 октября 41-й моторизованный корпус захватил Калинин. 17 октября на базе войск правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии) был создан Калининский фронт (командующий генерал-полковник И.С. Конев). Попытки противника наступать от Калинина в тыл Северо-Западного фронта были ликвидированы. Наступление 2-й танковой армии на Тульском направлении в конце октября — начале ноября также было остановлено действиями резервов Ставки Верховного Главнокомандования, 50-й армии и населения Тулы. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, немецкие соединения вынуждены были остановиться. Оставшиеся боеспособными части и соединения Красной Армии, а также свежие дивизии, переброшенные из восточных районов страны, упорно отстаивали каждую оборонительную позицию. Советские войска стали получать, хотя ещё в недостаточном количестве, новую технику (танки Т-34, реактивные установки «Катюша»), которая поколебала уверенность немецких командиров в безусловном превосходстве вермахта. К тому же сказались и изменения погодных условий. Немецкие войска оказались неподготовленными к успешным действиям в распутицу и при понижении температуры. Потери группы армий «Центр» только с 1 по 17 октября составили 50 тысяч человек. План операции «Тайфун» не был выполнен.

Однако немецкое командование не отказалось от захвата Москвы. Оно подтянуло подкрепления (до 10 дивизий) и привело перегруппировку войск. На Москву была нацелена 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 4 моторизованных. Перевес в силах был на стороне противника. Он имел здесь почти в 2 раза больше солдат и офицеров, в 2,5 раза больше артиллерии, в 1,5 раза больше танков.

Ставка Верховного Главнокомандования усилила Западный фронт резервами и пополнениями. В первой половине ноября Западный фронт получил 100 тысяч человек, 300 танков, 2 тысячи орудий. 10 ноября Брянский фронт был расформирован, его 50-я армия была передана Западному фронту, 3-я и 13-я армии Юго-Западному фронту. С 17 ноября в состав Западного фронта вошла 30-я армия Калининского фронта.

15-18 ноября началось новое наступление группы армий «Центр». Главные удары наносились на Клин, Рогачев – в обход Москвы с севера и на Тулу, Каширу – в обход Москвы с юга. 22 ноября танки генерала Г. Гота вошли в Клин, через два дня дивизии генерала Рокоссовского вынуждены были оставить Истру, а 28 ноября авангарды 7-й танковой дивизии противника вышли к каналу Москва – Волга, в районе Яхромы, форсировали р. Нара севернее и южнее Наро-Фоминска, подошли к Кашире с юга. Дальше немецким войскам продвинуться не удалось¹⁸.

Таким образом, в период с 30 сентября по 5 декабря 1941 года войска, прикрывающее московское направление, осуществили Орловско-Брянскую (30.09-23.10), Вяземскую (2.10-13.10), Калининскую (10.10-4.12), Можайско-Малоярославецкую (10-30.10), Тульскую (24.10-5.12), Клинско-Солнечногорскую (15.11-5.12), Наро-Фоминскую (1-5.12) оборонительные операции. Наиболее ожесточённые бои велись на направлениях: Клин – Дмитров, Солнечногорск – Красная Поляна, Волокаламск – Истра, Руза – Звенигород, Можайск – Дорохов, Верея – Наро-Фоминск и на рубежах: р. Лама, Волокаламск, Руза, Можайск, Рогачево, Дмитров, Красная Поляна, Крюково, Звенигород, Наро-Фоминск, р. Нара¹⁹.

В начале декабря 1941 г. обстановка на советско-германском фронте изменилась. Немецкие войска были остановлены практически на всех направлениях. Инициатива в ведении боевых действий стала переходить к Советским Вооружённым Силам. Назрел перелом в обстановке и под Москвой. По указанию Ставки ВГК войска Калининского и Западного фронтов с 27 ноября по 3 декабря нанесли сильные контрудары в районах Калинина, Яхромы, Красной Поляны, Звенигорода, Наро-Фоминска, Тулы и Каширы. Так на завершающем этапе летне-осенней кампании, начался процесс перерастания оборонительных действий советских войск в наступательные²⁰.

Таким образом, группа армий «Центр», возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 года, так и не смогла выполнить поставленную перед ней задачу взятия советской столицы. В начале декабря она достигла пределов своих возможностей, хотя отдельные ее соединения и части продолжали атаки на советские позиции. Наступил кульминационный момент сражений, таящий в себе опасность для немецких войск. Академик А. Самсонов писал, что положение ГА «Центр» характеризовалось тогда следующими факторами: армии фон Бока растянулись одним эшелоном на фронте до 1000 км; над фланговыми группировками ГА «Центр» нависли с севера - войска Калининского фронта, а с юга — армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронта; коммуникации группы фон Бока подвергались ударам советских партизан и авиации. К тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная Армия была подготовлена намного лучше. Все эти факторы в значительной мере предопределили разразившийся под Москвой невиданный кризис германской армии. К тому же в конце ноября советские войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта — под Тихвином и Ростовом. Освобождение этих городов не только сорвало немецкие планы соединения с финнами и выхода к Кавказу, но и способствовало созданию условий для начала контрнаступления Красной Армии на центральном участке фронта.

Примечания:

1. *Битва за Москву. Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г. / Б.М. Шапошников. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Тразиткнига, 2006. 855 с.*
2. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). М.: Воениздат, 1960-1965.*
3. *История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). М.: Воениздат, 1973-1982.*
4. *Больных А.Г. Молниеносная война. Блицкриги Второй мировой. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 352 с.*
5. *Мяжков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941-1942 / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. О.А. Ржещевский. М., 1999. 303 с.*
6. *Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Великая битва под Москвой: Летопись важнейших событий. Комментарии. М. Институт российской истории РАН, 2002. 339 с.*
7. *Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Кн.1. 926 с.*
8. *Московская битва в хронике фактов и событий. М.: Воениздат, 2004. 504 с.*

9. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск.: Русич, 1999. 656 с.
10. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1999. 439 с.
11. Фуллер Дж.Ф.Ч. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностранная литература, 1956.
12. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Исторический очерк. Перевод с нем. Г.М. Иванецкого. Под редакцией А.И. Бабина. М.: Воениздат, 1980. 383 с.
13. Гот Г., Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. 368 с.
14. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Кн.1. С. 7-8.
15. Блейер В. и др. Германия во второй мировой войне (1939-1945). М.: Воениздат, 1972. С. 169.
16. Журавлёв Д.В. Военная техника Советского Союза и Германии. Война брони и моторов 1941-1945. Белгород: "ООО Книжный клуб "Клуб семейного досуга"", 2010. С. 94.
17. Московская битва в хронике фактов и событий. М.: Воениздат, 2004. С. 152.
18. 100 великих битв. М.: Вече, 2004. С. 442-445
19. К решающим битвам / А.Б. Мартиросян. М.: Вече, 2008. С. 146.
20. Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Великая битва под Москвой: Летопись важнейших событий. Комментарий. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С. 236.

ПІДПІЛЬНИЙ РУХ У ДОНБАСІ (НА ПРИКЛАДІ М. ГОРЛІВКИ)

О.О. Бодня

Донецький національний університет

Статтю присвячено висвітленню підпільної партійної діяльності у Донбасі в роки Великої Вітчизняної війни, вивченню її характеру та особливостей. На підставі джерел, архівних документів та матеріалів розглядаються особливості форм та методів боротьби цієї організації на прикладі історичних фактів та подій, дається оцінка діяльності, зроблені висновки стосовно значущості та наслідків підпільної роботи.

Ключові слова: Велика Вітчизняна війна, підпільний рух, Донбас, боротьба.

UNDERGROUND MOVEMENT IN DONBASS (ON THE EXAMPLE OF GORLOVKA TOWN)

A.A. Bodnya

Donetsk National University

On the basis of formerly unknown archival documents and memoirs of contemporaries the author studies national underground movement in Donbass during the occupation period of 1941 – 1943. The author investigates and analyses the struggle forms and methods.

Key words: Great Patriotic War, underground movement, Donbass, struggle.

В умовах незалежності в українській історичній науці з'явився новий об'єктивний підхід у вивченні історії Великої Вітчизняної Війни, відкриваються нові недосліджені сторінки. Відкритий доступ до фондів архівних зумовлює дослідника до перегляду, уточнення та переосмислення наявної історіографії; дозволяє розглянути регіональні аспекти підпільної боротьби. Те, що нам відомо про підпільний рух із розповідей його безпосередніх учасників, а також з архівних документів, часто не збігається з відомостями та оцінками радянської історіографії. Реалії народної боротьби на окупованій фашистами території були набагато складнішими, подекуди навіть заплутанішими, а відтак і драматичнішими, ніж це випливало з історичних праць та мемуарів¹. В історіографії залишилось ще багато невирішених та невідомих питань з історії підпільного руху у Донбасі. Тому вивчення підпільної діяльності на території Донбас набуває актуальності сьогодення в умовах переосмислення визвольного руху в історичній науці та потребує подальшого дослідження.

В цілому історіографію по даній тематиці можливо поділити на 2 етапи: радянська та вітчизняна. Радянська школа приділяла достатньо уваги боротьбі народу проти іноземних загарбників, але дослідження мали більш розповідний характер, аналізу підпільного руху не було, а іноді багатьох фактів просто не опубліковували. Серед дослідників варто відзначити: В. Клокова, І. Куліка, І. Слинька, К. Дубина, тощо. Є роботи,

присвячені вивченню визвольного руху як на території Радянського Союзу цілому, так і в окремих регіонах зокрема. До таких відносяться дослідження О.В. Броваря², Л.М. Бичкова, П.В. Доброва, В.І. Кучера. Однак вони не акцентують свою увагу на зазначеній тематиці роботи, тому є потреба її подальшого вивчення та аналізу. Об'єктом зазначеної тематики є підпільний рух в м. Горлівки та сусідніх районів. Предмет дослідження являє собою різні форми, методи та засоби боротьби з ворогом, його масштаби. Хронологічні рамки охоплюють період із серпня 1941 р. до вересня 1943 р., що обумовлено перебуванням окупаційного режиму на території Донбасу. Мета дослідження полягає у розкритті особливостей підпільної діяльності у Донбасі на прикладі м. Горлівки, відтворити загальну картину боротьби, дати оцінку та аналіз певним історичним фактам, відкрити нові недосліджені сторінки.

Народний опір гітлерівським загарбникам виявився в широкому розмаху підпільної та партизанської боротьби. До відступу Червоної Армії з території Донбасу тут була створена досить розгалужена мережа підпілля: діяло два підпільних обкоми партії (Ворошиловградський і Сталінський), 74 міськами і райками, 137 партійних осередків. На окупованій території Донбасу було створено понад 300 партизанських загонів і груп, в яких брали участь понад 8,2 тис. осіб. Ворошиловградським обкомом партії з червня 1941 до липня 1942 року було направлено до збройних сил Радянського Союзу 10144 чоловік, а для роботи у підпіллі в тилу ворога – 265 комуністів та 187 комсомольців³. Проте, як зазначає відомий український дослідник М. Коваль, те, що робилося у справі організації підпілля, підкреслює М. Коваль, з повним правом можна назвати безвідповідальністю, навіть злочинністю. Пригадуючи в розпачливих ситуаціях першого періоду війни прочитане в численних художніх творах про громадянську війну, керівники різних рангів, до обов'язків яких входила організація підпільно-партизанської боротьби на територіях, що могли потрапити під ворожу окупацію, нерідко виявляли цілковиту некомпетентність та наївність в інструктажах учасників підпілля. Це відразу негативно позначилося на ефективності ведення боротьби з ворогом⁴.

Документи свідчать про те, що радянське керівництво приділяло особливу увагу діяльності підпільним організаціям як інструмента боротьби з ворогом. У постанові ставилося завдання: “Задля організації підпільних осередків та керівництва партизанських рухом, диверсійної роботи в районах, захоплених ворогом, повинні бути спрямовані найбільш стійкі керівні партійні члени, також віддані радянській владі безпартійні товариші, знайомі з умовами району, до якого вони направляються. Партизанські загоны та підпільні групи повинні бути добре забезпеченими”⁵. Очолювали ці осередки керівники обласних, районних партійних організацій. Свою активну діяльність підпільні організації почали з нападом фашистської Німеччини на Радянський Союз. Постановою ЦК ВКП(б) від 18 липня 1941 р. “Про організацію боротьби в тилу німецьких військ” та від 29 червня 1941 р. в директиві Раднаркому СРСР та ЦК ВКП(б) зазначалося, що потрібно швидко організувати мережі підпільних організацій задля підготовки боротьби з ворогом. Мета їхньої діяльності полягала у створенні нестерпних умов для німецьких окупантів, а саме дезорганізації їхнього зв'язку, транспорту і самих військових частин, зриві всіх організаційних заходів, знищенні загарбників та їх посібників, тощо⁶. У відповідності з вказівкою ЦК КП(б)У та Сталінського обкому КП(б)У Горлівським міським комітетом була заснована підпільна партійна організація у складі підпільного райкому КП(б)У та п'яти парторганізацій. Очолив її С.М. Щетинін, який був членом Сталінського підпільного Обкома КП(б)У та секретарем Горлівського підпільного горкома КП(б)У, який до окупації працював парторгом на шахті 5/6 ім. Дімітрова. В підпіллі він діяв під ім'ям І.М. Кусакіна⁷. Горлівській підпільній партійній організації були поставлені такі важливі завдання: 1. розгортання агітаційної роботи серед населення з метою організації боротьби проти окупантів; 2. Надання практичної допомоги партизанським загонам, та повідомлення їм розвідувальні дані; 3. Інформування партійних органів про дії партизанських загонів; 4. Озброєння працівників при наступі Червоної Армії. В Горлівці були створені парторганізації, які знаходились в наступних пунктах: в Ново-Горлівці, на ст. Микитівка, на ртутному комбінаті та на шахті ім. Калініна⁸.

З перших днів окупації Горлівки, самовіддані підпільники вели активну диверсійну та пропагандистську роботу, вербували в підпільний актив сміливих бійців. Це

були працівники шахт, заводів, колгоспники. З моменту створення організація налічувала 30 осіб, але з приходом німців багато підпільників самовільно відійшли у віддалені райони країни. Тим самим на момент окупації Горлівська підпільна організація мала в своєму активі 13 осіб, на яких випала доля організувати боротьбу проти ворога. Горлівські бійці тісно намагались співпрацювати з іншими підпільними осередками Донбасу. У 1941 р. був встановлений зв'язок з Єнакіївською групою підпільників, в серпні 1942 р. – Амросіївською. ЦК КП(б)У безпосередньо керувала дії С.М. Щетиніна через свого зв'язкового Д.Є. Овчиннікова⁹. Коли німці захопили місто Горлівку і Горлівський район, гестапо відразу почало проводити масову реєстрацію всього дорослого населення, що відчутно вплинуло на нормальний зв'язок міськкому з первинними партійними осередками. Тобто, захопив частину Донбасу, окупанти включили її, в так звану «військову зону». Вони вже знали, що зустрінуть озброєний супротив та саботаж, та розробили систему наказів щодо встановлення «нового порядку». Гітлер, як писав генерал Кейтель, наказав здійснити жорсткі каральні заходи: «Існуючі для забезпечення безпеки у підкорених східних областях війська, у зв'язку з обширністю цього простору, будуть достатніми лиш в тому випадку, якщо всякого роду опір буде зламаний не шляхом юридичних покарань винуватих, а якщо окупаційна влада буде викликати той страх, який повинен відбити в населення усіяке бажання до опору, і задля застосування цих драконівських заходів командуючи повинні знаходити засоби для підтримання безпеки в своїх районах». Гітлерівські військовослужбовці не несли ніякої відповідальності за злочини проти населення¹⁰. Вони вривалися в будинки, брали все, що їм попадалось. З перших днів окупації Горлівки загарбники намагались розпочати освоєння його багатств та промислових підприємств. Для експлуатації заводів вони створили гірничо – металургійне товариство «Схід». На всі шахти та заводи були призначені німецькі управлінці. Робітники шахт та заводів опинилися в скрутному становищі. Всі жителі міста повинні були пройти реєстрацію та носити пов'язку на руці. За порушення цих норм – розстріл. На підприємствах був встановлений 14 – 16 часовий робочий день. Працювали під наглядом солдат та поліцейських. Застосовувалися також тілесні покарання¹¹.

Горлівка, по суті, стала центром керівництва підпільної боротьби всієї області. Учасників підпільної організації ознайомлювали з методикою проведення підпільної роботи, а також забезпечували відповідними документами. Підпільники діяли під помилковими прізвищами. Зв'язок здійснювався за допомогою новостворених конспіративних квартир. Задля зустрічі підпільники використовували усні паролі у вигляді запитань, на які потрібно було відповісти потрібними словами. Наприклад, паролем В.П. Панченко було питання - «Горлівка наша?», а відповідь повинна була лунати – «І буде наша»¹². Організація С.М. Щетиніна була достатньо добре озброєна. У їхньому розпорядженні налічувалося 2 кулемети, 40 гранат, 2 автомати, 31 гвинтівка, 3 пістолети та 15 тис. набоїв для різних видів зброї¹³. Але варто зауважити, що підпільники не мали теплої одягу та взуття.

В умовах Донбасу важливим завданням підпільників у боротьбі з загарбниками було не дати можливості їм використовувати природні багатства та промисловість задля армії ворога. На перший план постало завдання в масовому порядку зірвати роботу на заводах, шахтах і транспорті. І трудівники активно відкликалися на заклики підпільників. Зрив робіт відразу прийняв широкого розмаху. Ефективність масової боротьби за зрив робіт на підприємствах посилилась диверсіями підпільників¹⁴. В диверсіях брали участь вже в перші місяці 30 безпартійних перевірених активістів. Для проведення підривної роботи була створена диверсійна група, командиром якої було призначено О.С. Сотнікова, який до окупації був головою азотно–тукового заводу. У листопаді – грудні 1941 р. у м. Горлівці були спалені будівлі міської поліклініки, де була розміщена база однієї з італійських частин, будівля середньої школи та гараж, в результаті чого загинуло 29 німецьких солдатів. В ході операції було знищено багато італійських автомашин та охорона гаражу¹⁵. Все це було досягнуто завдяки вмілим діям диверсійних груп. На станції Микитівка згоріла велика продовольча база німців. Підпільники вміло скористувалися тим, що вартовий відійшов з посту та підпалили спеціальними речовинами базу. У видаваних німцями наказах, що відносяться до того часу, зазначалося: «Усі вартові повинні стежити і бути пильними, щоб жодних пожеж не було. Партизани будуть спалені на вогнищі»¹⁶.

Мала місце усна та друкарська пропагандистська, агітаційно – масова робота серед населення Горлівського і частково Артемівського району. У своєму звіті про проведену агітаційно – масову роботу В.Я. Орехов згадує: “спочатку я не вів активної боротьби, а вивчав настрої кожного працівника з урахуванням тих, на кого я б міг покластися. В жовтні 1942 р. мене, як старця, перевели працювати теслею. Ця посада відкрила для мене можливість розгорнути ширше агітаційні заходи серед трудівників бригади¹⁷. До мене в майстерню приходили працівники ремонтувати обладнання, і якщо в мене була листівка, я її передав, а коли не було – проводив бесіду стосовно знущань німців над нами, що вони нас вважають гіршими за собак. Я намагався в кожній людині розвинути більше ненависті до німців, та зміцнити надію, що невдовзі буде контрнаступ. Спочатку приходилося важкувато, але потім розвинувся такий інтерес до бесід та листівок, що майже кожна людина приносила листівку та починала читати її для всіх. Одного разу, у нас з’явилася доповідь профашистського базіки Геббельса про сталінградський розгром німців. Це була найвеселіша бесіда...”¹⁸. Бували випадки, коли робітники просто сиділи і нічого не робили. В боротьбу вступали і ті, кого для цього не готували. На ртутному селищі організувалась група молодих патріотів - Василь Корягін, Григорій Косоног, Володимир Рижиков, Іван Горбатенко, Микола Макаров. Це були учні шкіл та молоді трудівники. В. Рижиков до війни навчався в горному технікумі. Тільки І. Горбатенко був покликаний до армії, попав в полон, втік з концтабору та прийшов додому. Після тривалих спроб вдалося налагодити детекторний приймач. Молоді борці по черзі слухали його, робили записки, щоб розповісти іншим про події на фронті. Йшла по селищу «Жива газета». Поступово вони почали збирати на місцях боїв гвинтівки, набойки. Знайшли декілька гранат, але без запалів. В лави патріотів вступив провокатор, він називав себе лейтенантом, який втік з полону. Йому довірилися хлопці, і почалися арешти. Ввечері 22 березня 1942 р. прийшли поліцаї до Рижкових, потім до Косоноги, Коряги. В гестапо їх жорстоко катували та всіх стратили¹⁹. Поступово опір населення зростав, і окупанти посилювали режим. Вони розстрілювали усіх, кого затримували на вулицях вночі, і хто з’являвся біля окопів передньої лінії.

Проте внаслідок недостатньої організаційної підготовки по створенню органів в проведенні внутрішньої боротьби з ворогом в Горлівській підпільній партійній організації мали місце низка крупних недоліків. Внаслідок самовільного виїзду цілого ряду працівників і зв’язкових на початку своєї роботи були провали в діяльності. Часто порушувалися конспіративні заходи, люди іноді не були готові до такої боротьби, тобто не мали уявлення про ефективне застосування тих чи інших можливостей, підпільники потребували необхідного майна. Зв’язок був погано налагоджений, тому ставити цілі і завдання формувалися на місцях, тобто роз’єднана підпільна діяльність. Вступ до підпільної організації проводився на добровільних засадах, але відбір проходив без ретельної перевірки цих кадрів. Все це призвело до вливання в групи дезертирів та ворожих елементів²⁰. В.Я. Орехов у своєму звіті вказує та підтверджує ці значні недоліки: “1. Неможна залишати підпільників в тому районі, де вони довгий час працювали до окупації на різних керівних посадах, тому що тоді їх впізнавали багато людей. Тому потрібно було за 2–3 місяці до окупації забезпечити організацію кадрами з інших регіонів, щоб про них ніхто нічого не знав та не зміг довідатися. Наприклад, залишили мене і Сотнікова в Новогорлівці, де я два роки працював секретарем парторгу шахти №8 ім. Сталіна, а Сотніков – голова завкому азотно – тукового заводу. І знали нас усі мешканці від малого до велика. Тому я сам вирішив перейти в інший район. 2. Документи треба було видавати тими органами влади, за якими підпільник закріплювався. У нас все виходило по-іншому. В документах часто були помилки, і при перевірці могли спокійно викрити. Тому я повинен був відразу знищити свій військовий білет, а для паспорту сам зробив потрібні печатки. 3. Щоб доповідати потрібну інформацію був створений ланцюжок зв’язківців, і якщо хоч одна ланка випадала, то зв’язок обривався, що в нас і трапилось коли І.І. Касьянов потрапив в полон. 4. Матеріальна база повинна бути забезпеченою на рік харчами та грошами. Але рівно через місяць після окупації ми залишились без шматочка хлібу та грошей. Ці умови зіграли особливу роль задля відвернення підозр, але погано для шлунку та здоров’я. 5. Треба було для підпільної роботи шукати сміливих та відданих своїй справі громадян, але так вийшло, що товариші, котрі повинні були залишитися відійшли в тил. 6. Важко було з забезпеченням всіх

членів організації конспіративними квартирами, і нам доводилося шукати їх власноруч.”²¹.

Автор на основі виявлених джерел вказує, що не зважаючи на малочисельність Горлівської підпільної організації у Донбасі, їй вдалося провести відмінну роботу у виконанні усіх завдань у боротьбі з ворогом, залучити до своїх лав вірних країні підпільників. Дійсно підпільна боротьба стала народною. Багато людей допомогло народним борцям здолати ворога. В результаті діяльності цієї організації, що проводилася серед населення Горлівського району, були проведені заходи щодо саботування захоплених німцями підприємств: шахти і заводи не працювали, а там, де німцям і вдавалося під силою зброї примушувати робітників працювати, робота зривалася. Горлівка не давала вугілля і німці для забезпечення залізничного транспорту сировиною вимушені були її завозити. Важко підрахувати загальну кількість вбитих та поранених в ході підпільної роботи, але німці не могли спокійно спати доки Горлівські підпільники спостерігали за ними та завдавали удари по важливим об'єктам. За два роки хазяйнування гітлерівцям не вдалося чітко закріпитися, що сприяло скорішому контрнаступу військ Червоної Армії та звільненню території колишнього Радянського Союзу, які були захоплено ворогом.

Примечания:

1. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сборник документов и материалов. Донецк: Донбасс, 1980. С. 39.

2. Там само. С. 41

3. 1941 рік: Кн.2 / За ред. А.Н. Яковлева. М.: Міжнар. фонд "Демократія", 1998. С. 412.

4. Там сам. С. 121.

5. Міхненко А.М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни. Донецьк, 1998. С. 40.

6. Там само, С. 43.

7. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.1. Арк. 15.

8. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.5. Арк. 7.

9. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.2. Арк. 21.

10. ДАДО.Ф. 5000. Оп.1. Спр.28. Арк. 42.

11. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.12. Арк. 14.

12. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.167. Арк. 25.

13. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.2. Арк. 32.

14. Добров П.В. Народне ополчення України в роки Великої Вітчизняної війни. Донецьк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2006. С. 98.

15. Там само. С. 101.

16. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.206. Арк. 17.

17. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.269. Арк. 17.

18. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.202. Арк. 27.

19. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.200. Арк. 56.

20. ДАДО. Ф.5000. Оп.1. Спр.259. Арк. 62.

21. Жеребецкий П.И. Горловка в годы Великой Отечественной войны. Донецк: Рио Донецк., 1993. С. 22.

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.Ю. Титаренко

Донецкий национальный университет

В статье на основании археографических публикаций, материалов периодической прессы, мемуаров предпринята попытка охарактеризовать особенности формирования образа Германии и немецкого народа у населения Донбасса в период Великой Отечественной войны. Сделан вывод о том, что решающее влияние на этот процесс оказывала пропаганда, а также практические действия властей.

Ключевые слова: Германия, Великая Отечественная войны, пропаганда, образ, оккупация.

IMAGE OF GERMANY IN THE CONCIUSNESS OF POPULATION OF DONBASS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

E.Yu.Tytarenko
Donetsk National University

In the article, on the base of the documentary publications, periodical press, memoires an attempt to characterize the peculiarities of formation of the image of Germany and Germans among the population of Donbass was made. It is emphasized that propaganda and practical activities of the authorities had made the decisive influence on this process.

Key words: Germany, Great Patriotic War, propaganda, image, occupation.

Период Великой Отечественной войны стал временем не только глубоких политических, экономических изменений в обществе, но и духовных трансформаций среди населения. Особенно ярко они проявлялись там, где население имело возможность испытать на себе в ходе войны влияние 2-х политических режимов – нацистского и советского, двух моделей пропагандистского влияния на население.

Одним из ключевых элементов в системе идеологической обработки населения стало формирование образа Германии – «врага, напавшего на родную землю» либо союзника, «пришедшего на помощь в борьбе против большевизма». К сожалению, несмотря на определенную разработку вопросов, связанных с духовным миром населения в период войны¹, этот аспект требует дополнительного изучения, особенно в региональном аспекте. Исходя из этого, задачи исследования заключались в следующем: проанализировать особенности восприятия Германии накануне и в начале Великой Отечественной войны; охарактеризовать процесс формирования образа Германии в период нацистской оккупации; осветить основные направления антинемецкой пропаганды и особенности ее восприятия после освобождения. Достаточно наглядно характерные черты формирования властью и восприятия населением тех или иных стереотипов о Германии можно проследить на примере Донбасса. В качестве источниковой базы для реализации поставленных задач были использованы археографические публикации, материалы прессы и мемуары.

Начало войны стало временем серьезного духовного кризиса для населения и ознаменовало собой серьезную неудачу советской пропаганды. Это было связано с тем, что после подписания пакта Молотова-Риббентропа СССР установил с III Рейхом довольно активные культурные связи. Практиковался обмен информацией об организации духовной жизни страны, о деятельности прессы, радиовещания и кинематографа, о научных достижениях по линии всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Советская сторона, как отмечает авторитетный российский исследователь Н.И. Кондакова, «...изучала опыт Германии, использовала его в культурной пропаганде и – в некоторой степени – для популяризации социалистических идей и своего образа жизни»². Практически накануне войны антифашистская пропаганда в СССР оказалась под строгим запретом³, что сразу же после начала войны не могло не сказаться на эффективности советской пропаганды.

Начало войны, безусловно, привело к снятию запрета на осуществление антифашистской и, следовательно, антинемецкой пропаганды. Ведущую роль в разоблачении идеологии фашизма сыграли средства массовой информации и, в частности, газета «Правда», поместившая 13 июля 1941 года статью «Изверг Гитлер – лютый враг русского народа», основные тезисы которой были опубликованы и рядом иных изданий. Определенное влияние на формирование образа агрессора, обреченного на неудачу, оказало проведение прямых параллелей между нападением Германии на СССР и походом Наполеона на Россию в 1812 году.

Несмотря на то, что первоначальная реакция на войну у советского населения, по мнению правительства, была позитивной, продвижение немецких войск дало населению Донбасса, как, впрочем, и остальной оккупированной территории, политические альтернативы, которых жители Советского Союза были давно уже лишены⁴. На фоне катастрофических поражений Красной Армии, зачастую отсутствия жесткой военной дисциплины, имело место хождение слухов о непобедимости немецкой армии, бегстве местного партийного и советского руководства, скором падении Советской власти. В немалой степени падению авторитета Советской власти способствовало разру-

шение при отступлении промышленных предприятий, уничтожение запасов продовольствия, репрессии по отношению к людям, пытавшимся протестовать против реализации политики «выжженной земли»⁵. В этих условиях определенная часть населения связывала надежды на улучшение положения или, по крайней мере, восстановление спокойствия и порядка с немцами. Как отмечал изветный публицист В.Самарин, вспоминая начало войны, «...на немцев рассчитывали как на силу освободительную»⁶. Приход немцев в ряде случаев воспринимался с радостью. Следует в этом отношении заметить, что, несмотря на проводимую советской пропагандой работу по формированию «образа врага» в лице немцев, уничтожавших мирное население, в частности евреев, многие жители Донбасса этому не верили. В памяти у них был опыт немецкой оккупации Украины и, в частности, Донбасса, в 1918 году, который не ознаменовался особым травматизмом.

Оккупация края стала временем, которое в некоторой степени опровергло старые стереотипы и создало новые представления, обусловленные прежде всего опытом взаимоотношений с немцами.

Достаточно длительный период оккупации, высокая плотность военнослужащих в условиях прифронтовой полосы не могли не привести к появлению между населением и немцами контактов, не вполне вписывающихся в традиционную схему представлений об оккупантах исключительно как об элементах человеконенавистнической, всеразрушающей системы и жителях оккупированных областей исключительно как о ненавидящих фашизм патриотах. Эти контакты могли проявляться в экономическом сотрудничестве, предоставлении жителями города некоторых услуг бытового плана (почистить обувь, приготовить обед, достать самогона и т.д.), сожительстве женщин с оккупантами, и даже банальном разговоре постояльцев с хозяевами квартиры. Безусловно, в ходе такого взаимодействия многие стереотипы, сложившиеся под влиянием как нацистской, так и советской пропаганды если не рушились, то претерпевали существенные изменения. Люди, пережившие оккупацию, вспоминают о случаях, когда немцы угощали их едой, показывали фотографии своих семей, проявляли обычные человеческие чувства людей, оторванных от своего дома. Как явствует из немецких документов, такого рода явления имели тенденцию к распространению, рассматривались как снижающие боеспособность войск и требовали вмешательства командования с целью их недопущения⁷.

Составной частью духовной жизни населения на оккупированной территории была религиозная жизнь. По отношению к церкви на оккупированной территории вермахт, органы военной администрации должны были руководствоваться указаниями «Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению». Они предусматривали следующие ключевые положения, которых должны были придерживаться войска: не поддерживать и не запрещать религиозную деятельность гражданского населения, держаться в стороне от этих мероприятий; военным священникам не предпринимать никаких шагов и не проводить религиозную пропаганду, направленную на местное население; не допускать и не привлекать священнослужителей из Рейха либо иных стран в оккупированные районы; не проводить богослужения для вермахта в бывших церквях; разрешить местному населению открыть церкви, закрытые «советским режимом»⁸. Понятно, что появление этих указаний ставило своей целью создание достаточно благоприятного психологического климата на оккупированной территории, пропагандирование образа немецкого вермахта как «освободителя от иудо-большевистского ига», минимизацию угрозы недовольства местного населения действиями оккупационных властей. Именно эта достаточно толерантная политика оккупационных властей позволяет рассматривать период оккупации как время своеобразного расцвета религиозной жизни как на территории Украины в целом, так и в Донбассе в частности.

Возобновление деятельности религиозных учреждений, свобода вероисповедания рассматривались в качестве одного из решающих факторов построения «новой жизни». Так, председатель Юзовской городской управы Н. Петушков не только акцентировал внимание на том, что «...существенным в построении новой культурной жизни является вопрос о свободе вероисповедания...», но и, приводя в качестве примера факт открытия в Юзовке молитвенных домов констатировал: «...новая жизнь предоставляет всем гражданам самые широкие права вероисповедания»⁹. В Ворошиловграде же ита-

льянский священник, служащий в одной из церквей города, заявил буквально следующее: «Вы, христиане, теперь уже свободны от большевизма. Поэтому вы все должны, как один, помогать немецкой армии, фронту для скорейшего и полного разгрома большевизма»¹⁰.

Следует отметить, что в ряде случаев представители оккупационных властей, военного командования посещали торжественные молебны по случаю открытия церквей, массовые крещения детей, где даже выступали в качестве крестных отцов. Безусловно, все это должно было демонстрировать причастность немецкой армии к возрождению церковной жизни, способствовать формированию образа оккупационной власти в качестве спасителя гонимой большевиками церкви.

Формирование образа Германии происходило и под влиянием целенаправленных пропагандистских акций. Важным инструментом создания визуального представления о Германии стал кинематограф¹¹. Репертуар кинотеатров, предназначенных для удовлетворения духовных запросов как немецких военнослужащих, так и местного населения, состоял в основном из немецких игровых фильмов, в частности таких как «Кровная дружба», «Его лучший друг», «Кора Терри», «Эшнапурский тигр» и других.

К числу немецких пропагандистских фильмов, демонстрировавшихся как для немцев, так и для местного населения, относились «Победа на Западе», «Штурмовики», «Олимпия». Из числа чисто пропагандистских фильмов, изготовленных исключительно для населения оккупированных территорий, предлагались «Фюрер и его народ», «22 июня», «Поездка в Германию», «Дубинушка», «Рабочий день немецкого бауэра», «Фильм о Германии» и др.

Учитывая то обстоятельство, что и в нацистской Германии, и в Советском Союзе кинематограф был призван не только отражать действительность, но и изменять ее в соответствии с заранее определенными образцами, на оккупированной территории его можно рассматривать в качестве как важного инструмента прямой пропаганды, так и источника формирования общественного мнения¹².

Значительное внимание в средствах массовой информации, прежде всего в прессе, выходившей на оккупированной территории, уделялось проблемам взаимоотношений Украины и Германии. Учитывая жесткую немецкую цензуру, осуществлявшуюся над изданиями, все они имели тенденциозный и субъективный характер. Лейтмотивом большинства публикаций была идея ведущей роли Германии, приоритета во всех сферах экономической, политической и культурной жизни. Фактически во всех публикациях обосновывалась идея исторической миссии Германии, ее роль первоходца во всех сферах человеческой деятельности. На страницах газет содержались призывы к местному населению тесно сотрудничать с оккупационной администрацией, «...всеми силами помогать немецкому руководству в его огромной борьбе против большевизма»¹³.

Уже с конца 1941 – начала 1942 годов на оккупированной территории была развернута широкая пропагандистская кампания с целью организации массового добровольного выезда населения в Германию. Жителей городов и сел оккупационные власти призывали принять участие в строительстве «новой Европы», и, таким образом, обеспечении скорейшего окончания войны. Обосновывая необходимость выезда в Германию, нацистская пропаганда апеллировала к невозможности в короткий срок обеспечить восстановление предприятий промышленности и обеспечения работой большого количества безработных. Фактором, обеспечивающим в первое время добровольный характер выезда в Германию жителей оккупированных территорий, стало отсутствие средств к существованию, стремление избежать путем выезда на работу голода. Немаловажную роль сыграло в этих условиях обещание обеспечить продовольственной и денежной помощью семьи добровольно выехавших. С целью массовой дезориентации населения устраивались выставки, которые восхваляли немецкий «рай», «счастливую жизнь» восточных работников. Значительное внимание уделялось характеристике перспектив пребывания в Германии. Так, в частности, на страницах местной «Краматорской газеты» отмечалось: «Украинские работники и работницы своим серьезным и старательным отношением к делу уже завоевали уважение со стороны немцев, и их старательность вместе с немецкой наукой и культурой производства дают этим работникам несомненное усовершенствование в своей квалификации, а те, кто не имеет этой квалификации, приобретают там ее»¹⁴.

Во многом именно этим объясняются первоначальные успехи нацистов, которые призывали население региона ехать в Рейх, где его ждут «райские» условия труда. Однако уже с лета 1942 года при осуществлении вербовочных мероприятий оккупационные власти начали сталкиваться со все большим количеством трудностей, нарастающих как снежный ком. Они были связаны с теми известиями, которые получало население на оккупированной территории от уехавших на работы в Германию. Оккупанты не учли, что информация от первых остарбайтеров, описывающая тяжелый путь в Германию, изнуряющие условия работы на предприятиях, систему жестоких телесных наказаний, скудное питание, отсутствие элементарных бытовых удобств, презрительное, а зачастую исполненное ненависти отношение к «недочеловекам» негативно отразится на желании населения искать спасения от голодной смерти на работах в Германии, приведет к резкому уменьшению числа желающих добровольно выехать туда. Сведения такого рода нейтрализовывали, а зачастую полностью перечеркивали все пропагандистские усилия нацистов. Из задержанной в июне 1943 г. цензурой почты «остарбайтеров» 95% писем содержали негативные отзывы о жизни в Рейхе¹⁵.

В сложившихся условиях стремясь реализовать программу обеспечения немецкой экономики рабочей силой нацистское руководство взяло курс на принудительные меры. С целью централизации руководства всеми трудовыми ресурсами, повышения эффективности их использования было создано специальное учреждение – «Имперское бюро по использованию рабочей силы», во главе с фанатичным нацистом Фрицем Заукелем. В основу набора рабочей силы был положен территориальный принцип, то есть метод разверстки квот между городами и общинами. Ответственными за выполнение этих квот были местные бургомистры и сельские старосты. Успех осуществления мероприятий могло гарантировать применение полиции и даже войск. Обычным явлением стало проведение облав на население на улицах, в кинотеатрах, в домах граждан. Схваченных при этом людей на автомашинах либо в пешем порядке доставляли на сборные пункты, где грузили в эшелоны и отправляли в Германию.

С целью избежать отправки в Германию трудоспособная молодежь стремилась нанести ущерб своему здоровью, чтобы быть забракованной медицинской комиссией. Она вызывала у себя ожоги путем применения кислоты и каустической соды, вызывала учащенное сердцебиение, принимая в больших дозах хинин, настойку табака, умышленно заражалась инфекционными заболеваниями либо симулировала симптомы таковых у себя, наносила себе травмы. Все это в комплексе привело к резкому усилению среди населения региона антинемецких настроений и формированию представления о Германии как о каторге и неволе.

Период после освобождения стал временем, когда стремление Советской власти усилить уже сформированное у населения представление о злейшем враге совпало с желанием населения, пережившего все ужасы оккупации и бывшего на протяжении 2-х лет оторванным от влияния советской пропаганды, узнать всю правду о немцах и Германии как в региональном, исходя из своего опыта общения с врагом, так и в глобальном аспектах. Именно поэтому акцент в первые же месяцы после освобождения был сделан на освещении злодеяний нацистов на оккупированной территории, характеристике экспансионистских, колонизаторских планов немецкого фашизма по отношению к населению оккупированных областей, в том числе и Донбасса. Анализ материалов местной прессы, выходившей в 1943-1945 гг. на освобожденной территории области, позволяет сделать вывод о стремлении показать 2 мировую войну прежде всего как борьбу против Германии, выступающей в данном случае олицетворением сил зла. С целью придания антигерманской пропаганде большей достоверности и убедительности широко практиковалось использование местного материала, в частности, об уничтожении местного населения и военнопленных, депортации молодежи на принудительные работы в Германию, разрушении и грабеже промышленных предприятий, колхозов, объектов социальной инфраструктуры¹⁶. В условиях войны, крайнего жестокого ее характера, проводимая советской стороной антифашистская пропаганда носила ярко выраженный антинемецкий характер. Часть средств массовой информации, разоблачая деяния гитлеровцев, по инерции продолжала публикацию подобных материалов и на завершающем этапе войны, что даже вызвало появление в газете «Правда» от 14 апреля 1945 г. статьи «И. Эренбург упрощает», в которой был подвергнут критике такой подход и акцентировано внимание на недопустимости отождествления главарей

III Рейха с немецким народом¹⁷. В немалой степени на формирование образа Германии не только как сплошного источника зла оказали влияние бывшие оstarбайтеры и фронтовики, которые, вернувшись из Германии, рассказывали то, что не всегда вписывалось в официальную канву и даже противоречило ей. Так, в частности имели место высказывания следующего содержания: «Немцы меня не обижали, можно было бы и дальше там работать», «В немецком лагере было лучше, чем дома», «Работа на Донбассе – это каторга и обман работников. Когда я был в Германии, то условия труда были лучше, чем тут», «В Германии колхозов нет. Немцы живут хорошо»¹⁸.

В целом, оценивая процесс формирования образа Германии в сознании населения Донбасса, необходимо отметить, что он эволюционировал, зависел от особенностей функционирования пропагандистского механизма, значимости роли и места Германии в жизни местного населения. Война, дав непосредственный опыт общения с немцами и Германией, несмотря на экстремальность ситуации, расширила мировоззрение местного населения и в ряде случаев побудила рисовать образ Германии иначе, нежели это представляли себе советский и нацистский режимы.

Примечания:

1. Юденков А.Ф. *Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.)*. М.: Мысль, 1971; Коваль М.В. *Общественно-политическая жизнь трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны*. К.: Наукова думка, 1977; Орлов Ю.Я. *Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985; Комков Г.Д. *На идеологическом фронте Великой Отечественной*. М.: Наука, 1986; Коваль М.В. *Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1929-1945 рр.)*. К.: Видавничий дім «Альтернативи», 1999.

2. Кондакова Н.И. *Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941-1945 гг.* М.: Б.и., 1995. С. 23.

3. Волковский И.Л. *История информационных войн. Ч.2*. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. С. 300-301.

4. Куромія Гіроакі. *Свобода і терор у Донбасі: українсько-російське прикордоння, 1870-1990-і роки* [пер. з англ. Г.Кьорян, В.Агеев; / передм. Г.Немирі.]. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2002. С. 375.

5. Зінченко Ю.І. *У рік важких випробувань* / Ю.І. Зінченко, В.І. Кучер // *Архіви України*. 1991. №2. С. 12-13.

6. Vladimír D. Samarin. *Civilian Life under the German Occupation, 1942-1944*. New-York, 1954. S. 12.

7. *Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Известные и неизвестные страницы истории*. Донецк: АОЗТ «Издательство «Донеччина», 2008. С. 137.

8. Шкаровский М.В. *Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная церковь*. М.: Вече, 2007. С. 135-140.

9. *Донецкий вестник*. 1941. 15 нояб.

10. *Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : [Документы и материалы / Т.20 (9)]*. М. : ТЕРРА, 1999. С. 155.

11. Салата О. *Формування німецького інформаційного простору в рейхскомісаріаті Україна та в зоні військової адміністрації (червень 1941- 1944 рр.)*. Донецьк : Норд-Прес, 2010. С. 158.

12. Taylor, Richard. *Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany*. Croom Helm, London, Barnes & Noble Books, New York, 1979. S. 230.

13. *Маріупільська газета*. 1941. 1 лист.

14. *Краматорська газета*. 1942. 1 лист.

15. Коваль М.В. *Борьба населения Украины против фашистского рабства*. К.: Наукова думка, 1979. С. 52.

16. *Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)*.: [сб. докум. и материалов / редкол.: Клерфон Е.Д. (отв.ред.) и др.]. Донецк: Донбасс, 1980. С. 192, 229, 253, 269.

17. Кондакова. Н.И. *Указ соч.* С. 164.

18. Куромія Гіроакі. *Вказ твір*. С. 443.

III. ИСТОРИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»

ИСТОРИЯ ВАЛУЙСКОЙ КРЕПОСТИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII СТОЛЕТИЯ

С.С. Кушнарев

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается история строительства Валуйской крепости и ее существование в первые десятилетия XVII столетия. Основанная на южных рубежах, Валуйка являлась своеобразным форпостом Российского государства. "Смутные" годы начала XVII столетия замедлили темпы развития города. В дальнейшем Валуйская крепость смогла вернуть статус важного пограничного пункта, одного из ключевых в колонизационной политике Российского государства.

Ключевые слова: Валуйская крепость, В.В. Кольцов-Мосальский.

HISTORY OF VALUYKI FORTRESS IN THE END OF XVI – THE FIRST QUARTER OF THE XVII CENTURY

S.S. Kushnarev

Kharkov National University named after V.N. Karazin

The article deals with the construction of the Valuyki fortress and its existence during the first decades of the XVII century. Founded on the southern borders Valuyka was a distinctive outpost of the Russian state. "Trouble" times of the early XVII century slackened the pace of the city development. In the meantime the Valuyki fortress was able to return the status of an important boundary settlement, which played the key role in the colonial policy of the Russian state.

Key words: Valuyki fortress, V.V. Koltsov-Mosalsky.

Тема строительства городов в конце XVI столетия «на Поле» и их история в начале XVII столетия длительное время привлекали к себе внимание исследователей. Однако некоторые вопросы остаются недостаточно освещенными, а отдельные – вовсе не изученными. К ним можно отнести историю города Валуйки в конце XVI – начале XVII столетия.

Вопросы колонизации южной окраины Российского государства и возведение городов на этой территории на рубеже XVI-XVII веков интересовали многих исследователей. Большой документальный материал, почерпнутый из архивов, позволил таким авторам как Д.И. Багалею¹, Ф. Гумилевскому² и другим выяснить многие конкретные факты из истории заселения края. Особая роль в изучении заселения южного побережья Российского государства в XVI-XVII веках принадлежит В.П. Загоровскому³. Существенный вклад в разработку проблемы внесли валуйские краеведы⁴.

Опубликованная Д.И. Багалеем «Строельная книга города Валук 1599 года» позволяет достаточно подробно изучить историю строительства последнего города «на Поле» в конце XVI века в пределах современной Белгородской области. Однако при отсутствии других опубликованных документов, которые смогли бы пролить свет на раннюю историю города Валук и дополнить багалеевскую «Строельную книгу...», становится возможным привлечение тех материалов и публикаций, в которых вопрос истории Валук затрагивается косвенно.

Документы других городов позволяют уточнить характер росписи, смет целиком на город и на отдельные его части, крепостные укрепления, храмы, государственные постройки. На основании этих источников удастся проследить все фазы строительства нового города «на Поле»: от выбора места под город до его заселения. Из документов следует, что место под город выбиралось, исходя из общегосударственных задач⁵.

Место для будущего города Валуйки «на Осколе усть-реки Вилуйки»⁶ было удобно не только для обороны от татарских набегов, но и для последующего продвижения России в сторону Крымского ханства и для закрепления за Российским государством берегов реки Оскол вплоть до впадения ее в реку Северский Донец. На фоне политических успехов 1598-1599 годов уверенное продвижение фактических российских рубежей на юг оказалось вполне реальным.

Примерно за год до начала строительства Валуйской крепости на предполагаемое место постройки нового города Разрядный приказ отправил «служилых голов» во главе с Судакон Мясным⁷. Кроме военного сопровождения, Разрядный приказ снабдил экспедицию географическими картами и примерными вариантами строительства укреплений, составленных на основании опроса станичных сторож и жителей близлежащих городов – Белгорода, Оскола, Курска⁸.

Экспедиция вернулась в Москву с чертежами, подробными описаниями местности, планом строительства укреплений и сметой⁹. В отчете участников экспедиции отмечалось, что выбранная ими местность в будущем должна способствовать укреплению Валуйки, чтобы «городу от того места порух не чаяли»¹⁰. Город, по их определению, должен был иметь такие размеры, чтобы в случае необходимости вместить всех жителей окрестных слобод¹¹. Также при выборе места для закладки города во внимание принимались не только его военные качества, но и красота¹².

Руководить строительством нового города Борис Годунов поручил воеводе князю Владимиру Васильевичу Кольцову-Мосальскому и голове Судакон Мясному¹³. Государев указ о строительстве города был дан воеводе 8 августа 1599 года, а уже 1 сентября того же года назначенные для работы и обороны люди должны были собраться на реке Осколе¹⁴. Для снабжения строительства использовались главным образом водные пути – реки Оскон и Северский Донец¹⁵.

Воеводы, придя на место, должны были еще раз по чертежу и росписи увязать пересеченный рельеф местности с крепостными укреплениями, стенами и башнями, проезжими местами и дорогами¹⁶. «... то место ... которое ... присмотрели ... по чертежу и по росписи измерить и ручьев и бугров рассмотреть и измерить скольдалече который ручей или бугор будет от города и как ими промышлять, раскапывать ли который бугор или ручей мочно ... И сколько сажень городовоы стены или рву к тому ручью или бугру и коло того ручья или бугра»¹⁷. Строители должны были «которые овраги в место не сошлись ... измерить, сколько сажень меж теми оврагами проезжего места и надобеть около его перекопать или не надобно и которые овраги пригодятся около города во рвов место»¹⁸.

Таким образом, осматривая выбранное место под город, воеводы должны были не только оценить все его достоинства и недостатки с позиции обороны, но и улучшить в военном отношении существующий рельеф. При этом большое значение уделялось чертежу и росписи, сделанными служащими Разрядного приказа.

Валуйскую крепость строили 20 плотников, присланных по государеву указу из разных городов¹⁹. Непосредственным руководителем строительных работ был городовоы мастер Якуш Долматов²⁰. На период строительства в городе создавалась сторожевая охрана, организуемая из приказа на государственные деньги²¹. Служилых людей для строительства Валуйки выделяли «польские города». Так, из Новосили вместе с головой Остафием Жилиным под руководство князя В.В. Кольцова-Мосальского определялось 100 человек²². С Дедилова – «голова Семен Лодыженский, а с ним 2 сотника да стрельцов и литвы и немец и черкас лутчих 150 конных с пищалями»²³. Кроме того, из других «украинных» городов было «взято стрельцов и казаков конных 98 человек»²⁴.

Строителям, охранникам и служилым людям хлебное и денежное жалованье выдавалось из государственной казны. Направлявшимся к месту постройки нового города государевым указом предписывалось «взять ... своего запасу с Оскола на 3 месяца»²⁵. По прибытии к месту назначения плотники должны были срубить в центре города житницу, куда из близлежащих городов привозили «для прокорма» хлеб: «с Оскола взяти государева запасу у воеводы у князя Ивана Засекина да у головы у Степана Данилова, что привезут запасов из города с Ельца голова Федор Колтовский 43 чети с осьминою сухарей в четь с полуосминою круп 6 чети с полуосминою толокна. Из Данкова привезут Борис Поливанов 450 чети сухарей, Прокофей Толстой 145 четей сухарей да 72 чети круп да 57 четей толокна да 47 четей муки ржаной, Третьяк Стремюхов 90 четей сухарей, и всего с Ельца и из Данкова Федор Колтовский с товарищи государевых хлебных запасов на Оскон привезут 728 четей с осьминою сухарей да толокна 63 чети с полуосминою да 44 чети муки ржаной»²⁶.

Всеми хлебными запасами и деньгами на строительство крепости ведал князь В.В. Кольцов-Мосальский. От него приказ требовал полной отчетности²⁷.

Из документов видно, что состав строителей и служилых людей был строго определен в Разрядном приказе: «а стрельцам и казакам и литве и немцам и черкесам и днепропетровским казакам и всяким людям ... по росписи... как в росписи написано»²⁸. Такие же четкие указания давались воеводам в контроле за лошадьми, за оружием и боеприпасами.

Правительство подробно расписывало, как организовать поход к месту строительства, что перевозить в судах по рекам, кому идти с конной ратью берегом, как располагаться на месте. «Приде на место город обложить по чертежу и по росписи каковы им чертеж и роспись даны. И велети плотникам город рубити и делати не на спех, а делати им город образцом как пригоже»²⁹.

От воеводы князя В. В. Кольцова-Мосальского требовался постоянный присмотр за ходом работ и особенно за строительством колодцев и тайников: «а самим им у городского дела быть неотступно день и ночь беспрестанно чтоб им прося у Бога милости город заделать крепко вскоре да и тайник им в городе сделать присмотря место к озеру или к реке и в городе сделать колодец. А если колодец сделать нельзя ... - делать под-коп»³⁰.

Закладка нового города началась с разметки крепостных стен и освящения их основания³¹. Затем определялись места для храмов и государственных построек. Одновременно с крепостными стенами в Валуйке был заложен храм. В государевой грамоте о раздаче хлебного жалования дается распоряжение о выдаче продовольствия «2-м попам, диакону, дьяку, пономарю и проскурнице»³². По государеву указу в Валуйку были привезены «...Образ Пречистой Богородицы Владимирской ..., образ великих страстотерпцев ...Бориса и Глеба, двери царские с столбцами и сенями, 30 образов ...на золоте, двери северные, сосуды церковные, завесы к дверям, 3 блюда дарных, 2 ризы, 2 стихаря, 2 пояса, 5 фунтов ладану, Евангелие, Апостол, 2 Триоди цветных да постная, ... 2 служебника поповских, свечи, паникадило медное, аналой медный, чаша медная, в чем воду святить, да к церкви же 2 колокола - один в 3 пуда, а другой в 4...»³³.

В самом городе, согласно сметной росписи воеводе, кроме сооружений оборонного и культового назначения, устраивались три улицы, идущих в разных направлениях – в 6, 5 и 4 сажени шириной³⁴. Из «Строельной книги...» видно, что в Валуйках одновременно с житницей, пороховым погребом и храмом строилась тюрьма³⁵.

Из «Строельной книги...» нам известно и о вооружении Валуйской крепости: «...с воеводою ...на поле наряду и зелья и всяких пушечных запасов. С Оскола пищаль 9-типядная с станом и с колесами, ...а к ней 200 ядер, с Ливен 20 пищалей затинных, а к ней по 500 ядер к пищали свинчатных; из Серпухова 5 пищалей полковых с станы и с колесы, а к ним по 500 ядер к пищали железных, 5 пищалей скорострельных, а к ним по 500 ядер ...свинчатых, 30 пуд зелья, 15 пуд свинцу да к наряду и к острожному делу к воротам и к башням...»³⁶.

После окончания работ в 1599 году на зиму в Валуйке государевым указом были оставлены «... детей боярских новосильцев с сотником 20 человек, а которых выбрали воеводы Петр Басманов да князь Володимер стрельцов и казаков дедиловских с сотником 100 человек... И всего стрельцов и казаков зимовать 150 и городской мастер да пушкарей 12 человек, плотников 20, кузнец...»³⁷.

Идентичная картина организации работ встает перед нами при изучении документов, относящихся к основанию города Ельца, построенному несколькими годами ранее. Из отчета мастера следует, что при выезде на место предполагаемого строительства были определены границы укрепленной части нового города, которая должна была быть огорожена тарасами – деревянными срубами, засыпанными землей. Вокруг города должен был быть выкопан ров, за ним начиналась территория острога, т.е. посада, который также огораживался деревянными стенами и башнями³⁸.

Первоначально Валуйская крепость была небольших размеров. «Город был рубленой дубовый и сосновый, а в нем было двое ворот выездные да 7 башен. А башни рублены в 8 стен. А городовая стена рублена в 2 стены вверх было в городовые стены в 4 сажени»³⁹. Две башни имели проездные ворота, что подтверждается «Строельной книгой...»: «с воеводой ...в город 2 засова железных больших к воротам..., а к ним по 7 пробой, 2 замка больших, ...8 крюков к воротам по 4...»⁴⁰.

Место в городе под жилье для служилых людей и администрации готовилось одновременно с крепостными сооружениями⁴¹. Однако нарезка участков под селитьбу

внутри крепости производилась после того, как определялась трассировка стен и башен, храмов и государственных учреждений⁴². Одновременно были построены и заселены стрелецкие, пушкарские и казачьи слободы вне города. Оборонительные укрепления ставились не только в городе, но и за городом для охраны людей, работающих в поле: «... а коло поля были надолбы в 3 кобылины для береженья пахарей и конских и животных стад...»⁴³. В слободах были поставлены маленькие городки – «острожки». Кроме осадных дворов и крепости, дворовых участков в слободах жителям отмерялись большие земельные наделы за городом под пашню, покосы и выгоны⁴⁴.

В начале XVII века Российское государство потрясла гражданская война и иноземная интервенция. Первым этапом «Смуты» явились события 1601–1603 годов. Об участии в них Валук нет документальных сведений. Однако имеется несколько упоминаний о судьбе города в период движения Лжедмитрия I в иностранных источниках. В апреле 1605 года в письме к папскому нунцию Рангони Лжедмитрий сообщил, что его признали Воронеж, Оскол, Валуйки и другие города «южной украины» Российского государства⁴⁵. В этом же письме сообщалось, что валуйские служилые люди связали своего воеводу Савву Щербатого и отправили его навстречу Лжедмитрию I⁴⁶.

Кульминацией первой крестьянской войны стало восстание И. Болотникова. Источники свидетельствуют, что вспыхнуло оно на южных окраинах России⁴⁷. После отступления правительственных войск из-под Кром Валуйка в числе «...северских и полевых городов от царя Василия Ивановича Шуйского ...отложились»⁴⁸. О жизни города в последующие годы Смуты сведений нет. В документах город упоминается уже в 1614 году в связи с посылкой из Разрядного приказа писцового головы Григория Челюсткина⁴⁹. В документе, в частности, отмечается, что Г. Челюсткин наделил всех валуйских служилых людей поместной землей и «даровал прощение от государя ... за прошлые измены»⁵⁰.

В начале 20-х годов XVII века правительство царя Михаила Федоровича приступило к подготовке капитального ремонта Валуйской крепости. Для уточнения характера и объема работ в 1621 году из Разрядного приказа в крепость были направлены окольный Семен Головин и дьяк Иван Михайлов. Из описания, составленного ими в августе 1621 года, следует, что к Валуйской крепости относились, помимо городских оборонительных сооружений, большой и малый остроги, острог на левом берегу реки Валуха, слободы служилых людей и различные оборонительные сооружения на подступах к городу (засеки, надолбы и т. д.)⁵¹.

Большой валуйский острог был расположен на правом берегу реки Валуха и огораживал город вместе с малым острогом и слободами служилых людей⁵². Острог состоял из трех стен (четвертую стену заменяла река Валуха) общей протяженностью более двух километров⁵³. После ремонта площадь острога была несколько уменьшена, а со стороны валуйского берега была возведена еще одна стена⁵⁴. На стенах острога возвышались 12 башен (Ямская, Средняя, Стрелецкая, Средняя 2-я, Рязская, Овцына, Средняя 3-я, Курганская, Кропивинская, Данковская, Малая водяная, Банная) высотой до 6 метров, расположенные на расстоянии примерно 116 метров друг от друга⁵⁵. В семи башнях были проездные ворота.

Согласно росписи И. Михайлова и С. Головина, в остроге надлежало соорудить на стенах и башнях абламы, отремонтировать лубяную кровлю, мосты для верхнего боя и тарасы. С трех сторон острога намечалось выкопать ров и поставить тройные «надолбы с наметы»⁵⁶. На территории острога размещался Посольский двор.

Малый острог служил дополнительным укреплением города, огораживающим его с трех сторон, кроме восточной. Стены малого острога находились на расстоянии 20 метров от городских стен. Острог был окружен рвом, тройными надолбами и полосой вбитых в землю кольев с заостренными концами⁵⁷.

Сама Валуйская крепость представляла собой рубленый городок, расположенный на обрывистом правом берегу реки Валуха. В плане городские укрепления имели форму трапеции с протяженностью крепостных стен около 540 м⁵⁸. По углам города и на серединах стен располагались 7 башен высотой от 7 до 8 метров⁵⁹. Верх башен венчала лубяная шатровая крыша⁶⁰.

Из сметы 1621 года следует, что на территории города находились воеводский двор, храм, зеленый погреб и «33 амбара огившие и развалившиеся»⁶¹. Из города к колодезю на берегу реки Валуха был проложен подземный ход. В своем отчете в Разряд-

ный приказ И. Михайлов и С. Головин называют Валуйки «порожним городом»: «...стены, башни и мост еще крепки, а кровля всюду огнила»⁶².

На левом берегу Валуга находился Завалуйский острог. С внешней стороны острога был насыпан земляной вал, выкопан ров и установлены надолбы. О размерах этого острога документы не указывают.

В 1621 году по царскому наказу, полученному воеводой Михаилом Ивановичем Лодыженским, все население пригородных слобод было переведено в большой острог и размещено по служебной принадлежности жителей (казаки, стрельцы, пушкарники и т.д.). Проживание за пределами острога запрещалось: «... да беречи им тово накрепко, что валуйские... казаки и стрельцы и пушкарники и затинщики и кузнецы и воротники и всякие жилацкие люди жили в городе и в остроге. А за острогом ... казакам и всяким служилым и жилацким людям не давать, а велети всяким людям за острогом держати огороды и овины и клети от города и острога подалее...»⁶³. В ночное время жители слобод были обязаны находиться в остроге.

В том же царском наказе воеводе по этому поводу говорилось: « А город и острог велети на ночь замыкати и поутру отмыкати, смотря по вестям. И стада конские и животные велети летнею порою из острогу выпускати, разъездив около острогу и проведав про воинских людей, чтоб воинские люди у служилых и у всяких людей ... стад не отогнали и людей в полон не поймали. А ключи городовые и острожные велети воротникам на ночь приносить к себе»⁶⁴.

Заселение Валуйки велось организованно, путем перевода правительственными указами из других городов молодых семей всех сословий⁶⁵. Жителям нового города – «сведенцам» – по специальным распоряжениям государя выдавались селитебные деньги и хлебное жалованье⁶⁶. В документах 20-х годов XVII столетия встречаются сведения о побегах служилых людей из Валуйки, о их наказании и высылке обратно⁶⁷.

История «южной украины» и Поля в конце XVI века и в период «Смуты» является особой темой и требует специального изучения. На основании ряда источников удастся проследить историю создания оборонительных сооружений нового города «на реке Осколе усть-реки Вилуйки». Валуйская крепость, основанная на рубеже XVI – XVII веков, явила собой пример государственной колонизации южного побережья России.

Основанная по распоряжению правительства, Валуйка стала сильной русской крепостью на «Поле», в непосредственной близости от границ Крымского ханства. Отдаленность города от руководящего центра не самым лучшим образом повлияла на его судьбу в годы «Смуты» – крепость пришла в запустение и только после смены правительства в 1613 году Валуйка вновь обретает прежнее значение форпоста на южных рубежах государства.

Примечания:

1. См.: Багалея Д.И. *Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии*. Х., 1890. 420 с.
2. Филарет (Гумилевский Д.Г.) *Историко-статистическое описание Харьковской епархии*: в 3 т. Х.: ХЧМГУ, Изд-во САГА, 2006.
3. Загорский В.П. *Белгородская черта*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. 304 с.; Он же. *Изюмская черта*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 239 с.; Он же. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 272 с.
4. Карагодин М.И. *Среднее Поосколье. Исторический перекресток. Сборник историко-краеведческих очерков*: в 2 т. Белгород: Бел. Ру., 2008.; Сухоруков М. *Валуйки – форпост Отечества. Альбом-летопись*. Белгород, 1999. 216 с. и др.
5. Алфёрова Г.В. *Русские города XVI-XVII веков*. М.: Стройиздат, 1989. С. 107.
6. Багалея Д.И. *Указ соч.* С. 1.
7. Там же. С. 1.
8. Алфёрова Г.В. *Указ. соч.* С. 105.
9. Там же. С. 105.
10. Там же. С. 107.
11. Там же. С. 107.
12. Там же. С. 115.
13. Багалея Д.И. *Указ. соч.* С. 1.; См.: Солодкин Я.Г. «Градоделец» В.В. Кольцов-Мосальский // *Вопросы истории*, 2002. №10. С. 172-173.

14. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 1.
15. Там же. С. 2.
16. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 48.
17. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 7-8.; Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 119.
18. Багале́й Д.И. Указ. соч. С.8.
19. Там же. С. 1.
20. Там же. С. 1.
21. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 133.
22. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 1.
23. Там же. С. 1-2.
24. Там же. С. 2.
25. Там же. С. 1.
26. Там же.
27. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 133.
28. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 5.
29. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 134.
30. Там же. С. 134.
31. Там же. С. 138.
32. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 1-2.
33. Там же. С. 2.
34. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 130.
35. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 2.
36. Там же.
37. Там же. С. 3.
38. См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 15-18.
39. Сухоруков М. Указ. соч. С. 14-15.
40. Багале́й Д.И. Указ. соч. С. 2.
41. Алфёрова Г.В. Указ. соч. С. 136.
42. Там же. С. 138.
43. Там же. С. 136.
44. Там же. С. 143.
45. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912. С. 184.
46. Там же.
47. Солодкин Я.Г. Некоторые спорные вопросы истории воронежского края начала XVII века // Воронежский край на южных рубежах России. Воронеж, 1981. С. 10.
48. Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. №5. С. 135.
49. Карагодин М. И. Указ. соч. Т.2. С. 196.
50. Там же.
51. Архив П.А. Сопина // МУК «Валуйский историко-художественный музей». Л. 12.
52. Там же. Л. 15.
53. Там же.
54. Там же.
55. Сухоруков М. Указ. соч. С. 15.
56. Архив П.А. Сопина. Л. 16.
57. Там же. Л. 16.
58. Сухоруков М. Указ. соч. С. 14.
59. Там же. С. 15.
60. Там же.
61. Архив П.А. Сопина. Л. 17.
62. Там же. Л. 17.
63. Там же. Л. 29.
64. Там же. Л. 29.
65. Алфёрова Г.В. Строительство городов в Русском государстве // Вопросы истории. 1977. №7. С. 66.
66. Там же. С. 66.
67. См.: Александров-Дольник К., Второв Н. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова: в 3 т. Т.1. Воронеж, 1852. С. 148-150.; Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.И. 182. Оп.6. Д.19. ЛЛ. 2-4.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДСКО-УКРАИНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1773 г.

С.Д. Петров

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В статье рассматривается вопрос территориального деления и численности населения Слободско-Украинской губернии по переписи 1773 г. Проанализированы данные о количестве территориальных единиц, численности населения, его социальной структуры и этнонациональной структуры по переписи 1773 г. Определяется, что население слободских полков составляло около 700 тыс. чел., в губернии преимущественно проживали войсковые обыватели (бывшие слободские казаки), а удельный вес украинского населения составлял 96–99%.

Ключевые слова: территориальное деление, Слободско-Украинская губерния, перепись, численность населения, социальная структура, украинское население.

TERRITORIAL DEVICE AND POPULATION OF SLOBIDSKO-UKRAINIAN PROVINCE BY THE CENSUS 1773

S.D. Petrov

Kharkiv National University named after V.N. Karazin

The article considers the question of the territorial division and population of Slobidsko-Ukrainian province according to the census 1773. The data of quantity of the territorial units, the population, its the social structure and ethnonational structure by the census 1773 are analyzed. On the basis of the data the author determines that the population of Slobidsko-Ukrainian province was about 700 thousand people, in the province lived mostly viyskovi obyvateli (former Slobadsky Cossack), and the share of the Ukrainian population of Slobidsko-Ukrainian province was about 96–99%.

Key words: territorial device, Slobidsko-Ukrainian province, census, population, social structure, Ukrainian population.

Придя к власти, Екатерина II начала обустройство «хорошо управляемого государства» в духе просвещенного абсолютизма. Одним из главнейших направлений этой политики являлась унификация административной, законодательной, судебной, оборонной и прочих систем государства.

Существовавшие на христианско-мусульманском фронтире украинские административно-военные образования, созданные для борьбы с нашествиями татар, теперь не укладывались в рамки политики Екатерины II. Одним из подобных нерегулярных казацких административно-военных образований были слободские полки, территория которых распространялась на территорию бассейнов рек Псла, Ворсклы, Северского Донца и Дона южнее Белгородской засечной черты, созданной во второй трети XVII в.

Османская империя со второй половины XVIII в. начала ослабевать, что привело к тому, что пограничье начало сдвигаться к югу в сторону Турции. В результате перехода европейских армий в XVIII в. на более прогрессивную систему комплектации войск с использованием рекрутских наборов, потребность в существовании нерегулярных военных подразделений стала отпадать.

Таким образом, слободские казацкие полки оказались больше не нужны правительству. Кроме того, старшина слободских полков превратилась в крупных землевладельцев в крае и постепенно переориентировалась на ведение своего хозяйства. Использование слободских полков в ряде военных кампаний вдали от Слобожанщины приводило, с одной стороны, к упадку хозяйства рядовых казаков, а с другой, – к их нежеланию отбывать военную службу. Комплекс внешних и внутренних причин привел к крайне низкой эффективности слободских полков как военных подразделений, что и предрешило их судьбу.

В 1765 г. по результатам работы комиссии по учреждению слободских полков Е. Щербина слободские казацкие полки были ликвидированы. Вместо них была создана Слободско-Украинская губерния, объединившая все территории бывших полков, центры которых стали центрами провинций новой губернии. Провинции разделялись на комиссарства (уезды). Во главе губернии стал губернатор, провинций – провинциальные воеводы со своими канцеляриями, в низшие административные единицы – комиссарами. Иначе говоря, административно-территориальное деление было унифицировано с общероссийским, хотя в регионе продолжали действовать отличные от рос-

сийских законодательные нормы. В то же время полки в военном отношении были преобразованы на гусарские полки.

Следует заметить, что одним из активных направлений политики Российской империи второй половины XVIII в. являлось исследование истории, культуры, экономики государства исследователями-путешественниками, выполнявшими задания Академии наук. Одним из них был Иоганн-Антон Гильденштедт, который в течение 1770–1774 гг. совершил путешествия по Левобережной, Степной Украине и на Кавказ. В частности, И. Гильденштедт в 1773 г. совершил поездку вдоль бывшей Украинской линии и р. Северский Донец, побывав на юге Слободско-Украинской губернии.

Путешественники посылали запросы в губернские канцелярии с просьбой дать им информацию о том крае, через который они проезжали. В частности о подобной практике упоминает Д. Багалей в предисловии к изданию путевых записок И.-А. Гильденштедта, касающихся Слободской Украины¹. В первую очередь, это были списки населенных мест с указанием численности, социального и этнического состава населения. Одним из подобных документов, составленных Слободско-Украинской губернской канцелярией, является «Ведомость о провинциях и комиссарствах Слободско-Украинской губернии и состоящих в них местечках, селах, деревнях и находящихся в оных жителей мужеска и женска пола с подразделением на сословия», датированный 1773 г., хотя данные по Мерефянскому комиссарству Харьковской провинции Слободско-Украинской губернии относятся к 1774 г.². Вероятно, данные были собраны в конце 1773 г., но по неизвестной причине Мерефянское комиссарство предоставило их только в начале 1774 г. Ведомость представляет из себя список населенных мест с указанием численности социальных групп населения в каждом поселении.

Данные этой переписи интересны по нескольким причинам. Во-первых, это единственный известный доступный широкому кругу исследователей список населенных мест Слободско-Украинской губернии в течение 1765–1780 гг. и единственный источник для определения границ Острогожской провинции (полка). Во-вторых, данные этой переписи достаточно полно отражают социальную структуру населения губернии в переходный этап к полной ее унификации с общероссийской, а также известны количественные показатели неподатного населения, которое в дальнейших ревизиях конца XVIII в. не учитывалось. В-третьих, в этом переписи учтено женское население, что позволяет проанализировать половую структуру населения губернии и ее провинций. В-четвертых, перепись дает проанализировать удельный вес отдельных социальных групп в населении губернии, а также этнический состав.

Для анализа демографических данных Харьковской провинции по переписи 1773 г. автором создана база данных в Microsoft Office Excel, в которую были внесены данные численности населения всех поселений провинции. Создание базы данных облегчало то, что составителем переписи была проведена определенная предварительная работа. Во-первых, отдельно выделены все административные единицы. Во-вторых, все население распределено на 33 социальные группы. Можно предположить, что составитель использовал те же названия групп населения, имеющиеся в источнике, поскольку количество этих групп разное во всех провинциях. Единственным недостатком опубликованной переписи является то, что не во всех случаях отмечается владелец населенных пунктов.

Следует заметить, что в своем исследовании мы опираемся на данные авторского подсчета. В то же время насчитывается более 80 погрешностей в переписи 1773 г., которые не влияют на анализ документа. Следовательно, погрешности были допущены при подготовке документа к печати, а также при наборе. К слову, такая же природа ошибок и в опубликованной переписи населения слободских полков 1732 г., которую также публиковал Д. Багалей³.

Как уже отмечалось, в составе Слободско-Украинской губернии было образовано 5 провинций – Харьковская, Ахтырская, Сумская, Изюмская и Острогожская. При этом в историографии бытовало мнение, что провинции делились, в свою очередь, на 6 комиссарств (уездов каждая). Но данные переписи 1773 г. дают совершенно иную картину: Харьковская, Сумская и Острогожская провинции делились на 6 комиссарств, а Ахтырская и Изюмская – только на 5. Всего было образовано 28 комиссарств. Кроме того, в составе Миропольского комиссарства Сумской провинции Слободско-Украинской губернии существовал Краснопольский уезд⁴.

Необходимо отметить, что в течение 1765–1775 гг. проходил ряд изменений территории Слободско-Украинской губернии. Так, в 1765 г. к Новороссийской губернии была причислена сл. Водолага, которую вернули назад в 1774 г., но уже в 1775 г. она с округой вокруг г. Тора была причислена к Азовской губернии⁵.

Инкорпорация Слободской Украины в состав Российской империи после ликвидации автономных казацких полков потребовала решить земельный вопрос, и в 1769 г. на Слобожанщине началось Генеральное межевание, продолжавшиеся до 1780 г. Стоит отметить, что губерния была лишь 2-й по счету после Московской, где проводилось Генеральное межевание⁶. Копии межевых книг позволяют выделить также такое административное образование как стан. Станы – древние российские административные единицы, возникшие в XV в. Известно, что в первой половине XVII в. территория слободских полков входила в состав станов и волостей Белгородского и Воронежского уездов⁷.

Согласно данным межевых книг, в 14 комиссарствах 4-х провинций Слободско-Украинской губернии (всех, кроме Острогожской) существовало 19 станов, в т.ч. в 5 комиссарствах – по 2 стана. Интересным является и то, что Псельский стан фигурирует одновременно в 3-х комиссарствах Сумской провинции. После проведения губернской реформы Екатерины II на Слобожанщине стан исчезает вовсе, причем о нем нет информации, как в Ведомости 1779 г. о населенных пунктах, вошедших в состав новосозданного Харьковского наместничества, так и в межевых книгах Харьковского наместничества 1780-х гг.⁸ Таким образом, можно предположить, что стан 1770-х гг. был, своего рода, административно-почтовой единицей, поскольку стан как полицейская единица в сельской местности появился в Российской империи только в 1837 г.⁸.

Согласно данным Д. Багаля, в Слободско-Украинской губернии существовало 675 населенных пунктов и проживало 652.637 чел.¹⁰, но согласно результатам авторского подсчета, в губернии было 692 поселений, а население составляло 657.794 чел.¹¹ (см. табл. 1).

Табл.1. Количество поселений и численность населения в провинциях Слободско-Украинской губернии по данным Д. Багаля и авторского подсчета переписи 1773 г.¹²

полки	Автор подсчета	Всего	Численность населения по переписи 1773 г.
Харьковский	Д. Багаля	171	125.261
	Автор	171	126.418
Ахтырский	Д. Багаля	88	107.177
	Автор	87	103.980
Сумской	Д. Багаля	165	161.612
	Автор	178	169.912
Изюмский	Д. Багаля	99	116.521
	Автор	102	116.275
Острогожский	Д. Багаля	152	142.066
	Автор	154	141.209
Всего	Д. Багаля	675	652.637
	Автор	692	657.794

Так, из таблицы 1 видно, что в Слободско-Украинской губернии среди всех населенных пунктов больше всего было слобод (217), что составляет почти треть от их общего числа. В то же время, преимущественно мелкие населенные пункты (слободки, хутора и сельца) с населением до 100–200 чел. (174) составляют четверть поселений региона. Городских поселений (городов и местечек) всего 28, или 4% от количества

населенных пунктов губернии, но они по типу постройки, и даже Харьков с его губернским статусом, еще оставались селами.

Следует отметить, что наибольшую численность населения из провинций Слободско-Украинской губернии имеет Сумская, наибольшую плотность населения – Ахтырская, а наименьшую численность населения – Изюмская провинция. Самая густая сеть населенных пунктов существовала в Харьковской провинции. Данная тенденция сохраняется по сравнению с переписью 1732 г., хотя по густоте сети поселений Харьковская провинция к 1773 г. опередила Сумскую. Просматривается и другая важная тенденция в половой структуре населения: мужское население составляет 51% от всего населения.

По сравнению с переписью 1732 г. произошел ряд изменений. Стоит отметить, что перепись 1732 г. учитывала население 4-х полков (Харьковского, Ахтырского, Сумского и Изюмского), т.к. по Острогжскому полку списка населенных мест не найдено. Поэтому динамику изменений мы будем производить в границах 4-х провинций Слободско-Украинской губернии. Так, за 41 год количество населенных пунктов по 4-х провинциям увеличилось на 18 населенных пунктов, причем в Харьковской и Сумской провинциях продолжалась тенденция увеличения численности поселений (38), а в Ахтырской и Изюмской – уменьшения их количества (20). Наибольшее увеличение населенных пунктов произошло в Харьковской провинции (22 поселения), а наибольшее уменьшение – Ахтырской провинции (16 поселений)¹³. Причина этого состоит в том, что, вероятно, происходило переселение людности с хуторов в более крупные населенные пункты, а хутора использовались для сезонных летних хозяйственных работ. Численность мужского населения (женское население до III ревизии 1763 г. не учитывалось) увеличилось на 108.923 чел. или на 41,5%. Среднегодовой природный непрерывный прирост населения составил – 1,3%. Но данный коэффициент не учитывает повышенной смертности населения от чумы, свирепствовавшей на Слободской Украине в 1738–1739 гг., и оттока населения на Дон и в Южную Украину. Если взять во внимание, что от чумы умерло 20–25 тыс. чел., а переселилось 10–15 тыс. чел. мужского пола, то коэффициент ежегодного природного непрерывного прироста населения составит 1,5–1,65%.

Табл.2. Численность населения социальных групп в провинциях Слободско-Украинской губернии по данным авторского подсчета переписи 1773 г.¹⁴

Социальные группы населения	провинции					По губернии
	Харьковская	Ахтырская	Сумская	Изюмская	Острогжская	
Воинских чинов	2.007	1.453	1.362	2.634	2.5008	9.964
Казацкой старшины	422	416	369	1.486	363	3.056
Духовенства	1.767	1.876	2.635	365	1.097	7.740
Иностранцев	487	567	361	139	689	2.243
Купцов	214	44	82	94	341	775
Росіян	392	–	528	285	357	1.562
Одноворцов	3.329	79		84		3.492
Войсковых обывателей	65.780	66.010	83.339	74.019	105.160	394.308
Подданных украинцев	51.454	33.380	80.501	37.131	29.882	232.348
Крестьян	566	–	692	176	738	2.172
Нищих при богадільнях и незаконорожденных	–	–	43	17	74	134
По провинциям	126.418	103.825	169.912	116.430	141.209	657.794

Социальная структура населения не претерпела в основном юридических изменений в статусе определенных групп. Так, удельный вес войсковых обывателей по данным переписи 1773 г. (см. табл. 2) составлял 60%, а крестьян – 36,2%. Удельный вес духовенства и привилегированного населения был 1,2 и 2% соответственно.

Следует отметить, что процентное отношение соответствующих социальных групп за 40 лет не изменилось: так, удельный вес войсковых обывателей по провинциям/бывшим полкам остался практически на том самом уровне (54–56%), что позволяет предположить, что к середине XVIII в. в целом сложилась социальная структура населения Слободской Украины. Процентное соотношение других социальных групп населения в соотносимых границах – подданных крестьян и духовенства в 4-х провинциях к 1773 г. по сравнению с 1732 г. также не изменилось – 40,2%.

Наконец, перепись является важным источником по определению этнического состава региона. В состав казацкой старшины и войсковых обывателей интегрировалась некоторая часть представителей других народов, но под воздействием украинского окружения, они переняли язык, культуру, обычаи. Определенные трудности возникают при определении этнической принадлежности военных и статских чиновников, поскольку среди них находились представители разных народов, в первую очередь, русских и украинцев. Несмотря на это, данные группы мы относим к украинскому населению, т.к. только высшее гражданское и военное командование Слободско-Украинской губернии было преимущественно русскими, а низшее чиновничество набиралось из местного населения.

Табл.3. Численность населения социальных групп в провинциях Слободско-Украинской губернии по данным авторского подсчета переписи 1773 г.¹⁵

Социальные группы населения	провинции					По губернии
	Харьковская	Ахтырская	Сумская	Изюмская	Острогожская	
Воинских чинов	2.007	1.453	1.362	2.634	2.5008	9.964
Казацкой старшины	422	416	369	1.486	363	3.056
Духовенства	1.767	1.876	2.635	365	1.097	7.740
Иностранцев	487	567	361	139	689	2.243
Купцов	214	44	82	94	341	775
Росіян	392	–	528	285	357	1.562
Однودворцев	3.329	79		84		3.492
Войсковых обывателей	65.780	66.010	83.339	74.019	105.160	394.308
Подданных украинцев	51.454	33.380	80.501	37.131	29.882	232.348
Крестьян	566	–	692	176	738	2.172
Нищих при богадельнях и незаконорожденных	–	–	43	17	74	134
По провинциям	126.418	103.825	169.912	116.430	141.209	657.794

Как показывает таблица 3, в этническом плане губерния была мононациональной. Важно отметить и то, что в центральной и северо-восточной ее части губерния имела черезполосный вид: в первом случае существовало ряд русских ареалов, подчиненных Белгородской губернии (Чугуевский, Салтовский и Алешанский уезды), а во втором – Слободско-Украинской губернии подчинялось ряд украинских ареалов в районе гг. Воронежа и Ельца (полностью Урывское комиссарство Острогожской провинции)¹⁶.

Табл.4. Численность и удельный вес украинского населения Слободско-Украинской губернии по данным авторского подсчета переписи 1773 г.¹⁶

провинции	По переписи 1773 г.					
	Украинское население	Великороссиян	Всего иностранцев	Неучастновленные этнической принадлежности	Численность населения по переписи 1773 г.	% украинского населения
Харьковская	121.430	4.501	4.988	–	126.418	96,1
Ахтырская	103.135	123	690	–	103.825	99,3
Сумская	168.206	1.302	1.663	43	169.912	99,3
Изюмская	115.635	639	778	17	116.430	99,3
Острогожская	139.010	1.436	2.125	74	141.209	98,4
Всего	647.416	8.001	10.244	134	657.794	98,4

Таким образом, в 1773 г. в Слободско-Украинской губернии проживала подавляющая часть украинского населения – 98,4%, далее идут русские – 1,6%, а представители других народов – 0,3%. Наконец, по сравнению с 1732 г., можно сказать, что показатели удельного веса украинского населения остались практически без изменений, хотя в трех провинциях удельный вес украинского населения уменьшился на 0,6%, что было связано с увеличением российского населения этих провинций, которое по переписи 1732 г. здесь практически отсутствовало.

Следовательно, активизация политики инкорпорации слободских полков в Российскую империю привела к увеличению российского населения. Природа этого явления состоит в том, что тут со времен русско-турецкой войны 1735–1739 гг. квартировались русские войска, и их командование, а также дворяне активно приобретали на Слободжанщине земли и основывали на них поселения, переселяя крестьян из других регионов России¹⁷. Именно русские крестьяне составляют львиную долю всего русского населения в Слободско-Украинской губернии.

Таким образом, список населенных мест 1773 г. – ценный источник по территориальному делению и демографии Слободско-Украинской губернии в период 1765–1780 гг. Важно подчеркнуть, что в отсутствие известных нам картографических источников, данные переписи позволяют очертить с довольно высокой точностью территорию губернии и бывших слободских полков. Так, было определено, что население губернии по переписи 1773 г. составило 657,8 тыс. чел. При этом среднегодовой прирост населения равнялся 1,4–1,6%.

Большую часть населения составили войсковые обыватели, причем наиболее высоким этот показатель был в Острогожской провинции – почти $\frac{3}{4}$ населения, а наиболее низким – в Сумской провинции – менее половины. При этом, в зависимости от провинции, количество владельческого населения колебалось в пределах 21,7–47,8%. Наконец, Слободская Украина была мононациональным регионом. Больше среди представителей других этносов в губернии проживало русских и цыган.

В целом, новое территориальное устройство унифицировало систему управления с общероссийской, хотя и продолжали действовать законодательные положения – «обычай», основанный на Литовских статутах.

Особенностью демографической картины Слободской Украины этого времени была высокая удельная часть государственных крестьян – войсковых обывателей и одновременно низкая – владельческого населения. Продолжали сохраняться тенденции в распределении населения по провинциям, зафиксированные переписью 1732 г., однако происходило увеличение численности русского населения в результате активной инкорпорации региона империей.

Примечания:

1. Гильденштедт И.А. Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. Харьков, 1892. С. 5.
2. Материалы для колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. // Сборник ХИФО. Т.2. Харьков, 1890. С. 319–396.
3. Петров С.Д. Территориальное деление и численность населения слободских полков по переписи 1732 г. // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Белгород, 2010. С. 297.
4. Петров С.Д. Адміністративно-територіальний поділ північно-західної і центральної частини Слобідщини у 70-х рр. XVIII ст. (в печати).
5. См. детальнее: там же; Петров С. Чисельність населення в Харківській провінції Слобідсько-Української губернії за переписом 1773 р. // Одиссо: актуальні проблеми історії, археології та етнології. Одеса, 2010. Вип.2. С. 95.
6. Цветков М.А. Картографические материалы Генерального межевания // Вопросы географии. Сборник 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 92; ПСЗРИ. XVIII. СПб., 1830. №13293. С. 883–886.
7. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 39, 46.
8. Петров С.Д. Адміністративно-територіальний поділ північно-західної і центральної частини Слобідщини у 70-х рр. XVIII ст. (в печати).
9. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела. К., 1991. С. 137–170.
10. Багалей, Д.И. Очерки из колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 550, 562.
11. Материалы для колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. // Сборник ХИФО. Т.2. Харьков, 1890. С. 319–396.
12. Там же.
13. Там же; Петров С.Д. Территориальное деление и численность населения слободских полков по переписи 1732 г. // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Белгород, 2010. С. 299.
14. Материалы для колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. // Сборник ХИФО. Т.2. Харьков, 1890. С. 319–396.
15. Там же; Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела. К., 1991. С. 137–170.
16. Там же.
17. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слободжанщины XVII–XVIII вв. Х., 1964. С. 155, 157–161.

**БЕЛГОРОДСКОЕ ВИКАРИАТСТВО КУРСКОЙ ЕПАРХИИ (1905-1943 ГГ.):
АСПЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

А.В. Рубаненко, П.Ю. Субботин
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье прослежена история появления викарных епископов во Вселенской Церкви и в Русской Церкви. Указаны предпосылки для развития викариатств в Российской империи. Прослежен процесс учреждения и деятельности Белгородского викариатства Курской епархии.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Курская епархия, Белгородское викариатство.

**BELGOROD BISHOP DISTRICT OF KURSK DIOCESE (1905-1943):
ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT AND OPERATION**

A.V. Rubanenko, P.Yu. Subbotin
Belgorod National Research University

The authors traced the history of the appearance of suffragan bishops in the Universal Church and the Russian Church. They specified conditions for the development of the bishop district in the Russian Empire and examined the process of establishment and operation of the Belgorod bishop district.

Key words: Russian Orthodox Church, Diocese of Kursk, Belgorod bishop district.

Реформирование государственного управления с начала XVIII по начало XX вв. оказало глубокое воздействие на существующие общественные институты, включая Русскую Православную Церковь. Это вынуждало вносить существенные коррективы в принципы административного управления на всех уровнях церковной власти. При этом государство возлагало на Церковь особые надежды по просвещению и пастырскому воспитанию народных масс, видя в том залог социальной стабильности и внутреннего мира в империи. Находясь после секуляризованного XVIII в. в бедственном материальном и забюрократизированном состоянии, Церковь не могла с должной эффективностью отвечать на запросы пореформенной России XIX в. в лице как государства, так и общества. Исправление тяжелого материального положения приходского духовенства, улучшение качества духовного образования, развитие миссионерской и противосектантской деятельности стали важнейшими задачами развития Русской Церкви в конце XIX – начале XX вв. Без повышения общей эффективности епархиального управления и вовлечения широких масс духовенства и мирян во внутрицерковную работу реализация поставленных целей была бесперспективна. В связи с этим, одной из мер по оптимизации епархиального управления стало назначение в помощь епархиальным архиереям епископов-помощников – викариев, с выделением им под управление церковно-административных округов внутри епархий – викариатств.

Должность викария (с лат. *vicarius* – заместитель) известна со времени Константина Великого, разделившего Римскую империю на префектуры, а префектуры – на диоцезы. Помощниками префектов стали викарии, исполнявшие функции префектов во вверенном им диоцезе. Определенными предшественниками церковных викариев были хореепископы IV в., управлявшие отдельными городами и селами в епархии, поставляя по своему усмотрению церковнослужителей и по воле вышестоящего епископа – иереев и диаконов. В том же IV в. институт хореепископов сошел на нет, но и после этого в ряде епархий архиереи поставляли себе помощников с титулами ранее упраздненных епархий – титулярных епископов. В Древней Руси института викарных епископов не существовало, хотя известно, что древнерусские архиереи назначали в качестве своих помощников из среды белого духовенства или бояр т.н. наместников – представителей епископа в наиболее крупных городах епархии.

В 1698 г. патриарх Адриан и Петр I разрешили киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому) иметь своего коадьютора (новолатинск. *coadjutor* – помощник) в связи со слабым здоровьем. В католической церкви коадьютор – заместитель епископа, назначаемый ему в помощники в связи с его физической или психической неспособностью выполнять епископские обязанности. Институт коадьюторства отличается от института викарного заместительства, т.к. назначение и деятельность викария не обязательно обусловлены физическим или психическим состоянием правящего архиерея. К слову сказать, коадьютор ни институционально, ни терминологически не прижился в Русской Церкви, оставшись лишь в лексиконе некоторых церковных историков¹.

Впервые должность викария в Русской Церкви была учреждена в 1708 г. в Новгородской епархии, где викарный епископ получил титул Карельского и Ладожского. На протяжении всего последующего синодального периода институт викарных архиереев утвердился в Русской Церкви. Викарные епископы назначались в помощники митрополитам, членам Святейшего Синода и в особо крупные епархии. С 1865 г. было разрешено открывать викариатства во всех епархиях, где содержание викариев может быть обеспечено за счет местных монастырей². В конце XIX – начале XX вв. викариатства были учреждены на территории большинства епархий Русской Православной Церкви.

На территории Курской епархии в начале XX в. было учреждено два викариатства – в 1905 г. Белгородское и в 1906 г. Рыльское. Причем белгородский епископ в порядке старшинства следовал за курским и значился «первым викарием», в то время как рыльский епископ по старшинству следовал за белгородским и значился «вторым викарием». Порядок старшинства определял порядок замещения епископских кафедр в случае их освобождения. Так, при уходе в 1913 г. на покой белгородского епископа Иоанникия (Ефремова), его место на белгородской кафедре занял рыльский еп. Никодим (Кононов), освободив тем самым рыльскую кафедру, куда был назначен еп. Феофан (Гаврилов). При отстранении в 1917 г. от управления Курской епархией архиеп. Тихона (Василевского), белгородский викарный еп. Никодим вступил во временное

управление всей Курской епархией, после чего передал кафедру еп. Феофану. Кроме порядка замещения освободившихся кафедр принцип старшинства отражался в официальных церковных документах, где все три епископа Курской епархии ставили свои подписи.

В настоящее время в региональной историографии вопросы учреждения и функционирования викариатств Курской епархии не становились объектом отдельного изучения. В разной мере они рассматривались такими исследователями, как А.И. Раздорский, А.Ю. Бунин, А.Н. и Н.Ф. Крупенковы и о. Олег (Кобец)³. В то же время, существовавшая накануне революционного 1917 г. церковная инфраструктура на территории Курской епархии представляет практический интерес. Авторами данной статьи главное внимание сосредоточено на Белгородском викариатстве как первом из учрежденных в епархии и старшем по статусу.

Несмотря на упразднение Белгородской епархии в 1799 г. и перевод епископской кафедры в Курск, данное решение Святейшего Синода на протяжении большей части XIX в. оставалось формальным и Белгород *de facto* оставался центром Курской епархии. Причина такого положения дел заключалась в неподготовленности Курска к размещению епархиальных учреждений. Только в 1833 г. был совершен их переезд в Курск, а перевод духовной семинарии состоялся по прошествии еще пятидесяти лет - в 1883 г. В связи с этим к началу XX в. бывший епархиальный статус Белгорода не был забыт.

25 февраля 1905 г. для оптимизации церковного управления в южных уездах Курской епархии было учреждено Белгородское викариатство, архиереем которого 3 июля был поставлен еп. Иоанникий (Ефремов). Главными его задачами стали контроль за качеством духовного образования в церковном округе и противостояние местному сектантству. В 1906-1908 гг. в рамках этих задач была возрождена Белгородская духовная семинария и открыто епархиальное женское училище. В 1911 г. в Белгороде состоялось прославление в лике святых еп. Иоасафа (Горленко), что значительно повысило религиозный статус города. С 1913 г. викарным архиереем Белгорода стал еп. Никодим (Кононов).

На территории Белгорода к моменту учреждения викариатства сохранилась развитая инфраструктура бывшего епархиального центра – архиерейский дом при соборе мужского монастыря, здание древней консистории, здания бывшей духовной семинарии, архиерейская дача под городом, помимо мужского – женский монастырь в самом городе и женский скит в 7-ми верстах севернее. Местопребыванием викарного епископа стал белгородский мужской Свято-Троицкий монастырь, в соборе которого было похоронено несколько епископов древней Белгородской епархии.

В состав учрежденного викариатства вошло пять южных уездов Курской епархии – Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Новооскольский и Суджанский. При этом даже беглого взгляда на карту Курской губернии достаточно, чтобы усомниться в рациональности отнесения к Белгородскому викариатству Суджанского уезда. Последний отделялся от Белгородского уезда территорией Грайворонского и Обоянского уездов, при этом вплотную примыкая как к Курскому, так и к Рыльскому уездам губернии. Вероятно, именно в связи с этим в начале 1920-х гг. границы курских викариатств были пересмотрены, и Суджанский уезд был выведен из состава Белгородского викариатства и передан в состав Рыльского.

В церковно-административном отношении каждый уезд, входящий в викариатство, делился на несколько благочиннических округов, объединявших в среднем 15 приходских церквей и находящихся под руководством «благочинных» - назначаемых епископом доверенных лиц из числа местного духовенства. Обязанностью благочинных был надзор за вверенным им духовенством округа, благоустройством церквей, правильным ведением церковного хозяйства и церковных документов, а также производство денежных сборов с духовенства и разбор спорных дел, не входящих по мало-значимости в ведение епархиального суда. Количество благочиннических округов в уездах было неодинаковым и зависело от территории уезда, его населенности, путей сообщения и количества церквей. Распределение церквей и населения по благочинническим округам основных четырех уездов Белгородского викариатства на начало 1908 г. показано в таблице №1.

Табл.1. Распределение церквей и прихожан по благочинническим округам Белгородского, Грайворонского, Корочанского и Новооскольского уездов Курской губернии (1908 г.)⁴

уезд	округ	церквей	прихожан	Всего
Белгородский	1	16	19466	6 округов, 91 церковь, 90547 прихожан
	2	17	11601	
	3	12	11214	
	4	16	16375	
	5	14	14293	
	6	16	17616	
Грайворонский	1	19	22634	4 округа, 72 церкви, 94580 прихожан
	2	24	35414	
	3	16	24501	
	4	13	12031	
Корочанский	1	10	8139	7 округов, 86 церквей, 88126 прихожан
	2	12	15290	
	3	17	19671	
	4	15	11455	
	5	14	15691	
	6	8	8330	
	7	10	9550	
Новооскольский	1	14	20756	4 округа, 51 церковь, 71043 прихожан
	2	15	23483	
	3	9	12600	
	4	13	14204	

Удаленность от епархиального центра в Курске, успешное развитие викариатства и высокий уровень его клира стали причиной поднятого в 1917 г. на епархиальном съезде духовенства вопроса об образовании самостоятельной Белгородской епархии в рамках существующего викариатства. Инициатива выделения Белгородского викариатства в самостоятельную епархию принадлежала еп. Никодиму и соответствовала намечающимся тенденциям в церковном управлении в рамках всей страны. В ходе работы Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. была озвучена желательность уменьшения границ существующих епархий путем выделения образованных ранее викариатств в самостоятельные епархии. Продиктовано это было стремлением повысить эффективность работы епархиальных архиереев в новых социально-политических условиях, приблизить их к нуждам духовенства и мирян. В окончательном определении Собора говорилось: «Существующие ныне епархии подлежат сокращению в своих пределах. Существующие викариатства, где к тому представляется возможность, постепенно преобразовываются в самостоятельные епархии»⁵.

Епархиальный архиерей Феофан в целом был склонен поддержать инициативу еп. Никодима. На первой сессии Поместного собора 1917-1918 гг. идея образования отдельной Белгородской епархии, высказанная делегатами от Курской епархии и ее южного округа, получила особую поддержку митрополита Тифлисского и Бакинского Платона (Рождественского) – уроженца Новооскольского уезда Курской губернии, а патриарх Тихон заметил, что «пора Белгороду стать самостоятельным»⁶. В то же время несогласованность и непроработанность порядка выхода Белгородского викариатства из состава Курской епархии предопределили провал идеи отделения на чрезвычайном курском епархиальном собрании духовенства и мирян в июне 1918 г., что отразилось на результатах работы отдела высшего церковного управления Поместного собора. В итоговом докладе «Об образовании новых епархий и викариатств» 9 июля 1918 г. был оглашен список викариатств, претендующих на получение статуса самостоятельных епархий в порядке первой очереди. Среди них упомянуто и Белгородское викариатство: «В состав Белгородской епархии должны войти уезды Белгородский, Грайворонский, Суджанский, Корочанский и Ново-Оскольский»⁷. При этом отмечалось: «По поступившим ныне сведениям, на последнем, недавно бывшем Епархиальном Собрании

принято решение не преобразовывать Белгородского викариатства в самостоятельную епархию»⁸.

Несмотря на отрицательное постановление Собора, еп. Никодим не оставил мысли об образовании самостоятельной епархии и, находясь на территории, оккупированной немецко-гайдамацкими войсками, пытался найти осенью 1918 г. финансовую поддержку своему проекту у гражданских властей Украинской Державы. Однако, по возвращении в Белгород из Киева в декабре 1918 г., он был арестован вступившими в город большевиками и расстрелян в начале января 1919 г. Вместе с расстрелом еп. Никодима идея отделения Белгородского викариатства от Курской епархии утратила свою актуальность, а белгородский церковный совет самораспустился.

На протяжении 1920-1930-х гг. Белгородское викариатство несколько раз становилось самостоятельным как в рамках церковных расколов, так и в рамках канонической Церкви. В 1923 г. в границах викариатства (уже без Суджанского уезда) была образована обновленческая Белгородская епархия, просуществовавшая до декабря 1924 г. В 1926 г. на территории четырех уездов викариатства образовалась григорианская Белгородская епархия, просуществовавшая до начала 1930-х гг. С 1933 г. в Белгород был поставлен с правами епархиального (т.е. самостоятельного) архиерея еп. Антоний (Панкеев). С этого момента и по начало Великой Отечественной войны бывшее Белгородское викариатство действовало уже в качестве самостоятельной епархии в рамках канонической Церкви.

Учрежденное в 1905 г. Белгородское викариатство является связующим звеном между упраздненной в 1799 г. и восстановленной в 1995 г. Белгородской епархией. Эта преемственность только усиливается недолгим периодом самостоятельности белгородской епископской кафедрой в 1933-1943 гг.

За недолгие двенадцать лет предреволюционного существования белгородские викарии Иоанникий (Ефремов) и Никодим (Кононов) развернули активную деятельность по развитию местного духовного образования и просвещению населения. В короткие сроки были открыты семинария и женское епархиальное училище, важнейшим событием для всей епархии стало торжество прославления Св. Иоасафа Белгородского в лике святых. В то же время, статистические данные показывают, что в среднем на одну церковь в южных уездах Курской губернии приходилось около 1000 прихожан. При таком соотношении верующих на один причт наладить индивидуальный подход ко всем прихожанам, противостоять распространению сектантства и безбожия было проблематично. В то же время расширение сети церквей наталкивалось на нерешенный к началу XX в. вопрос материального обеспечения церковного клира. Увеличение числа церквей сузило бы границы приходов и как следствие – недостаток церковно- и священнослужителей. Неопределенность государства и священноначалия в этом вопросе тянулась вплоть до революции 1917 г., после чего последствия такой экономии стали для всех очевидны.

Примечания:

1. Доброклонский А.П. *Руководство по истории Русской Церкви*. М., 2009. С. 533.
2. Там же.
3. Бунин А.Ю. *Обновленческий раскол и Курская епархия (1920-е гг.)* // *Пятые Дамьяновские чтения (материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26-28 марта 2008 г., ч. 2)*. Курск, 2008. С. 64; Протоиерей Олег Кобец, Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. *История Белгородской епархии*. Белгород, 2006; Раздорский А.И. *Архиереи Курского края XVII-XX вв.: Крат. биогр. справ.* Курск. 2004.
4. Составлено на основе: *Справочная книга о церквах, приходах и причтах Курской епархии*. За 1908 г. Курск, 1909.
5. *Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск третий. Приложение к «Деяниям» второе*. М., 1918. С. 42.
6. ГАКО. Ф.750. Оп.1. Д.6. Лл. 44-45.
7. *Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг.* Т. 9. Деяния 118-136. М., 2000. С. 179.
8. Там же.

ДЕРЖАВНА РОЗДРІБНА ТОРГІВЛЯ В ХАРКОВІ В РОКИ НЕПУ

І.В.Скубій

Харківський національний університет ім. В.Н.Каразіна

У статті розглядається становлення державної роздрібною торгівлі в Харкові в роки непу. Протягом перших років спостерігалось поступове зростання мережі, але зміна партійного курсу в 1925 р. привела до її згортання і поглинання кооперацією.

Ключові слова: державна роздрібна торгівля, нова економічна політика, Харків.

THE STATE RETAIL TRADE IN KHARKIV IN THE FIRST YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY

I.V. Skubij

Kharkiv National University named after V.N. Karazin

The paper is devoted to the state retail trade in Kharkiv in the years of new economic policy. During the first years there was a gradual increase of network, but the change of party course in 1925 resulted in her rolling up and absorption cooperation.

Key words: state retail trade, new economic policy, Kharkiv.

Визнання лідерами більшовицької партії ключової ролі торгівлі в господарському будівництві прийшло не відразу. На початку непу вони спробували організувати безгрошовий товарообмін між містом і селом, однак ідея виявилася невідповідною до умов часу. Влітку 1921 р. товарообмін перетворився на звичайну купівлю-продаж, торгівлю. *«Ми бачимо, що на чергу стало регулювання торгівлі і грошового обігу; хоч якою далекою від комунізму здається нам галузь торгівлі»*, – констатував В.І. Ленін у жовтні 1921 р¹. Стихийний розвиток торгівлі змусив правлячу партію переглянути свої погляди на цей інститут: від її повного заперечення більшовики перейшли до використання задля реалізації своєї мети. Кожний «крок назад» відбувався в умовах гострої партійної боротьби між прихильниками планових засад економіки та ринкових принципів.

Становлення державної роздрібною торгівлі в Харкові у роки непу проходило в умовах економічної розрухи, успадкованої після громадянської війни, та фінансової нестабільності. Відсутність кваліфікованих торговельних працівників, необхідних знань у сфері торговельного обігу виявилися для радянської влади суттєвими перепонами в оволодінні ринком. Не зважаючи на те, що у Харкові зосереджувалася велика кількість республіканських торговельних установ, оптових у тому числі, державна торгівля на початку непу носила переважно роздрібний характер.

Нижня хронологічна рамка дослідження визнається 1922 р. – початок впровадження нової економічної політики в Україні. Верхня – 1927 р. – обумовлена активним згортанням державної роздрібною торгівлі в Харкові внаслідок припинення діяльності товариства «Ларьок» у результаті зміни партійного курсу.

Джерельну базу даного дослідження складають матеріали Харківського губернського та окружного виконавчих комітетів (відповідно Ф.Р.203 та Ф.Р.845 Державного архіву Харківської області). Для аналізу еволюції державної лінії щодо ключових питань розвитку торгівлі цінними представляються матеріали вищих партійних та господарських органів², а також праці В.І. Леніна³.

Метою даного дослідження є з'ясування, як йшло відновлення державної роздрібною торгівлі в Харкові, як у столиці республіки, та які проблеми виникли на цьому шляху. Ключовим питанням дослідження стало те, чому більшовицька влада відмовилася від концепції розвитку державної роздрібною торгівлі.

Серед багатьох питань неспівської економіки України та Харкова зокрема окреслена тема не виявила особливого інтересу у науковців, хоча помітне місце з-поміж дослідників торгівлі та ринку 1920 – х років займають роботи О.А. Пиріг⁴, В.В. Лантуха⁵. Внутрішня торгівля Української СРР знайшла висвітлення у роботах А.О. Маслова⁶ та В.І. Прилуцького⁷. Однак, вказана тема потребує більш докладного вивчення.

Процес становлення роздрібною торгівлі, яка була найближче до пересічного споживача, у перші роки непу проходив складний етап, особливо у державному секторі, який не мав ні своєї мережі, ні досвіду. Характерною рисою початкового етапу стала відсутність чіткої партійної лінії щодо державної торгівлі взагалі та у баченні, якою во-

на має бути головним чином – оптовою чи роздрібною. Йшла дискусія стосовно всієї системи торгівлі, якою вона має бути, наскільки її можна допускати, як її треба регулювати; певна частина господарських та партійних керівників вважала, що вона має бути лише оптовою. Держава допустила розвиток і роздрібної, і оптової торгівлі, але керівні директиви вищих партійних органів чітко встановили, що державна роздрібна торгівля буде виконувати свої функції лише до того часу, поки кооперативна торгівля здатна буде сама оволодіти ринком. Тобто державна роздрібна торгівля підлягала інтересам розвитку кооперативної торгівлі, що закріплювалося відповідними рішеннями партії і уряду і з перших років непу реалізовувалося в життя.

У той час як державна торгівля тільки-но ставала на ноги, приватні підприємці робили вже перші кроки і успішно налагоджували свою мережу. Перед радянською владою постала задача *«навчитися розуміти комерційні відносини і торгівлю... Питання про торгівлю стали фактично питанням партії, питанням економічного будівництва»*⁸.

4 серпня 1921 р. за РНК УСРР постановою «Про вилучення деяких товарів з обігу на вільному ринку» з вільного продажу і купівлі зникли сіль, гас, нафтопродукти, залізо, мануфактура, папір, медикаменти⁹ У такий спосіб, прибравши їх з вільного товарообігу, держава ввела монополію на ці товари.

Перед владою постала необхідність створення установи, органу, який би займався проведенням курсу партії у галузі роздрібної торгівлі. В УСРР це завдання радянська влада поклала на Українське пайове товариство роздрібної торгівлі «Ларьок». І саме вилучені товари з вільного обігу стали його предметом торгівлі. Так, до асортименту товариства входили у більшій мірі товари широкого вжитку, наприклад, тютюнові вироби, сірники, бакалія¹⁰. Комітет з ліквідації наслідків голоду, Харківський губвиконком, Укрторг¹¹, Укртабактрест¹² були засновниками «Ларька»¹³.

Слабкість державної роздрібної торгівлі виявилася з самого початку реалізації нового курсу. За її допомогою влада передбачала поставити межі розвитку приватного капіталу в сфері торгівлі. Щоб успішно конкурувати на столичному ринку, державна роздрібна торгівля отримувала від влади фінансову підтримку, сприяння у вирішенні багатьох ключових питань. Як, наприклад, за рішенням Харківського губвиконкому по закінченню терміну оренди торгівельні приміщення, зайняті приватними торговцями, передавалися переважно в оренду саме «Ларьку»¹⁴. Тобто, державна роздрібна торгівля зайняла привілейоване становище у господарській системі країни і розвивалася у рамках партійного курсу. Такі методи роботи з розширення мережі державної торгівлі стали нормою того часу. Утім, недоліки торгівельного апарату, невміння вести торгівлю широко обговорювалися не лише в губернських масштабах та на сторінках періодичних видань. Слова В.І.Леніна «Учіться торгувати!» надовго ввійшли у повсякденний вжиток і були настановою кожному працівнику торгівлі як у державних установах, так і в кооперативних. Навесні 1922 р. остаточно стало зрозуміло, що причиною промислової кризи, що охопила країну, є у першу чергу ненормальний і недостатній розвиток торгівлі¹⁵.

Дозволивши товарно-грошові відносини, більшовицька влада не здатна була відразу забезпечити виконання багатьох своїх рішень. В Українській СРР перехід до непу відбувся лише у 1922 р.

Наприкінці 1922 р. правління «Ларька» констатувало, що надзвичайно погано проводиться робота з організації місцевих відділень, у центрі немає дієвого апарату, непродуманий асортимент товарів, відсутня схема послідовності відкриття відділень товариств (центр, губернії, уїзди, села).

Утім, характерною рисою працівників державних магазинів була незадовільна культура торгівлі. Звичною нормою стала відсутність товарів, що користуються найбільшим попитом. Погана робота торгівельного апарату призводила до марнотратства і закупівлі непотрібних споживачам продуктів. Постійні черги стали відлякувати покупців, і вони все частіше зверталися до приватного торговця. У даному випадку, як доречно було зауважено у листі до губвиконкому, *«клієнтами наших ларьків, головним чином, є курці цигарок та споживачі бісквіту, який за даних умов є скоріше делікатесом»*¹⁶. Тобто державна торгівля погано задовольняла потреби споживача.

Одним із найпоширеніших методів у сприянні розвитку державної роздрібної торгівлі було кредитування, яке мало, у першу чергу, класовий характер. Це також

означало, що серед різних закладів торгівлі перевага у наданні кредиту віддавалася державним.

Серед численних проблем державних закладів торгівлі в Харкові у перші роки непу особливо помітними та поширеними стало розкрадання товарів та грошей самими ж працівниками магазинів. Так, під час ревізії 12 ларьків не виявилося жодного, де б не знайшлися означені випадки. Це свідчить про те, що влада не мала надійних кваліфікованих кадрів, які здатні були б вести торгівельну справу.

Беручи до уваги вищезгадані проблеми та недоліки, варто зазначити, що протягом перших років непу становлення державної роздрібно торгівлі проходило дуже повільно. Наприкінці 1923 р. за даними губернського статистичного бюро у Харкові державних закладів роздрібно торгівлі діяло лише 95, кооперативних – 84, приватних – 1352¹⁷. Як бачимо, мережа приватної торгівлі була у 14 разів більшою. Кількість зайнятих у державній роздрібній торгівлі становила 701 особу, у той час як у приватній – 2806¹⁸. До того ж необхідно розуміти, що більшість приватних торгівців працювали на себе, у кожного з них був вагомий стимул у своїй роботі, у той час як у державних закладах працювали наймані працівники, багатьом з яких не було і відомо про тонкощі ведення торгівлі, вони не були зацікавлені в результатах своєї праці.

На розвитку «Ларька» негативно позначилася майже повна відсутність кредитів. Такий недолік у роботі та можливостей самої мережі був і у кооперації. У той же час приватний підприємець кредитував покупців, і завдяки цьому в значній мірі розширював свою мережу та клієнтську базу.

Пройшовши важкий етап організаційного становлення протягом перших років нової економічної політики, державна торгівля вимушена була підпорядкуватися зміні партійної лінії. У квітні 1924 р. постанова пленуму ЦК ВКП(б) «Про внутрішню торгівлю і кооперацію» наголошувала, що «в тих областях, де кооперативна роздрібна торгівля не дістала свого розвитку, можна допустити державну роздрібну торгівлю»¹⁹. У січні 1925 р. відповідно пленум ЦК КП(б) постановив, що «*наша торгівельна політика повинна будуватися у напрямі... обмеження безпосередньої організації держпромисловістю низової торгівлі*»²⁰. Тому з 1925 р. кооперації було надано значення головної форми роздрібно торгівлі. Відповідно кардинально змінюється і політика по відношенню державного роздрібу.

Скорочення мережі державної роздрібно торгівлі негативно відбивалося на задоволенні купівельної спроможності споживачів, звичайних людей, перед якими знову виникла проблема дефіциту багатьох товарів. У 1925 р. до правління Пайового товариства «Ларьок» від мешканців селища Південний, яке незадовго було приєднане до території Харкова, надійшла заява з проханням про збереження тут відділення «Ларька», яку підписало 206 осіб²¹. Лист аргументувався тим, що цей заклад торгівлі, відкритий за ініціативою М.Ф.Можного, дає можливість придбати доброякісні товари за невисоку ціну. Цей випадок показує, що товари державних торгівельних закладів були більш доступними населенню, ніж приватних. У той же час по мірі скорочення державної мережі та витіснення приватного торгівця повільно відбувався процес їхнього заміщення кооперативною, яка виявилася не в змозі повністю охопити ринок. Знову повернувся товарний дефіцит. У цей час з'явилося нове слово «пустелі», що давалося для характеристики тих районів, де не було державної та кооперативної торгівлі, а приватна пішла з ринку.

До вищезгаданих проблем додавалися і фінансове становище державних установ торгівлі, у тому числі й «Ларька», яке залишалося напруженим. Товарне постачання з боку державних промислових підприємств не задовольняло потреб мережі. Намагання врятувати державну роздрібну торгівлю в Харкові, як у всій країні йшли врозріз партійній лінії. 16 серпня 1926 р. вийшла постанова ЦК ВКП(б) «Про взаємовідносини державної промисловості і споживкооперації», де вказувалося, що основним розподільником серед споживачів промислових товарів має бути кооперація²².

Скорочувався державний розподіл та весь апарат державної роздрібно торгівлі. Прикладом нового курсу стала подальша діяльність «Ларька». У 1927 р., заслухавши доповідь його правління, колегія Наркомторгу УСРР постановила повністю згорнути торгівельну діяльність підприємства і ліквідувати всі нерентабельні заклади торгівлі. За рішенням місцевої влади харківська мережа «Ларька» переходила Харківському центральному робітничому кооперативу²³. Як наслідок, у Харкові потреби споживача

обслуговувала тепер лише кооперація та приватний торгівець. Показовими представляються дані про роздрібний обіг різних видів торгівлі в 1926/27 господарському році у Харкові: державна – 39760 тис. крб., кооперативна – 76265 тис. крб., приватна – 77579 тис.крб²⁴

Період нової економічної політики – важливий і досить суперечливий етап в історії Радянської держави, у ньому корінилися протиріччя існування державного регулювання і ринкових відносин. Держава проводила таку політику у галузі торгівлі, у відповідності з якою неспрозвивався лише до тих меж, поки його принципи не приходили у відкрите зіткнення з більшовицьким баченням розвитку країни.

Розвитку державної роздрібно торгівлі заважала не лише зміна партійного лінії, а й суттєві недоліки в її організації. Серед головних із них відзначити, по-перше, відсутність чітко продуманої державної торгівельної політики, по-друге, невміння торгувати, незнання ринку, по-третє, зловживання з боку самих працівників.

Але все таки варто визнати, що найбільш вагомою причиною згорання державної роздрібно торгівлі стала зміна партійного курсу по відношенню до неї. Процес становлення та розвитку державної роздрібно торгівлі проходив суперечливо Більшовицьке керівництво надавало ключову роль у системі товарообігу країни кооперації. Аналізуючи динаміку державної роздрібно торгівлі видно, що в умовах швидкого розвитку кооперативної торгівлі і скорочення приватної торгівлі, державна торгівля практично не розвивала свою роздрібну мережу. За словами В.І.Леніна кооперативна торгівля найбільше відповідала майбутньому устрою «цивілізованих кооператорів». У той же час по мірі збільшення питомої ваги кооперації, завдяки успіхам у придрушенні приватнопідприємницької ініціативи, влада вже не відчувала необхідності у державній торгівлі. Неспрозвивався лише до тих меж, поки не перейшов у зіткнення з партійним курсом. При гострому товарному дефіциті промислових та харчових продуктів зник і сенс торгівлі, яка перетворилася у більшій мірі на простий розподіл.

Примітки:

1. Ленін В.І. VII Московська губпартконференція / Повне зібрання творів. К.: Політвидав України, 1974. Т.44. С. 203.
2. КПРС в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. К.: Політвидав України, 1979. Т.3; Компартия України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. К.: Політвидав України, 1976. Т.1; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М.: Политиздат, 1967. Т.1 1917–1928 годы.
3. Ленін В.І. Повне зібрання творів. К.: Політвидав України, 1974. Т.44; На путях к рыночным отношениям. В.И. Ленин о НЭПе. М.: Политиздат, 1991.
4. Пиріг О.А. Ринок і торгівля України (історичний аспект). К., 1996; Пиріг О.А. НЕП: більшовицька політика імпровізації. К.: Вид-во КНТЕУ, 2001.
5. Лантух В.В. Становление и развитие торговли на Украине в 1921–1932 гг. Х.: Основа, 1992; Лантух В.В. Місце і роль державної роздрібно торгівлі в обслуговуванні населення України в роки непу // Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. пр. Х., 2001. Вип.6. С. 128-133.
6. Маслов А.О. Внутрішня торгівля України в період непу. 1921 – 1929 рр.: автореферат дис. ... канд. екон. наук: 08.01.01. К., 1995.
7. Прилуцький В.І. Розвиток внутрішньої державної торгівлі в УСРР у 1920-ті роки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2005. №14. С. 174-186.
8. Ленін В.І. VII Московська губпартконференція / Повне зібрання творів. К.: Політвидав України, 1974. Т.44. С. 207.
9. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.235. Арк.137.
10. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.990. Арк.4.
11. Укрторг – Українське акціонерне торгівельне товариство.
12. Укртабактрест (рос.) – Український тютюновий трест.
13. Торгово-промышленная Украина. Справочник. 1923/24. Х.: Редиздат УСНХ, 1924. С.232.
14. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.990. Арк.11, 27.
15. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.640. Арк.18.
16. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.990. Арк.30, 31.
17. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.1118. Арк.100, зв.
18. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.1. Спр.1118. Арк.102.

19. КПРС в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. К.: Політвидав України, 1979. Т.3. С.30.
20. Компартия України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. К.: Політвидав України, 1976. Т.1. С.316.
21. ДАХО. Ф.Р.203. Оп.2. Спр.70. Арк.101.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М.: Политиздат, 1967. Т.1 1917–1928 годы. С.535–537.
23. ДАХО. Ф.Р. 845. Оп.3. Спр.1740. Арк.2.
24. Современная кооперация и ее проблемы. Сборник статей с предисловием И.Т. Смилги. М.: Изд-во Госплана СССР, 1925. С.65.

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
ПРИГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ ТЕРРИТОРИЙ В 1928-1934 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛГОРОДСКОГО, ОСТРОГОЖСКОГО И
РОССОШАНСКОГО ОКРУГОВ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ)**

М.И. Кучеренко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье на основе статистических и архивных материалов рассматриваются сходные и отличительные черты хозяйственного развития Белгородского, Острогожского и Россошанского округов Центрально-Черноземной области. Многие источники вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Центрально-Черноземная область, Белгородский округ, Острогожский округ, Россошанский округ, политика украинизации, сельскохозяйственный район, отрасли перерабатывающей промышленности.

**ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE AREAS ON THE BORDER
WITH UKRAINE IN 1928-1934 (BASED ON MATERIALS OF BELGOROD,
OSTROGOZHISK AND ROSSOSH DISTRICTS
OF CENTRAL BLACK-SOIL REGION)**

M.I. Kucherenko

Belgorod National Research University

On the basis of statistical and archival materials the author considers similar and distinctive features of economic development of Belgorod, Ostrogozhsk and Rossosh districts of the Central Black-Soil region. Many sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Central Black-Soil Region, Belgorod District, Ostrogozhsk District, Rossosh District, politics of Ukrainization, agricultural area, processing industries.

В настоящее время углубленному изучению социально-экономического развития Белгородского, Острогожского и Россошанского округов Центрально-Черноземной области необходимо придать новый импульс. Проблема особенно актуальна в пограничных областях бывшего СССР, к которым относятся сегодня юго-западные районы Черноземья Российской Федерации. Это обусловлено ее недостаточной научной разработкой на региональном уровне, а также необходимостью проведения исторического анализа развития экономических отношений между РСФСР и УССР и определения дальнейших перспектив их развития.

В 1920-е гг. проблемы экономического и хозяйственного развития ЦЧО освещались в работах экономистов и статистиков, таких как А.Н. Татарчуков¹, В.В. Покшишевский, П.П. Дьяконов², Е.В. Зерновский³. Их труды стали базой для исследователей различных вопросов региональной истории в 60-90-е гг. XX в. Однако, социально-экономическая история отдельных округов ЦЧО не являлась предметом специального научного исследования.

Имеющаяся источниковая база позволяет детально изучить социально-экономическое развитие Белгородского, Острогожского и Россошанского округов ЦЧО. Основой исследования обозначенной проблемы являются опубликованные статистические данные, документы партийно-советских и профсоюзных органов, материалы специализированной периодической печати экономической направленности. Особый

интерес представляет значительный пласт документов региональных архивов⁴, до сих пор не введенных в полной мере в научный оборот.

В результате проведения политики экономического районирования, 14 мая 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «Об образовании Центрально-Черноземной области», а 16 июля 1928 г. ВЦИК утвердил окончательное внутреннее административное деление ЦЧО. Область включила в себя 11 округов и 178 районов⁵. Белгородский, Острогожский и Россошанский округа вошли в состав образованной Центрально-Черноземной области.

Округа являлись административно-экономическими единицами, при образовании которых экономические факторы играли первоочередную роль⁶. Округа, образованные по природным и экономическим признакам, являлись и районами определенной сельскохозяйственной и промышленной специализации⁷.

Белгородский округ был образован на территории Белгородского и Грайворонского уездов и прилегавших к ним отдельных территорий Курского уезда, Скороднянской волости и Больше-Халанской волости Старооскольского уезда⁸. Белгородский округ занимал площадь в 12 600 кв. км.

В Белгородский округ вошло 14 районов: Белгородский, Беловский, Больше-Троицкий, Борисовский, Весело-Лопанский, Грайворонский, Ивнянский, Корочанский, Краснояружский, Прохоровский, Ракитянский, Скороднянский, Томаровский, Шебекинский⁹. Административным центром стал город Белгород.

К 1928 г. в Белгородском округе насчитывалось 919 300 жителей, основную массу которых составляло сельское население – 91,2 %, 6,3 % занимались неземледельческим трудом. Характерной чертой Белгородского округа являлась наивысшая для ЦЧО плотность населения – 79,1 чел. на 1 кв. км¹⁰.

В городе Белгороде проживало сравнительно небольшое количество жителей : 24 тыс. человек¹¹. Других крупных городских центров в округе не было. Однако, ряд населенных пунктов сельского типа, таких как бывшие уездные города Грайворон и Короча и слободы Борисовка и Томаровка в Белгородском округе, насчитывали свыше 10 тыс. жителей каждый.

В южных районах округа преобладало украинское население – 35,4 %.

Необходимо отметить низкое культурное развитие округа. Например, бывшие Белгородский и Грайворонские уезды, из которых образовался Белгородский округ, являлись наиболее отсталыми в культурном отношении районами бывшей Курской губернии¹².

Вместе с тем, с начала 20-х годов началось массовое создание школ ликвидации неграмотности на территории Белгородского округа. Постепенно школы грамоты превращались в школы подготовки кадров начальной квалификации.¹³

Гражданская война подорвала экономику Белгородского уезда. Она привела к сокращению посевных площадей, к убыли рабочего скота, к снижению валовых сборов в сельском хозяйстве. В 1921-1922 гг. урожайность достигла 50 % довоенного уровня. Засуха 1924 г. также затруднила восстановление сельского хозяйства. Полностью погибли яровые посевы. А из-за необеспеченности кормами крестьяне за бесценнок сбывали скот¹⁴.

21 сентября 1925 г. Совнарком принял постановление «О мерах восстановления центрально-черноземных губерний в хозяйственном и культурных отношениях». Оно предусматривало оказание помощи в ЦЧО в течение пятилетия 1925-1930 гг. путем ассигнования денежных средств. Темп развития сельского хозяйства области начал увеличиваться, но отставал от темпа развития хозяйства РСФСР¹⁵.

Характер сельского хозяйства Белгородского округа мало отличался от других частей ЦЧО. И.Д. Лопатин относил Белгородский округ частично к зерновому, частично к зерново-картофельному районам¹⁶. Наибольшее распространение в округе получило культивирование технических культур, из которых на первом месте стояла сахарная свекла. Также следует отметить расширение посевов озимой и яровой пшеницы, свидетельствующавших о прогрессивных процессах полеводства округа.

Характерной особенностью округа являлось развитие растениеводственной продукции специальных отраслей: садоводства и огородничества. Садоводство было сконцентрировано в восточных районах округа, где площадь садов достигала 6 %¹⁷.

К особенностям развития сельского хозяйства округа относятся снижение группы зерновых хлебов и рост группы технических культур и трав. Ценные экспортные хлеба оказались вытесненными техническими культурами и частично восстанавливались за счет серых хлебов¹⁸.

Животноводство в сельском хозяйстве Белгородского округа в целом играло вспомогательную роль. Оно выполняло роль тягловой силы или служило средством удовлетворения потребительских нужд населения.

К моменту создания ЦЧО в 1928 г. восстановление промышленности Белгородского уезда не было завершено и шло медленнее, чем в других районах страны. Но восстановление промышленности округа осуществлялось поступательно, чему способствовал переход к НЭПу. Рос выпуск продукции мукомольной, кожевенной, маслосеменной, сахарной промышленности. Одновременно с процессом восстановления народного хозяйства начали проводиться в жизнь и первые мероприятия по индустриализации¹⁹.

Промышленность Белгородского округа можно разделить на следующие отрасли: мукомольную, сахарную, крахмалопаточную, кирпичную и пивоваренную. Особое значение в округе имело развитие сахарной промышленности, которая была представлена 8 сахарными заводами²⁰.

Белгородский округ являлся центром добычи мела, меловые разработки которого были широко известны за пределами области.

Огромные работы намечалось провести по дальнейшему исследованию и освоению руд Курской магнитной аномалии. В европейской части РСФСР планировалось создать крупнейший металлургический центр, сырьевой базой которого должны были стать железорудные районы Белгородского и Курского округов, а производственной базой – металлургические предприятия Липецка²¹.

К решению этой задачи были привлечены лучшие специалисты и ученые, такие как И.М. Губкин, А.П. Карпинский и др. 7 апреля 1923 г. у деревни Лозовка Щигровского уезда Курской губернии была добыта железная руда. 15 сентября 1924 г. у деревни Салтыкова была добыта руда с содержанием железа в 52%²⁵.

Белгородский округ имел исторически сложившиеся гнезда кустарной промышленности (Томаровка, Борисовка, Алексеевка, Старый город). Всего в нем насчитывалось 16 554 человек-кустарей и более 169 видов кустарных промыслов. Большую часть кустарей составляло крестьянское население (70%)²³. Наибольшее развитие в округе получило кожевенно-сапожное дело, центрами которого являлись Борисовка и Томаровка. Ведущим центром кустарной промышленности являлся бывший Грайворонский уезд²⁴.

Характерной чертой промышленного строительства в Белгородском округе являлось то, что в годы первой пятилетки более половины капиталовложений шло на реконструкцию промышленных предприятий²⁵. Например, на базе бывшей шерстомойки в г. Белгороде в 1929 г. был создан консервный комбинат, были реконструированы машиностроительный завод в Шебекино, маслозавод в Валуйках²⁶.

Особое внимание было уделено возрастанию энергооборуженности промышленности. Установленная мощность электростанций Белгородского округа выросла с 43300 до 92600 кВт, и выработка электроэнергии увеличилась в 2 раза²⁷.

Белгородский округ имел большие торговые перспективы. Город Белгород располагался в узле железнодорожных линий Курск-Харьков и Купянск-Белгород-Брянск. Продукция округа приобретала союзное значение. Мел и известь поставляли в Центральный промышленный район, в Москву, Ленинград, на Урал, в Украину. Сахар, продукцию пищевой промышленности из Белгородского округа вывозили в Москву, Ленинград, Поволжье, на Урал, на Кавказ и в другие районы страны²⁸.

Белгородский округ граничил с востока с Острогожским округом.

В состав Острогожского округа вошли Валуйский и Острогожский уезды и несколько сельсоветов Нижне-Девичьего и Бобровского уездов Воронежской губернии, и южная часть Старооскольского уезда Курской губернии. Территория округа занимала площадь в 17 700 кв. км²⁹.

В административном отношении Острогожский округ был разделен на 16 районов: Алексеевский, Буденновский, Валуйский, Вейделевский, Великомихайловский, Волоконовский, Давыдовский, Каменский, Коротоякский, Лискинский, Никитовский,

Новооскольский, Острогожский, Репьевский, Чернянский, Уразовский. Административным центром стал город Острогожск³⁰.

В Острогожском округе насчитывалось 902 000 человек³¹, из них в Острогожске – 22 тыс. человек³².

В южных районах округа преобладало украинское население - 52,1% украинцев. В связи с этим, проводилась политика украинизации, целью которой было введение украинского языка в общественно-политическую жизнь районов, где преобладало украинское население. Проводилась подготовка работников окружных отделов и учреждений для перехода в данных районах на украинский язык и обеспечения лучшего обслуживания нацменьшинств³³.

Для населения Острогожского округа также был характерен низкий уровень культурного развития.

По преобладающим сельскохозяйственным культурам Острогожский округ являлся центром подсолнечной культуры и маслособойной промышленности.

Зерновое хозяйство Острогожского округа характеризовалось переходом от залежной системы к интенсивному пестрополью. Наибольшее распространение из технических культур получил подсолнух. Вместе с тем, яровая пшеница занимала 20 % посевной площади, что делало округ ведущим в выращивании пшеницы, наряду с соседним Россошанским округом³⁴.

Животноводство в сельском хозяйстве округа в целом также играло вспомогательную роль.

В Острогожском округе, где наибольшее развитие получили подсолнечные культуры, существовало сравнительно развитое маслособойное производство. В округе насчитывалось 17 ценовых и сотни кустарных заводов по производству подсолнечного масла. В Алексеевке работал завод эфирных масел, перерабатывавший анис и кориандр. Большое распространение в округе получила мукомольная промышленность, которая была представлена большим количеством ценовых предприятий. В округе была развита добыча мела в районах Дивногорья и Коротояка, где работали мелоразмольные заводы. Другие отрасли промышленности не получили большого распространения в Острогожском округе. В округе процветала мелкая кустарно-ремесленная промышленность, центрами которой являлись слобода Алексеевка, Уразово и др.³⁵

Острогожский округ также имел большие торговые перспективы. Округ находился на пересечении трех крупных железнодорожных магистралей: Воронеж-Ростов, Харьков-Балашов, Елец-Валуйки. Еще в начале XX века со станций Острогожского уезда вывозилось большое количество муки, крупы, масла, жмыха в северные губернии, в Украину, в Польшу и Германию³⁶.

С востока Острогожский округ граничил с Россошанским.

На территории Россошанского округа было создано 16 районов: Богучарский, Бутурлиновский, Верхнемамонский, Воронцовский, Калачевский, Кантемировский, Лосевский, Михайловский, Калитвянский, Ольховатский, Павловский, Подгоренский, Ровеньской, Россошанский и Петропавловский³⁷. Административным центром являлся город Россошь.

В Россошанском округе проживало 784 тыс. человек, из них – в Россоши проживало 16 034 человек³⁸.

Для Россошанского округа была характерна самая низкая плотность населения в ЦЧО.

Округ был населен по преимуществу украинцами. Так, в бывшем Россошанском уезде украинское население составляло 89,5% и в Богучарском – 72,8%³⁹.

Для населения Россошанского округа также был характерен низкий уровень культурного развития.

Сельское хозяйство округа сохраняло экстенсивный пестропольный характер.

Смежная с Острогожском часть округа находилась в районе распространения подсолнечной культуры. Юго-восточные части округа подвергались частой засухе и требовали ряда мероприятий по улучшению сельскохозяйственных условий района. Наибольший результат здесь принесли попытки внедрения культуры кукурузы.

На территории Россошанского округа было достаточно развито мясное скотоводство.

Промышленность Россошанского округа была развита достаточно слабо. В районе распространения культуры подсолнечника существовали предприятия маслостоловой промышленности: крупный маслостоловый завод и комбинат в Бутурлиновке. В Калаче находился кожевенный завод. Других крупных предприятий на территории округа не существовало⁴⁰.

Около станции Подгорная были обнаружены залежи цементных мергелей, что давало перспективы для развития цементной промышленности.

Кустарная промышленность Россошанского округа была представлена крупными гнездами: Бутурлиновка – кожевенное производство, Воронцовка – деревообрабатывающее производство и др.

Река Дон, пересекающая округ, была мало приспособлена для судоходства. Железнодорожные линии проходили через приграничные районы округа, оставляя его большую часть неохваченной транспортной связью.

Таким образом, социально-экономическое развитие Белгородского, Острогожского и Россошанского округов ЦЧО можно считать типичным для Центрально-Черноземной полосы.

Сходной в развитии этих округов является низкая землеобеспеченность крестьянских хозяйств, высокая плотность населения в Белгородском и Острогожском округах. В южных районах Белгородского и Острогожского округов насчитывалось от 30 до 50% украинского населения, в Россошанском – до 89%, что обусловило проведение политики украинизации. Белгородский и Острогожский округа, расположенные на пересечении железнодорожных линий, имели большие торговые перспективы и вывозили свою продукцию за пределы области. Промышленность этих округов специализировалась на переработке сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем, округа относились к разным сельскохозяйственным районам: Белгородский округ являлся центром культивирования сахарной свеклы, а Острогожский – подсолнечника. Россошанский округ, находившийся в засушливом районе, характеризовался слабым развитием сельского хозяйства.

Ведущей отраслью промышленности в Белгородском округе являлась свеклосахарная промышленность, а в Острогожском – маслостоловая. Промышленность Россошанского округа была развита крайне слабо. В отличие от Острогожского округа, Белгородский округ был богат полезными ископаемыми, и разработка КМА дала большие перспективы для развития металлургической промышленности. Обнаруженные на территории Россошанского округа цементные мергели давали перспективы для развития цементной промышленности. В отличие от Белгородского и Острогожского округов, Россошанский округ был слабо охвачен транспортной связью, что препятствовало развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли округа. Также для Россошанского округа была характерна низкая плотность населения.

Примечания:

1. Татарчуков Л.Н. *Центрально-Черноземная область (экономический очерк)*. Воронеж, 1928.

2. Дьяконов П.П. *Центрально-Черноземная область. Ее организации, территория и окружное деление*. Воронеж, 1928.

3. *Белгородский округ ЦЧО. Характеристика народного хозяйства, культуры и административного строительства (предварительные итоги)* / Под ред. Е.В. Зерновского. Изд-е Окружной Плановой Комиссии. Белгород, 1929.

4. *Главный архив Белгородской области (ГАБО). Центр документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИ БО)*.

5. Загоровский П.В. *Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928-1934*. Воронеж, 1995. С.31.

6. Рутцен А.А. *Хозяйство ЦЧО, №1, 1928*. С.7.

7. Там же. С.8.

8. Там же. С.13.

9. *Белгородский округ ЦЧО. Характеристика народного хозяйства, культуры и административного строительства (предварительные итоги)*... С. 18.

10. *Государственный архив Белгородской Области*. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. Л. 2.

11. Рутцен А.А. *Указ. соч.* С. 13.

12. *Белгородский округ ЦЧО. Характеристика народного хозяйства, культуры и административного строительства (предварительные итоги)*... С. 51.

13. Центральное Черноземье за годы Советской власти. Изд-во Воронежского университета. Воронеж. 1967. С. 32.
14. Центр документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИ БО). Ф.1791. Оп.1. Д.277. Л. 33.
15. Центральное Черноземье за годы Советской власти. Изд-во Воронежского университета. Воронеж. 1967. С. 27.
16. Татарчуков Л.Н. Указ. соч. С. 98.
17. Там же. С. 97.
18. Рутцен А.А. Указ.соч. С.8.
19. Белгородская область. Природа. Промышленность. Сельское хозяйство. Культура. Составители: Н. Кузнецов, К. Новоспасский. Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж, 1974. С. 189.
20. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. Л. 49.
21. Центральное Черноземье за годы Советской власти. Изд-во Воронежского университета. Воронеж. 1967. С. 53.
22. Белгородский край в истории СССР. Воронеж, 1982. С. 97.
23. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. Л. 54.
24. Татарчуков Л.Н. Центрально-Черноземная область (экономический очерк). Воронеж, 1928. С. 98.
25. История индустриализации Центрально-Черноземного района. 1926-1932 гг. под ред. М.П. Кима. Воронеж, 1970. С. 13.
26. Белгородский край в истории СССР... С. 102.
27. Центральное Черноземье за годы Советской власти... С. 30.
28. Белгородский край в истории СССР... С. 103.
29. Рутцен А.А. Указ. соч. С. 20.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. ГАБО. Ф.Р-529. Оп.1. Д.81. Л. 9.
34. Татарчуков Л.Н. Указ. соч. С. 94.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. С. 95.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ХАРЬКОВЩИНЕ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ (1989–2001 ГГ.)

Е.С. Рачков

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Статья посвящена анализу миграционных процессов в Харьковской области в 1989–2001 гг., выявлению их региональных тенденций и истоков современного кризиса воспроизводства народонаселения. За этот период население Харьковщины уменьшилось более чем на четверть миллиона человек. Пятая часть таких демографических потерь связана с течением миграционных процессов. Кроме того, в 1989–2001 гг. миграция населения характеризовалась изменением направленности и интенсивности миграционных потоков, что не было ей присуще в предшествующие годы.

Ключевые слова: миграция населения в Харьковской области, миграционный прирост, миграционные потоки, численность городского и сельского населения.

MIGRATION PROCESSES IN KHARKOV REGION IN THE FIRST DECADE OF INDEPENDENCE OF UKRAINE (1989–2001)

E.S. Rachkov

Kharkov National University named after V.N. Karazin

The given article is devoted to the analysis of migration processes in the Kharkov region in 1989–2001, detection of their regional trends and background of modern crisis of population reproduction. During this period the population of Kharkov region have decreased by more than a quarter of a million people. The fifth part of these demographic losses is associated with the flow of migratory

processes. In addition, in 1989–2001, migration of population was characterized with changes in direction and intensity of migration flows that was not inherent to it in previous years.

Key words: migration of population in the Kharkov region, migration growth, migration flow, urban and rural populations.

Деструктивные процессы в современной демореальности Украины дают основания полагать, что мы стали свидетелями уникального феномена ее демографической истории. Впервые в мирное время в Украине, в частности, на Харьковщине, появились и набирают силу явления, которые раньше обычно имели место в относительно кратковременные периоды общественно-экономических катаклизмов, тяжелых мировых и гражданских войн. На современном этапе социально-демографическая ситуация на Харьковщине характеризуется уменьшением численности населения, деформацией его поло-возрастного и этнодемографического состава, изменениями социально-поселенческой, социально-классовой и профессионально-отраслевой структуры. Все это затрудняет дальнейшее развитие украинского общества и делает насущным ретроспективное исследование указанных процессов и, в частности, миграции как важного фактора изменения основных показателей населения Харьковской области.

В 1989–2001 гг. миграционные процессы происходили в новых географических, правовых и экономических условиях, связанных с обретением Украиной независимости, возникновением новых независимых государств, проведением рыночных реформ, вхождением Украины в международную систему обмена населением. Произошли заметные сдвиги в межрегиональных миграционных процессах «село–город» и «город–село». Такая миграция не влияла на общую численность населения региона, однако имела существенное влияние на изменения численности городского и сельского населения области. Общая межрегиональная миграционная интенсивность в это время увеличивалось в направлении с запада на восток. Существенными были миграционные потоки между соседними областями.

Анализ результатов последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. и первой Всеукраинской переписи населения 2001 г. позволяет проследить особенности миграционных процессов на Харьковщине, выявить основные региональные тенденции миграции населения, определить демографические последствия миграционных и урбанизационных процессов в регионе с 1989 по 2001 г. и истоки современного кризиса воспроизводства народонаселения.

Исследование было проведено по следующим направлениям: общая численность населения, миграция сельского населения Харьковщины в города, миграция городского населения Харьковщины в сельскую местность.

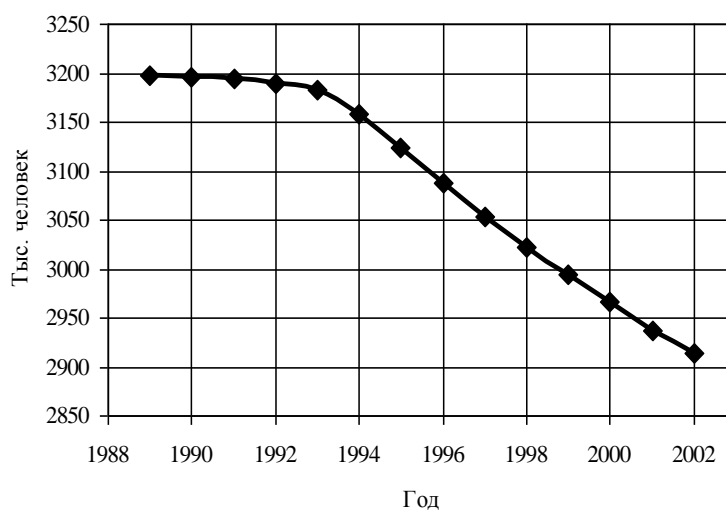
Актуальность исследования данной проблемы также связана с отсутствием в современной украинской историографии обобщающих работ, в которых рассматривались бы миграционные процессы на Харьковщине на протяжении 1989–2001 гг.

Миграционные процессы на территории Украины в течение XX в. обращали на себя внимание многих исследователей. Среди них кроме демографов также были экономисты, социологи, географы, историки и т.д. Однако не все стороны миграционных процессов получили достаточное освещение в отечественной литературе. Роль миграций в трансформации демографического, социального и экономического развития Украины в конце XX – начале XXI в. была рассмотрена в научных трудах Э.М. Либанова, Е.А. Малиновской, Т.П. Петровой, И.М. Прибыткова, А.У. Хомры и др.

Значительный интерес представляет работа В.Н. Скляра¹, в которой на основе статистических материалов переписей населения 1989 и 2001 гг. исследован этнический состав и языковая структура населения Украины. Наряду с этим установлены особенности размещения украинцев и представителей других этнических групп, а также рассмотрен вопрос о роли миграционных процессов в демографическом развитии республики в исследуемый период.

Методологическая основа данной работы – принципы историзма, объективности, многофакторности и системности. Они реализуются посредством как общенаучных, так и специально-исторических, в частности, историко-сравнительного, методов исследования.

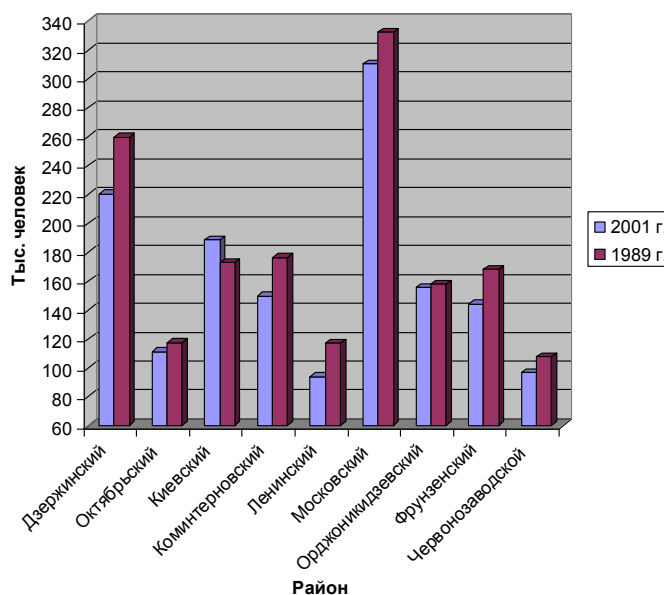
Рис.1. Численность населения Харьковской области за 1989–2002 гг.

1. Общая численность населения. Структурная трансформация экономики государства в 1989–2001 гг. сопровождалась снижением жизненного уровня населения, ростом безработицы и неполной занятостью, деградацией системы бесплатного образования и медицины, отсутствием рынка капиталов и потребительских кредитов. Это негативно влияло на социально-демографическую ситуацию на Харьковщине.

Сокращение общей численности населения Харьковской области проходило главным образом за счет депопуляционных процессов, охвативших почти все регионы Украины, и частично за счет миграционных процессов. На основании анализа статистических материалов переписей 1989 и 2001 гг. можно определить, что численность населения Харьковской области в 1989 г. составляла 3197,2 тыс. человек, в 1990 г. – 3196,6 тыс. человек, в 1991 г. – 3194,8 тыс. человек, 1992 г. – 3188,6 тыс. человек, 1993 г. – 3182,1 тыс. человек, 1994 г. – 3158,2 тыс. человек, 1995 г. – 3123,3 тыс. человек, 1996 г. – 3087,8 тыс. человек, 1997 г. – 3053,9 тыс. человек, 1998 г. – 3022,7 тыс. человек, 1999 г. – 2994,5 тыс. человек, 2000 г. – 2965,9 тыс. человек, 2001 г. – 2937,3 тыс. человек, 2002 г. – 2914,2 тыс. человек. В общем численность населения Харьковщины за 1989 – 2001 гг. сократилась на 255 тыс. человек² (рис. 1).

Рис.2. Размещение наличного населения по районам г. Харькова по данным переписей населения 1989 и 2001 гг.

Подобная тенденция наблюдалась в г. Харькове, где численность населения в 1986 г. составляла 1558,5 тыс. человек, в 1991 г. – 1622,8 тыс. человек, в 1996 г. – 1555,1 тыс. человек, в 1999 г. – 1510,2 тыс. человек, в 2000г. – 1500,4 тыс. человек, в 2001 г. – 1490,2 тыс. человек³ (рис. 2).

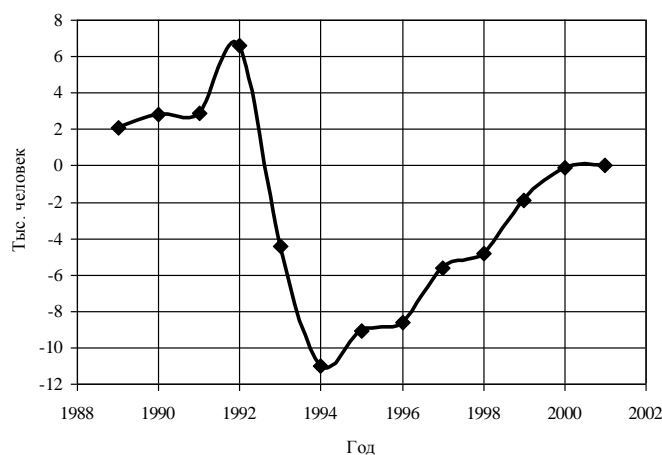
Таким образом, в 1989–2001 гг. на Харьковщине наблюдалось ухудшение социально-демографической ситуации, уменьшение численности населения, деформация его поло-возрастного состава, изменение профессионально-отраслевой структуры. Общая численность населения региона с 1989 по 2001 гг. сократилась на 255 тыс. человек. Главной причиной этих явлений стали кризисные процессы в экономике, вызванные в этот период переходом от административно-плановой к рыночной экономике и непоследовательным ее реформированием. Около 4/5 общего объема ежегодных потерь населения обуславливались превышением численности умерших над числом родившихся, остальные – течением миграционных процессов.

2. Миграция сельского населения Харьковской области в города. В совокупности всех миграционных процессов миграция населения из села в город имеет наибольшее экономическое, социальное, демографическое значение. Главной причиной миграции населения в город в 1989–2001 гг. была его потребность в дополнительной рабочей силе. Другими важными причинами миграции сельского населения в города были социально-экономические и бытовые различия между городом и деревней. Однако объективные факторы, определяющие стремление сельского населения в города, неодинаково влияют на намерения и миграционное поведение отдельных людей. Кроме индивидуальных особенностей людей, большое значение имеют групповые особенности, характерные для представителей определенных социальных групп, или даже определенные свойства, характерные для представителей всего общества в целом. Важной проблемой миграции населения из деревни в город остается заметное влияние сложившихся в течение долгого времени представлений о том, что «хорошо» и «плохо». Хорошо, например, получить городскую профессию и уйти из села. Нельзя сказать, что данное утверждение не соответствует действительности.

В Харьковской области в 1989–2001 гг. свыше половины всех миграций осуществлялось внутри регионов Украины и около трети – между ними. За 1989–2001 гг. произошли заметные сдвиги в миграционном обмене между городом и деревней.

Миграционный прирост наличного населения на Харьковщине с 1989 по 2001 гг. претерпел существенное сокращение. В 1989 г. он составил 2,1 тыс. человек, в 1990 г. – 2,8 тыс. человек, в 1991 г. – 2,9 тыс. человек, в 1992 г. – 6,6 тыс. человек, в 1993 г. – -4,4 тыс. человек, в 1994 г. – -11,0 тыс. человек, в 1995 г. – -9,1 тыс. человек, в 1996 г. – -8,6 тыс. человек, в 1997 г. – -5,6 тыс. человек, в 1998 г. – -4,8 тыс. человек, в 1999 г. – -1,9 тыс. человек, в 2000 г. – -0,1 тыс. человек, а в 2001 г. – 0,0 тыс. человек. То есть показатель миграционного прироста был положительным лишь с 1989 по 1992 годы, а низшего своего показателя достиг в 1994 г.⁴ (рис. 3).

Рис.3. Миграционный прирост численности наличного населения в Харьковской области

В 1985 г. в Харьковскую область прибыло 127,5 тыс. человек, а выбыло – 119,5 тыс. человек. Подобная ситуация в регионе прослеживается и в 1991 г., когда прибыло и выбыло 93,7 тыс. и 82,8 тыс. человек соответственно. Таким образом, можно утверждать о механическом приросте населения в регионе. Однако, начиная с 1993 г. и до 1997 г. включительно, происходило постепенное уменьшение миграционных потоков. Так, в 1993 г. в Харьковскую область прибыло 62,9 тыс. человек, а выбыло 66,4 тыс. человек. В 1997 г. прибыло и выбыло 50,3 тыс. и 55,4 тыс. человек соответственно⁵.

Миграционный прирост городского населения в Харьковской области в исследуемый период соответствовал тенденции к сокращению наличного населения. В 1989 г. миграционный прирост городского населения в Харьковской области составил 5,6 тыс. человек, в 1990 г. – 5,9 тыс. человек, в 1991 г. – 4,0 тыс. человек, в 1992 г. – 2,7 тыс. человек, в 1993 г. – -8,0 тыс. человек, в 1994 г. – -13,0 тыс. человек, в 1995 г. – -13,9 тыс. человек, в 1996 г. – -13,6 тыс. человек, в 1997 г. – -9,5 тыс. человек, в 1998 г. – -7,3 тыс. человек, в 1999 г. – -4,5 тыс. человек, в 2000 г. – -3,4 тыс. человек, в 2001 г. – -3,7 тыс. человек⁶ (рис. 4).

Рис.4. Миграционный прирост численности наличного населения по типу поселений в Харьковской области.

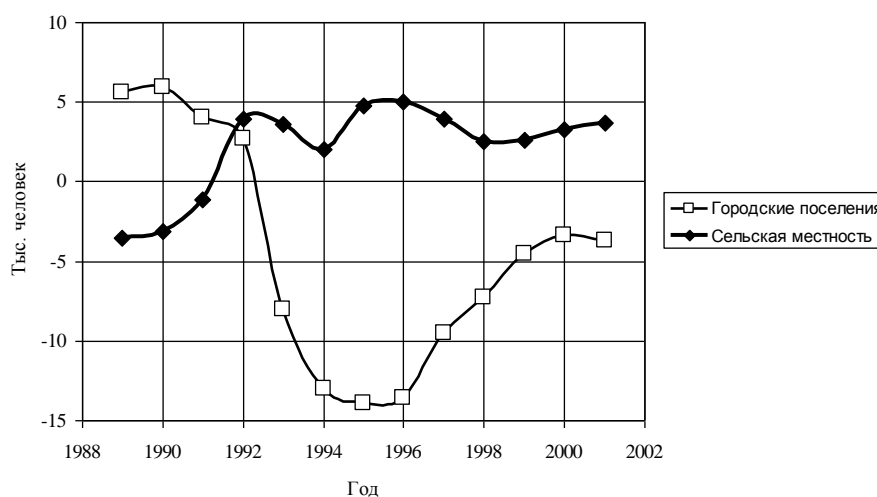
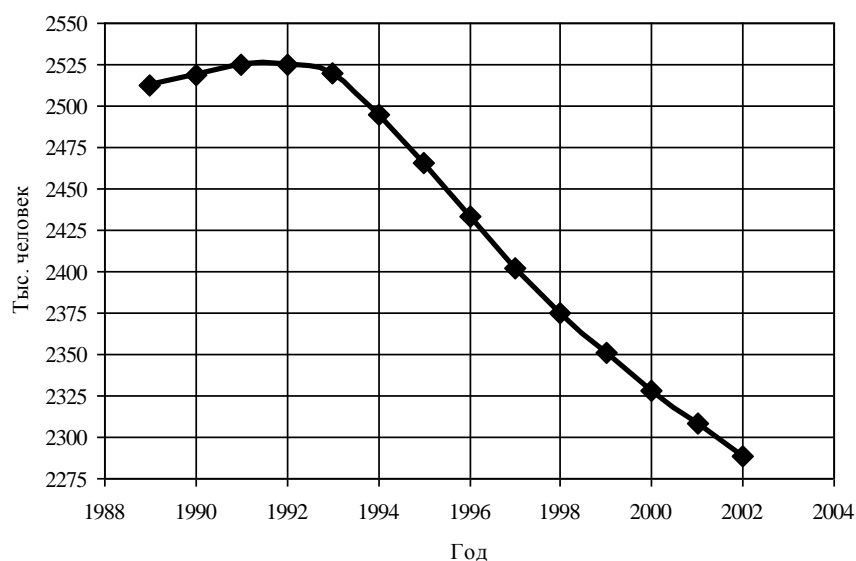

Рис.5. Численность городского населения в Харьковской области (1989–2002 гг.).

Такие тенденции, в свою очередь, влияли на постепенное уменьшение общей численности городского населения в Харьковской области, которая в 1989 г. составила 2513,0 тыс. человек, в 1990 г. – 2518,9 тыс. человек, в 1991 г. – 2524,6 тыс. человек, в 1992 г. – 2524,7 тыс. человек, в 1993 г. – 2520,2 тыс. человек, в 1994 г. – 2495,2 тыс. человек, в 1995 г. – 2465,8 тыс. человек, в 1996 г. – 2433,4 тыс. человек, в 1997 г. – 2402,4 тыс. человек, в 1998 г. – 2374,7 тыс. человек, в 1999 г. – 2351,3 тыс. человек, в 2000 г. – 2328,1 тыс. человек, в 2001 г. – 2308,7 тыс. человек, а в 2002 г. еще уменьшилось до 2288,6 тыс. человек⁷. То есть за 13 лет заметно уменьшилась общая численность городского населения Харьковщины - на 224,4 тыс. человек. Это отвечает общеукраинской тенденции к более интенсивному сокращению городского населения в наиболее урбанизированных районах (рис. 5).

Итак, за исследуемый период миграционный прирост наличного населения на Харьковщине претерпел существенное сокращение. С 1994 г. этот показатель становится отрицательным, и уже в 1994 г. достигает своего максимума в -11,0 тыс. человек. В свою очередь, миграционный прирост городского населения на Харьковщине в 1989–2001 гг. становится отрицательным уже в 1993 г. (-8,0 тыс. человек), а своего максимального значения достигает в 1995 г. (-13,9 тыс. человек).

3. Миграция городского населения Харьковской области в сельскую местность. Миграция крестьян из украинских сел в города началась еще в 20-е гг. и стала доминантой в 90-х гг. Это определило деформацию всех миграционных процессов и структур в украинском селе и стало главной причиной депопуляции в сельской местности. Однако в 80-х гг., еще до распада СССР, наметилась новая тенденция в динамике, структуре и направлениях миграционных волн населения Украины. Изменились направления миграционных волн между городом и деревней. Впервые в послевоенные годы в сельской местности в Украине было зарегистрировано положительное сальдо миграции. Люди возвращались в села не потому, что там были лучшие условия жизни, а потому, что жить в городах становится очень тяжело. Существенные задержки с выплатой заработной платы, проживание по 2–3 семьи в одной квартире заставили представителей старшего поколения вернуться в вымершие родительские дома в селе.

Основными причинами миграции городского населения Харьковщины в сельскую местность в исследуемый период стали структурная перестройка экономики и связанные с ней рост безработицы, процессы разгосударствления собственности и приватизации. Следует отметить, что трансформация экономики в 90-е гг. осуществлялась крайне непоследовательно и бессистемно, что привело к негативным явлениям как в экономической, так и в социальной сферах. В результате значительная часть населения оказалась за чертой бедности. Практическое отсутствие возможности трудоустроиться в городе и улучшить свое экономическое положение стали главными причинами активного развития миграционных потоков в направлении «город–село». Некоторые слои населения перестали считать город стабильным и безопасным местом жительства. Учитывая, что большая часть украинских горожан вышла из крестьян, то неудивительно, что реалии экономического положения страны вынудили многих из них сделать свой выбор в пользу родного села, откуда они или их родители родом, и где зачастую проживали их родственники.

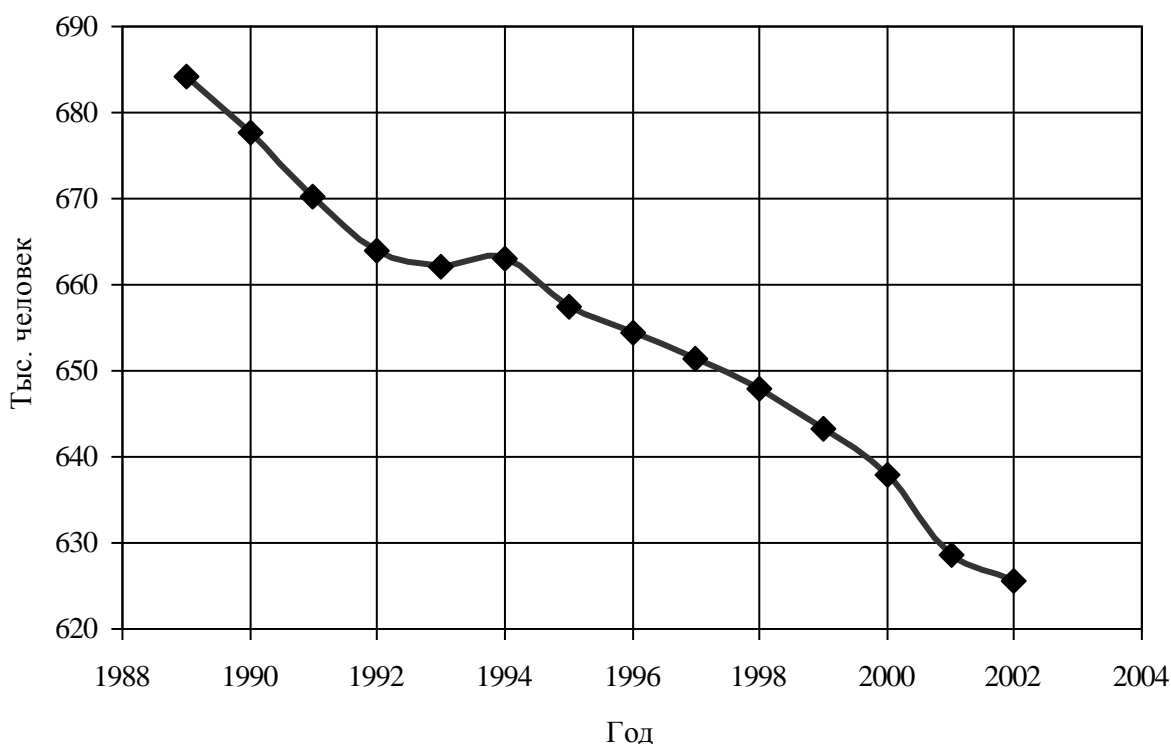
Такой вывод основывается, в частности, на результатах социологических опросов, которые неоднократно проводились украинскими исследователями. Так, И.М. Прибыткова, на основе социологического опроса, который проводился в июле 1992 г. и январе 1993 г., выяснила, что желающих переселиться из городов, поселков городского типа в сельскую местность достаточно много. В июле 1992 г. каждый третий горожанин рассматривал переезд в сельскую местность как возможную перспективу, а в январе 1993 г. о своем желании переехать в село заявил каждый четвертый опрошиваемый. Среди потенциальных мигрантов преобладали молодые люди: две трети из них были до 40 лет, в том числе 37% – до 30 лет.

Уже в 1992 г. на Харьковщине миграционный прирост «город–село» становится положительным и составляет +3,9 тыс. человек (+5,9‰), а в 1996 г. – достигает наивысшего роста за исследуемый период +5,0 тыс. человек (+7,6‰)⁸. В 1989 г. он составил -3,5 тыс. человек, в 1990 г. – -3,1 тыс. человек, в 1991 г. – -1,1 тыс. человек, в 1992 г. – 3,9 тыс. человек, в 1993 г. – 3,6 тыс. человек, в 1994 г. – 2,0 тыс. человек, в 1995 г. –

4,8 тыс. человек, в 1996 г. – 5,0 тыс. человек, в 1997 г. – 3,9 тыс. человек, в 1998 г. – 2,5 тыс. человек, в 1999 г. – 2,6 тыс. человек, в 2000 г. – 3,3 тыс. человек, а в 2001 г. – 3,7 тыс. человек⁹ (рис.4).

Соответственно, это повлияло на изменение общей численности сельского населения Харьковской области. В 1989 г. она составляла 684,2 тыс. человек, в 1990 г. – 677,7 тыс. человек, в 1991 г. – 670,2 тыс. человек, в 1992 г. – 663,9 тыс. человек, в 1993 г. – 662,1 тыс. человек, в 1994 г. – 663,0 тыс. человек, в 1995 г. – 657,5 тыс. человек, в 1996 г. – 654,4 тыс. человек, в 1997 г. – 651,5 тыс. человек, в 1998 г. – 648,0 тыс. человек, в 1999 г. – 643,2 тыс. человек, в 2000 г. – 637,8 тыс. человек, в 2001 г. – 628,6 тыс. человек, а в 2002 г. – 625,6 тыс. человек. Несмотря на формальный показатель уменьшения существующего сельского населения, его доля в общей численности населения, начиная с 1994 г., увеличилась и составила на 2002 г. 21,5%¹⁰ (рис.6).

Рис.6. Численность сельского населения в Харьковской области (1989–2002 гг.).

Таким образом, для миграционных процессов на Харьковщине в межпереписной период (1989–2001 гг.) были характерны изменения направленности и интенсивности миграционных потоков. Массовый отток сельских жителей в города практически прекратился. Вместо этого имела место переориентация миграционных потоков из городских поселений в сельскую местность.

Таким образом, миграция населения на Харьковщине в 1989–2001 гг. значительно повлияла на численность населения региона. Она привела к непосредственному изменению количества людей, повлекла трансформации интенсивности рождаемости и смертности, изменила поло-возрастную структуру населения региона, которая была едва ли не основным фактором динамики численности населения, поскольку определяла величину общих коэффициентов демографических процессов. Всего в течение 1989–2001 гг. численность населения Харьковщины уменьшилась более чем на 255 тыс. человек, а потери в 2002 г. составляли еще примерно 26 тыс. человек. Около 4/5 общего объема ежегодных потерь населения обусловлены превышением численности умерших над числом родившихся, остальные – течением миграционных процессов. При этом численность мужчин в возрасте 25–29 лет сократилась на 6,8%, женщин того же возраста – на 4,9%, мужчин и женщин в возрасте 30–34 года – на 3,7% и 2,1% соответственно. Миграционные процессы способствовали росту численности лиц моложе

20 и старше 70 лет, то есть тех групп, чья экономическая активность является нулевой или невысокой.

Примечания:

1. Скляр, Володимир. *Етномовні процеси в просторовому вимірі України: 1989-2001 рр.* Харків: ЕКСКЛЮЗИВ, 2009.

2. *Ретроспективні перерахунки чисельності населення за 1989-2001 роки на базі даних Всеукраїнського перепису населення 2001 року* / [відп. за вип. Стельмах Л.М.]. К.: Держкомстат України, 2006. С. 39.

3. *Харківська область в 2000 році (статистичний щорічник)*. Харків., 2001. С. 278.

4. *Ретроспективні перерахунки чисельності населення за 1989-2001 роки на базі даних Всеукраїнського перепису населення 2001 року* / [відп. за вип. Стельмах Л.М.]. К. : Держкомстат України, 2006. С. 83.

5. *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць.* Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. Вип.11. С. 103.

6. *Ретроспективні перерахунки чисельності населення за 1989-2001 роки на базі даних Всеукраїнського перепису населення 2001 року* / [відп. за вип. Стельмах Л.М.]. К.: Держкомстат України, 2006. С. 83.

7. Там же. С. 39.

8. Там же. С. 83.

9. Там же.

10. Там же. С. 39.

IV. АРХИВОВЕДЕНИЕ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ИНСТРУКЦИИ ПО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ КАК ОСНОВА РАЗРАБОТКИ НОВЫХ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

А.П. Кисиленко
**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье, на примере документации Управления Судебного департамента в Белгородской области, рассматривается технология анализа действующей инструкции по делопроизводству, что позволяет произвести разработку новой инструкции и привести, тем самым, нормативные документы конкретного органа государственной власти в соответствие с действующими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Ключевые слова: документ, делопроизводство, федеральные органы исполнительной власти, инструкция по делопроизводству, реквизит документа.

ANALYSIS OF ACTING INSTRUCTION ON RECORDS MANAGEMENT AS THE BASIS OF NEW REGULATIONS DEVELOPMENT

A.P. Kisilenko
Belgorod National Research University

The analysis of records management is conducted on the basis of the documents of the Belgorod Region Legal Department. It allows to develop a new instruction and bring the specific public authority regulations into accord with acting legal acts of the Russian Federation.

Key words: document, records, records management, records system, registration.

15 июня 2009 г. Постановлением Правительства Российской Федерации №477 г. «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти», была заменена Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, которая устарела и требовала усовершенствования. Этим же постановлением Федеральному архивному агентству предписывалось разработать и утвердить до 1 января 2010 г. методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти. Данные методические рекомендации были утверждены в назначенный срок, и, тем самым, стали являться методической основой для составления и оформления инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти.

В связи с изменениями в законодательстве, все ныне существующие федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации должны были переработать инструкции по делопроизводству на соответствие новым требованиям к делопроизводству.

В настоящее время в управлении Судебного департамента в Белгородской области порядок составления и оформления документов определяется действующей Инструкцией по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области, разработанной на основании Инструкции по делопроизводству в аппарате Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с учетом Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. №452, и Типовой инструкции по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти¹.

Инструкция по делопроизводству в Управлении определяет систему делопроизводства, устанавливает правила и порядок работы с документами: подготовку, регистрацию, учет и контроль исполнения, определяет общие для всех структурных подразделений Управления требования к документационному обеспечению управленческой деятельности и к организации работы со служебными документами, единый порядок их подготовки и оформления. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области по своему содержанию не соответствует новым правилам и нормам, и подлежит изменению и коррекции. Поскольку положения Правил делопроизводства являются обязательными для всех федеральных

органов исполнительной власти, то необходимо пересмотреть и разработать новую Инструкцию по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области.

Для более точной и качественной работы над Инструкцией по делопроизводству, необходимо детально рассмотреть каждый раздел указанной Инструкции, чтобы выявить нарушения подлежащие исправлению.

Необходимо выделить основные реквизиты служебных документов управления Судебного департамента в Белгородской области, которые используются при оформлении документов, на основании Инструкции по делопроизводству в Управлении:

1. Государственный герб Российской Федерации помещают на бланках Управления, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О государственном гербе Российской Федерации»². Государственный герб Российской Федерации помещают на бланках управления Судебного департамента в Белгородской области лишь в одноцветном варианте, согласно статье 3, Федерального конституционного закона «О государственном гербе Российской Федерации»³.

2. Наименование организации (указывается полно, так как не утверждено сокращенное наименование, в точном соответствии с Положением об управлении Судебного департамента в Белгородской области). Оформление наименования Управления полностью соответствует ГОСТ Р 6.30-2003 и утвержденному положению об Управлении⁴.

3. Реквизит «Справочные данные об организации» управления Судебного департамента в Белгородской области включает в себя почтовый адрес, элементы которого указываются в последовательности, установленной правилами оказания услуг почтовой связи⁵, а также номера телефонов и факса, а при необходимости другие сведения (адрес электронной почты)⁶.

4. Наименование вида документа Управления (приказ, распоряжение, решение, протокол, акт) должно соответствовать компетенции Управления и содержанию документируемого управленческого действия⁷. Наименование вида документа, т.е. слово ПРИКАЗ и РАСПОРЯЖЕНИЕ, принято писать прописными буквами через 2-4 межстрочный интервал после наименования организации⁸. Данное положение из статьи Е. Каменевой, не соответствует действительному оформлению наименования вида документа в Управлении, который оформляется следующим образом: слово ПРИКАЗ и РАСПОРЯЖЕНИЕ пишутся вразрядку через 1 межстрочный интервал после наименования организации.

5. Датой документа в делопроизводстве Управления является дата его подписания или утверждения; для акта - дата события⁹. Дата документа оформляется цифровым или словесно-цифровым способом, что полностью соответствует действующему ГОСТу Р 6.30-2003¹⁰. Элементы даты, обозначенные арабскими цифрами, приводятся в одной строке в следующей последовательности: число, месяц, год (день, месяц - две пары арабских цифр; год - четыре арабских цифры). Например, дату 15 марта 2007 г. следует оформлять: 15.03.2007. В текстах нормативных, распорядительных и финансовых документов даты рекомендуется писать словесно-цифровым способом, например: 15 апреля 2007 г.

6. Регистрационный номер документа Управления состоит из порядного номера, который дополняется индексом Судебного департамента, и индексом структурного подразделения (№ СД - 4/102, где СД - Судебный департамент; 4 – индекс структурного подразделения; 102 – порядковый номер).

7. Ссылка на регистрационный номер и дату документа, включается в том случае, когда на данный документ должен быть дан ответ: На № 134 от 15 марта 2007 г., данное положение полностью соответствует ГОСТ Р 6.30-2003¹¹.

8. Место составления или издания документа, указывается на приказах, распоряжениях, издаваемых в Управлении, с учетом принятого административно-территориального деления. В действующем общероссийском классификаторе объектов административно-территориального деления» ОК 019-95, Москва и Санкт-Петербург приводятся без «г.», т.к. являются не только городами, но и субъектами Российской Федерации¹². Все остальные города в своем наименовании имеют сокращение «г.», а использование наименования города при оформлении реквизита 14 без сокращения «г.» связано с тем, что в примерах оформления документов в качестве места издания

приведена Москва¹³. Реквизит места составления или издания документа в Управлении оформляется неверно, и противоречит Уставу городского округа «ГОРОД БЕЛГОРОД», который гласит: «Городской округ «Город Белгород» является административным центром Белгородской области и самостоятельным муниципальным образованием. Наименование городской округ «Город Белгород» является полным. Сокращенное наименование – г. Белгород»¹⁴. Следовательно оформление данного реквизита неверно. При составлении и оформлении документов Управления, примеры из Инструкции по делопроизводству в Управлении калькируются из Инструкции по делопроизводству в аппарате Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, хотя и ГОСТ и Методические рекомендации по его внедрению и разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти предписывают иные требования к оформлению рассматриваемого реквизита.

9. Гриф ограничения доступа к документу проставляются без кавычек на первом листе документа в правом верхнем углу («Для служебного пользования», «Лично»). Практика, употребления грифа ограничения доступа к документу в делопроизводстве управления Судебного департамента в Белгородской области, сложилась следующим образом: гриф «Для служебного пользования» используется постоянно, так как под данным грифом принимаются документы из управления Федеральной Налоговой службы по Белгородской области. Гриф ограничения доступа к документу «Лично» практически не используется в делопроизводстве Управления.

10. Документы Управления адресуют в организации, их структурные подразделения, должностным или физическим лицам¹⁵. Данный реквизит оформляется верно, и соответствует принятым нормам.

11. Гриф утверждения документа управления Судебного департамента в Белгородской области производится путем проставления грифа утверждения или издания распорядительного документа начальником Управления, его заместителями. Оба способа утверждения имеют одинаковую юридическую силу¹⁶. Гриф утверждения располагается в правом верхнем углу текстового поля (без кавычек). Этот реквизит документа Управления оформляется правильно, нарушения наблюдаются лишь при оформлении инициалов и фамилии, которые согласно ГОСТ Р 6.30-2003 должны быть оформлены отдельно, что не прописано в Инструкции по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области¹⁷.

12. Реквизит резолюция в Управлении служит указанием относительно решения и подготовки решения вопроса, изложенного в документе. В состав резолюции входят следующие элементы: фамилия и инициалы исполнителя (исполнителей), содержание поручения, срок исполнения, подпись руководителя, дата подписания резолюции). Оформляется резолюция в Управлении, как на специальном бланке, так и на отдельном листе с указанием регистрационного номера и даты документа, к которому резолюция относится¹⁸.

13. Отметка о контроле в управлении Судебного департамента в Белгородской области (обозначается штампом «Контроль. Срок исполнения до 23.09.2008 г.» или буквой «К»¹⁹. Данный пункт инструкции противоречит действительности работы отдела, в отделе социально-правовой защиты судей, государственных служащих и делопроизводства используется только штамп «КОНТРОЛЬ» или штамп «СНЯТО С КОНТРОЛЯ», буква «К» не употребляется при постановке документа на контроль.

14. Реквизит «Заголовок к тексту» в Управлении отражает краткое содержание и точно передает смысл документа, грамматически согласовывается с названием документа²⁰. Данный реквизит в управлении Судебного департамента в Белгородской области не проставляется на телеграммах, телефонограммах, извещениях, что полностью соответствует пункту 3.18 ГОСТа Р 6.30-2003²¹. В практике делопроизводства принято печатать заголовок в приказах и распоряжениях без кавычек с прописной буквы и в его конце не ставить точку²². В Инструкции по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области не описано расположение данного реквизита, его оформление, что является значительным минусом для делопроизводства Управления. В Методических рекомендациях по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти говорится, что заголовок к тексту составляется ко всем документам, за исключением документов, имеющих текст неболь-

шого объема (до 4-5 строк). Оформляется под реквизитами бланка, занимает 4-5 строк по 28-30 знаков в строке, располагается продольно и выравнивается по центру²³.

15. Текст документа Управления, составляется на государственном языке Российской Федерации, оформляется в виде связного текста анкеты, таблицы, или в виде соединения этих структур, что соответствует пункту 3.20 ГОСТа Р 6.30-2003 и положению о тексте документа описанному в Методических рекомендациях по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти²⁴.

16. Отметка о наличии приложений в Управлении печатается через один межстрочный интервал ниже текста письма от границы левого поля и включает в себя: краткое наименование прилагаемого документа, количество листов и количество экземпляров²⁵. При наличии нескольких приложений их нумеруют и указывают краткое наименование. Данный реквизит Инструкции по делопроизводству в Управлении содержит в себе противоречие: приложения оформляются без нумерации, как показано на примере, а формулировка пункта об отметке о наличии приложений правильна и соответствует ГОСТ Р 6.30-2003.

17. Реквизит подпись документа, согласно Инструкции по делопроизводству в Управлении располагается после текста и отметки о наличии приложений, печатают от левого поля документа. В состав подписи входят: наименование должности лица, подписавшего документ; личная подпись и ее расшифровка (инициалы, фамилия)²⁶. При подписании документа несколькими должностными лицами их подписи располагают одну под другой в последовательности, соответствующей занимаемым должностям. При подписании документа несколькими должностными лицами, равными по должности, но представляющими разные органы. Реквизит подпись документа, согласно Инструкции по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области исполняется частично правильно, допущены ошибки лишь при оформлении инициалов и фамилии подписывающего документ, которые оформлены без пробела, что не предписано ГОСТ Р 6.30-2003²⁷.

18. Реквизит согласование проекта документа, согласно Инструкции по делопроизводству в управлении Судебного департамента проводится при необходимости оценки обоснованности документа, соответствия его правовым актам и ранее принятым решениям²⁸. Выделяют две формы согласования: внутреннюю и внешнюю. Внутреннее согласование в Управлении Судебного департамента производится путем визирования проекта документа исполнителем, руководителем структурного подразделения, где готовился документ, соисполнителями-руководителями структурных подразделений Управления. Виза включает в себя личную подпись, расшифровку подписи (инициалы, фамилия), дату и означает согласие с содержанием визируемого документа²⁸. Замечания, особые мнения и дополнения к проекту документа излагаются на отдельном листе, при визировании ставится отметка «Замечания прилагаются».

Внешнее согласование документа в управлении Судебного департамента в Белгородской области оформляется грифом согласования. Гриф согласования располагается ниже реквизита «Подпись» на лицевой стороне в левом нижнем поле документа и включает в себя: слово «СОГЛАСОВАНО»; наименование должности лица, с которым согласовывается документ (включая наименование организации), личную подпись, расшифровку подписи и дату согласования или название документа, подтверждающего согласование, его дату и номер. Таким образом, реквизит согласование проекта документа оформляется с допущением некоторых ошибок, т.е. виза согласования при наличии замечаний к проекту документа в Управлении оформляется с нарушением пунктуации: точку, которая стоит в конце реквизита «замечания прилагаются» необходимо убрать, что предписано Методическими рекомендациями по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти²⁹. Также допущены ошибки при оформлении инициалов и фамилии визирующего документ, которые не отделяются друг от друга пробелом, что предписано ГОСТ Р 6.30-2003³⁰.

19. Оттиск печати. Печать является способом подтверждения подлинности подписи должностного лица на документе³¹. Оттиск печати Управления имеет изображение Государственного герба Российской Федерации и ставится на документах, требующих особого удостоверения их подлинности³². Оттиск печати управления Судебного департамента в Белгородской области должен захватывать окончание наименования должности лица, подписавшего документ³³.

В инструкции по делопроизводству в Управлении не описаны правила проставления оттиска печати на документах, что требует дополнений к данному пункту Инструкции. Согласно Методическим рекомендациям по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти оттиск печати ставится на свободном от текста месте, не захватывая личной подписи должностного лица, печать может захватывать часть наименования должности лица, подписавшего документ³⁴.

20. Реквизит отметка о заверении копии, в Инструкции по делопроизводству в Управлении проставляется для заверения соответствия копии документа подлиннику. Оформляется следующим образом: ниже реквизита «Подпись» проставляют заверительную надпись «Верно», должность лица, заверившего копию, личную подпись, расшифровку подписи (инициалы, фамилию), дату заверения³⁵. Данный реквизит Инструкции оформляется верно, и полностью соответствует Методическим рекомендациям по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, в нем допускается ошибка лишь при оформлении инициалов и фамилии.

21. Реквизит отметка об исполнителе отражает сведения о составителе документа, для выяснения возникших вопросов. Отметка об исполнителе включает фамилию, инициалы исполнителя документа и номер его телефона (для писем обязательно)³⁶. Отметка об исполнителе проставляется в левом нижнем углу лицевой или оборотной стороны последнего листа документа (на всех экземплярах). В пункте 21, Инструкции по делопроизводству в Управлении полностью соблюдаются требования ГОСТ Р 6.30-2003, допущена ошибка в отметке об исполнителе, кроме того, рекомендуется указывать код города для облегчения телефонной связи.

22. Отметка об исполнении документа, согласно Инструкции по делопроизводству Управления включает в себя: ссылку на дату и номер документа, свидетельствующего о его исполнении, или при отсутствии такого документа краткие сведения об исполнении; слова «В дело»; номер дела³⁷. Указанная отметка оформляется в нижнем поле на оборотной стороне последнего листа документа. Отметка об исполнении документа и направлении его в дело подписывается и датируется исполнителем документа и руководителем структурного подразделения, в котором исполнен документ. Данный реквизит оформляется верно, учитывая требования Методических рекомендаций по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти.

23. Отметка о поступлении документа в Управлении оформляется с применением регистрационного штампа, который содержит очередной порядковый (входящий) номер, дату поступления и количество листов, проставляется на обороте последнего листа документа в левом нижнем углу³⁸. Реквизит отметка о поступлении документа частично не соответствует положениям ГОСТ Р 6.30-2003, так как ГОСТ 6.30-2003 рекомендует использовать при необходимости часы и минуты при проставлении регистрационного штампа, но в Управлении в регистрационном штампе об отметке о поступлении документа время отсутствует, оно заменено количеством листов в документе.

Таким образом, в управлении Судебного департамента в Белгородской области имеется качественная система подготовки и оформления документов, закрепленная в Инструкции по делопроизводству. Требования отраженные в Инструкции соответствуют ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированная система организационно-распорядительной документации». За исключением реквизитов, которые имеют не точности и не соответствуют действующим Методическим рекомендациям. В целом, Инструкция по делопроизводству в Управлении функционирует, но требует совершенствования.

Примечания:

1. Приказ Начальника управления Судебного департамента в Белгородской области от 22.08.2007 № 68 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области». Белгород, 2007. 1 с.

2. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области. Белгород: Управление Судебного департамента, 2007. п. 3.3.1.

3. Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 №2-ФКЗ «О государственном гербе РФ». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ст. 3.
4. Положение об Управлении Судебного департамента в Белгородской области (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 24.08.2005 № 98). Белгород, 2005. п.1.1.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2005 г. № 222 «Об утверждении Правил оказания услуг телеграфной связи». - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Р.2, п.23.
6. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п.3.3.3.
7. Там же. п.3.3.4
8. Каменева Е. Особенности оформления приказов и распоряжений // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2011. №1. С. 46.
9. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п.3.3.5.
10. ГОСТ Р 6.30-2003 Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М.: Госстандарт, 2003. п. 3.11.
11. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 3.13.
12. Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления: ОК 019-95 (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 31.07.1995 г. № 413; в ред. от 15.12.2009) (коды 01-32 ОКАТО). - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 февраля 1999 г. № 23 «О создании Центральной экспертной комиссии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации». Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» С. 189.
14. Устав городского округа «Город Белгород» (утв. решением Совета депутатов города Белгорода от 29 ноября 2005 г. №19; в ред. решения Совета депутатов города Белгорода от 25.12.2007 г. №602). Белгород, 2007. ст. 2.
15. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.3.10.
16. Там же. п.3.3.11.
17. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 3.16
18. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.3.12.
19. Там же. п. 3.13.
20. Там же. п. 3.14
21. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 3.18.
22. Каменева Е. Особенности оформления приказов и распоряжений... С. 48.
23. Приказ Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 № 76 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти». - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 20; Приказ Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 № 76...
25. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.17.
26. Там же.
27. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 3.22.
28. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.18.
29. Там же.
30. Приказ Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 № 76...
31. ГОСТ Р 6.30-2003. п. 3.22.
32. Приказ Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 № 76...
33. Положение о порядке учета, использования, хранения и уничтожения печатей и штампов в управлении Судебного департамента в Белгородской области (утв. начальником управления Судебного департамента в Белгородской области от 24.01.2006). Белгород, 2006. С. 2.
34. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.19.
35. Приказ Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 № 76...
36. Инструкция по делопроизводству в управлении Судебного департамента в Белгородской области... п. 3.20.
37. Там же. п. 3.21.
38. Там же. п. 3.22.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации;
ВДИ – Вестник древней истории;
ГАБО – Государственный архив Белгородской области;
ГАВО – Государственный архив Воронежской области;
ГАКО – Государственный архив Курской области;
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области;
ДАДО - Державний архів Донецької області;
ДАХО - Державний архів Харківської області;
ДВП РФ – Документы внешней политики Российской Федерации;
ИР НБУВ - Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского;
КБН – Корпус боспорских надписей;
КГУ ГААК – Краевое государственное учреждение «Государственный архив Алтайского края»;
МИА – Материалы истории и археологии;
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры;
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РГИА – Российский государственный исторический архив;
СА – Советская археология;
СЗРИ – Свод законов Российской Империи;
ТКДА – Труды Киевской Духовной академии;
ЦГИАУ - Центральный государственный исторический архив Украины;
ЦДНИ БО- Центр документации новейшей истории Белгородской области;
PLRE - Prosopography of the Later Roman Empire.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Баранов Дмитрий Александрович** – аспирант II года обучения кафедры археологии и древнего мира Воронежского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.П. Медведев.
2. **Бирюков Максим Юрьевич** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин. (maksimbirukov@yandex.ru)
3. **Бодня Алексей Александрович** – студент IV курса исторического факультета Донецкого национального университета.
4. **Богданов Дмитрий Евгеньевич** – студент III курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов (ignorabim@yandex.ru).
5. **Божко Андрей Александрович** – аспирант II года обучения Института археологии Российской академии наук, лаборант камеральной лаборатории исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.А. Сарапулкин (andrbozhko@yandex.ru).
6. **Венцова Марина Игоревна** – аспирант кафедры всемирной истории Донецкого национального университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Л.Г. Шепко.
7. **Гамов Артем Анатольевич** – студент III курса факультета естественных наук, физкультуры и туризма Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Н. рук. канд. ист. наук, доц. С.В. Ярцев (enfchik@mail.ru).
8. **Ганжов Евгений Александрович** – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.Н. Мошкин.
9. **Дегтярев Данил Сергеевич** – аспирант I года обучения кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. Ю.М. Гончаров.
10. **Дубинский Вячеслав Игоревич** – студент IV курса гуманитарного факультета Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б. Хмельницкого. Н. рук. канд. ист. наук А.Ю. Жиряков.
11. **Дюкарев Владимир Александрович** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.А. Семичева.
12. **Зибаев Антон Валерьевич** – студент IV курса Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Н. рук. д.и.н., проф. В.И. Кащеев.
13. **Кисиленко Альбина Павловна** – студентка V курса кафедры документоведения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. А.И. Папков.
14. **Колотушкин Александр Александрович** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. В.С. Кулабухов.
15. **Крупская Светлана Юрьевна** – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Малай.
16. **Кучеренко Марина Игоревна** – студентка IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Е.Ю. Прокофьева.
17. **Кушнарев Сергей Сергеевич** – студент IV курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, проф. В.М. Духопельников.
18. **Лужкова Маргарита Сергеевна** – студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов (marglu1@rambler.ru).
19. **Ляховская Олеся Витальевна** – студентка IV курса исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н.рук. д.и.н., проф. Н.Н. Болгов (Lyahovskaya_1989@mail.ru).
20. **Мещеряков Александр Валерьевич** – студент IV курса исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. Н. рук. д.и.н., проф. С.В. Любичанковский.
21. **Михайлов Дмитрий Сергеевич** – студент IV курса исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. Н. рук. канд. ист. наук., доц. А.В. Беседовская.
22. **Петров Сергей Дмитриевич** – магистрант I года обучения исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. Д.В. Журавлев.
23. **Пчелинов-Образумов Александр Александрович** – аспирант I года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Малай.
24. **Рачков Евгений Сергеевич** – студент III курса исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. канд. ист. наук, доц. М.З. Бердута (e.historian@gmail.com).
25. **Роменский Александр Александрович** – магистрант I года обучения исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д.и.н., проф. С.Б. Сорочан.

26. **Рубаненко Анна Владимировна** – молодой ученый без ученой степени, выпускница исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Независимый исследователь.
27. **Самойлова Елена Николаевна** – аспирант I года обучения кафедры истории России Курского государственного университета. Н. рук. д.и.н., проф. И.М. Плаксин.
28. **Сапогов Александр Сергеевич** – студент IV курса Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Н. рук. д.и.н., проф. В.И. Кашеев.
29. **Семененко Александр Александрович** – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета. Ригведийская религия – политеизм или монотеизм? Н. рук. д.и.н., доц. Л.М. Коротких.
30. **Скубий Ирина Владимировна** – аспирант I года обучения кафедры истории Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Калиниченко.
31. **Слуцкая Юлия Константиновна** – магистрант II курса факультета романно-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.ф.н., проф. И.П. Солодовник.
32. **Субботин Павел Юрьевич** – молодой ученый без ученой степени. Ассистент кафедры документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. Независимый исследователь.
33. **Сучалкин Евгений Александрович** – аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин.
34. **Тавшунский Олег Михайлович** – молодой ученый без ученой степени, Украинская инженерно-педагогическая академия. Н. рук. канд. ист. наук, доц. А.И. Тумаков (olegy@ukrpost.ua).
35. **Титаренко Елена Юрьевна** – студентка III курса исторического факультета Донецкого национального университета. Н. рук. д.и.н., проф. А.В. Бредихин.
36. **Фомичев Николай Николаевич** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. д.и.н., проф. В.В. Малай (n-fo@yandex.ru).
37. **Шаповалова Ирина Владимировна** – магистрант II года обучения исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Н. рук. канд. ист. наук, доц. И.Т. Шатохин (irabelru@yandex.ru).
38. **Эльмуратов Руслан Каримович** - аспирант III года обучения кафедры Истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Н. рук. канд. ист. наук, проф., д.ц.и., магистр богословия Н.Ю. Сухова.
39. **Basra Mohamed** - 4-year BA student Department of Political Science Middle Tennessee State University. S. adv. PhD in Political Science, Associate Professor John Maynor.
40. **Jade Linstead** - 3-year BA student Department of Political Science Middle Tennessee State University. S. adv. PhD in Political Science, Professor Andrei Korobkov.

2011 г.

**Белгородский диалог – 2011.
Проблемы российской и всеобщей истории**

Научное издание

Ответственный редактор: к.и.н. С.Н. Прокопенко.

Сдано в печать: 21.04.2011.